

Оптинское наследие

Преподобный
ИОСИФ
ОПТИНСКИЙ
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ.
НАСТАВЛЕНИЯ.
ПИСЬМА

/1837–1911/

Оптина пустынь
2023

УДК 235.3
ББК 86.372
П72

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р23-)*

П72 **Преподобный Иосиф Оптинский:** Жизнеописание. Наставления. Письма. — Оптиная пустынь, 2023. — 384 с. — (Оптинское наследие).
ISBN 978-5-86594-

УДК 235.3
ББК 86.372

ISBN 978-5-86594-

© Оптиная пустынь —
подготовка текста, 2021
© ИП М.Е. Шкатов — макет,
оформление, 2023

Вступление

Жития святых всегда были самым распространенным и излюбленным чтением на Руси. В крестьянских избах, в великокняжеских палатах и в скромных монашеских кельях читали о подвигах святых подвижников, назидаясь примером их благочестивой и праведной жизни, твердостью веры и силой любви к Спасителю, милосердием и жертвенным служением ближним, с душевным трепетом радовались обилию плодов Святого Духа, которые стяжал святой за годы своей подвижнической жизни, и сами с помощью Божией пытались стать на путь покаяния и исправления своего сердца. Как отмечал Г.П. Федотов в своем известном исследовании «Святые Древней Руси», «в русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути»¹.

В этом смысле очень часто для нашего сердца ближе и понятнее оказываются жития и наставления святых, которые по времени не так далеко отстоят от нас. Поэтому духовное наследие Оптиной пустыни очень востребовано в наше время, ибо содержит ответы на вопросы, которые волнуют наших современников.

Ученик старца Амвросия, его преемник в старческом служении и продолжатель его дел, отец Иосиф за долгие годы монашеской жизни стяжал дары милосердной и всепрощающей любви, кротости и жертвенного служения, молитвы, трезвого рассуждения и врачевания духовных недугов.

¹ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2017. С. 5.

26 июля 1996 года подвижник был прославлен в Соборе Оптинских старцев в лике местночтимых святых. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года состоялось его общецерковное прославление.

В настоящей книге из серии «Оптинское наследие» впервые публикуется жизнеописание старца Иосифа, составленное в 1915 году его духовным сыном Григорием Михайловичем Никольским, а также воспоминания о старце, его наставления, письма, опубликованные при жизни, и избранные письма к разным лицам из книги «Собрания писем оптинского старца Иосифа»², подготовленной в Оптиной пустыни в 2005 году.

«Чадо послушания»

Преподобный оптинский старец Иосиф (1837–1911), ближайший ученик старца Амвросия, по выражению И.М. Концевича, «ближайший не по внешности только, но и по духу, по силе послушания, преданности и любви»³.

За кроткое и смиренное сердце, жертвенное служение своему старцу и духовному наставнику окружающие называли старца Иосифа «чадом послушания»: «...это был истинный послушник, который никогда, ни в каких случаях, ни в важных, ни в мелочных, ни делом, ни словом, ни даже мыслю не противоречил действиям старца»⁴.

Как-то одного афонского старца спросили:

— Почему теперь нет старцев?

На что получили такой ответ:

— Потому что теперь не стало истинных послушников.

Из этого ответа видно, насколько драгоценен в глазах Господа этот великий дар и насколько редко он в полной мере встречается даже среди подвизающихся.

² Собрание писем оптинского старца Иосифа / Сост. Каширина В.В. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2005.

³ Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. (Репр. изд.). С. 296.

⁴ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. С. 46.

По милости Божией старец Иосиф получил этот бесценный дар и укоренил в своем сердце христианскую добродетель, которую святитель Игнатий (Брянчанинов) называл «великой добродетелью, началом всех добродетелей»⁵, которая стяжается большим трудом, ибо требует отречения от своей воли, изменения природы человека и внутреннего преображения.

Старец Иосиф, в миру Иван Ефимович Литовкин, поступил в Оптину пустынь по благому совету старицы Борисовской Тихвинской пустыни⁶ схимонахини Алипии (Сукачевой), которая была духовной матерью его сестры монахини Леониды. В самом начале своего монашеского пути юноша проявил послушание, оставив свое намерение поклониться киевским святыням.

Слова старицы: «Оставь свой Киев и иди в Оптину к старцам» — юноша воспринял как зов Божий и навсегда оставил мирскую жизнь.

1 марта 1861 года Иван Ефимович прибыл в Оптину пустынь и вскоре был определен на жительство в Иоанно-Предтеченский скит обители келейником к старцу Амвросию.

Послушание келейника требует полностью забыть себя, подчинив свою волю старцу, став его добрым и терпеливым помощником. Это послушание старец Иосиф исполнял в течение тридцати лет. И только имеющий опыт подобного жертвенного служения может оценить, сколько духовных сил требует это нелегкое послушание и сколько духовных уроков оно приносит. Недаром по монашеской традиции ученик старца очень часто становится его преемником в старческом служении.

⁵ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты: Судьбы Божии // Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова). Т. II. М., 2001. С. 96.

⁶ Богородице-Тихвинский женский монастырь был основан в 1710 г. Он находился в слободе Борисовке Курской губернии и был одним из крупнейших в епархии (ныне Белгородская обл.). В 1923 г. был закрыт. С 2014 г. началось его восстановление и возрождение монашеской жизни.

В самом начале своего жителства при старце Амвросии из-за множества посетителей молодого послушника стали смущать помыслы о том, чтобы перейти в другой, более пустынный монастырь, отправиться на Афон или в Киев. Из-за ложного смущения он не открыл этот помысел старцу. Но неожиданно услышал голос батюшки Амвросия:

— Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне; оставайся с нами!

Эти слова показывают, насколько важно открывать свое сердце духовнику, чтобы побороть искушения, которые, появившись вначале с небольшое зерно, могут возрасти до могущего древа.

С тех пор послушник Иван стал более внимательно относиться к своей внутренней жизни и к исповеди.

22 февраля 1865 года послушник Иоанн был пострижен в рясофор, 17 июня 1872 года — в монашество с именем Иосиф в честь преподобного Иосифа Песнописца. 9 декабря 1877 года рукоположен во иеродиакона.

«Отец Иосиф все равно, что отец Абросим»

Скит Оптиной пустыни преподобный Варсонофий Оптинский называл «земным раем». В скиту жили по строгому уставу, монахи проводили более уединенную и сосредоточенную жизнь. «По своему внутреннему содержанию, — как отмечал известный церковный историк и постриженник Оптиной пустыни отец Леонид (Кавелин), — устав имел целью: при единодушном жителстве глубочайшее безмолвие, необходимое к очищению внутреннего человека, соединенное при том с внимательным рассматриванием самого себя и постоянною молитвою, которая созидает сердечный мир и возводит дух человеческий, по благодати Божией, выше видимого мира, — соответственно с учением и опытами святых отцов, прославленных в христианской Церкви»⁷.

⁷ Кавелин Л.А. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. СПб.: Тип. Мор. кадет. корпуса, 1847. Ч. 2. С. 38.

Многолетнее жительство при старце в скиту Оптиной пустыни постепенно подготавливало отца Иосифа к старческому служению. Блаженный Пахомий, живший при Оптиной пустыни, очень любил смиренного отца Иосифа и каждый раз, когда с ним встречался, просил у него благословения.

— Отец Пахомий, да я не иеромонах, — улыбнется ему отец Иосиф.

— Удивляюсь, — ответит [блаженный], — отец Иосиф все равно, что отец Абросим⁸.

Как вспоминали современники, старец Иосиф «никогда ничем не выделялся, — тихо, скромно делал свое дело; он был истинным помощником старца, но держал себя так, как будто и не был так высоко поставлен»⁹. С течением времени старец Амвросий стал отправлять своих чад за духовными советами к своему келейнику, при этом замечали, что слова отца Иосифа всегда совпадали со словами старца.

Впоследствии старец Иосиф писал одной настоятельнице о важности воспитания добродетели послушания у насельниц: «Монастырским жителям свобода не дана, и не мешало бы их подчинять послушаниям и отвержению своей воли»¹⁰.

Во иерея отец Иосиф был рукоположен 1 октября 1884 года в Казанской женской общине в Шамордино во время торжественной Литургии по случаю официального учреждения общины, которая была любимым детищем старца Амвросия и которая после кончины ее основателя по преемству стала предметом заботы старца Иосифа.

С 1886 года отец Иосиф начал вести переписку с духовными чадами. Практически все письма были написаны письмоводителями, близкими ему по духу. Старец подписывал каждое письмо, а в некоторых делал краткие приписки, сохранилось только несколько писем-автографов старца.

⁸ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. С. 43.

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Собрание писем оптинского старца Иосифа / Сост. В.В. Каширина. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2005. С. 141. Из письма № 130 к игумении Людмиле от 25 ноября 1908 г.

Избранник Божией Матери

Еще в детские годы про будущего старца Иосифа близкие говорили, что на нем почивает «особая печать благоволения Божия»¹¹.

Дома часто молились, читали акафист Спасителю или Божией Матери. Сердце мальчика сызмальства было открыто миру небесному. В восемь лет он впервые сподобился видения Божией Матери.

Во время игры с товарищами он неожиданно изменился в лице, поднял голову и руки кверху и упал без чувств. Мальчика принесли домой, и когда он пришел в себя, то спросили, что с ним случилось. На что он ответил, что видел на воздухе Царицу.

— Почему же ты думаешь, что видел Царицу? — спросили у него.

— Потому что на Ней была корона с крестиком.

— Ну а почему же ты упал?

— Около Нее было такое солнце... я не знаю, не знаю, как сказать! — добавил он и заплакал.

Как вспоминали его близкие, с тех пор он «совсем изменился, сделался тих, задумчив и стал уклоняться от детских игр, находясь неотлучно при матери; взгляд его кротких глаз сделался еще глубже, и в его детском сердечке загоралась живая вера и любовь к Царице Небесной»¹².

Крепкая вера помогла мальчику пережить потерю близких: в четыре года у него не стало отца, а в одиннадцать — матери. На похоронах матери маленький Иван в сильной скорби обратился к Божией Матери:

— Царица Небесная, что же Ты делаешь? И сестрица ушла в монастырь, и матушку Ты у нас взяла!

У всех свидетелей этих детских слов, растворенных глубокой скорбью и верою, на глазах выступили слезы...

В следующий раз отец Иосиф сподобился посещения Божией Матери в Оптиной пустыни в 1888 году во время

¹¹ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. С. 12.

¹² Там же. С. 12.

сильной болезни. Положение было настолько серьезным, что 14 февраля больной был пострижен в схиму, по нему была прочитана молитва на исход души.

Когда казалось, что надежды на выздоровление совсем не осталось, ему явилась Божия Матерь и укрепила его такими словами:

— Потерпи, любимче мой, немного осталось...

Это чудесное явление описано в житии старца Иосифа. А паломники, приезжающие сегодня в Оптину пустынь, во Владимирском храме обители над ракой с мощами старца Иосифа могут увидеть фреску, на которой изображено явление Божией Матери страждущему болезнию старцу.

После выздоровления отца Иосифа настоятель Оптиной пустыни отец Исаакий (Антимонов) назначил его помощником старца Амвросия, и с тех пор отец Иосиф стал исповедовать. Старец Амвросий был очень рад этому и многим говорил:

— Теперь у нас новый духовник.

Как-то у старца Иосифа спросили, как и давно ли получил он дар молитвы. Батюшка со свойственным ему просто-сердечием ответил:

— Молитва сама учит. Сказано: *даяй молитву молящемуся* (1 Цар. 2, 9), и кто расположен к ней, тот услышит о ней одно слово и уже держится ее...

Протоиерей Павел Левашов, видевший старца Иосифа, озаренного Фаворским светом, сравнивал старца с пламенным серафимом¹³ за его великое смирение и непрестанную сердечную молитву.

Как вспоминал отец Павел, при входе в келью старца «я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высоты, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был

¹³ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. С. 148.

так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости — это отличительные качества старца, — стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного, видения. Наконец, я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться и начал, сказав:

— Батюшка! я великий грешник. <...>

Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным... подобного в видимой природе я не видал. Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия видимо сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи и похвалиться могу только немощами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей»¹⁴.

Недаром в современном акафисте преподобному Иосифу Оптинскому написан такой припев: «Радуйся, Иосифе, Божия Матере любимиче блаженный».

«Ты здесь нужен»

Летом 1890 года, отправляясь в Шамордино, старец Амвросий впервые расстался со своим келейником. Старец Амвросий благословил отца Иосифа перейти в свою келью в хибарке в скиту:

— Тебя я не возьму нынешний раз; тебе нужно здесь оставаться — ты здесь нужен.

4 октября 1891 года, за несколько дней до кончины преподобного Амвросия, отец Иосиф приехал к нему на послед-

¹⁴ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. С. 149–151.

ную исповедь. В день погребения старца 15 октября того же года Калужский епископ Виталий (Иосифов) наградил отца Иосифа набедренником.

Многие духовные чада преподобного Амвросия стали относиться к отцу Иосифу как к старцу. Сомневающиеся ясно слышали голос покойного старца: «Держись отца Иосифа — это будет великий светильник»¹⁵.

После кончины старца Амвросия отец Иосиф был утвержден духовником Шамординской обители, во время Петровского и Успенского постов ездил туда, но никогда не оставался на ночлег. Как отмечено в жизнеописании старца, «дух старца Амвросия и Макария воскрес в лице отца Иосифа, хотя последний, конечно, имел и свои индивидуальные свойства; но он во всех своих взглядах, поступках и решениях был так проникнут духом своего великого учителя, что действительно становился как бы его отражением. И это-то именно и было дорого в нем, особенно первое время»¹⁶.

Отец Иосиф принимал посетителей в скиту в той же келье, что и его великий наставник. У изголовья кровати стоял большой портрет преподобного Амвросия. Старец Иосиф «по смирению и по своей любви к старцу Амвросию, никогда ничего не говорил от себя, а всегда ссылался на пример из жизни своего наставника»¹⁷.

С 8 часов утра начинался прием посетителей; после трапезы был небольшой отдых; с 14 до 20 часов опять был прием, который часто затягивался. Летом после обеда старец выходил в лес и там занимался с посетителями или рассказывал что-либо назидательное. Принимал всех без различия, всегда отвечал на вопросы, но сам никогда не предлагал вопросов. «Его краткие ответы и сжатые наставления были сильнее и действительнее самых обстоятельных и продолжительных бесед. Он умел в двух-трех словах сказать так много, что сразу становилось все ясным и понятным. Самые убедительные доводы самолюбия и горделивого

¹⁵ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 67.

самооправдания разбивались вдребезги от одного его слова: “Ну, что ж, надо потерпеть”. Своим смирением он смирял самые бурные сердца; от него веяло всегда такой небесной тишиной, что в его присутствии самые неуступчивые, гордые и строптивые совершенно изменялись»¹⁸.

Протоиерей Иосиф Фудель отмечал основные черты старца Иосифа как духовника: «...кто хоть раз побывал в его келье, посмотрел в его дивные по особенному выражению глаза, услышал его тихий, тихий голос, видел его радостную улыбку, не сходившую никогда с изможденного лица, тот уносил с собою то непередаваемое ощущение особенной благодати, которое переживать можно только в Оптиной. Отец Иосиф весь был олицетворением кротости и смирения: достаточно было посмотреть на него, чтобы увидеть, как в зеркале, свой лик, искаженный буйным мирским нетерпением и гордостью, и устыдиться себя. Но что особенно покоряло в отце Иосифе — это его безграничная любовь, покрывавшая собою всякую человеческую немощь»¹⁹.

В конце 1893 года в связи с предсмертной болезнью отца Анатолия (Зерцалова) братским духовником Оптиной пустыни по представлению настоятеля и по общему желанию братии стал отец Иосиф. После смерти отца Анатолия отец Иосиф 19 марта 1894 года был утвержден в должности скитоначальника и братского духовника. В 1899 году по его инициативе было запрещено единственное в году посещение скита женщинами 7 сентября, в день памяти старца Макария. Сомневающимся он объяснил, что это было желание старца Амвросия и Самой Царицы Небесной.

Свидетельством деятельной любви старца Иосифа к своему духовному наставнику стало его сотрудничество с духовным журналом «Душеполезное чтение», в который отец Иосиф отправлял для публикации письма старца Амвросия.

¹⁸ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993. С. 75.

¹⁹ *Фудель И., прот.* Памяти старца отца Иосифа // Московские ведомости. 1911. № 120. С. 2.

Во время предсмертной болезни оптинского настоятеля архимандрита Досифея (Силаева) братия монастыря выражала желание, чтобы отец Иосиф занял настоятельскую должность, однако он из-за болезни и по смирению уклонился от предложения. В последние годы жизни старец стал заметно слабеть. В октябре 1910 года граф Л.Н. Толстой ушел из Ясной Поляны, прибыл в Оптину пустынь и собирался встретиться со старцем Иосифом, которого знал. 4 ноября того же года по распоряжению Святейшего Синода старец Иосиф должен был отправиться на станцию Астапово к умирающему Л.Н. Толстому для духовной беседы в целях примирения с Церковью. Старец отвечал, что болен, но за послушание готов ехать. Однако после консультации с Синодом к писателю был отправлен преподобный Варсонофий (Плиханков).

Старец Иосиф почил о Господе 9 мая 1911 года, 12 мая был погребен рядом с могилами своих великих предшественников — старцев Макария и Амвросия.

Жизнеописание старца Иосифа

Краткие жизнеописания и статьи о старце Иосифе были составлены его учениками и духовными чадами. В год кончины старца было опубликовано сразу три издания. «Из жизни оптинского старца иеросхимонаха Иосифа: убогая лепта духовного сына памяти незабвенного отца»²⁰, в котором автор стремился рассказать о духовном облике старца и таким образом почтить «память того, чьими милостями и поддержкою»²¹ он постоянно пользовался.

Владимир Алексеевич Воронцов-Вельяминов (1869–1930), троюродный племянник матушки Софии (Болотовой), первой настоятельницы Шамординской пустыни, составил небольшую брошюру «Иеросхимонах Иосиф, старец Оптиной пустыни»²². В том же году вышел обширный «Очерк

²⁰ Из жизни оптинского старца иеросхимонаха Иосифа: убогая лепта духовного сына памяти незабвенного отца. М.: Син. тип., 1911.

²¹ Там же. С. 4.

²² В<оронцов>-В<ельяминов В.А.> Иеросхимонах Иосиф, старец Оптиной пустыни.

жизни старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Иосифа»²³, составленный послушницей Екатериной Алексеевной Лебедевой, заведующей типографией Шамординской пустыни. В предисловии подчеркивалось, что, издавая этот очерк, «Казанская Амвросиевская женская пустынь имела своею целию, с одной стороны, выразить этим свою глубокую признательность и любовь к почившему наставнику, а с другой, дать на первых порах хотя небольшое утешение всем духовным детям и почитателям старца Иосифа»²⁴, а также выражалась надежда на то, что в скором времени в Оптиной пустыни будет подготовлено «обстоятельное» жизнеописание старца. В следующем году жизнеописание старца Иосифа, составленное м. Екатериной (Лебедевой), в сокращенной редакции вышло в «Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков»²⁵.

В 1915 году Г.М. Никольский успешно защитил в МДА кандидатское сочинение на тему «Оптинский старец Иосиф: (Его жизнь и нравственный облик)»²⁶, с которым читатель может познакомиться на страницах настоящей книги.

20 июня 1916 года на заседании собора старшей братии Оптиной пустыни (журнал № 483) иеромонаху Моисею (Доброхотову) согласно его собственной просьбе было поручено начать сбор материалов для жизнеописания старца Иосифа²⁷. Работа над подготовкой к изданию писем старца была также начата сразу после его кончины, на это указывают сохранившиеся рукописи с многочисленными редакторскими

²³ <Екатерина (Лебедева), посл.> Очерк жизни старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Иосифа. Изд. Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1911.

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ <Екатерина (Лебедева), мон.> Оптинский старец иеросхимонах Иосиф // <Никодим (Кононов), архим.> Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Том доп. Ч. I. М., 1912. С. 686–758. Архим. Никодим указывает на автора как на монахиню, в послужных списках Шамординской пустыни за 1916 г. м. Екатерина значится указной послушницей. См.: ГАКО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2446.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 172. К. 319. Ед. хр. 13.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 213. К. 3. Ед. хр. 26. Л. 47–47 об.

пометами, а также проводившаяся работа по сбору и систематизации писем. Однако до 1917 года полное жизнеописание старца Иосифа и собрание его писем так и не были изданы.

Жизнеописание старца Иосифа, составленное м. Екатериной (Лебедевой), стало наиболее переиздаваемой книгой. В 1962 году в Джорданвилле в Типографии преподобного Иова Почаевского был переиздан «Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иосифа»²⁸. В 1978 году в Калифорнии издательство Братства преподобного Германа Аляскинского в серии «Оптинская агиография» в проекте «Новые отцы российские. Серии агиографических монографий. Приношение современному Православию» также выпустило переиздание жизнеописания. В предисловии И.М. Концевича²⁹ было отмечено, что в эмиграции подобные издания позволяли сохранить живую традицию Православия и духовности, укрепляли веру и вселяли надежду на возрождение церковной жизни в России: «Мы живем теперь в иной обстановке, под влиянием иной культуры. И почти все мы даже понятия не имеем о необыкновенном духовном богатстве и величии нашей православной культуры. И вот, читая такие книги, как житие старца Иосифа, переносишься в ту эпоху, реально соприкасаешься с тем миром и начинаешь понимать и ощущать его смысл и великое значение. Пред тобою открываются законы духовной жизни и великое призвание человека к бесконечной жизни и бесконечному совершенствованию. И это житие переносит нас с ощутительной реальностью в дивную Оптину, этот земной рай, где в полной силе возродилось древнее подвижничество со всеми благодатными его дарами чудотворения, прозорливости и величайшим из них — даром рассуждения и духовного руководства»³⁰.

²⁸ <Екатерина (Лебедева), посл.> Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иосифа. N.-Y.: Holy Trinity Monastery, Jordanville, 1962.

²⁹ Екатерина (Лебедева), мон. Оптинский старец Иосиф: Жизнеописание и записи. Изд. Братства прп. Германа Аляскинского. Saint Herman of Alaska Brotherhood. Platina, California, 1978.

³⁰ Там же.

После возрождения Оптиной пустыни в 1993 году монастырем было подготовлено «Жизнеописание старца Иосифа»³¹, в состав которого вошли два репринтных издания: «Очерк жизни старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Иосифа» и «Из жизни оптинского старца иеросхимонаха Иосифа (убогая лепта духовного сына памяти незабвенного отца)», а также отрывки из писем старца. В 2005 году вышло Полное собрание писем старца Иосифа, подготовленное по рукописным источникам³². В сборник вошло более семисот писем к сорока шести адресатам из различных монастырей, а также статьи старца. Издание сопровождалось обширным приложением, в котором рассказывалось о женских обителях, которые преемственно окормлялись у старцев Оптиной пустыни.

Г.М. Никольский (1890–1942) как жизнеописатель старца Иосифа

Григорий Михайлович Никольский родился в 1890 году в семье диакона храма в честь Преображения Господня в селе Нижние Прыски Козельского уезда Калужской губернии. Храм, который находится недалеко от Оптиной пустыни, на другом берегу реки Жиздры, сохранился до нашего времени. В старину богомольцы говорили: «Как до Прысок доедешь-то — считай, уж и Оптина скоро». Многие паломники и сейчас останавливаются в этом храме, в котором в наше время более пятидесяти лет служил митрофорный протоиерей *Леонтий Никифоров (1930–2018), почитаемый всеми богомольцами.*

До революции в селе находилось имение Кашкиных, барский дом с обширным парком, напротив которого располагался храм. В 1901 году по приглашению Николая Сергеевича Кашкина (1829–1914) в селе останавливались великий князь Константин Константинович Романов с семьей. Зная о желании великого князя познакомить детей с русским

³¹ Житие оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1993.

³² Собрание писем оптинского старца Иосифа / Сост. В.В. Каширина. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2005.

бытом, хозяин отметил: «Ничего лучшего великий князь не нашел бы показать своим детям, как мое имение в смысле русской деревни и православной атмосферы. Там все население окормляется влиянием двух монастырей — Оптиной и Шамордином»³³.

Во время пребывания великого князя Константина Константиновича с семьей в Прысках высокие гости неоднократно посещали Преображенский храм, обращались с настоятелем отцом Александром Сахаровым (1867–1902) и диаконом отцом Михаилом, о которых в своем дневнике великий князь записал: «Первый, как слышно, очень достойный человек, да и наружность его и большие ясные глаза говорят в его пользу; второй совсем простой...»³⁴

Благодаря попечению супруги великого князя Елисаветы Маврикиевны для крестьянских ребятишек были устроены ясли. По свидетельству княжны Татьяны Константиновны, «мать устроила ясли в нескольких деревнях по указаниям игумении Евфросинии³⁵, слепой и прозорливой»³⁶. Ближайшей помощницей в этом благом деле стала Клавдия Михайловна Никольская, которая взяла на себя обязанности надзирательницы приюта³⁷.

Семья диакона Преображенской церкви Михаила Павловича Никольского и матушки Феодосии Петровны была многодетной: Михаил (1868–1937; священник, расстрелян), Валентин (1869–1938; священник, расстрелян), Николай

³³ Милые Прыски. Августейшее семейство Великого князя К.К. Романова в Прысках (май — октябрь 1901 г.). Калуга: Фридгельм, 2016. С. 11.

³⁴ Там же. С. 137.

³⁵ Игуменья Евфросиния (Розова), настоятельница Казанской женской Амвросиевской пустыни в Шамордино (1888–1904). См. о ней также на с. 83.

³⁶ *Тамара, изг.* К столетию рождения поэта К.Р. Только в отрывочных картинках, каким я помню отца (записано его старшей дочерью) // Сборник памяти Великого князя Константина Константиновича, поэта К.Р. Париж, 1962. С. 57.

³⁷ См.: Милые Прыски. Августейшее семейство Великого князя К.К. Романова в Прысках (май — октябрь 1901 г.). Калуга: Фридгельм, 2016. С. 72.

(1886–1937; священник, расстрелян)³⁸, а также Григорий, Дмитрий, Александр, Клавдия, которые стали учителями, Иван по болезни проживал с родителями.

Вся семья духовно окормлялась у оптинских старцев. Как вспоминал Григорий Михайлович, «ни единый серьезный шаг в жизни кого-либо из семейных не совершался без их совета и благословения»³⁹. Будучи маленьким мальчиком, он «часто совершал со старшими членами семьи небольшие паломничества в воскресные и праздничные дни к богослужениям в Оптину пустынь и за благословением и наставлениями к ее знаменитым старцам»⁴⁰.

Григорий Михайлович получил традиционное для духовного сословия образование: в 1910 году окончил Калужскую духовную семинарию по второму разряду. По благословению старца Иосифа продолжил свое духовное образование, поступив в 1911 году в Московскую духовную академию. В сохранившемся дипломе об окончании академии показана его успеваемость по изученным предметам⁴⁰.

Кандидатскую диссертацию Григорий Михайлович подготовил на тему «Оптинский старец Иосиф: его жизнь и нравственный облик». Это сочинение явилось не столько результатом его интеллектуальных изысканий, сколько плодом сыновней любви и искренней преданности своему духовному наставнику. До революции это работа стала одним из самых полных жизнеописаний старца, составленных на основе большого фактологического материала.

В предисловии к своей работе Григорий Михайлович формулирует главную задачу — «нарисовать... портрет отца Иосифа, то есть сначала проследить как отец Иосиф, мало-помалу восходя от силы в силу в жизни духовной, достиг наконец *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), а затем дать нравственный облик уже окончательно сложившейся его личности, как старца»⁴¹.

³⁸ См.: Эл. база данных ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.».

³⁹ ОР РГБ. Ф. 172. К. 319. Ед. хр. 13. Л. 5. — ⁴⁰ Там же.

⁴⁰ См.: ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2686.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 172. К. 319. Ед. хр. 13. Л. 6 об.

Для составления нового жизнеописания старца Иосифа Григорий Михайлович изучил всю известную литературу об Оптиной пустыни и ее старчестве, письма, устные и письменные воспоминания учеников старца. По благословению настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Ксенофонта (Клюкина) имел возможность встретиться с братией монастыря и записать их свидетельства о старце.

Обращаясь к будущим историкам и исследователям духовной жизни XIX века, Григорий Михайлович отмечал, что пример жизни оптинского подвижника «живо и ясно говорит нам, что есть иной мир, иная сфера, отличная от той суетливой и мелочной, в которой мы привыкли вращаться. Эта другая сфера, несмотря на отсутствие видимого блеска, на поражающую скромность, есть источник нравственной силы и самого благотворного и широкого влияния, тем более высокого, что оно приобретает свободным подчинением силе заслуженного авторитета. В этой сфере лишений, самоограничений, самоунижений можно наслаждаться истинным счастьем, таким, которого никто не отнимет и ничто не омрачит, ибо оно не может быть ни предметом зависти, ни подлежать словам укора. И вот эти-то люди, — живущие духовною жизнью и благоухающие чистою красотою, самоотвержением во имя высшей правды и истинно человеческого долга, чем только и может быть красна жизнь для человека, возвышенно, по-христиански мыслящего и чувствующего, — и озаряют собою духовную жизнь православных людей; тысячи идут к ним за советами и наставлениями, за благословением и освящением, и просветленные и умиренные разносят эти духовные сокровища по всем градам и весям православной России»⁴².

Рецензентами диссертационного исследования выступили ректор Московской духовной академии, профессор аскетике по кафедре пастырского богословия епископ Волоколамский, викарий Московской епархии Феодор (Поздеевский)⁴³ и исполняющий должность доцента Московской духовной академии по кафедре догматического богословия

⁴² Там же. Л. 136–136 об.

⁴³ ОР РГБ. Ф. 172. К. 319. Ед. хр. 14.

Александр Михайлович Туберовский⁴⁴, которые оценили работу на отлично.

Владыка Феодор отметил заслуги автора в раскрытии духовного облика старца Иосифа. А.М. Туберовский обратил внимание на «агиографический тон, обильный, нередко рукописный или устный, свежий, никем еще не использованный материал»⁴⁵.

По результатам защиты диссертационного исследования, получившего высокую оценку рецензентов, Г.М. Никольскому была присвоена ученая степень кандидата богословия с причислением ко второму разряду.

После завершения обучения Г.М. Никольский в 1916 году вернулся в Калугу и до 1918 года работал в должности учителя в Калужском мужском духовном училище. В 1918–1922 годах — заведующим железнодорожной школой в Калуге. Затем работал учителем географии, заведующим детским домом и 2-й средней школой при этом детдоме.

В советские годы в Козельске поселились многие монахи и монахини из разоренной Оптиной пустыни и Шамординской обители. В храме Преображения Господня в селе Нижние Прыски, где прошло детство Григория Михайловича, с 1923 по 1930 годы служил оптинский иеромонах Гурий (Самойлов)⁴⁵, который пользовался большим уважением у прихожан. Можно предположить, что в те годы Григорий Михайлович сохранял духовную связь с оптинским братством.

В конце 30-х годов, когда начался новый виток репрессий, друг за другом были арестованы и расстреляны его братья-священники Михаил, Валентин и Николай.

Известно, что отец Михаил был арестован 28 августа 1937 года, 28 августа того же года приговорен к расстрелу

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 172. К. 319. Ед. хр. 15. — ⁴⁵ Там же. Л. 1.

⁴⁵ Гурий (Самойлов; 1880–1937), иеромонах. В число оптинской братии был определен в 1905 г., пострижен в монашество в 1910 г. В 1921 г. рукоположен во иеромонаха. Служа в селе Нижние Прыски, после богослужений читал проповеди. В 1930 г. был арестован и приговорен к восьми годам заключения. Выйдя из концлагеря, вскоре был вновь арестован и 20 декабря 1937 г. расстрелян.

Тройкой при УНКВД СССР по Западной области по статье 58 п. 10, 11 УК РСФСР. В обвинении было отмечено: «Будучи завербован в к/р организацию Зерцаловым В.В., опошлял среди колхозников советскую власть, принуждая через свою жену колхозников крестить своих детей, запугивая таковых Божиим наказанием». 7 сентября 1937 года был расстрелян на краю оврага в окрестностях г. Сухиничи.

Отец Николай был арестован в октябре 1937 года. 28 ноября того же года приговорен к расстрелу Тройкой при УНКВД по Смоленской области по статье 58, п. 10, 11 УК РСФСР. Приговор был приведен в исполнение 6 декабря 1937 года.

Отец Валентин также был арестован в 1937 году. 5 января 1938 года приговорен к расстрелу Тройкой при УНКВД по Смоленской области по статье 58–10, 58–11 УК РСФСР. Приговор был приведен в исполнение 19 января 1938 года⁴⁶.

Григорий Михайлович был арестован 14 марта 1942 года органами УНКВД по Тульской области во время Великой Отечественной войны после временной оккупации Калуги (12 октября — 30 декабря 1941 года). 27 июня 1942 года особым совещанием при НКВД СССР приговорен к расстрелу по статье 58, п. 1а УК РСФСР. В том же месяце приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован в 1991 году.

Надеемся, что настоящее издание позволит читателям ближе познакомиться с духовной традицией оптинского старчества, а также станет назидательным примером верности и сыновней любви ученика к своему духовному наставнику. Новое издание, рассчитанное на широкий круг читателей, будет способствовать расширению церковно-исторических исследований, связанных с именем преподобного Иосифа Оптинского и оптинского старчества.

В.В. Каширина, д.ф.н.

⁴⁶ См.: Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. Т. 2. Калуга, 1994. С. 426–428. Всего с 1917 по 1953 г. на территории ныне существующей Калужской области было подвергнуто репрессиям около сорока тысяч человек. См.: Там же. Т. 1. С. 3.

ДАТЫ ЖИЗНИ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ОПТИНСКОГО

Преподобный Иосиф (Иван Ефимович Литовкин) родился 2 ноября 1837 года в семье государственных крестьян слободы Городище Старобельского округа Харьковской губернии. Обучен чтению и письму в доме родителей.

В Оптину пустынь поступил 26 февраля 1861 года.

Определен 23 января 1864 года.

Пострижен в рясофор 22 февраля 1865 года.

Пострижен в монашество с именем Иосиф в честь преподобного Иосифа Песнописца 17 июня 1872 года.

Рукоположен во иеродиакона 9 декабря 1877 года.

Рукоположен во иеромонаха при освящении храма в Шамордино епископом Калужским Владимиром 1 октября 1884 года.

Переписку с духовными детьми начал с 1886 года.

В 1888 году сильно заболел, во время болезни сподобился явления Божией Матери. 14 февраля того же года был пострижен в схиму.

Награжден набедренником 15 октября 1891 года.

Послушания — в скиту, в поварне, келейным у старца Амвросия, чередное служение.

Скитоначальник и братский духовник с 19 марта 1894 года.

Награжден наперсным крестом 14 мая 1896 года.

Указом Калужской духовной консистории от 18 июня 1907 года согласно прошению по болезненному состоянию уволен от должности скитоначальника.

Иеромонах Иосиф преставился 9 мая 1911 года. Погребен 12 мая к востоку от Введенского собора, рядом со старцем Амвросием.

Мощи обретены 16 октября 1988 года и помещены во Введенский собор. При их обретении они ошибочно были приняты за мощи преподобного Амвросия Оптинского.

В 1996 году преподобный Иосиф прославлен в лике местночтимых святых Оптиной пустыни, в 2000 году прославлен для общецерковного почитания.

После обретения мощей преподобного Амвросия в 1998 году и расследования обстоятельств ошибки мощи преподобного Иосифа были перенесены во Владимирский храм Оптиной пустыни.

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ ИОСИФ

ОТ АВТОРА

Автор предлагаемого жизнеописания покойного оптинского старца иеросхимонаха Иосифа имеет своей родиной село, находящееся в двух верстах от Оптиной пустыни, и принадлежит к семейству, издавна состоящему в тесной духовной связи с этой обителью. По укоренившемся в этом семействе обычаю автор, будучи еще маленьким мальчиком, часто совершал со старшими членами семьи небольшие паломничества в воскресные и праздничные дни к богослужениям в Оптину пустынь и за благословением и наставлениями к ее знаменитым старцам. Поэтому своим религиозным воспитанием автор много обязан Оптиной пустыни и главным образом оптинским старцам. Духовная связь его семьи с последними была настолько тесна, что ни единый серьезный шаг в жизни кого-либо из семейных не совершался без их совета и благословения. Особенно крепка была такая связь с недавно скончавшимся старцем Иосифом <...>.

Поступив с благословения и по молитвам отца Иосифа в духовную академию, автор поставил себе задачей написать в качестве кандидатской работы о чем-либо из жизни дорогой ему Оптиной пустыни. Предложение составить жизнеописание старца Иосифа было принято автором с величайшей радостью. Ему представилась возможность снова пережить светлые минуты минувших дней своего детства и юности,

снова побыть в окружавшей батюшку Иосифа атмосфере труда, мысли и молитвы, той атмосфере, которая обдавала живительной теплотой каждого вступавшего в нее. Автор теперь мог, насколько позволяли, конечно, находившиеся на руках у него источники, идя шаг за шагом за обстоятельствами жизни старца, проследить, как человек, обычный человек, плоть от плоти нашей и кость от костей наших, мог подняться до такой высоты совершенства, которой достиг дивный старец Иосиф. Автор мог теперь гораздо глубже запечатлеть в своем сознании слова, советы и наставления покойного отца Иосифа и в этом найти себе утешение, ободрение и нравственную опору в жизни.

От жизнеописателя обыкновенно требуется, чтобы он не только знакомил своего читателя со всеми известными ему событиями из жизни описываемого лица, но и рисовал пред ними живую личность со всеми ее индивидуальными особенностями <...>. От жизнеописателя также требуется, чтобы он вводил читателя во внутренний духовный мир этого лица, давал возможность читателю при чтении жизнеописания пожить вместе с этим лицом, с которым его знакомят, и полюбоваться его достоинствами. Но справедливость требует сказать, что при составлении жизнеописания такой личности, как покойный старец Иосиф, выполнить эти требования можно лишь отчасти.

Ни один из мужей духовных не высказался вполне и не открыл сокровище души своей. Их внутренняя жизнь всегда оставалась для людей тайной, известной только единому Сердцеведцу — Богу. И отец Иосиф хотя и провел большую часть своей жизни среди народной толпы, однако не открыл нам «святое святых» своей души. Московский митрополит Филарет по этому поводу однажды высказался так: «Не надежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним»¹.

Описывая жизнь подвижника, составитель должен быть сам подвижником. Но не имея столь существенного

¹ Прибавления к изданию творений святых отцов. 1884. Т. 1. С. 341.

условия для выполнения в целом всех вышеуказанных требований, автор предлагаемого жизнеописания оптинского старца Иосифа поставил себе более скромную задачу. В своей работе автор хотел нарисовать, так сказать, портрет старца, то есть сначала проследить, как отец Иосиф, мало-помалу восходя от силы в силу в жизни духовной, достиг наконец *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), а затем дать нравственный облик уже окончательно сложившейся его личности как старца, удовлетворяя указанным требованиям, обычно предъявляемым к жизнеописанию, настолько, насколько внутренняя жизнь старца отразилась в его внешней деятельности.

При этом автор считает нужным оговориться еще в следующем. Старец Иосиф есть плод, который дало оптинское старчество, и, по соображению автора, рассматривать его личность отдельно от возматерившего его оптинского подвижничества без ущерба делу — нельзя. Поэтому описание жизни отца Иосифа автор предлагает в связи с историей старчества Оптиной пустыни <...>. Но чтобы понять и оценить такое жизненно-практическое монашеское устройство, как старчество, необходим опыт. «Кто ведет речь о свойстве, о радовании, или о беспристрастности, — говорит святой Макарий Великий, — не ощутив в себе их действительности и удостоверения в них, уподобляется человеку, который при наступлении дневного зноя идет пустым полем и, томясь жаждою, описывает источник, струящийся водою, изображая себя пьющим, тогда как засохли у него уста и язык от палящей жажды, — или человеку, который говорит о меде, что он сладок, но не вкушал его сам и не знает силы его сладости. Но на деле не всегда бывает так, как он говорит. Ибо когда человек сподобится со временем, хотя отчасти, приступить к делу, тогда рассудит сам с собою: “Не так сказалось, как полагал я. Иначе рассуждал я, а иначе действует Дух”»².

² Наставления прп. Макария Великого // Добротолюбие. М., 1889. Т. 1. С. 225–226. (Наставление 5: Состояние трудничества. № 168).

Не уподобился ли автор в своих рассуждениях такому человеку, об этом да судят опытные читатели. Автор позволит себе только привести в оправдание свое следующие слова святителя Василия Великого: «Делаюсь и я сведующее и разумнее себя самого, из самого вопроса научаясь многому, чего еще не знал. И попечение об ответе бывает для меня учителем. Сказано: *Несмысленному, вопросившу о мудрости, мудрость вменися* (ср.: Притч. 17, 28)»³.

³ Письма свт. Василия Великого к Амфилохию о правилах // Творения свт. Василия Великого. 4-е изд. Ч. 7. С. 5

І. Духовный облик старца Иосифа

*Научитесь от Мене, яко кроток
есмъ и смирен сердцем.*

Мф. 11, 29

Кто знает могилу великого оптинского старца Амвросия¹, тот знает и могилку старца Иосифа. Четыре года тому назад² небольшая беленькая часовенка над могилой батюшки «Абросима» раскрыла свои объятия, и в землю, пробуждавшуюся от зимнего сна под действием теплых лучей майского солнца, было опущено тело любимого его ученика, старца Иосифа³.

Эта часовенка, под кровом которой нашли себе вечный приют два выдающихся старца Оптиной пустыни, находится по правую сторону от главного монастырского храма⁴. В нее ведут двое дверей: с западной и южной ее стороны. Если посетитель входит в нее через западную дверь, то взор его сначала останавливается на стоящем у северной стены белом мраморном надгробном памятнике старца Амвросия.

¹ Преподобный Амвросий Оптинский (Гренков; 1812–1891), иеросхимонах. Поступил в Оптину в 1839 г. Духовный сын старцев Льва (Наголкина) и Макария (Иванова). В 1842 г. принял монашеский постриг, в 1845 г. рукоположен во иеромонаха, вскоре тяжело заболел и был пострижен в схиму. Тридцать лет он нес подвиг старчества, окормляя страждущие души. Под его руководством устраивалась Казанская женская обитель в Шамордино. Дни памяти — 27 июня / 10 июля, 10/23 октября и 11/24 октября. См. о нем. далее в главах V–VI данного издания.

² 53 Написано в 1915 г.

³ Ныне святые мощи преподобного Амвросия почивают во Введенском соборе, а прп. Иосифа — во Владимирском храме Оптиной пустыни.

⁴ То есть Введенский собор обители.

Немного далее, у северо-восточной стены часовенки, стоит другой таких же размеров, но только деревянный надгробный памятник над могилой старца Иосифа. На боковой стороне его читаем характерные для личности покойного батюшки слова Евангелия: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29).

Не случайно было выбрано это место последнего упокоения для старца Иосифа. Ученик и носитель заветов оптинских старцев, отец Иосиф получил высокое призвание руководства и учительства, именуемого старчеством, непосредственно от отца Амвросия. Это было поистине «любимое чадо» старца Амвросия, воспитанное им в своей убогой хибарке⁵. Чадо, на которое отец Амвросий взирал с надеждою, о котором радовался, видя его преуспеяние духовное, и которое всячески охранял и ограждал отеческой рукой от тлетворных ветров самомнения, тщеславия и гордости. Смиренная бедная келлия старца Амвросия была для отца Иосифа «училищем благочестия», высшей школой опытного богопознания.

Получив от своего учителя все необходимые благодатные средства для выполнения трудного подвига старчества, отец Иосиф в течение двадцати лет стоял на этом высоком посту. В течение двадцати лет он страдал со страждущими, плакал с плачущими, радовался с радующимися, учил, советовал и утешал. Когда же исполнились земные дни, назначенные ему от Господа, он возвратился к своему наставнику и, как преданнейший ученик, лег у ног своего праведного учителя. Теперь они оба соединились в вечном небесном блаженстве.

Пред изучающим жизнь и деятельность иеросхимонаха Иосифа рельефно вырисовываются две особенно выдающиеся черты в духовном облике личности покойного старца. Это глубочайшее смирение и кротость его, с одной стороны, и с другой — склонность скрывать свои благодатные дарования. <...>

Оптинский монах в слове при погребении старца восклицал: «Вот пример смирения перед нами; как велик, как достоподражателен он! Вся жизнь сего старца была исполнена смирения. Более пятидесяти лет он подвизался в оби-

⁵ Так называлась келлия в скиту Оптиной пустыни, преемственно переходившая от старца к старцу.

тели и за все это время никогда и ни в чем не выделялся. Отличительной чертой его было — держаться в тени, быть незаметным. Почти тридцать лет нес он послушание при отце Амвросии и оставался незаметным до самой кончины старца. В своих наставлениях он ссыался на старца Амвросия, очень часто приводил его изречения буквально и благоговел пред его памятью до самой своей кончины. Смирением была украшена вся его подвижническая жизнь в монашестве»⁶. <...>

Из этой основной черты духовного облика отца Иосифа вытекала и другая — стремление скрыть свои благодатные свойства. По глубочайшему смирению старец не желал и всячески избегал славы прозорливца, мудреца, целителя, славы носителя благодати Божией. А между тем он им и был. Многочисленный сонм его духовных детей устно и письменно заверяет о чудодейственности его молитвы, о необычайном даре рассуждения, прозорливости, врачевании не только душевных, но и телесных недугов всех обращающихся к нему с верою в простоте и смирении сердца.

Почивавшая на старце великая сила благодати Божией привлекала к нему тысячи людей самого разнообразного положения и состояния. Один шел за утешением, «за радостью», как говорит простой народ, другой за разрешением каких-либо недоумений, иной — за советом или благословением на какой-либо шаг в своей жизни — и так ежедневно в течение двадцати лет длинной вереницей толпился народ в густом скитском лесу у маленькой келлии-хибарки, терпеливо дожидаясь, когда выйдет старец на благословение. И как горячо любящий отец встречает издалека возвращающегося сына, так старец Иосиф с постоянной мягкой, приветливой улыбкой встречал каждого приходившего к нему, хотя бы тот и пришел впервые.

Старец чужд был лицеприятия: в его келлии не было различия между бедным и богатым, образованным и необразованным, господином и рабом; в ней были только люди. Святая, бескорыстная, необыкновенная любовь старца, светившаяся в его чудных юношеских глазах и во всем его облике, излучавшаяся в каждом его слове, делала то, что посетитель, иногда и не желавший того, раскрывал пред

⁶ Надгробное слово на погребении иеросхимонаха Иосифа. С. 7.

отцом Иосифом всю свою душу, всю интимнейшую сторону своей жизни. И старец сосредоточенно выслушивал каждого, обыкновенно не прерывая его душевного излияния, и затем кратким, но замечательно метким словом, выбиравшимся им применительно к лицу и данным обстоятельствам, научал и утешал. Для старца, обладавшего высокою мудростью — не в смысле многознания, а в смысле громадной опытности в тончайших переживаниях души, в течение пятидесяти лет наблюдавшего над духовной жизнью посетителей хибарки, не было таких запутанных загадок, таких затруднительных нравственных или материальных обстоятельств в жизни человека, из которых он не мог бы указать наилучший выход.

Более двадцати лет делал свое тихое дело старец Иосиф. Почти четверть века он был нравственным воспитателем протекающего к нему народа и умственным просветителем его; проводником «света разума»⁷ в его трудную греховную жизнь. Обильно лились от него лучи «Света тихого»⁸ на жизнь мирскую, обособиться от которой не мог вполне, да и не считал себя вправе этот человек, стремившийся к «едину единствования»⁹. Почти четверть века приходившие к нему люди вместе с водой из Амвросиевского колодца черпали в его келлии утешение и ободрение, а потом разносили по каплям это нравственное влияние между людьми своего круга.

Конечно, отец Иосиф — капля в море православного русского населения. Но нравственное влияние действует не механически, а органически. *Царствие Божие подобно закваске*, — сказал Иисус Христос (ср.: Мф. 13, 33). Как в тесте небольшое количество известного вещества вызывает живительное брожение, так и влияние старца Иосифа, западая в народные массы, также вызывало брожение, незаметно изменяло направление умов, очищало и освещало души многих православных людей.

И в этом заключается несомненная заслуга покойного старца Иосифа перед русским народом и Православной Церковью.

⁷ См.: Тропарь Рождеству Господа нашего Иисуса Христа, глас 4-й.

⁸ См.: Песнь, поемая на богослужении всенощного бдения.

⁹ То есть стремившийся к уединению.

II. Детство, отрочество и юность

*Раб мой еси, избрах тя
и не оставих тебе.*

Ис. 41, 9

Старец Иосиф, в мире Иван Евфимович Литовкин, был незнатного происхождения. Родился он 2 ноября 1837 года в крестьянской семье села Городище Старобельского уезда Харьковской губернии. Его родители Евфим Емельянович и Мария Васильевна, происходившая из духовного звания, были люди простые, зажиточные, добрые и благочестивые. Семья, в которой родился и воспитывался Ваня, представляла собою уже отживающий, к сожалению, в настоящее время тип здоровой крестьянской семьи. Страх Божий и любовь к ближним — вот те несложные принципы, которыми руководились родители старца в своем отношении к людям и в деле воспитания шестерых детей¹. Особенно отличались они благотворительностью. В доме Литовкиных часто можно было встретить остановившегося на ночлег паломника или сборщика-монаха², которых они особенно радушно принимали. Щедрой рукой, иногда тайно друг от друга, раздавали они подавание странному люду, равно как и бедным односельчанам.

В селе Евфимий Емельянович Литовкин пользовался большим уважением. В течение семнадцати лет он был слободским головою, или, по-нашему, старшиною. Добрый и кроткий отец из всех своих детей особенно любил похожего на него маленького Ваню и всегда, когда было у него свобод-

¹ Дети в порядке их рождения: две Александры, Анна, Семен, Иоанн и Петр.

² Монах, которого отправляли в мир для сбора пожертвований на строительство храма.

ное время, старался доставить мальчику какое-либо удовольствие. Однажды, взяв его с собою покататься, отец наказал дорогой своего любимца за какой-то каприз. После родитель долго скорбел об этом, повторяя: «Ах, хлопца-то я ударил». Случаи, когда Евфим Емельянович наказывал своих детей, были очень редки. По рассказам самого старца, его родитель, имевший добрый и нежный характер, всегда старался избегать наказания как своих, так и чужих детей.

Когда Ване не было и четырех лет, в нем уже обнаруживалось что-то необыкновенное, и видевший это Евфим Емельянович замечал: «Из этого мальчика выйдет что-нибудь особенное». Религиозный отец, любивший принимать у себя монахов и проводить с ними длинные вечера в религиозно-нравственных беседах, часто повторял: «Как я был бы рад, если бы кто из моих детей пошел в монастырь!» Впоследствии это желание сбылось.

Но кроткий и смиренный отец, занятый делами общественными и домашнего хозяйства, не имел большого влияния на воспитание Вани. Тем более что внезапная смерть постигла его, когда мальчику было только четыре года. Почти всецело воспитанием Вани занималась не менее религиозная, чем муж, но строгая Мария Васильевна. Впоследствии старец, когда его расспрашивали о родителях, говорил: «Мать у нас строгая была, ее мы боялись, а отца нет»³. Но эта строгость Марии Васильевны не была, конечно, жестокостью: она всецело покоилась на горячей материнской любви к своим детям.

Каждый день в доме Литовкиных начинался и кончался семейной молитвой. Евфим Емельянович и Мария Васильевна любили церковную службу и всегда, когда ходили в церковь, брали с собою детей. «Помню, — рассказывал отец Иосиф, — как будит меня мать идти к утренней и обедне⁴, а мне не хочется вставать с постели; но делать нечего, надо вставать. Зато в церкви и после весь день так радостно и весело было на душе»⁵. В церкви Ваня часто становился

³ Слова старца Иосифа. С. 1.

⁴ Обедня — народное наименование Литургии, главнейшей церковной службы, которая обычно завершается в храме до обеда.

⁵ Там же. С. 8.

на клирос и принимал участие в богослужебном пении и чтении. Так с ранних лет он полюбил Божий храм и православные службы.

По праздникам между утреней и обедней в доме Литовкиных обычно собирались прихожане из соседних хуторов. В ожидании службы они часто вели разговоры на темы, далеко не соответствующие времени. Мария Васильевна, желая прекратить празднословие гостей, зажжет, бывало, свечи, распустит ладану и заставит Ваню читать акафист Божией Матери, Иисусу Сладчайшему или празднуемому в тот день святому.

Читать акафисты или книжки религиозно-нравственного содержания Мария Васильевна заставляла Ваню и во все свободные минуты, выпадавшие у нее. «Мать часто заставляла меня дома читать акафисты, — рассказывал старец. — Иногда во время чтения вдруг услышишь на улице шум, крик; поглядишь в окно: водят медведя. Страшно так станет, и еще усерднее начнешь молиться». Слушавшие этот рассказ старца иногда спрашивали, неужели детям не хотелось в те минуты подойти к окну и посмотреть на медведя. О, конечно, маленьким детям страшно хотелось повидать косолапого мишку, но мать, заметив это, завешивала обычно окно и говорила: «Читай, читай!»⁶

Из книг особенно любили читать жития святых. И вот в душу маленького Вани, молитвенно настроенную при чтении акафистов, в его нежное сердце, разгоряченное любовью к Заступнице рода нашего и Сладчайшему Иисусу, западали семена иной, божественной жизни. Его кроткому и смиренному детскому уму уже тогда открывались образы подвижников, оставивших эту шумную, крикливую улицу с ее страстями, грехами и несправедливостью и уединившихся в какую-либо пустыню для постоянного и непосредственного служения Богу.

Итак, высокая религиозность и благочестие родителей, домашние молитвы, обязательные для всех детей, аккуратное посещение храма Божия, чтение акафистов и житий свя-

⁶ Там же. С. 2, 8.

тых — вот та благодатная среда, в которой зарождался дух будущего старца. В этой благодатной атмосфере дома Литовкиных росла и крепла молодая душа Вани. Под ее согревающим влиянием слагалась и образовывалась в нем та сила духа, которая впоследствии покорила человеческую природу и пересоздала ее в духе истинно христианской настроенности.

Грамоте Ваню обучала сначала горячо любившая его сестра Александра (вторая). Под ее руководством он выучился писать и хорошо читать. Чтение по-славянски велось тогда по Часослову и Псалтири. Хорошо подготовленный дома, восьмилетний Ваня поступил в сельское училище. Кроткий и смиренный, прилежно изучавший несложные науки приходской школы, Иван Литовкин часто получал похвалы от своих учителей. Впоследствии, вспоминая о школьных годах, старец рассказывал: «В училище меня никогда не наказывали. Однажды учитель заставил меня наказать за что-то моего меньшого брата Петра, — так мне это было очень трудно, и после на душе нехорошо»⁷. В маленьком Ване сказывался его нежный и добрый отец, не могший наказывать ни своих, ни чужих детей.

Кроткий и тихий нрав, хорошие способности и прилежание Литовкина обращали на него внимание учащихся. Законоучитель Вани, протоиерей, часто говорил о нем своим сослуживцам: «Вот посмотрите, из него выйдет что-нибудь необыкновенное»⁸. Это «что-то», таившееся в глубине души Вани Литовкина, не замедлило вскоре обнаружиться.

Веселый и даже шаловливый Ваня играл как-то на улице со своими товарищами, рассказывала его сестра Александра (вторая). Вдруг без всякой видимой причины он поднял голову и руки кверху и, побледнев, сейчас же упал на землю без чувств. Игравшие с ним мальчишки, ничего не видя сверху и не понимая, что случилось с их товарищем, в испуге разбежались. Вышли Ванины родные, взяли его и принесли в дом.

⁷ Слова старца. С. 3.

⁸ Рассказ сестры о. Иосифа монахини Леониды, полученный нами от иеромонаха Оптиной пустыни о. Феодота. — *Примеч. авт.* Об о. Феодоте см. примеч. на с. 143.

Когда Ваня пришел в сознание, его стали расспрашивать, что с ним произошло. Оказалось, что он увидел на воздухе Царицу. «Почему же ты думаешь, что это была Царица?» — спросили его. «Потому что на Ее голове я увидел корону с крестиком», — отвечал мальчик. «Ну а почему же ты упал?» Опустив глазки, Ваня тихо проговорил: «Вокруг Нее было такое солнце... я не знаю, не знаю, как сказать», — и тут же заплакал. Это видение Божией Матери, по рассказу сестры старца, произвело сильное впечатление на нежную душу ребенка и оставило в ней глубокий след. Резвый, веселый, любящий побегать и поиграть с приятелями, он после этого случая сделался задумчивым и молчаливым, стал избегать детских игр и уже редко выходил из дома к своим товарищам⁹.

Вскоре произошел другой случай, точно так же обнаруживший присутствие на нем Божиего благоволения. Случился в их слободе большой пожар. Вот-вот должен был загореться новый, только что выстроенный дом Литовкиных. Чувствуя свое бессилие пред лицом разбушевавшейся огненной стихии, мальчик стал протягивать ручки по направлению к недалеко находившейся от их дома церкви Покрова Пресвятой Богородицы и кричать: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем еще новый». И горячая детская молитва была услышана: кругом все сгорело, а дом Литовкиных остался невредим¹⁰.

В отличие от необычайных духовных дарований, физическое здоровье Вани не было крепким. От природы он имел слабый организм, подверженный постоянным заболеваниям. Известно, что старец плохо слышал на одно ухо. На вопрос о причине этой болезни он отвечал: «Когда я был маленький, у меня была золотуха, так вот после болезни таким и остался на это ухо»¹¹.

Природная физическая слабость Ивана впоследствии увеличивалась от разных несчастных случайностей, произошедших в детстве. Так, однажды во время игры товарищ Вани, разбежавшись, сбил его с ног; при падении Ваня прикусил

⁹ Записки иеромонаха Моисея.

¹⁰ Очерк жизни о. Иосифа. С. 2.

¹¹ Слова старца Иосифа. С. 2.

язык. Когда дома его стали осматривать, то оказалось, что язык был рассечен более чем на половину. Долгое время Ваня даже не мог говорить, но потом язык сросся, и только шрам на нем остался навсегда. В другой раз сестра посадила его, тогда маленького, на горячую лежанку, отчего он получил сильные ожоги тела. А то как-то мальчик сам обварился кипятком¹².

Так рос и воспитывался маленький Ваня Литовкин.

В 1847 году, спустя шесть лет после смерти Евфима Емельяновича, исполнилось наконец его желание, чтобы кто-то из детей принял монашество. Кроткая и нежная Александра, его вторая дочь, давно задумавшая поступить в монастырь, отправилась с матерью на богомолье в Борисовскую женскую общину Курской губернии, да так и не вернулась обратно. Благословив ее на монашеский путь и поручив Царице Небесной, Мария Васильевна возвратилась домой уже одна. Горько оплакивали все домашние уход в монастырь молодой и любившей их девушки, но особенно сильно скорбел о разлуке с сестрой маленький Ваня.

Как уже известно, Александра была первой учительницей мальчика, под руководством которой он выучился читать полюбившиеся ему вдохновенные песни Давида и жития православных святых. При чтении священных книг она стала первой для него истолковательницей высокого смысла, заключающегося в них. Читая же вместе с братом о жизни святых, она, задумавшая поступать в монастырь, не раз указывала Ване на нравственную высоту их подвигов, на всю красоту и привлекательность аскетической жизни, чем, несомненно, подготавливала в нем будущего монаха. Имея от природы сходные души, они в период совместной жизни так сблизились, что мысль о разлуке с сестрой приводила Ваню в отчаяние. Но делать было нечего — пришлось расстаться.

Пока Ваня успокаивался от одного горя, судьба готовила ему другое, еще большее. В 1848 году в южной, да и в центральной полосе России свирепствовала холера. Не обошла

¹² Слова старца Иосифа. С. 10.

она и Городищенскую слободу. И вот первой жертвой этой страшной эпидемии [в слободе] становится Мария Васильевна Литовкина. Нельзя передать того горя, того отчаяния, которое охватило оставшихся двух малолетних мальчиков — Ивана и Петра. Не было рядом сестры Александры, которая своим любящим и ласковым словом могла бы успокоить и ободрить бедных сирот. Две другие сестры — Александра и Анна — были уже замужем. Старший же женатый брат Вани Семен Евфимович, сделавшийся в доме хозяином после смерти отца, был, по отзыву самого старца, честный и благородный человек. Но он по своей слабыхарактерности поддался влиянию дурного общества и предался винопитию. Семену было некогда, да и не хотелось заниматься с маленькими братьями.

После смерти матери в жизни сирот произошла большая перемена. Семен Евфимович пока оставил Ивана жить у себя, а Петра взяла сестра Анна. Насколько тяжела была в то время жизнь Вани, показывает следующее обстоятельство. Спустя год после смерти матери сестра Александра, ставшая в монашестве матерью Леонидой, не извещенная в свое время об этом горестном событии, приехала в Городище поклониться ее могилке и проведать братцев. Трогательным было свидание брата и сестры, любящих друг друга. «Ухватится, бывало, Ваня, — рассказывала мать Леонида, — своими ручонками за мой пояс и слезно умоляет: “Сестрица, возьмите меня с собой в монастырь, ведь мне здесь не с кем жить”. Глядя на него сердце кровью обливалось. А слова эти Ваня повторял даже и во сне»¹³. Мать Леонида сначала думала поместить Ивана в мужской монастырь, находившийся недалеко от Борисовской женской общины, но законоучитель Вани отсоветовал. Очевидно, Промыслу Божию было угодно привести Ивана Евфимовича в монастырскую келлию для служения страждущему люду через длинный путь невзгод и скорбей.

Недолго прожил Ваня в семье своего старшего брата. Семен Евфимович после смерти матери, сдерживавшей его слабость к спиртным напиткам, страшно запил и сильно

¹³ Записки о. Моисея. С. 4.

расстроил оставшееся ему от родителей благоустроенное хозяйство. Однажды он поехал с Ваней на ярмарку. Выручив на ней 500 рублей от продажи двух волов и лошади, он напился пьян и потерял деньги. Их обоих взяли сначала под арест, а затем этапом отправили домой. После этого Семен еще сильнее запил.

Желая иметь личный источник дохода, Семен решил определить Ивана куда-либо. Но куда? Конечно, на место, службу на котором можно было бы использовать для удовлетворения своей страсти. И Семен отдает двенадцатилетнего мальчика к своему знакомому кабатчику.

Тяжела была жизнь в атмосфере грязного трактира, пропитанной спиртом и постоянной бранью. Брат часто приезжал к хозяину, пил с ним вино и играл в карты. В одно из таких своих посещений Семен напился пьян, поссорился с кабатчиком, и Ваня на его лошади увез брата домой. После этого мальчик уже не возвращался к прежнему хозяину.

Пожив немного дома, Ваня скоро был снова отправлен Семеном в трактир к одному армянину в город Нахичевань. Несмотря на царствовавшее здесь веселье — а в трактире была музыка, — старец рассказывал в своих записках, что он «часто тогда скучал, сам не зная от чего»¹⁴. Но нетрудно угадать причину тоски несчастного Ивана. Привыкший к нежным ласкам своих родителей и любящей его сестрицы Александры, приобщившийся к молитве, церковной службе, к книгам о жизни святых, в трактире Ваня был лишен всего этого. Вместо теплого крова и родительской заботы теперь он часто испытывал холод и голод, выслушивал брань хозяина, нередко получал от него трудные работы, которые он, слабосильный, был вынужден исполнять. В праздничное утро, когда православный люд с радостным настроением шел мимо окон трактира в храм, у Вани на душе бывали мрачные, серые будни. Вместо церкви он должен был стоять за грязным трактирным прилавком, смотреть на раскрасневшиеся от вина лица разгулявшихся посетителей и слушать их часто пошлые разговоры и шутки. Нет, не могла трактирная музыка

¹⁴ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 9.

развеселить кроткое сердце смиренного Ивана. В его святую, нежную детскую душу уже лились чудные звуки музыки иной. Иван ощущал их в себе, переживая всю сладость этой гармонии, но не знал еще, что это за звуки и откуда они. Но ими теперь он только и жил.

Старшая Александра скоро взяла Ваню из трактира и определила к другому хозяину. Не знаем, кто был этот человек и какого рода службу нес у него Иван. Известно только, что часто он посылал Ваню с поручениями верхом на лошади. А надо заметить, Ваня любил быструю езду на лошадях. Однажды вечером он ехал по какому-то делу. По улице гнали стадо. По своей близорукости Иван не рассмотрел бежавшую впереди свинью и налетел на нее. Испуганная лошадь споткнулась, перекинула через себя своего седока, и Иван с размаха упал на землю. Долго лежал он без памяти. Но, придя в сознание, к удивлению своему и видевших страшное падение, не ощутил никакой боли. Так Невидимая рука сохранила Ивана.

Когда кончился срок службы у этого хозяина, последний не стал держать у себя слабосильного мальчика, и Ивану пришлось снова искать место. Но тут на помощь опять пришла сестра Александра. Она попросила квартировавшего у нее в доме купца Кожухова определить брата на какое-то место. Купец согласился и увез Ивана в Таганрог, где определил его к одному торговцу, имевшему винный погреб и хлебную лавку. Но Ваня жил у этого хозяина недолго. За слабосилие купец отказал ему в месте и даже не выдал жалованье.

Опять Ваня остался без места. Тогда он вспомнил, что когда-то дома говорили о его двоюродном брате, протодиаcone Новочеркасского собора Данилове. К нему-то Ваня и решил теперь отправиться.

Долго он шел один по глухой ростовской дороге. Хлеб, взятый на дорогу, скоро весь вышел, а купить не на что — денег не было. К счастью, Ваня догнал большой обоз, направлявшийся к Ростову, и пристал к нему. Остановятся чумаки¹⁵ кормить волов, сварят себе каши и пригласят Ивана на свой

¹⁵ Чумаками на юге России называли перевозчиков, занимающихся доставкой различных товаров.

скудный обед. Сперва застенчивому Ване было совестно участвовать в бедном завтраке чумаков. Но с голодом трудно бороться — Ваня сел и ел. Так добрались до Ростова. Отсюда Иван направился в Новочеркасск уже один, так как чумаки поехали в другую сторону.

Труден был этот переход. Вспоминая о нем, старец говорил: «Несколько дней тогда я совсем ничего не ел; просить как-то не умел, а сами люди не давали». Наконец Ваня пришел в Новочеркасск. Был какой-то праздник, в соборе шла Литургия. Подойдя к церкви, Ваня прислушался: мощным голосом диакон произносил ектению¹⁶. «Ну, думаю, — рассказывал старец, — это и есть мой брат»¹⁷. Ваня решил отдохнуть на паперти в ожидании конца обедни. «Смотрю, — говорит в записках отец Иосиф, — против церкви у колодца стоят две женщины. Одна из них держит в руках горячий хлеб. Не знаю, продавала она его или принесла в церковь поминать кого-либо. Другая, увидя меня, обратилась к той, у которой был хлеб, и говорит: “Наверное, это сирота, дай ему целый хлеб”. Женщина и отдала его мне. Уж как я обрадовался тогда этому хлебу, таким он показался мне вкусным, точно манна с неба.

После обедни вышел диакон из церкви, и я, молча, направился за ним. Дойдя до одного дома, он вошел в ворота и скрылся. Сел я у этих ворот и жду, кого бы спросить, где живет диакон Данилов: боялся я тогда ошибиться и зайти к другим. На мой вопрос один прохожий ответил: “Да ты около его ворот сидишь, это его калитка”. После этого я уже смело вошел в дом. Узнав, кто я, диакон очень обрадовался, позвал жену и даже заплакал от радости»¹⁸.

Довольно продолжительное время жил Ваня у гостеприимного брата. Диакон водил его осматривать Новочеркасск

¹⁶ Ектений (*греч.*) — название особой формы совместного моления во время богослужений, когда диакон возглашает определенные молитвенные прошения, а хор на каждое прошение отвечает (поет): «Господи, помилуй» или «Поддай, Господи». Во время Литургии совершаются разные ектении: малая, сугубая, об оглашенных и просительная.

¹⁷ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 5.

¹⁸ Там же.

и представил многим из своих знакомых. Последние часто приглашали Ивана «на чай» и, когда он бывал у них, иногда предлагали ему и вина. Но от последнего Ваня всегда отказывался. «Господь сохранил меня от одной страсти — винопития», — говорил о себе смиренный старец¹⁹.

Скоро Ваня стал скучать от бездеятельной и неопределенной жизни. Срок паспорта к этому времени уже вышел, и вот задумал он посетить свою родину. Этому помогли удачно сложившиеся обстоятельства. Супруга диакона была дочерью священника богатого села, лежавшего на пути к родине Вани. Помещик этого села, постоянно живший в Новочеркасске, иногда ездил в свое имение. Лошади, привозившие барина из села, обратно возвращались без седоков. На этих-то лошадях однажды и отправили Ваню гостеприимно принявшие его хозяева, вручив ему письмо к родственнику-священнику.

Священник хорошо принял Ваню и оставил погостить у себя. Все воскресные и праздничные дни Ваня ходил в церковь, пел и читал на клиросе. Всем в селе нравился Иван, а господские лакеи стали приглашать его в гости, но «скоро, — рассказывает старец, — оставили в покое, увидев, что от меня им не дожидаться мирских развлечений»²⁰.

Погостив у тестя своего двоюродного брата, Ваня продолжал путь в Городище уже пешком. «Прибыв на родину, — рассказывает старец, — я нашел жившую в нашем доме одну тетку Анисью. От нее я узнал, что брат Семен пропил и проиграл в карты все хозяйство. Жена от него ушла к своим родным, а сам он нанялся в солдаты. Посоветовавшись с тетужкой, я взял паспорт и отправился опять пешком в Ростов»²¹.

В Ростове в поисках определенного места Ваня нанимался в поденные. Носил четырехпудовые мешки с различными грузами, нагружал на Дону досками плоты, сушил пшеницу на парусах и исполнял другие тяжелые работы. «Однажды носили на плоты доски, — рассказывал старец. — Нес я вдвоем тяжелую доску, оступился и, как камень, упал

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же. С. 8.

между плотов в быструю реку. Картуз мой поплыл по воде, а самого затянуло под плот. Не знаю, каким образом, но только вдруг меня, как пробку, выкинуло наверх со дна реки. Не иначе, как Ангел Хранитель спас меня тогда, своими же силами спастись было нельзя»²².

За такую работу Ваня получал один рубль в день со своим столом и квартирой. Тяжела была слабосильному Ивану эта поденная работа, и вот стал он просить маклеров приискать ему другое место. Скоро в городе Ставрополе нашлось место в железной лавке, в нее Ваня и поступил. Из жизни у ставропольского купца он сохранил одно хорошее воспоминание: хозяин никогда не воспрещал ему посещать собор, где Ивану понравилось архиерейское служение. Однако трудно было служить и на этом месте, и Ваня, прожив в Ставрополе лишь один год, отправился опять в Ростов. По дороге он нанял одного армянина, везшего на двух подводах картофель, за два рубля довести его до Ростова.

Шли за подводами пешком. Сначала стояла чудная летняя погода. Когда же они подъехали к станции Аскол, где находился казенный перевоз через Дон, поднялся сильный ветер и нагнал из моря в реку много воды. Казаки, стоявшие здесь в казармах, отказались перевезти их через разбушевавшийся Дон. Армянин, не желая терять времени, предложил Ване поехать с ним берегом до Ростова. Поехали. Но вода все прибывала и все более и более заливала путников. Наступил уже вечер, но буря не утихала. Измученный таким путешествием по пояс в воде, Иван советовал армянину вернуться к перевозу и ночевать в казармах. Армянин не согласился, и Ваня, несмотря на уговоры продолжать с армянином путь далее, вернулся обратно. В казармах, до которых он, весь мокрый, едва добрался, Иван рассказал казакам про несчастного армянина, застигнутого непогодой, но те не обратили на это внимания. На следующий день буря утихла, и Иван совершил свой путь до Ростова уже один.

Тяжелая жизнь его не улучшилась и теперь. Постоянного места в Ростове Ваня не нашел и зарабатывал на хлеб

²² Там же. С. 11.

и ночлег лишь поденной работой. А ночи он опять проводил в «ночлежках», в которых собиралось много рабочих. Ночью они пили вино и играли в карты, но ни в том, ни в другом благоразумный юноша участия не принимал. Положит, бывало, он свою бедную одежду под голову, засунет в нее заработанные тяжелым трудом копейки с паспортом и, усталый от дневной работы, заснет крепким сном.

Насколько тяжелой была жизнь Ивана в это время, показывает одно обстоятельство: он стал было думать о самоубийстве. Часто и подолгу юноша ходил по берегу Дона в тяжком раздумье. Но Иван не поддался этой мысли и решил претерпеть до конца.

Однажды, проснувшись утром, Ваня не нашел в карманах ни денег, ни паспорта. По совету хозяина он заявил об этом в полицию, но там ему отказали: «Уходи лучше без паспорта сам, а то по этапу погонят». И вот Иван Евфимович опять на пути в свое родное село. Глухими, безлюдными дорогами совершает наш путник свой длинный путь. Добрые хохлы, о которых у старца остались вообще хорошие воспоминания, пускали его к себе на ночлег, не спрашивая паспорта, иногда угощали его своим ужином.

Недолго Иван Евфимович пробыл и в этот раз на своей родине. Взяв паспорт, он отправился опять искать места, но теперь уже не в Ростов, а в Таганрог. Здесь ему удалось наконец определиться на хорошее место, в контору богатого купца Рафаилова. Служба его заключалась в том, чтобы следить за сдачей в контору купца привозимой крестьянами пшеницы, а затем развозить ее по греческим и русским конторам в городе. Зимой в конторе работы не было, и Рафаилов отсылал Ивана Евфимовича на свою мельницу, находившуюся в пригородном селе. В течение первой зимы мельница ремонтировалась, а потому и здесь Ивану приходилось работать мало. Мельник-старик был человек благочестивый, всегда посещал церковные службы и любил читать книги духовного содержания, которые он брал у приходского диакона.

Рад был Иван Евфимович уйти от шума городской жизни в тишину глухого села. Имея много свободного времени,

он всецело отдался чтению книг. Каждый праздник они с мельником ходили в церковь, где Иван пел и читал на клиросе. Придя из храма, вскипятят воду в горшочке (самовара не было), сядут пить чай и разговаривают на душеспасительные темы. Часто вечером ходили к диакону, человеку тоже благочестивому, и иногда долго-долго за полночь тянулась их духовная беседа.

Хорошо было жить Ване у купца Рафаилова. Сам Рафаилов был человек религиозный и каждый праздник посещал церковь. Храм находился далеко от его дома, а потому купец туда ездил. «Запряжет, бывало, хозяин лошадь, посадит меня с собою, и поедем с ним к обедне»²³, — вспоминал старец.

Рафаилову понравился смиренный, честный и трудолюбивый Иван Евфимович. Купцу нравилась в Ване горячая вера в Бога, обнаруживавшаяся в его ежедневных молитвах, в неуклонном посещении Божией церкви и любви к чтению духовных книг. Видел купец и высоту нравственной жизни Ивана Евфимовича и задумал он выдать свою дочь за него замуж. Однажды старший сын Рафаилова, возвратившись с Ваней от обедни, сказал своим родителям: «Сегодня я в церкви не столько молился, сколько смотрел на Ивана Евфимовича. Как он хорошо стоит в церкви и как усердно молится: ни разу в сторону не посмотрит, весь в Боге. Для сестры нам лучшего человека и не найти, не надо его упускать»²⁴. И вот как-то Рафаилов открывает Ивану Евфимовичу свое желание.

А приблизительно в это же время получает Иван Евфимович письмо от своей сестры монахини Леониды, с которой он не видался с того времени, как она приезжала в родительский дом после смерти матери. Распечатал Иван письмо и читает в нем, что мать Леонида убедительно советует любимому брату оставить мирскую жизнь и поступить монахом в скит Оптиной пустыни, где в то время жил святой жизни старец иеромонах Макарий²⁵. *Господи, скажи мне путь, в óньже пойду* (Пс. 142, 8), — только и мог произнести тогда измученный и истерзанный суровой жизнью Иван Литовкин.

²³ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 13–14.

²⁴ Очерк жизни о. Иосифа. С. 20.

²⁵ См. о нем на с. 53–54 настоящего издания.

III. На верном пути

*Любит Господь преподобная
сердца, приятни же Ему вси
непорочнии в путех.*

Притч. 22, 12

*Хранит Господь вся
кости их, ни едина от них
сокрушится; яко высок
Господь и на смиренныя
призирает; и приемляй
кроткия Господь.*

Пс. 33, 21; 112, 4, 6; 146, 6

Тяжела и сурова была, как мы видим, доля Ивана Евфимовича. Двенадцати лет, оставшись сиротой, слабый и болезненный, покинул он родной кров и вступил на самостоятельный путь жизни. Острая нужда заставила его в детском возрасте добывать необходимые для пропитания средства своим трудом. Пред ним длинной вереницей потянулись грязные трактиры, мелкие лавочки, речная пристань широкого Дона, мрачные ночлежные дома с их темными обитателями.

В высшей степени неблагоприятные условия жизни расстроили и без того слабый организм Ивана и послужили причиной многочисленных болезней, которые впоследствии не оставляли старца до самой могилы.

Мрачна и непривлекательна была среда, в которой с двенадцати лет вынужден был вращаться Иван. Крайняя распущенность нравов, грубость и невоздержанность в словах и поступках посетителей трактиров, где он служил, обитателей ночлежных домов, в которых он часто проводил беспокойные ночи, и, наконец, служащей молодежи,

в рядах которой он непосредственно находился, — вот та атмосфера, в которую попал несчастный ребенок. Всматриваясь во всю эту неприглядную, жуткую обстановку, окружающую Ивана, не находишь естественного объяснения тому знаменательному факту: каким образом двенадцатилетний мальчик, скромный и ласковый ребенок, нежно воспитанный под родительским кровом, совсем еще не знавший ни жизни, ни людей, не погиб нравственно и прежде всего физически? Объяснить этот факт без участия в нем всеисильной благодати Божией — нельзя.

Справедливо, конечно, объяснять сохранение юноши его высоким религиозным воспитанием в детстве, добрыми наследственными и личными, индивидуальными качествами души, но, думается, этого мало. Чем более всматриваешься в жизнь Ивана Евфимовича, тем более убеждаешься в присутствии около него Невидимого ока, наблюдающего за ним, и Невидимой руки, ему помогавшей. Эта Невидимая рука спасла Ивана, утопавшего и замерзавшего, она спасла его из огня, и она же удержала, отчаявшегося, от насильственной смерти.

Не погиб Иван физически, не погиб он и морально. Грубая среда не загрязнила его чистую душу. А сколько приходило соблазнов и искушений! Какая благоприятная для приобретения греховных навыков и страстей была почва! Вспоминал старец, как в одно из многих своих путешествий из города в город в поисках работы сошелся он с одним человеком. Рассказал Иван ему о своей горькой доле. Тот, сочувствуя ему и желая утешить, предложил зайти в винный погреб и выпить вина. Никогда не пивший хмельного Иван долго отказывался, но наконец уступил упорной просьбе, зашел с ним в погреб и выпил один стакан вина, называвшегося «чихирь». «Выйдя из погреба, — рассказывал старец, — я начал спотыкаться, а знакомый мой шел около и все поддерживал меня. Тут я на опыте узнал, как пьяные падают»¹. Этот стакан слабого вина был первой пробой и последней: больше Иван уже никогда не прикасался к вину.

¹ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 9.

Спрашивали отца Иосифа, понравилась ли ему какая-нибудь женщина в миру. И старец на предложенный вопрос дал ответ, ясно свидетельствующий о его полной невинности: «Да я ведь близорукий и издали никого не мог хорошо разглядеть. Близко подходить я совестился, был очень застенчив. Бывало, хозяин пошлет меня позвать кого-либо при гостях, а я никак не разберу издали, к кому надо подойти»².

В темных делах посетителей ночлежных домов, куда Иван Евфимович, усталый и измученный дневной работой, заходил для ночного отдыха, он не принимал никакого участия, а спал в уголке.

Из всей своей скитальческой жизни старец сохранил только одно хорошее воспоминание: многие хозяева, у которых он служил, не препятствовали ему посещать Божий храм в праздничные дни. «Меня же это, — рассказывает старец, — очень радовало. Как побываю у всенощной и обедни, так все горе забуду»³. Вот в чем находил Иван Евфимович утешение и забвение в окружающей его горькой действительности.

Семена веры и благочестия, вложенные родителями в восприимчивую душу своего любимца-сына, не умерли в нем несмотря ни на что. При содействии почивавшей на нем Божией благодати и личных его усилиях эти семена незаметно для обыкновенного человеческого взора развивались и крепили, были постоянной опорой в нравственном существовании. Назидательные рассказы монахов и богомольцев, находивших приют в доме Литовкиных, о святых местах и подвижниках, а также образы христианских праведников, заимствованные Иваном из житий святых, не изгладились из его памяти; они часто вставали в сознании, манили к себе неземной нравственной красотой и заслоняли преходящие образы мира сего.

Да и память о любимой сестре-монахине, о которой он не мог забыть в тяжелые дни своей жизни, будила в душе святые чувства и говорила о существовании иной жизни — жизни верующего сердца, о молитве и иноческих подвигах.

² Слова старца Иосифа. С. 12.

³ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 9.

Все это поддерживало и укрепляло в нем благочестивую настроенность. Действие благодати Божией вместе с этой настроенностью, доведенной им впоследствии до удивительной высоты, чистоты и интенсивности, и объясняют то, почему Иван, брошенный судьбою в грязный омут, оставался физически и нравственно целым и продолжил идти путем, который оканчивается в дверях чертога Небесного Царя. Это же и предрешило выбор, который он должен был сделать между предложением своего хозяина Рафаилова и любимой сестры — матери Леониды.

С принятием первого предложения пред Иваном Литвиновым, проводшим многие годы в труде и лишениях, открывался путь богатства, почестей и мирских удовольствий. Это предложение было последним сильным искушением Ивана Евфимовича в миру. И на этот раз он не поддался соблазну и преклонился не перед широкой дорогой светской жизни, а перед узким иноческим путем.

Подтолкнуло Ивана Евфимовича к решению письмо от сестры. «Возгорел у меня тогда, — вспоминает старец, — огонь духовный: захотелось пойти к сестре и в Киев к угодникам Божиим»⁴.

Предрешив в душе свою дальнейшую судьбу, Иван Евфимович не дает официального ответа хозяину на его предложение и просит отпустить на богомолье. Купец Рафаилов после долгих уговоров Ивана Евфимовича остаться в Таганроге отпустил его, но просил после богомолья вернуться опять к нему. Он не терял надежды выдать за него свою дочь.

С посохом в руках и котомкой за плечами пустился юный путник в далекую неизвестную дорогу в Борисовскую пустынь⁵, мечтая оттуда сходить к святым местам древнего Киева. По дороге он зашел в монастырь Святые горы Харьковской губернии. В течение трех дней, проведенных в этой обители, он исповедовался и приобщился Святых Таин. «Это был первый монастырь, — вспоминал старец, — в который я пришел в первый раз в жизни»⁶. Понравилась

⁴ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 15.

⁵ См. о ней примеч. на с. 4.

⁶ Там же. С. 16.

нашему путнику уединенная жизнь иноков этой обители, но остаться он здесь не мог: его влекла цель, поставленная при начале путешествия.

Долго совершал свой путь Иван Евфимович, и только к Рождеству пришел он в Борисовскую пустынь. Скажем несколько слов о последней.

Борисовская женская община славилась тогда высотой монашеской жизни насельниц, из которых очень многие находились под духовным руководством оптинских старцев. В самой обители были и свои духовные руководители — опытные старицы. Под руководством одной из них, схимонахини Алипии, ученицы оптинских Леонида⁷ и Макария⁸, находилась сестра Ивана Евфимовича мать Леонида. С этой старицей она несколько раз бывала в Оптиной пустыни. Будучи однажды у отца Макария, она со слезами на глазах вылиwała ему свою скорбь о любимце-сироте Ване. «Не скорби, — ответил ей старец, — он будет со временем монахом»⁹.

Радостна была встреча Ивана Евфимовича с сестрою. «Как только увидались, — рассказывал старец, — радости и описать трудно: от юности не видались»¹⁰. Сколько было пролито тут слез, сколько воспоминаний пронеслось пред ними, сколько было высказано задушевного, тайного, глубокого...

Долго пришлось прожить здесь Ивану Евфимовичу. К этому времени кончился срок его паспорта, а новый с родины почему-то долго не высылали. Целые дни проводил Иван в монастыре, а на ночь уходил в нанятую в селе Борисове квартиру. Так прожил он всю зиму и лето 1860 года.

Мудрая старица Алипия, часто присутствовавшая при беседах Вани с сестрою, в которых он высказывал свои думы и чувства, видела его преданность к Церкви, любовь к уединению и искреннее желание оставить мир и посвятить себя молитве и иноческим подвигам. И вот однажды

⁷ См. о нем далее на с. 47.

⁸ См. о нем. на с. 53–54.

⁹ Устный рассказ иеромонаха Оптиной пустыни Моисея.

¹⁰ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 16.

она обратилась к нему с таким советом: «Оставь свой Киев и иди в Оптину пустынь к старцам». Как напоминает этот совет старицы Алипии совет троекуровского затворника отца Илариона¹¹, данный им Александру Михайловичу Гренкову, впоследствии знаменитому оптинскому старцу Амвросию! «Иди в Оптину к старцам», — сказал тогда затворник¹². И как тогда этот совет положил конец нерешительности Александра Михайловича при вступлении на путь иноческий, так и теперь совет старицы Алипии Ивану Евфимовичу имел то же последствие.

Мы знаем, что путь иноческой жизни для Ивана Евфимовича был предreshен Свыше, но, видно, он нуждался в толчке извне. Таким толчком стало письмо к нему матери Леониды, но сразу решиться на столь ответственный пред Богом и людьми шаг Иван не мог. Он нуждался в другой воле, в другой личности, более опытной и сильной духовно, которая бы могла разобраться в его душевном состоянии и благословить на решительный шаг. Такую волю он нашел в лице старицы Алипии.

Когда с родины Ивану Евфимовичу прислали паспорт, он взял рекомендательное письмо от двух борисовских подвижниц к старцу Амвросию (отец Макарий в это время уже умер), простился с ними и, помолившись Богу, с радостным сердцем продолжил свой прерванный путь, но только теперь уже не в Киев, а в Оптину, и не для частного богомоления, а для вручения себя воле мудрых старцев этой обители на всю последующую жизнь. Это было осенью 1860 года.

¹¹ Троекуровский затворник Иларион (Фокин; 1774–1853) обладал даром прозорливости и исцеления. Церковь чтит память преподобного Илариона 28 июля/10 августа (в Соборе Тамбовских святых).

¹² Четвериков С. Жизнеописание старца Амвросия. С 20.

IV. Опти́нское ПОДВИЖНИЧЕСТВО

*Начало премудрости страх
Господень; разум же благ всем
творящим и.*

Пс. 110, 10

Старчество современно монашеству. Оно легло в основу всего строя иноческой жизни и представляло прочную цепь внутренних и внешних отношений, которыми держалась совместная жизнь первоначальных монашеских общин. Широкое распространение получил этот институт на Востоке. Все почти египетские и палестинские кинувии¹ украшались старчеством, особенно же строго хранились его заветы на Афоне. С Востока старчество перешло и к нам, в Россию, вместе с монашеством². Но впоследствии под влиянием разных неблагоприятных исторических условий, вместе с упадком монастырской жизни вообще, старчество стало падать и отходить в область преданий.

Появились даже противники его. Уже во времена Нила Сорского³ старческий путь многими не принимался,

¹ Кинóвия (*греч.*) — общежительный монастырь с нераздельным имуществом и общим хозяйством.

² Вопрос о старчестве в древнерусских монастырях совершенно не затронут в научной литературе. Судя по житиям, оно было общераспространено. Но как совмещалось старчество с духовничеством: как делили власть свою на одного и того же послушника и духовного сына старец и духовник его, это совершенно не ясно: в древнерусских житиях и иноческих уставах, насколько известно, данных для ответа на этот вопрос нет. — См.: *Смирнов С.* Древнерусский духовник. М., 1913. С. 26. Примеч. 5.

³ Преподобный Нил Сорский (Майков; 1433–1508) подвизался в Кирилло-Белозерском монастыре около тридцати лет, несколько лет прожил на Афоне, где познакомился с учением и практикой иси-

а к концу XVIII века и совсем забыт. Но Промысл Божий воздвиг в лице молдавского старца архимандрита Паисия (Величковского) восстановителя и насадителя старчества в русских обителях. Этот выдающийся деятель совершавшегося во второй половине XVIII и в начале XIX века духовного движения в русском иночестве восстановил и утвердил в сознании своих многочисленных учеников истинный смысл христианского подвижничества, его цель и превосходнейший путь к достижению ее. Велико было влияние отца Паисия на все русское монашество, но особенно сильно сказалось оно в жизни Оптиной пустыни. Оптинокое подвижничество создалось именно на тех началах, которые проводил в своей жизни и деятельности архимандрит Величковский.

Отец Паисий родился в 1722 году в семье полтавского протоиерея. Тринадцати лет он был отдан в духовное училище при Киевском Братском монастыре. С ранних лет «начат в его душе рождаться ревность к оставлению мира и восприятию святого монашеского ангельского образа»⁴. Первым чтением мальчика были книги Священного Писания, жития святых и творения святых отцов. Маленький Петр часто «затворяшеся и чтяше я ненасытно. Молчание же толико любяше, яко и самая его мати зело редко когда слышаше беседу его: бе бо кроток и зело стыдлив и бездерзновенен, не точию⁵ к чужим, но и к своим. Таково бе сего чудного мужа усердное желание к Богу еще в десятилетнем возрасте, яко всем видящим и слышащим о нем удивлятися его добронравию, и ревности, и усердию, и прославляху Бога, глаголюще: слава Тебе Христе Боже, яко Ты возносиши избранного от людей Своих»⁶. Пробыв четыре года в училище, в течение которых

хазма. Вернувшись в Россию, он основал недалеко от монастыря первый на Руси скит (впоследствии Нило-Сорская пустынь), подражая афонским и древним египетским обителям. Старец Нил был сторонником уединенного скитского жития монахов и известен своими нестяжательными взглядами. Оставил нравственно-аскетические труды. Церковь чтит его память 7/20 мая.

⁴ Житие и писания прп. Паисия (Величковского). С. 17.

⁵ То́чию (цсл.) — только.

⁶ Там же. С. 18.

«грамматическому учению обучаешься... паче же упражняешься в чтении святых книг», отчего «паче и паче утверждаешься в непреложном своем намерении о монашестве»⁷, Петр (так звали его в миру) «разжегся душою к странствованию и, оставив училище, изыде из града Киева»⁸.

Слава о строгих молдавских подвижниках Михаиле и Василии⁹ влекла к ним молодого Петра, и вот он отправляется во Влахию и поступает в скит Трейстены, где жили названные подвижники. Общение с ними имело большое значение для Величковского, оно раскрыло ему сущность иноческой жизни, обратило его внимание на внутреннюю сторону ее, самоусовершенствование духа, и указало ему на святоотеческие творения как на источник монашеского воспитания.

Прожив три года в Молдавии, Величковский отправился на Афон искать себе «духовного отца... ему же бы могл предати себя в послушание»¹⁰, но, не найдя такового, поселился в одиночестве и предался молитве и подвигам¹¹.

Слава о его святой жизни стала мало-помалу распространяться и привлекать к нему учеников. Первым учеником, положившим начало Паисиевой общины, был инок Виссарион¹². Он так же, как и Паисий, долго искал себе наставника, но, не найдя его, пришел к Паисию и просил его, «рещи ему слово о спасении души, какова подобает обрести наставника, ему же бы вверити свою душу»¹³. «Брате! —

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Речь идет о преподобном Василии Поляномерульском (ок. 1693–1767), основателе Поляномерульского скита в Молдавии (ныне Румыния). Старец духовно руководил одиннадцатью обителями. В скиту Трейстены он наставлял некоторое время юного инока Платона Величковского. Позднее они встретились на Афоне, где в 1750 г. старец Василий постриг его в мантию с именем Паисий. Церковь чтит память прп. Василия 25 апреля / 8 мая.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Отец Виссарион († 1766) был не только учеником старца Паисия, но и его ближайшим помощником по устройству первой монашеской общины на Афоне и позднее в Молдавии.

¹³ Там же. С. 37.

ответил ему Паисий. — О горестном деле понуждаешь ты меня говорить тебе... Ибо я также с великим тщанием и скорбию искал наставника и не нашел. И много скорбей претерпел, да и теперь еще терплю. Спасение души, которого ты ищешь, не может быть с удобством совершаемо иначе как через истинного духовного наставника, который и сам понуждает себя исполнять все заповеди Господни. Ибо как может кто наставлять другого на путь, которым сам не ходил? Должно прежде самому подвизаться до крови против всех страстей... чтобы научить и других врачевать и наставлять... Такого, брат, следовало бы нам найти себе наставника, но увы! Какое наше время! Предвидя Духом Божиим это злополучное время, богоносные отцы из жалости к нам оставили нам святые свои писания, в которых мы и должны с великою заботливостью и со многими слезами день и ночь поучаться»¹⁴.

После такого ответа Паисия инок упал к его ногам и умолял его принять к себе на послушание. Смиренный отшельник с трудом согласился на это, но первым условием поставил совершенное равенство между ними. Вместо же наставника и отца они должны были почитать для себя духовные творения святых отцов.

Долго отказывался Паисий от духовного руководства других и тогда даже, когда около него уже собралось большое количество учеников, но наконец он уступил их усиленным просьбам и принял на себя подвиг старчества.

В 1763 году Паисий переселился со своею духовной семьею во Влахию по просьбе тамошнего господаря Каллимахи и митрополита Гавриила для лучшего устройства в этой стране монашеской жизни и был поставлен настоятелем монастыря Драгомирни. После войны России с Турцией 1768 года, когда Драгомирна отошла к Австрии, князь Гика отдал в управление Паисия Секульский монастырь, из которого потом он перешел в монастырь Нямецкий, где в 1790 году был возведен в сан архимандрита, а в 1794 году 15 ноября скончался.

¹⁴ Там же. С. 37–39.

Сошел в могилу великий авва Паисий, но остался жить в плодах своей многотрудной деятельности на пользу православного монашества. Среди лучших иноков нашего времени память о нем жива и поныне.

В Секульском и Нямецком монастырях¹⁵ широко развернулась деятельность отца Паисия как старца и как переводчика святоотеческих творений аскетического характера.

Величковский обратил преимущественно внимание на внутреннюю сторону монашества, на усовершенствование духа инока, что особенно ярко выразилось во введении им и широкой постановке его духовного руководства монахов. В старчестве отец Паисий видел самый верный и самый удобный путь к осуществлению истинной цели иночества. По заведенному отцом Паисием порядку иноки подведомственных ему монастырей должны были ежедневно ходить к старцу, открывать ему все свои помыслы и испрашивать у него благословение на всякое дело. Отец Паисий сам был старцем и принимал к себе на откровение помыслов. Двери его кельи не затворялись до девяти часов вечера, и всякий имел свободный доступ к нему. Много народа ходило к отцу Паисию «за телесными и духовными нуждами», и старец всех принимал. С приходящими он вел беседу соответственно его духовному развитию: «Рассмотряше нрава настроение, разум же и послушание». Иногда с первого взгляда на посетителя отец Паисий узнавал цель, с которою тот пришел к нему, и, уже не расспрашивая пришедшего, прямо давал необходимый ответ. О впечатлении, которое производил на посетителей своими беседами отец Паисий, его ученик говорит так: «Сладкоречие же его како могу изрещи? Всякий бо день все мы готовы были пред ним неотступно стояти, да насладимся светлого его лицезрения и сладких словес его»¹⁶.

Вторым после старчества основанием, на котором должна созидаться иноческая жизнь, отец Паисий справедливо полагал изучение святоотеческих творений и осуществление

¹⁵ Ныне они находятся на территории Румынии.

¹⁶ Там же. С. 54–55.

закрывающихся в них заветов древнего подвижничества. «Якоже дыхание нужно есть к составлению человеческой жизни, так нужны сущие монахам отеческие книги к пользе душевной и исправлению и ко истинному здоровому, не прелестному и смиренномуудрому разуму»¹⁷, — вот другой провозглашенный Паисием принцип монашества. Результатом такого его взгляда на чтение творений святых отцов были его переводные труды, составляющие одну из важнейших заслуг Величковского для монашества, да и вообще для всего русского общества.

Дело Паисия, как видим, не заключало в себе ничего нового с теоретической стороны. Заслуга его в том, что он напомнил современному монашеству о забытых им святоотеческих заветах и широко поставил практическое осуществление этих заветов в жизни монашества. Дело это шло двумя путями: через распространение переведенных им святоотеческих писаний и чрез многочисленных его учеников. Последние, разойдясь впоследствии по многим русским обителям, явились проводниками выдвинутых Величковским начал строгой монашеской жизни. Эти начала хранятся и до настоящего времени в лучших русских монастырях, как, например, в Оптиной пустыни. Последняя явилась у нас на Руси лучшей выразительницей и продолжательницей дела Величковского. Вот почему мы говорим, что сошел в могилу Паисий, но память о нем жива и поныне. Он и поныне живет в духе оптинского подвижничества.

Оптина пустынь до тридцатых годов прошлого столетия¹⁸ не отличалась высотой духовной жизни своих насельников. Иноки главное внимание обращали на внешнюю сторону монашества: пост, бдение, молитву с поклонами, псалмопение и т. п. Многие из них носили вериги, но, «проходя самопроизвольно суровые подвиги, они не переносили во смирении ни ниспосылаемых от Бога скорбей, ни укоризненных слов от людей и, удручая тело веригами, в душе между тем питали вражду и злопамятность против оскорбителей

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ То есть XIX века.

и увлекались самомнением, доходя иногда и до прелести»¹⁹. Внутреннее же делание инока — очищение сердца от страстных помыслов молитвою и исповеданием их духовному руководителю — не входило в круг духовной деятельности тогдашних оптинских насельников²⁰.

Новое направление внутренней жизни иночества Оптиной пустыни было дано при содействии ее замечательного настоятеля архимандрита отца Моисея [родился в 1782 г.]. Этому иноку Оптина пустынь обязана главным образом своим внешним процветанием, но немалая заслуга принадлежит ему и в деле подъема духовной жизни ее иноков.

До своего появления в Оптиной пустыни отец Моисей долгое время жил среди учеников старца Паисия. Еще мирским человеком, находясь в Москве на службе, он был хорошо знаком с инокиней Ивановского монастыря Досифеею²¹ и новоспасскими иноками Александром²² и Филаретом²³, усвоившими взгляды отца Паисия на иноческую

¹⁹ Жизнеописание оптинского старца Леонида. С. 58.

²⁰ Там же. С. 58. Ср. Жизнеописание о. Моисея. С. 87.

²¹ Старица Досифея (в миру княжна Августа Тараканова; 1746–1810) посоветовала двум братьям Путиловым принять монашество, провидя в этих юношах будущих настоятелей монастырей. Тимофей при постриге был наречен Моисеем и стал архимандритом Оптиной пустыни, а Иона с именем Исаия — игуменом Саровской пустыни.

²² Иеромонах Александр (Подгорченков; 1758–1845) в 1798 г. был определен наместником Новоспасского монастыря в Москве, затем причислен к больничным иеромонахам. Вел уединенную жизнь, переписывался со старцем Паисием Молдавским, общался с его учениками и состоял в дружбе с иеромонахом Филаретом Новоспасским. В 1810 г. возведен в сан архимандрита Арзамасского Спасского монастыря.

²³ Иеромонах Филарет (Пуляшкин; 1758–1842) подвизался в Новоспасском монастыре с 1794 г. В 1798 г. был определен духовником этой обители. Потом несколько лет провел в подвиге строгого безмолвия, который подготовил его к старческому служению, начавшемуся в 1809 г. В 1826 г. старец Филарет пострижен в схиму с именем Феодор. Он был очень начитан и обладал духовными дарами мудрого совета и прозорливости. По его совету о. Макарий (Иванов) перешел из Площанской пустыни в Оптину.

жизнь²⁴. Поступив затем в Свенский монастырь, он опять жил в среде находившихся там учеников Паисия и, наконец, в течение десяти лет вел суровую отшельническую жизнь в Рославльских лесах Смоленской губернии под руководством Паисиевых учеников старцев Афанасия²⁵, Досифея²⁶ и Дорофея²⁷. Близкое общение с этими людьми не могло не оказать влияния на духовное состояние отца Моисея. И действительно, мы видим, что в период его жизни под руководством названных старцев у него вполне уже сложился взгляд на иноческую жизнь как главным образом на подвижничество духа²⁸.

В 1821 году отец Моисей переселился в Оптиную пустынь. Это произошло следующим образом. Преосвященный Филарет, епископ Калужский²⁹, обратил внимание

²⁴ Жизнеописание о. Моисея. С. 201.

²⁵ Афанасий (Степанов; 1771–1844), иеросхимонах. В 1802 г. был пострижен в монашество в Оптиной пустыни, рукоположен во иеромонаха и избран духовником обители. Стремясь к уединению, уходил в Рославльские и Якимовичские леса. В отшельничестве был духовным наставником братьев Путиловых — будущих преподобных Моисея и Антония Оптинских. В 1825 г. перешел в Свенский монастырь, где и скончался.

²⁶ Известно, что отец Досифей при старце Паисии был духовником и начальником больницы в Секульском монастыре. С 1805 по 1808 г. — настоятель в Нямецкой обители. См.: *Сергий Четвериков, прот.* Молдавский старец Паисий Величковский, его жизнь, учение и влияние на православное монашество. М., 1998. Часть 5: Ученики старца Паисия.

²⁷ Есть сведения, что отца Дорофея старец Паисий посылал учиться в богословскую школу в Бухаресте. Он был переводчиком святоотеческих трудов на славянские языки. После кончины старца Паисия настоятелем Нямецкого монастыря был избран архимандрит Софроний, а его сменил отец Дорофей (с 1799 по 1803 г.).

²⁸ См. его письмо к брату. Жизнеописание о. Моисея. С. 201.

²⁹ Святитель Филарет (Амфитеатров; 1779–1857) возглавлял Калужскую кафедру с 1819 по 1824 г. Сам, будучи великим постником, молитвенником и аскетом, владыка проявлял особую заботу о возрождении в монастырях епархии древних аскетических традиций. Выбрав Оптиную пустынь, преосвященный основал там Иоанно-Предтеченский скит и положил начало старчеству. Впоследствии владыка занимал другие кафедры. С 1837 г., будучи в сане митрополита, двадцать лет возглавлял Киевскую кафедру. С Оптиной он

на чудесное местоположение Оптиной и удобство, которое представляли ее лесные окрестности для уединенной и созерцательной жизни, и задумал устроить скит при пустыни³⁰. Для осуществления этого плана были вызваны из Рославльских лесов подвижники, славившиеся высотой своей духовной жизни.

Группа рославльских монахов во главе с отцом Моисеем прибыла в Оптину пустынь 6 июня 1821 года и, получив благословение архипастыря, принялась за устройство скита³¹. Первым начальником его и был назначен отец Моисей. В 1825 году он был назначен уже настоятелем монастыря, и с этого года началось знаменитое в истории пустыни его управление ею, продолжавшееся до его кончины в 1862 году. Главная и неоценимая заслуга отца Моисея состояла в том, что он решился при содействии посланных ему Богом старцев ввести в своей обители древний порядок иноческой жизни, учредить так называемое старчество³².

Воспитавшийся духовно в среде учеников старца Паисия, отец Моисей высоко ценил путь старческого окормления для иночества, но стать старцем для братии при своих многочисленных занятиях по устройству и управлению обители он не мог. Зато, лишь только обнаружился человек, вполне достойный быть духовным руководителем братии, отец Моисей с радостью принял его к себе, поместил в приготовленную для него в скиту келлию, сделал его своим духовным отцом и всячески содействовал утверждению старчества в обители. Этим человеком был отец Леонид (Наголкин), первый великий старец Оптиной пустыни. При сотрудничестве отца Макария, другого знаменитого оптинского старца, он насадил и утвердил старчество в этой обители.

поддерживал тесную связь всю жизнь. День памяти святителя — 21 декабря/3 января.

³⁰ *Кавелин Л.* Историческое описание Оптиной пустыни. Ч. 2. С. 4 и далее.

³¹ Там же. С. 18 и далее. Ср. Жизнеописание о. Моисея. С. 44–45 и далее.

³² Жизнеописание о. Моисея. С. 80.

Отец Леонид, в миру Лев Данилович Наголкин, родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии. До поступления в монастырь он занимался торговлей и качестве купеческого приказчика объездил многие уголки России. Вступая повсюду в сношения с людьми всех сословий, он еще в миру приобрел большое знание людей и жизненную опытность, которую впоследствии употребил для пользы своих духовных детей.

В 1797 году он оставил мир и поступил в Оптиную пустынь, но, прожив в ней два года, перешел в Белобережскую обитель, в которой был некоторое время настоятелем. Затем жил в Чолнском монастыре Орловской губернии, где пользовался руководством схимонаха Феодора³³, ученика Паисия, в Площанской пустыни. Там отец Леонид сблизился с отцом Макарием (Ивановым)³⁴, жил на Валааме вместе с учениками Паисия отцами Феодором и Клеопой³⁵ и затем в Александро-Свирском монастыре³⁶.

После смерти отца Феодора, своего духовного отца, отец Леонид начал искать для себя более уединенное место, чем Свирский монастырь. По приглашению Калужского епископа Филарета он в 1829 году³⁷ переселился с пятью

³³ Феодор (Перехватов; 1756–1822), схимонах. С 1782 г. подвизался в Нямецком монастыре. В 1801 г. вернулся в Россию и жил в разных монастырях. С 1802 по 1805 г. — в Чолнском. Под руководством этого опытного наставника отец Леонид обучался духовной брани со страстями и постигал искусство умного делания.

³⁴ Несколько нарушена последовательность: старец Леонид жил полгода в Площанской пустыни после того, как покинул Александро-Свирский монастырь, то есть это было не ранее 1828 г.

³⁵ Клеопа (Антонов; 1749–1816), иеросхимонах. В Нямецком монастыре с 1790 г. В 1791 г. принял монашество, в 1793 г. пострижен в схиму старцем Паисием. По возвращении в Россию с 1803 по 1805 г. пребывал в Чолнском монастыре. С 1811 г., ища большего уединения, вместе с отцом Леонидом они переселились в Валаамский скит, в 1812 г. к ним присоединился старец Феодор. Здесь они прожили около шести лет, духовно окормляя братию и посетителей.

³⁶ Жизнеописание о. Леонида. С. 1–15.

³⁷ Допущена неточность: в это время архиепископ Филарет (Амфи-театров) занимал уже Казанскую кафедру. Будучи калужским епископом, он еще в 1823 г. приглашал отца Леонида (Наголкина)

своими учениками, в числе которых был и Игнатий (Брянчанинов)³⁸, в Оптину пустынь³⁹.

Отец Моисей, как мы уже сказали выше, с радостью принял отца Леонида и предоставил ему право руководить в духовной жизни всех тех братий, которые пожелают, и стал поручать ему новоназначенных. Не занимая никакой официальной должности, отец Леонид всецело отдался этому ответственному служению.

«С того времени, — говорит его жизнеописатель, — весь внутренний строй монастырской жизни в Оптиной пустыни изменился. Без совета и благословения старца ничего важного в обители не делалось. В его келлию ежедневно, особенно в вечерние часы, стекались братия с душевными своими потребностями; каждый спешил покаяться пред старцем, в чем согрешил в продолжении дня делом, словом или помышлением, просить его совета и разрешения в встретившихся недоумениях, утешения в постигшей скорби, помощи и подкрепления во внутренней борьбе со страстями и с невидимыми врагами нашего спасения. Старец всех принимал с отеческой любовью и всем преподавал слово опытного назидания и утешения. Вот как описывает келлию отца Леонида очевидец, его ученик иеромонах Антоний⁴⁰.

перейти в Оптину пустынь. Хотя отец Леонид еще долгое время оставался в Александро-Свирском монастыре, владыка провидел его приход.

³⁸ Будущий святитель Игнатий (Брянчанинов; 1807–1867), а тогда послушник Димитрий, имел слабое здоровье, он постоянно болел и был вынужден уехать из Оптиной. Но он состоял в переписке с оптинскими старцами Леонидом, Макарием и прочими отцами и братьями. Будучи уже архимандритом, заботился о материальном благополучии Оптинской обители, помогал им в издании святоотеческой литературы. Оптина всегда была в его сердце.

³⁹ Там же. С. 17; ср. Козельская Введенская Оптина пустынь и ее значение в истории монашества // Чтение в обществе любителей духовного просвещения. 1893. Т. 2. С. 401.

⁴⁰ Речь идет об иеромонахе Антонии (Медведеве; † 1880). В 1833–1837 гг. он нес послушание келейника у старца Леонида. Позднее был духовником в Киево-Печерской лавре. Им оставлены записки о старце Леониде, включенные во 2-е изд. книги «Первый великий старец Оптинский, иеромонах Леонид» (Шамордино, 1917).

«Келлия старца от раннего утра до поздней ночи, наполненная приходившими к нему за духовную помощью, представляла картину, достойную кисти художника. Старец в белой одежде, в короткой мантии, был виден из-за круга учеников своих, которые стояли пред ним на коленях, и лица их были одушевлены разными выражениями чувств. Иной приносил покаяние в таком грехе, о котором и не помыслил бы не проходивший послушания; другой со слезами и страхом признавался в неумышленном оскорблении брата. На одном лице горел стыд, что не может одолеть помыслов, от которых желал бы идти на конец света; на другом — выражалась хладнокровная улыбка неверия ко всему видимому: он пришел с другими только явиться к старцу и уйти неисцеленным. Но и он, страшась его пронизательного взгляда и обличительного слова, потуплял очи и смягчал голос, как бы желая смягчить своего судию ложным смирением. Здесь видно было истинное послушание, готовое лобызать ноги старца; там — немощный, отринутый всем миром, болезненный юноша не отходил от колен отца Леонида, как от доилицы ее питомец. Между прочими видна была седая голова воина... Здесь белелись и волосы старца⁴¹, который, признавая свое неискусство в монашестве, начинал азбуку духовную, когда мир признавал его наставником.

Разнообразным обществом был окружен великий старец и вождь духовный. В этой чудной келлии можно было видеть зрелища, столь же поучительные, как и все события, напоминавшие лучшее время христианства.

Благотельно стали отражаться богомудрые наставления старца на оптинском братстве, которое понемногу начало совершенствоваться в нравственном отношении.

Искусное врачевание больных душ, мудрость старца, свидетельствуемая любовью и почтением к нему настоятеля и братии, скоро сделали отца Леонида известным и вне обители»⁴². Ради духовных советов начали приходить

⁴¹ Отец Макарий (Иванов) — второй оптинский старец.

⁴² Жизнеописание о. Леонида. С. 26–28.

к дверям его келлии из городов и селений разного рода люди: дворяне, купцы, мещане и простой народ обоего пола. Все были принимаемы старцем с сердечным расположением и любовью, и никто из приходящих не уходил из его келлии неутешенным⁴³.

Особенно близок был отец Леонид к простому народу. Как жалел и любил его старец и как взаимно был любим и почитаем он этим народом, показывает следующее. Однажды приехал в Оптину пустынь благочинный города Белёва отец протоиерей Иоанн Глаголев, который любил и уважал отца Леонида и взаимно был уважаем. Придя к старцу, протоиерей нашел его окруженным крестьянками-женщинами. «Охота вам, батюшка, возиться с бабами», — сказал он с простотой. — «Что ж, отец Иоанн, и правда: это бы ваше дело, — отвечал старец, — а скажите-ка, как вы их исповедуете? Два, три слова спросите, вот и вся исповедь. Но вы бы вошли в их положение, вникли бы в их обстоятельства, разобрали бы, что у них на душе, подали бы им полезный совет, утешили бы их в горе. Делаете ли вы это? Конечно, вам некогда долго с ними заниматься. Ну а если мы не будем их принимать, куда же они пойдут бедные со своим горем?» Протоиерей сознался в необдуманности своих слов, сказанных старцу⁴⁴.

«Случилось мне, — писал А., — проезжать из Козельска в Смоленскую губернию. На дороге в уединенных деревушках поселяне, узнав, что я еду из Козельска, наперерыв спешили узнать что-нибудь об отце Леониде. На вопрос, почему вы его знаете, они отвечали: “Помилуйте, кормилец, как нам не знать отца Леонида? Да он для нас бедных, неразумных пуще отца родного. Мы без него были, почитай, сироты круглые”». По этому поводу жизнеописатель Леонида восклицает: «Вот памятник, который вековечнее многих мраморов и гранитов»⁴⁵.

Этой плодотворной деятельности энергичного и смелого старца Леонида не могли остановить никакие препятствия. А надо заметить, их было немало.

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ Там же. С. 84.

⁴⁵ Там же. С. 81–82.

Старчество в самом начале своего появления в Оптиной пустыни вызвало протест. Откровение помыслов старцу, проверка своих действий его наставлениями и советом, учение старца о внутреннем делании, о том, что иноческая жизнь не состоит исключительно в поклонах, посте, псалмопении и т. п., — все это для многих из братии, особенно для стариков, в течение всей жизни обращавших внимание на видимость, казалось так странно и непонятно, что они не задумались назвать старчество пустым нововведением, сплетнями и даже новою ересью. Посещение же старца светскими лицами, особенно женщинами, представлялось им подозрительным и во всяком случае нарушающим скитское безмолвие.

К епархиальному начальству посылались доносы и жалобы. В тихой обители поднялась страшная буря, грозившая в самом начале подорвать старчество. Преосвященный Калужский Николай⁴⁶ доверился доносчикам и указом перевел отца Леонида из скита в монастырь и запретил ему принимать мирян. Это запрещение повторялось неоднократно, и старец повиновался — прекращал прием, но ненадолго. Дело в том, что лица, привыкшие к старцу, его советам и наставлениям, требовали его духовной помощи и невыносимо страдали без него. Не быв допущены к отцу Леониду, они обращались к настоятелю с убедительными просьбами разрешить свидание со старцем. Настоятель, вполне понимавший эти душевные нужды просителей, иногда сам приводил их к старцу. Когда же отец Моисей на это не решался, то посетители обращались к самому преосвященному, который иногда разрешал отцу Леониду принять их. Но отец Леонид, приняв присланных от епископа, каждый раз после этого отворял двери для всех, говоря, что если не принимать, так не принимать никого, а если принимать, так уж всех принимать⁴⁷.

Иногда старец, сострадая своим духовным детям, во многом числе толпившимся около его келлии, самостоятельно растворял для них двери.

⁴⁶ Преосвященный Николай (Соколов; 1780–1851) был Калужским и Боровским епископом в 1834–1851 гг.

⁴⁷ Там же. С. 44–45.

Однажды отец игумен, проходя по монастырю, заметил, что старец принимает народ, между тем как недавно последовало из Калуги приказание никого не пускать к нему. Отец игумен вошел в келлию. «Отец Леонид, — сказал он, — как же вы принимаете народ? Ведь владыка запретил». Вместо ответа старец, отпустив посетителей, велел келейникам своим внести к себе калеку, который лежал у дверей его келлии. Те принесли и положили его перед ним. Игумен с недоумением смотрел на это. «Вот, — начал свою речь отец Леонид, — посмотрите на этого человека. Видите, как у него все члены телесные поражены. Господь наказал его за нераскаянные грехи. Он сделал то и то, и за все это теперь он страдает — он живой в аду. Но ему нужно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли я его не принять? Что вы на это скажете?» Слушая отца Леонида и смотря на лежавшего пред ним страдальца, отец игумен содрогнулся. — «Но преосвященный, — промолвил он, — грозился послать вас под начал⁴⁸». — «Ну так что ж? Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь поставьте, я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародье многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?» Вполне понимая старца, молча ушел от него отец Моисей⁴⁹.

В другой раз приехал в Оптину сам преосвященный Николай и, увидев старца, окруженного толпою, заметил ему: «А ты все еще с народом возишься? Не пора ли тебе успокоиться?» — «Пою Богу моему, дондеже есмь» (Пс. 145, 2), — отвечал твердо и спокойно отец Леонид⁵⁰.

В 1837 году Оптину пустынь посетил митрополит Филарет Киевский, которого сопровождал епископ Николай. Митрополит очень милостиво и внимательно обошелся и с отцом Моисеем, и с отцом Леонидом. Результатом

⁴⁸ Под начал (*устар.*) — под руководство, в подчинение к кому-либо.

⁴⁹ Там же. С. 47–48.

⁵⁰ Леонтьев К. Отец Климент. С. 41.

этого посещения было то, что епископ Николай менее стал доверять всяким жалобам и доносам недоброжелателей старца. После же завязавшейся между ним и митрополитом Филаретом переписки по поводу оптинской неурядицы преосвященный окончательно прекратил гонение на Леонида, и старец в течение последних пяти лет своей жизни уже беспрепятственно продолжал свое служение ближним⁵¹. Так кончилось оптинское дело, причинившее много скорби отцу Леониду.

А между тем с каждым годом стечение народа в Оптиной все увеличивалось. Многие подвижники со всех сторон России стали посылать в Оптину пустынь под руководство отца Леонида для обучения в монашеской жизни людей, искавших для этого надежного пристанища. Отовсюду стали стекаться братия к мудрому оптинскому старцу.

Отец Макарий, в миру Михаил Николаевич Иванов, происходил из дворян и родился [в 1788 г.] в имении своего отца под Калугой. В Площанской пустыни, куда он поступил в 1810 году, отец Макарий воспитывался под руководством ученика старца Паисия архимандрита Афанасия⁵². После кончины последнего в 1825 году отец Макарий сильно скорбел о своем духовном сиротстве и молил Господа послать ему опытного наставника. Такого он и нашел в лице отца Леонида. Вскоре после перехода в Оптину он [отец Макарий] был назначен духовником оптинского братства, а в 1839 году — скитоначальником. Отец Макарий был незаменимым сотрудником старца Леонида, помогая ему в его обширной переписке с духовными детьми и разделяя с ним труды духовного окормления братии и посетителей⁵³. Еще при жизни старца Леонида все привыкли смотреть на отца

⁵¹ Козельская Введенская Оптина пустынь и ее значение. С. 410–412.

⁵² Афанасий (Захаров; † 1825), схимонах. Духовный сын и постриженник прп. Паисия. В миру был дворянином, в возрасте тридцати лет принял постриг в Нямецком монастыре. Позднее подвизался в разных монастырях России. В 1815 г. поступил в Площанский монастырь, для которого явился первым старцем новой школы, духовно окормлял братию и мирян. Отец Афанасий стал наставником, сокейейником и другом будущего преподобного старца Макария Оптинского.

⁵³ Сказание о житии о. Макария. С. 59–66.

Макария как на духовного друга старца и его будущего преемника. И действительно, после смерти отца Леонида отец Макарий в 1842 году принял на себя продолжение начатого покойным великого дела старчества.

Так утвердилось старчество в Оптиной пустыни. Насажденное смелым и энергичным, твердо уверенным в правоте своего дела старцем Леонидом, оно еще более расцвело и укрепилось благодаря деятельности мягкого и кроткого старца Макария.

Старческая деятельность отца Макария в существе была та же, что и деятельность Леонида. Он так же был духовным отцом монастырской братии, стекавшейся к нему, как и к отцу Леониду, вечерами для откровения своих помыслов. Так же, как и старец Леонид, он целые дни проводил с народом, во многом числе прибегавшим к нему за помощью.

Особенной заслугой старца Макария является начатое им дело издания переводов святоотеческих творений, сделанных старцем Паисием (Величковским)⁵⁴, а также и переводов, выполненных образованными оптинскими иноками⁵⁵ под его непосредственным руководством. В результате этой долгой трудной работы, предпринятой старцем Макарием,

⁵⁴ В основу издательской деятельности о. Макария и его помощников легли рукописные списки с переводов старца Паисия, выполненные схимонахом Афанасием (Захаровым), которые он привез из Нямецкого монастыря в Россию. Живя в Площанской Богородицкой пустыни, о. Макарий брал их у своего наставника и переписывал по его благословию святоотеческие труды, переведенные с греческого языка на церковнославянский. Со временем у него образовалась рукописная библиотека. Рукописные книги были и у о. Моисея и о. Антония (Путиловых), у о. Игнатия (Брянчанинова). Вероятно, остались и от покойного старца Леонида, были и у мирян. Сначала сочинения святых отцов Церкви издавались на славянском языке, затем стали занимать их переводами на русский язык. Так, старцем Макарием и И.В. Киреевским был впервые осуществлен перевод книги прп. Исаака Сирина «Слова подвижнические», которая была издана в 1852 г.

⁵⁵ Амвросий (Гренков), Ювеналий (Половцев), Леонид (Кавелин), Климент (Зедергольм) и др. Этому делу издания содействовали: И. Киреевский, митр. Филарет Московский, Ф.А. Голубинский, архимандрит Сергей († митр. Московский), иеромонах Феофан (епископ).

Оптина пустынь за одно время его старчества сделала более пятидесяти изданий разных сочинений в количестве нескольких десятков тысяч экземпляров⁵⁶.

7 сентября 1860 года старец Макарий скончался. Митрополит Филарет (Дроздов) писал по этому поводу: «Оптинские лишились отца Макария. Думаю, остались от него добрые духовные наследники»⁵⁷. И святитель Московский не ошибся в своих предположениях. Промысл Божий воздвиг из среды оптинской братии и поставил на высокий пост руководителя человеческих душ инока, который под умелым руководством опытных старцев Леонида и Макария раскрыл свои богатые духовные дарования, возрос в великого духовного наставника и воссиял яркою звездой над горизонтом не только Оптиной пустыни, но и всей православно верующей России и даже Православного Востока. Это был батюшка Амвросий, третий знаменитый оптинский старец, непосредственный учитель и воспитатель кроткого отца Иосифа.

В лице третьего старца Амвросия оптинское старчество достигло апогея своего развития. «На старце Амвросии очевидно для всех почивала великая сила благодати Божией, наполнявшая сердце его неисчерпаемой радостью и любовью, а ум — премудростью и прозорливостью, делавшая его в истинном смысле христианским мудрецом. Разносторонность и богатство его духа были необычайны. Он совмещал в себе и живую веру, и деятельную любовь, и жизнь, и строгость, и ласку, и серьезность, и шутливость, и собранность духа, и разговорчивость, и уединенность, и общительность, и величие духа, и простоту, и обширные теоретические познания, и житейскую опытность, и всецелую жизнь в Боге, и хозяйственную практичность»⁵⁸.

Что такое был старец Амвросий и какую потерю понесла православная Россия с его смертью, яркими красками обрисовал профессорский стипендиат Московской духовной

⁵⁶ Соколов. Из литературной деятельности Оптиной пустыни. С. 4–8.

⁵⁷ Письма митр. Московского Филарета к Антонию. Т. 4. С. 281.

⁵⁸ Четвериков С. Жизнеописание старца Амвросия. С. 16–17.

академии иеромонах Григорий (Борисоглебский)⁵⁹ в своем надгробном слове при отпевании старца.

«Плачь, Святая Русь! — восклицал он. — Ты лишилась в этом, нищем телом и духом отшельнике⁶⁰ своего великого печальника, любившего тебя всей силой христианской любви, отдавшего тебе всю свою жизнь и, можно сказать, принесшего тебе ее в жертву. Уже больше ты не придешь к отцу Амвросию со своими скорбями и горестями за утешением, не пошлешь к нему своих Достоевских и Толстых поучиться у простого монаха высшей науке: уметь жить по-человечески, по-христиански... Те замечательные глаза, оживлявшие почти совсем омертвевшее тело, в которых всегда светился огонек неба, так действовавший на сердца человеческие, лучи которого всегда проникали в самую глубь души собеседника и читали там, как по бумаге, летопись прошлого и настоящего, эти глаза закрылись... Посмотрите. Кого здесь больше: монахов или мирян? Зачем тут, у гроба схимника, эти несметные толпы мирян? Зачем этот плач мира о сем иноке? — Затем, что усопший, живя вне мира и бегая его, умел жить для него.

⁵⁹ Григорий (Борисоглебский; 1867–1893), архимандрит. Учась в Московской духовной академии, он часто общался со старцем Амвросием. Несмотря на свои научные успехи, отец Григорий стремился к монашеству. По благословению старца Амвросия в феврале 1891 г. он принял постриг, а в июне 1891 г. его уже рукоположили во иеромонаха. В 1892 г. он получает звание доцента и вскоре назначается инспектором МДА. Отец Григорий известен как яркий проповедник, его статьи часто печатались в различных изданиях. Именно он стал первым жизнеописателем прп. Амвросия Оптинского и составил «Сказание о жизни старца Амвросия», изданное в 1893 г.

⁶⁰ Нищий телом — это человек, который добровольно пренебрегает материальными благами ради хождения в духе. Он не имеет ничего своего, а только то, что дарует Бог. Ощущение своей зависимости от Бога — нищета духовная. Нищий духом — это тот, кто смиренно исполняет волю Божию, чужд тщеславия и гордыни, чист сердцем, и согласно евангельской заповеди блаженств, такие люди обретут богатство — Царство Небесное, где увидят Бога и будут в радости наслаждаться общением с Ним (*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.* — Мф. 5, 3).

Поверьте, что ни в одной приемной комнате любого мирского человека, пастыря или сановника, не перебивало столько мирян, сколько побывало их в тесной келлии этого отшельника. Его имя столько же дорого инокам, сколько и мирянам. Отчего же? Оттого, что он умел силою своей веры и любви раздвигать тесные стены своей келлии на необъятные пространства. Оттого, что он, как пастырь, знал, что там, в грешном, но имущем Бога мире много алчущих Христова слова любви и веры, любил этот мир и отдал ему всю свою жизнь. Он шел в мир весь и проповедовал всей твари. К нему шли из мира *все труждающиеся и обремененные*, и он *успокаивал всех* (ср.: Мф. 11, 28). Он жил для мира, он был в нем апостолом Христовым...

Ты, забывающий Бога христианский мир! Приди сюда и посмотри: как нужно устроить свою жизнь. Опомнись! Оставь суету мирскую и познай, что на земле нужно жить только для неба. Не думай, что жить на земле только для Бога нельзя. Се, гроб, который обличит тебя. Приди к нему и научись, что такое жизнеустройство возможно и осуществимо, и что основание этой жизни — в полном, деятельном самоотречении во благо ближних»⁶¹.

Таким был третий знаменитый оптинский старец отец Амвросий. Умер он, но слово его живо, и тысячи православных русских людей дышат им. Уже много лет прошло со дня его кончины, а народная тропа к его могиле не зарастает травой и благоговейная память о нем и искренняя вера в него как небесного покровителя и помощника все более и более распространяется и крепнет как в обители, так и в народе.

Из представленного общего исторического очерка оптинского старчества мы видим, что отличительными чертами его являются: обоснованность на святоотеческом учении, его жизненный характер, состоящий в том, что старец в Оптиной пустыни не стоит в стороне от внутреннего

⁶¹ Слово, произнесенное за Литургией 13 октября 1891 года в Шамординской Казанской женской общине иеромонахом Григорием. См.: Калужские епархиальные ведомости. 1892. № 15.

ее строя, но во главе его, и, наконец, особенно выдающаяся черта оптинского старчества — это его служение духовным потребностям народа.

Прямым следствием введения в Оптиной старчества было возвышение в ней духа монашеской жизни и усиление строгости подвижничества, почему Оптина пустынь и стояла так высоко среди других русских обителей. <...>

В такую-то благодатную среду и был приведен Промыслом Божиим Иван Евфимович Литовкин.

V. Поступление в монастырь и духовное возрастание под руководством старца Амвросия

*Се покой мой во век века, zde
вселяюся.*

Пс. 131, 14

*Узкия вратá и тесный путь,
вводяй в живот, и мало их
есть, иже обретают его.*

Мф. 7, 14

С посохом в руках, с небольшой котомкой за плечами совершал Иван Евфимович свой длинный и тяжелый путь в Оптину пустынь. «Шел я тогда, — рассказывал старец, — один пешком. Случалось иногда и подъехать на лошадях. Помню еще, что крестьяне, у которых я остановился на ночлег, все про волю¹ спрашивали, — это как раз было в тот год, когда воля вышла»².

По дороге Иван Евфимович зашел в Белевский женский монастырь³. Монахини этого монастыря все тогда относились⁴ к оптинским старцам. Случилось так, что в тот день, когда Иван Евфимович зашел в монастырь, две монахини ехали в Оптину. Узнав, что туда же направляется и молодой

¹ В 1861 г. в России было отменено крепостное право.

² Слова старца Иосифа. С. 6, 9.

³ Белевский Крестовоздвиженский монастырь расположен в Тульской губ. в г. Белеве (в 40 км от Оптиной пустыни). В XIX в. обитель имела прочные духовные связи с Оптиной, особенно во время игуменства Павлины (Овсянниковой) в 1848–1877 гг., которая была духовной дочерью старца Леонида, позднее старца Макария.

⁴ Обращались за духовным окормлением.

путник, они взяли его с собою. Приехав в Оптину пустынь, Иван Евфимович вместе с монахинями отправился в скит к старцу Амвросию и передал ему письмо от борисовских подвижниц. Белевские монахини, принятые старцем прежде Ивана Евфимовича, между прочим сказали отцу Амвросию: «Батюшка, а мы с собой привезли еще брата Ивана», называя его братом ввиду монашеских наклонностей. На это старец серьезно заметил: «Этот брат Иван пригодится и нам, и вам»⁵. Так великий старец Амвросий, не выдав еще человека, о котором шла речь, предсказал его будущее высокое служение и ту пользу, которую он принесет как Оптиной пустыни, так и многим женским обителям.

Через некоторое время старец позвал к себе Ивана Евфимовича и спросил его по-малороссийски: «Виткиля⁶ ты прийшов, хохлик?»⁷ Иван Евфимович просто и незатейливо рассказал батюшке Амвросию о своей жизни и попросил у него благословения пойти в Киев. Мудрый старец, слегка ударив его по голове, сказал: «Зачем тебе идти в Киев — оставайся здесь. Ночевать пока ходи на гостиницу, обедай вместе с монахами на трапезной, а после обеда приходи со двора снег кидать». С глубоким смирением и твердой верой в слова старца вручил себя Иван Евфимович старцу Амвросию и, поклонившись ему, вышел из келлии. Это было в конце февраля 1861 года⁸.

Строго исполнял Иван Евфимович данное старцем послушание. Ежедневно после обеда ходил он в скит и, благословившись у отца Амвросия, становился на работу. Часто батюшка приказывал своему келейнику напоить Ивана чаем перед работой. «Приду, бывало, к старцу за благословением, — рассказывал старец, — а он и скажет келейнику: “Напой хохлика чаем, и пусть он снег бросает”»⁹.

О своем поступлении в братство отец Иосиф говорил так: «Наступила масленица. Прихожу как-то к старцу. Батюшка

⁵ *Агакит (Беловидов), архим.* Жизнеописание старца Амвросия. С. 65.

⁶ Откуда.

⁷ Собственноручные записи о. Иосифа. С. 17.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 17.

и говорит мне: “Иди теперь к отцу архимандриту”. Пошел. Архимандрит Моисей принял меня лично, долго расспрашивал о моей жизни и, наконец, сказал: “Ну, иди к старцам, как они решат”. После этого старец послал меня к скитоначальнику отцу Пафнутию¹⁰, который и назначил меня в скиту помощником повара»¹¹.

Недолго нес это послушание молодой брат Иван. Скоро его назначили младшим келейником к старцу Амвросию. Сам отец Иосиф вспоминал об этом назначении так. В день заговенья перед Петровским постом после ужина братии убирал Иван в трапезной посуду и доедал оставшуюся в чашках сметану. Вдруг он слышит, что кто-то, подойдя к нему сзади, говорит: «Брат Иван, хочешь перейти к старцу?» Обернувшись назад, молодой послушник увидел перед собой начальника скита. «Я растерялся тогда, — рассказывал отец Иосиф, — и вместо того, чтобы ответить: “Как благословите”, — сказал: “Хочу”. Извиняясь же перед начальником, проговорил: “Простите, батюшка: я все ем”. — “Ну, ешь, пей, только дело разумеи, — ответил на это отец Пафнутий, — а завтра, — добавил он, — переходи к отцу Амвросию»»¹².

На другой день перебрался Иван в хибарку старца.

С первых же дней, проведенных Иваном Евфимовичем в Оптиной пустыни, понравилась ему тихая монастырская жизнь. Находясь постоянно в скиту, совершенно отрешенном от мира, который принес ему так много скорбей, Иван радовался своему освобождению от мирских уз и спокойно отдыхал душою. Единственно, его смущали посетители, с раннего утра и до поздней ночи толпившиеся в приемной старца. Целые дни уходили у молодого келейника на их

¹⁰ Пафнутий (Осмоловский; 1807–1891), схиархимандрит. В число оптинской братии определен в 1836 г. В монашество пострижен в 1839 г., в 1843 г. рукоположен во иеромонаха. С 30 ноября 1853 по ноябрь 1862 г. был скитоначальником, с 1854 — духовником братии. В 1862 г. посвящен в Калуге в игумены и переведен в Малоярославецкий Никольский монастырь. В 1886 г. возведен в сан архимандрита.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 17.

встречу и доклад старцу о них. Не было свободного времени для того, чтобы остаться наедине с самим собою, помолиться, почитать...

И вот Иван все чаще и чаще начал задумываться, не уйти ли из Оптиной в Киев или на Афон, прославленный великими подвижниками¹³. Охваченный такими думами, сидел он однажды и не заметил, как сзади подошел старец. Ударив его слегка по плечу, отец Амвросий сказал: «Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне; оставайся с нами!» Пораженный такими словами старца, обнаружившими в нем благодатный дар читать тайные мысли людей, молодой келейник упал пред своим аввой¹⁴ на колена и искренно покаялся ему в волновавших его чувствах и смущениях¹⁵. Теперь он понял, что все эти помыслы были простым искушением, и с этого времени он окончательно оставил мысль об уходе из Оптиной и, всецело подчинившись воле старца, стал его келейником и помощником до самой кончины отца Амвросия, последовавшей в 1891 году.

Бедная Амвросиева хибарка, приютившая в своих стенах молодого инокa, сделалась для него высшей школой, в которой под опытным и мудрым руководством старца Амвросия он прошел высшую из наук — монашество, прошел трудный путь всецелого, беспрекословного послушания своему духовному отцу — путь терпения, самоукорения, самоограничения. Поставленный Промыслом Божиим у самого источника аскетической мудрости, он пил из него эту мудрость с жадной юношески чистой и возвышенной души.

С первых же дней келейничества у старца для молодого послушника начались уроки испытания. Старший келейник отец Н., человек суровый, с крайне тяжелым характером, грубо обращался с новичком. Молодому помощнику он никогда не указывал, как и что надо сделать, и когда Иван делал что-либо не так, как следовало, отец Н. делал грубые

¹³ Слова старца Иосифа. С. 7.

¹⁴ Авва (*греч.*) — отец; опытный подвижник, старец.

¹⁵ Надгробное слово на погребении о. Иосифа. С. 8.

замечания и выговоры. Но терпеливый Иван все побеждал своею кротостью и спокойствием. Ни слова оправдания, ни слова противоречия никогда не срывалось у него в ответ на грубость своего сослуживца¹⁶.

Вскоре на место отца Н. в келейники к старцу Амвросию был назначен другой монах, отец Михаил¹⁷. Последний тоже был сурового характера и часто покрикивал на своего помощника. Но Иван своею кротостью преодолел грубости и этого келейника. Терпеливо перенося от него незаслуженные обиды, он всячески старался успокоить отца Михаила и угодить ему. Прошло время, и отец Михаил оценил своего бывшего помощника. После смерти старца Амвросия он, старший и летами, и священническим саном, избрал отца Иосифа своим духовником.

Почти одновременно с отцом Иосифом в число скитской братии поступил Константин Карлович Зедергольм, в монашестве отец Климент¹⁸. Он был человеком глубоко верующим и преданным Православию, но обладал крайне вспыльчивым и требовательным характером. Будучи учеником батюшки Амвросия и помогая ему в переписке, а также в книгоиздательстве, отец Климент часто общался с келейниками старца. Малейшие ошибки и нарушения порядка со стороны келейников приводили в страшное волнение Зедергольма, немца по происхождению. Ни с одним келейником не ладилось дело, и лишь об отце Иосифе отец Климент

¹⁶ Рассказ оптинского иеромонаха о. Моисея.

¹⁷ Отец Михаил (Андреев; 1821–1897), иеросхимонах. Поступил в Оптину в 1861 г. С 1863 г. — келейник старца Амвросия, это послушание он нес более двадцати лет. В монашество пострижен в 1870 г., рукоположен во иеромонаха в 1883 г. и был определен на другое послушание.

¹⁸ Климент (Зедергольм; 1830–1878), иеромонах. Поступил в Оптину в 1862 г. В 1867 г. пострижен в монашество. В скиту выполнял послушание библиотекаря. Отец Климент находился в безусловном послушании у своего духовника старца Амвросия. Будучи магистром греческой словесности, он перевел на русский язык немало трудов отцов Церкви. Был наставником и духовным другом писателя и мыслителя К.Н. Леонтьева. Вел Летопись скита, составил жизнеописания оптинских старцев Льва (Наголкина) и Антония (Путилова).

говорил: «Отец Иосиф единственный человек, на которого я не могу, не умею раздражаться»¹⁹.

Близкое общение с мудрым старцем Амвросием, которому молодой келейник ежедневно чистосердечно открывал свои помыслы, способствовало быстрому духовному росту Ивана Евфимовича. Спустя три года по прибытии в Оптину пустынь он уже получил рясофор²⁰, а 16 июня 1872 года был пострижен в монашество с именем Иосиф в честь Иосифа Песнописца²¹. Так сбылось на Иване Евфимовиче пророческое слово, сказанное его сестре старцем Макарием: «Не скорби, он будет монахом».

Старец Амвросий, предсказавший будущее великое служение отца Иосифа, еще не видев его, всячески старался охранять и воспитывать его чистую восприимчивую душу. Без сомнения, благотворное влияние на отца Иосифа оказывал уже один пример старца-подвижника. Непосредственно наблюдая его жизнь, всю отданную на служение страждущему люду, слушая его наставления и беседы с посетителями, монах Иосиф учился у старца мудрости обращения с людьми. Но кроме бесед батюшки Амвросия с приходящими, невольным слушателем которых оказывался отец Иосиф, у них были и тайные беседы наедине. По своему смирению отец Иосиф не рассказывал об этих беседах, но, несомненно, они имели громадное воспитательное значение для молодого инок.

Старец Амвросий, вполне разделяя мнение своих предшественников-старцев о пользе для иноков чтения свято-отеческих творений как необходимого условия духовного усовершенствования, на первых же порах вручил для чтения

¹⁹ Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 65.

²⁰ Рясофор — первая подготовительная степень пострига в монахи. При этом дается новое имя. Рясофорному монаху благословляется носить рясу и камилавку, но он еще не дает обеты отречения от мира, целомудрия (безбрачия), нестяжания и послушания. Они уже даются при постриге в малую схиму — мантию.

²¹ Преподобный Иосиф († 883) является одним из творцов церковных песнопений, используемых в богослужении; он составил более 220 канонов на дни праздников и святым. Церковь чтит его память 4/17 апреля.

своему молодому келейнику книгу «Поучения преподобного аввы Дорофея»²² — эту монашескую азбуку. Впоследствии же самою любимой и, можно сказать, неразлучной книгою стало «Добротолюбие»²³.

Мы уже знаем, что в миру отец Иосиф любил книги религиозно-нравственного содержания. Теперь он каждую свободную минуту отдавал чтению, предпочитая произведения новых писателей святоотеческие творения. «Новые писания, — говорил он, — хотя и духовны, но они только ум питают, удовлетворяя человеческое любопытство, в сердце же от них остается холодная пустота. Поэтому за чтением их только дорогое время тратишь, а доброго не приобретаешь»²⁴. Читать книги Иосиф любил на славянском языке. Когда же ему говорили, что такие книги трудны для понимания, он отвечал: «Что трудом приобретается, то и бывает полезно»²⁵.

Чтение произведений древних подвижников и стало другим источником духовной мудрости, которою так богат был впоследствии отец Иосиф.

Батюшка Амвросий, видя силу духа, какую был облечен по дару Божественной благодати отец Иосиф, и провидя славу его будущего старческого служения, подвергал его всевозможным, нередко тяжким испытаниям с целью воспитать в нем строгого подвижника смирения, безгневия, кротости и других добродетелей. Старец делал это, конечно же, из любви к своему духовному сыну и ученику.

Так, занимаясь однажды с посетителями, старец велел отцу Иосифу найти в Библии какой-то текст. Хорошо зная

²² *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения и послания.

²³ «Добротолюбие» — сборник поучений святых отцов Церкви об умном делании. Он включает аскетические произведения, написанные христианскими подвижниками от IV до XV в., чтимыми Восточной Церковью. Первое издание вышло в Венеции в 1782 г. на греческом языке. Старец Паисий (Величковский) подготовил перевод этого сборника с греческого языка на церковнославянский к концу 1790 г., который был издан в 1793 г. Перевод «Добротолюбия» (в 5 т.) на русский язык был осуществлен святителем Феофаном Затворником и издан в 1877–1890 гг.

²⁴ Записки оптинского иеромонаха о. Моисея. С. 1.

²⁵ Там же.

Священное Писание, отец Иосиф быстро отыскал указанные слова и молча показал старцу. Тогда старец, желая испытать смирение своего послушника, обратившись к нему, сказал: «Дурень, ничего не понимаешь, совсем не то...» — и, слегка ударив его по щеке, приказал уйти. Ничего не возразив, молча удалился из комнаты кроткий монах Иосиф.

Спустя некоторое время старец зовет его опять и повторяет приказание найти в Библии тот же текст. Отыскав то же место, что и раньше, отец Иосиф молча подал старцу раскрытую Библию. Тогда старец, с любовью взглянув на своего ученика, осенил его крестным знамением и отпустил его со словами: «Ну теперь так, ступай». Присутствовавшие при этом поразились духовной выработке отца Иосифа²⁶.

Конечно, не сразу далась отцу Иосифу трудная наука монашеской жизни. Впоследствии, уже будучи старцем, он рассказывал, как сначала он не умел держать себя по-монашески и как его учил и пробирал за это старец.

«Раз приехал к батюшке Амвросию из Сергиевой лавры известный подвижник иеросхимонах Александр²⁷, — рассказывал старец Иосиф. — Я подавал чай. Слышу, отец Александр говорит об одном монахе, жившем раньше у нас в Оптиной, и не особенно хорошо о нем отзывается. А я и сказал вслух: “Да он и здесь такой же был”. Тогда отец Александр, обернувшись ко мне, резко заметил: “А ты почему знаешь? Ты сам хуже всех!” Мне так стыдно стало тогда, что я поскорее ушел из келлии. После же батюшка Амвросий строго пробрал меня за это. “Что, — говорит, — проучил тебя схимник — и поделом; сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не лез вперед”. Ну уж с тех пор я как огня боялся вступить в разговор при старцах»²⁸.

Примерное послушание имел кроткий монах Иосиф к своему мудрому духовному вождю и без его совета и благословения решительно ничего не делал.

²⁶ Рассказ монахини Евдокии Бриллиантовой.

²⁷ Возможно, речь идет об иеросхимонахе Александре (Стрыгине; 1819–1878), старце Гефсиманского скита близ лавры.

²⁸ Рассказ келейника о. Иосифа о. Стефана, келейничающего позднее у старца Нектария. См. о нем примеч. на с. 164.

Пришел как-то к старцу Амвросию настоятель отец Исаакий²⁹. Ожидая в приемной, когда старец его примет, игумен взял со стола книгу и, обратившись к находившемуся в той же комнате келейнику отцу Михаилу, спросил: «Отец Михаил, благослови мне почитать эту книжку». Низко кланяясь начальнику, келейник ответил: «Сделайте одолжение, отец игумен, какую вам угодно». Настоятель стал читать. Немного спустя входит в приемную отец Иосиф. «Отец Иосиф, — обращается к нему настоятель, — что, можно мне почитать эту книжку?» Иосиф кротко ответил: «Сейчас я спрошу у старца». Такой ответ обнаружил в нем истинного послушника, научившегося жить всецело волею старца, и очень понравился отцу игумену³⁰.

В декабре 1877 года отец Иосиф был рукоположен Калужским епископом Григорием³¹ во иеродиакона. По заведенному обычаю в Оптиной пустыни каждый новопосвященный в сан иеродиакона или иеромонаха должен в течение шести недель служить Литургию. Но иеродиакон Иосиф по слабому здоровью не выслужил и пяти недель: у него открылось воспаление легких, и он едва было не умер.

В продолжение первых двадцати лет своего келейничества у старца Амвросия отец Иосиф не имел отдельной комнаты. Отдельная келлия полагалась только старшему келейнику. И вот келейник Иосиф с раннего утра и до позднего вечера вынужден был находиться в коридоре, в приемной, на женской половине, словом, в местах, где целый

²⁹ Исаакий (Антимонов; 1810–1894), схиархимандрит. В 1862 г. после кончины настоятеля о. Моисея о. Исаакий стал его преемником. Он управлял обителью 32 года и служил для братии примером послушания, не предпринимая без благословения старца Амвросия никаких важных дел. Приходя к старцу, отец настоятель смиренно становился в очередь вместе с другими иноками. Церковь совершает его память преподобного Исаакия 22 августа/4 сентября.

³⁰ Рассказ того же лица.

³¹ Владыка Григорий II (Миткевич; 1807–1881) был хиротонисан во епископа Калужского в 1851 г., в 1869 г. возведен в сан архиепископа; управлял епархией двадцать девять лет. Он был великим постником и молитвенником, ежедневно присутствовал на богослужениях.

день толпились посетители старца. И в этом, как и вообще в назначенном ему послушании келейничества у отца Амвросия, нельзя не видеть проявления Промысла Божия. Будущему целителю больных человеческих душ и утешителю печальных необходимо было основательно познакомиться с людскими болезнями и печалями. А для этого не было более соответствующего послушания в Оптиной, как келейничество в хибарке у старца Амвросия. Вращаясь постоянно среди разного люда, стекавшегося в хибарку батюшки, отец Иосиф непосредственно соприкасался с человеческим горем. Пред его глазами непрерывной вереницей шли верующие и неверующие со своими скорбями. Он видел те духовные раны, за исцелением которых эти люди притекали к мудрому целителю Амвросию. Являясь ближайшим посредником между старцем и посетителями, отец Иосиф знакомился с человеческой душой, с ее тайными изгибами, немощами и силами, с ее горем и радостями. Именно в этой хибарке, среди пестрой толпы посетителей, наблюдая бесчисленные слезы и тяжелые страдания, отец Иосиф научился любить страждущее человечество так, как любил его великий старец Амвросий и как редко кто может любить.

С посетителями кроткий отец Иосиф обращался всегда мягко и ласково. Среди них бывало много недовольных, которые, подолгу ожидая старца, винили в этом келейников или даже самого батюшку Амвросия. Зная это, отец Иосиф старался всех успокоить и удовлетворить. Для чего он часто выслушивал, кому и что нужно было спросить у отца Амвросия, а затем передавал старцу. Вынося ответ батюшки, он доносил его в точности, ничего не изменяя в нем.

Мягкость и внимательность в обращении с людьми и высокое внутреннее духовное устройство приобрели отцу Иосифу любовь и доверие как со стороны монастырской братии, так и светских лиц, соприкасавшихся с ним. Многие люди, приезжавшие к старцу Амвросию, спешили сначала повидаться и поговорить с его ближайшим учеником.

Один старый оптинский монах на вопрос: «Почему вы все так любите отца Иосифа?» ответил: «Потому, что

он — истинный монах. Слова даром не теряет, и слушать его хочется». В 70–80 годах жил в Оптиной монах высокой духовной жизни — отец Пахомий, блаженный³². Всякий раз, когда он встречался с отцом Иосифом, всегда просил у него благословения, хотя в то время тот еще не был иеромонахом. «Отец Пахомий, да ведь я не иеромонах», — улыбаясь, скажет ему отец Иосиф. «Удивляюсь, — ответит [блаженный], — отец Иосиф все равно, что отец Абросим!»³³

Такие отзывы о будущем старце ясно свидетельствуют, что он еще до принятия иерейского сана уже достиг высокого духовного совершенства и выделялся из среды оптинского иночества.

Какое впечатление производил отец Иосиф на посетителей хибарки, хорошо рисует одна особа, посещавшая в то время старца Амвросия. «Кто из знавших батюшку Иосифа еще простым монахом и келейником старца Амвросия не помнит, как он выходил иногда на женскую половину хибарки: смиренная поступь, опущенные глаза, кроткий ответ с поклоном и всегда неизменная скромно-приветливая улыбка... и ничего выдающегося, бьющего в глаза. Но тем не менее и тогда все как-то безотчетно проникались к нему особым уважением, — в нем чувствовалось что-то такое, что ставило его выше других.

В то время у старца Амвросия был еще старший келейник отец Михаил. При выходе в женскую хибарку он любил поговорить, рассказать что-нибудь. Тогда хибарка оживлялась, и даже слышался иногда легкий, сдержанный смех. Но когда выходил отец Иосиф, то, наоборот, все стихало, все становились серьезными, и многие доверчиво сообщали ему о своих скорбях или поручали передать что-либо старцу»³⁴.

1 октября 1884 года совершилось торжественное открытие учрежденной старцем Амвросием Шамординской Казанской женской общины и освящался выстроенный

³² Схимонах Пахомий (Соловьев; † 1877) — блаженный странник, прозорливец, молчальник и молитвенник. Прибыл в Оптину в 1873 г. Прожил более девяноста лет.

³³ Рассказ оптинского иеромонаха о. Феодота.

³⁴ Очерк жизни старца Иосифа. С. 8.

в ней храм. Прибывший на это торжество епископ Владимир³⁵ за Литургией посвятил отца Иосифа в сан иеромонаха. Промыслу Божию было угодно, чтобы будущий руководитель шамординских сестер в принятии благодати священства в храме Шамординской общины как бы породнился с ее насельницами. И действительно, шамординские сестры по этой причине впоследствии называли иеромонаха Иосифа «своим»³⁶.

После рукоположения, когда приходилось часто служить в храме Божиим, новопосвященный иеромонах всецело жил новыми, светлыми, благодатными ощущениями. Частое приобщение Святых Христовых Таин, молитвенное предстояние алтарю — все это наполняло его душу неизъяснимым восторгом. Служение его было неторопливое, благоговейное. Произношение возгласов и чтение молитв всегда было внятное, неспешное и осмысленное. Когда приходилось совершать Литургию, отец Иосиф бывал каким-то особенно веселым и радостным³⁷.

Накануне каждого воскресного и праздничного дня в келлии старца Амвросия, по слабому здоровью не посещавшего церковь, совершалось бдение³⁸. До своего посвящения в иеромонахи отец Иосиф обычно участвовал за этим бдением в пении и чтении; теперь же он служил их в качестве иеромонаха.

Вместе с тем иеромонах Иосиф продолжал состоять келейником при старце и был помещен в келлии отца Михаила, поселившегося теперь на покое в скиту. Мало изменилась жизнь иеромонаха Иосифа, ставшего старшим келейником старца; прибавились только новые дела и заботы, а привязанность к духовному отцу с каждым днем росла и крепла.

³⁵ Владыка Владимир (Никольский; 1829–1900) был епископом Калужским и Боровским с 1881 по 1888 г. С его благословения в 1884 г. первой настоятельницей создаваемой Шамординской обители стала монахиня София (Болотова).

³⁶ *Агапит, архим.* Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 118.

³⁷ Записки о. Моисея. С. 1, оборот.

³⁸ *Четвериков С.* Жизнеописание старца Амвросия. 1912. С. 188.

Любовь отца Иосифа к старцу не была крикливой, бьющей в глаза посторонним. Она была кроткая и тихая, как тих и кроток был он сам. Как в детстве, так и теперь батюшка не любил и не мог высказывать своих чувств, хотя последние были очень глубоки. Любовь к старцу обнаруживалась у него главным образом в его заботах о спокойствии старца и уходе за его слабым здоровьем.

Всякий раз перед выходом отца Амвросия для беседы с посетителями в приемную и хибарку отец Иосиф затворял все двери и окна, чтобы не было сквозного ветра. Когда же беседы старца застигал глубокий час ночи, заботливый келейник спешил напомнить об этом любимому отцу. Иногда он делал это прямо, обращаясь к старцу и указывая на поздний час. Тогда старец Амвросий снимал шапочку, которую всегда носил, раскланивался с посетителями и говорил по обычаю в шутиливом тоне: «Очень признателен вам за посещение; отец Иосиф говорит, что пора». Иногда же келейник, желая напомнить старцу, что наступило время отдыха, взойдет зачем-либо в комнату, например, завести часы, и посмотрит с любовью на старца. Поняв своего любимца, батюшка Амвросий в таких случаях говорил: «Ну теперь прощайте! Отец Иосиф стал часы заводить, значит, пора расходиться»³⁹.

Однажды в скит зашел сумасшедший человек с револьвером в руках и, размахивая им кричал: «Иду к отцу Амвросию». Испуганная скитская братия не решалась подойти к этому безумцу, а между тем он уже направился в хибарку. Кто-то предупредил отца Иосифа. Последний, несколько не смутившись, спокойно вышел к странному посетителю и спросил, что ему нужно. Махая револьвером, тот отвечал: «Мне надо видеть отца Амвросия». Кротко глядя в глаза пришельцу, батюшка Иосиф осенил его крестным знамением. Сумасшедший сейчас же опустил руку, и одному из иноков удалось его обезоружить⁴⁰.

Так сильна и крепка была любовь отца Иосифа к старцу, что за него он был готов пожертвовать жизнью.

³⁹ Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 82–89.

⁴⁰ Рассказ скитона начальника о. Феодосия.

Любил и отец Амвросий своего кроткого и преданного послушника. Он доверял ему всегда и во всем, называл свою «правой рукой» и до своего последнего отъезда в Шамордино никогда не разлучался с ним. Особое выражение расположения старца к отцу Иосифу можно видеть в том, что старец часто находился в его келлии. Полулежа от утомления на койке своего любимца около стола, батюшка Амвросий обычно проводил здесь время за своим скудным обедом и вечерним чаем. Иногда и народ он принимал в этой келлии, полулежа на койке. Это бывало в тех случаях, когда старец испытывал особенную усталость⁴¹.

Чувствуя приближение своей кончины и видя в кротком своем послушнике будущего преемника по старчеству, отец Амвросий старался несколько приоткрыть духовные богатства избранника Божия и показать их окружающим.

Две монахини привезли однажды старцу написанную одною из них икону Божией Матери. Желая испытать старца, они спросили у него: «А что, батюшка, похож этот лик на Царицу Небесную?» Старец на это серьезно ответил: «Об этом нужно спросить отца Иосифа». Когда же спросили отца Иосифа, то последний лишь кротко улыбнулся и смиренно проговорил, что он ничего не знает⁴². Отец Амвросий, несомненно, хотел показать, что его кроткий послушник удостоился небесных видений.

Желая подготовить иеромонаха Иосифа к самостоятельному подвигу старчества, отец Амвросий стал благословлять некоторых из своих духовных детей обращаться к своему келейнику со своими духовными нуждами. Случалось иногда, что на предложенный отцу Амвросию вопрос последний отвечал: «Спроси об этом у отца Иосифа». И замечательно было то, что ответы отца Иосифа всегда совпадали с ответами самого старца Амвросия.

Так одна монахиня, духовная дочь отца Амвросия, просила у него благословения сходить в гости к приглашавшей ее особе. «Нет, не ходи», — ответил ей старец. Спустя некоторое время приглашает к себе эту монахиню другая особа.

⁴¹ Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 84 и 1912. С. 184.

⁴² Рассказ монахини Евдокии Бриллиантовой.

Помня, что старец не благословил ей в прошлый раз сходить в гости, в душе решила не ходить и теперь, но по привычке советоваться со старцем пошла в хибарку и попросила отца Иосифа передать батюшке, что ее приглашает такая-то особа. Отец Иосиф, не дослушав ее до конца, сказал: «Ну что же, сходи, сходи — проведай ее». Такими словами келейника старца монахиня сильно смутилась. Она была почти уверена, что отец Амвросий, как и прежде, не посоветует ей идти в гости.

Между тем отец Иосиф прошел в нижнюю хибарку, а в это время на общее благословение вышел сам старец. Заметив смущенное лицо монахини, он спросил: «Что ты такая стоишь?» Не желая объяснять при посторонних причину своего смущения, та ответила: «Батюшка, вот Н. зовет меня к себе. Идти мне к ней или нет?» — «Ну что ж, сходи, сходи — проведай ее», — ответил ей, смеясь, старец, буквально теми же словами, какие сказал и отец Иосиф. При этом монахиня заметила, что батюшка Амвросий улыбается кому-то сзади нее. Оказалось, что сзади стоял отец Иосиф и тоже улыбался⁴³...

Этот случай ясно свидетельствует о том, что ученик и воспитанник отца Амвросия достиг того же благодатного духа, что жил в старце и руководил его советами и наставлениями. Это духовное единство учителя и ученика, обнаруживавшееся в тождестве их советов, стали замечать многие. А некоторые, желая еще больше убедиться в нем, даже пробовали проверять: спросят о чем-либо у отца Иосифа — он ответит, затем спросят о том же старца Амвросия. Давая одинаковые ответы с отцом Иосифом, старец подмигнет, бывало, с улыбкой, как бы показывая, в чем дело.

Старец Амвросий так поступал для укрепления у своих духовных детей веры в будущего старца, но впоследствии, когда духовные дарования отца Иосифа стали понятны, батюшка строго запрещал такие испытания.

Отец Амвросий очень радовался, когда кто-либо рассказывал ему про отца Иосифа: как тот утешил, научил,

⁴³ Очерк жизни старца Иосифа. С. 4.

дал хороший совет, какой он добрый, кроткий... Иногда во избежание преждевременной молвы о будущем старце батюшка говорил: «Подожди, молчи пока об этом», а иногда сам напоминал: «Помнишь, отец Иосиф-то ведь правду тебе сказал».

Поручение старцем известной части своей паствы духовному руководству иеромонаха Иосифа имело целью подготовить его к будущему служению, а с другой стороны, обнаружило то, что отец Иосиф в это время уже достаточно созрел для старческой практики.

Внешняя жизнь келейника иеромонаха Иосифа была строго подвижническая. Каждый день у него начинался в четвертом часу утра. В четыре часа попеременно с другим келейником он прочитывал старцу утреннее молитвенное правило. По слабому здоровью старца правило это читалось с более или менее продолжительными перерывами, так что поспать еще после правила отцу Иосифу уже не приходилось. Когда прочитывалось правило, келейники готовили все необходимое для умывания старца: таз, теплую воду и тому подобное. Во время умывания и следующего за ним чаепития старца отец Иосиф обычно задавал ему вопросы по просьбе посетителей. После чая начиналось одевание больного батюшки для выхода к посетителям.

Надо сказать, что постоянная болезненность отца Амвросия, заключавшаяся в лихорадочных состояниях, ревматизме, переутомлении, требовала за ним большого и тщательного ухода. Старец принужден был ежедневно делать себе растирания различными мазями, несколько раз в день, в связи с тем, что он сильно потел, переодеваться и переобуваться, избегать самого небольшого сквозняка. Температура в комнате для него требовалась только в 17 градусов тепла, ниже и выше он не выносил. И отец Иосиф с любовью помогал старцу во всех его растираниях, переодеваниях, переобуваниях и тщательно следил за топкой печей.

Во время утреннего чая и одевания старца, а иногда и ранее того, к хибарке мало-помалу подходил народ. Скоро раздавался стук в дверь и звон в проведенный снаружи колокольчик. Отцу Иосифу надо было и ухаживать за больным

старцем, и спешить встречать посетителей. Часов в девяносто старец выходил к посетителям, а в последние годы всегда в сопровождении отца Иосифа, и тут-то для последнего открывалась школа изучения необъятного человеческого горя и полного, безграничного служения ему⁴⁴.

Когда отец Амвросий стал благословлять многим нуждавшимся в духовном руководстве относиться⁴⁵ со своими нуждами к иеромонаху Иосифу, можно было наблюдать такие картины. В каком-либо уголке общей приемной или в коридоре, а иногда и в холодных сенях отца Иосифа окружала толпа посетителей. Каждый из них спешил задать вопрос, изложить свою нужду и услышать от него слово наставления и утешения. И батюшка Иосиф всех удовлетворял, причем в недоуменных случаях он всегда испрашивал приказания самого старца.

Так проходило время до двух часов дня. После часового отдыха, во время которого отец Иосиф подавал старцу и сам принимал очень скудный обед, опять продолжались занятия с посетителями до одиннадцатого часа ночи с небольшим перерывом в восемь часов вечера для ужина. Несмотря на крайнее бессилие и болезненность отца Амвросия, день у него всегда заключался вечерним молитвенным правилом. И вот отец Иосиф, «едва державшийся на ногах», по выражению жизнеописателя старца Амвросия, от целодневных почти непрерывных докладов, становился попеременно с другим келейником на чтение положенных молитвословий. Окончив чтение правила и приняв благословение от старца, отец Иосиф только к двенадцатому часу шел отдохнуть на свое убогое ложе⁴⁶.

Будучи в детстве болезненным ребенком, батюшка Иосиф и теперь имел очень слабое здоровье. Живя постоянно при больном старце, который никогда и никуда не выходил, отец Иосиф и сам отвык от свежего воздуха, что, несомненно, вредно сказывалось на его слабом организме. Но, несмотря на постоянное нездоровье, он, однако, не оставлял своей

⁴⁴ Жизнеописание старца Амвросия. 1912. С. 178–184.

⁴⁵ *Здесь*: обращаться.

⁴⁶ Там же. С. 187.

чреды священнослужения, хотя в отдельных случаях бывал принужден от нее отказываться.

«Будучи иеродиакonom, — рассказывал уже старец Иосиф, — служил я бдение под 29 августа, на святого Иоанна Предтечу. После службы чувствовал себя здоровым и, придя домой, лег спать. Проснувшись утром, я почувствовал себя очень плохо и, вставая с постели, чуть было не упал: сделалось душно и начало тошнить. Как быть? — нездоров, а служить надо идти. Келейники все спали. Пошел я и разбудил старца, чтобы с ним посоветоваться. Старец послал за фельдшером, отцом Филаретом⁴⁷. Тот пришел и дал мне какого-то лекарства, — немного стало лучше, но служить я уже не мог: целый день пролежал, а ведь тогда я здоровее был. И не заметил, как все понемногу-понемногу слабость и кончилась днем. А все это — давнишняя простуда», — объяснял отец Иосиф свою предрасположенность к частым заболеваниям⁴⁸.

В этой болезненности и слабости батюшки Иосифа, в его немощах, как и вообще во всей его многотрудной и страдальческой жизни, нетрудно видеть проявление Божественного Промысла.

«Процесс восприятия божественной жизни, — справедливо говорит жизнеописатель старца Амвросия протоиерей Сергей Четвериков, — требует прежде всего от человека сознания своего бессилия, своей беспомощности, своего ничтожества, всецелого упования лишь на милость Божию. Спаситель говорит: *аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Сродниться со Христом, испытывшим всю горечь крестных страданий, можно только путем страданий. Человек, не испивший этой горькой чаши, никогда не постигнет истинной глубины христианства, никогда не сумеет понять и облегчить чужое страдание»⁴⁹.

⁴⁷ Филарет (Беляев; 1841–1885), схииеродиакон. Жил в монастыре двадцать три года, из них десять лет был смотрителем монастырской больницы.

⁴⁸ Слова старца Иосифа. С. 4.

⁴⁹ Четвериков С. Жизнеописание старца Амвросия. 1912. С. 95.

К великому старческому служению путем многих болезней шли все оптинские старцы: и Леонид, и Макарий, и Амвросий. Тем же путем к тому же служению Промысл Божий вел и отца Иосифа.

Будущему старцу, сострадальцу всех страждущих, надо было понести свой крест страданий и многих болезней, так как для того, чтобы облегчить страдание народное, его надо было знать и испытать.

С монастырской братией иеромонах Иосиф всегда держал себя просто. Несмотря на то, что он был келейником и ближайшим учеником старца Амвросия, то есть занимал значимое в монастыре положение, будущий старец никогда не выделял себя из среды других иноков. Напротив, он всегда держался в тени, старался быть незаметным. В обращении со всеми был всегда внимателен и приветлив, но близкого знакомства с кем-либо из братии не имел и ни кому никогда без дела не ходил. Из монастыря, кроме одной монастырской дачи в лесу, он никуда не выезжал. Правда, он несколько раз просил благословения у старца совершить задуманное еще в ранней молодости путешествие в Киев, но отец Амвросий на его просьбы отвечал: «Подожди, теперь еще не время»⁵⁰.

Монастырская дача, которую иногда посещал отец Иосиф, находится в лесной глуши, в 7–8 верстах от Оптиной пустыни. На этой даче в 1870 году почитателями старца Амвросия была выстроена небольшая келейка, в которой старец, нуждаясь в отдыхе от непрерывного наплыва посетителей и своих тяжких болезней, иногда уединялся. Вместе со старцем отъезжал на эту дачу и любимый послушник. Но бывали случаи, когда отец Иосиф с благословения старца и один уходил в это глухое место, совершенно изолированное от мира. «Батюшка, — рассказывал старец Иосиф, — праздники обычно проводил в скиту, а я, бывало, возьму у него благословение и пойду один на дачу. Отопру там келейку, напьюсь в ней чаю и к вечеру прихожу обратно в монастырь»⁵¹. На даче отец Иосиф позволял себе единственное развлечение:

⁵⁰ Слова старца Иосифа. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 9.

удить в сажалке⁵² рыбу. Но в этом невинном удовольствии скорее проглядывала любовь к природе и уединению.

Итак, вот путь, по которому отец Иосиф восходил духовно к своему будущему служению — старчеству.

Уединенная отшельническая скитская жизнь, продолжительное общение с великим русским старцем иеромонахом Амвросием, проходившие под его мудрым старческим окормлением, ежедневное наблюдение над его жизнью и деятельностью старца, келейная молитва, сопровождавшаяся искренним сокрушением о своих грехах, чтение слова Божия и аскетической литературы и, наконец, непосредственное знакомство с людским горем и участие в духовнических трудах старца Амвросия — вот те условия духовного воспитания, в которые Промыслом Божиим был помещен Иван Евфимович Литовкин, ставший иеромонахом Иосифом. В этих условиях раскрылись великие силы его духа, расширился духовный кругозор, закалилась воля, и он достиг *в меру возраста и исполнения* (ср.: Еф. 4, 13) своих предшественников — старцев.

⁵² Сажалка (сажелка) — запруда, искусственный водоем, куда помещали рыбу для разведения ее или сохранения.

VI. Старчествование отца Иосифа при батюшке Амвросии и после его кончины

*Не может град укрытись верху
горы стоя.*

Мф. 5, 14

Старец Амвросий, предвидя в смиренном и кротком послушнике своего будущего заместителя, постепенно, как мы видели, приготавливал его к старческому служению. В последние же годы жизни великого старца, когда, с одной стороны, все более и более ухудшалось его здоровье, а с другой — усиливался приток посетителей, отец Иосиф стал, хотя еще неофициально, помощником своего любимого старца.

Для собеседований с посетителями ему была отведена небольшая приемная комната на женской половине. В этой комнате обычно сидели посетители в ожидании приема их старцем. Не желая их беспокоить просьбой удалиться из келлии на время его занятий с посетителями, кроткий батюшка Иосиф для беседы выходил иногда в коридор, чаще же в холодные сени. Последнее обстоятельство и послужило причиной сначала небольшого заболевания отца Иосифа, а затем и сильной болезни, которая едва не свела его в могилу.

Заболел отец Иосиф в начале февраля 1888 года. Болезнь оказалась настолько серьезной, что его торжественно осobo- ровали и приобщили Святых Христовых Таин, а 15 февраля постригли в схиму. Доктор, лечивший больного, советовал перевезти его в монастырскую больницу. Но отцу Иосифу очень не хотелось в такое тяжелое время расставаться со своим старцем, с которым он прожил неразлучно уже

почти тридцать лет. Не хотел этого и сам старец, сильно обеспокоившийся болезнью помощника. Но, несмотря на это, по настоянию врача и скитоначальника отца Анатолия¹ больного перевезли в монастырь. Этот переезд в открытых санях в холодное время еще более осложнил болезнь батюшки, и его, едва живого, почти без чувств внесли в больничную палату. Теперь отец Иосиф, прикованный тяжелой болезнью к постели, лежал совершенно недвижимым, часто впадая в забытие. Присутствовавшие около больного слышали по временам его молитвенные вздохи и уже думали, что он находится при смерти. Больному прочитали отходную...

Грустен и задумчив был в эти дни великий Амвросий и, несомненно, молил об исцелении любимого ученика Того, Кто когда-то его самого, разбитого и расслабленного не менее тяжелой болезнью, поднял со смертного одра². Батюшка Амвросий долго не разрешал духовным детям отца Иосифа проститься с ним, но наконец разрешил.

В один из тяжелых дней иеросхимонах Иосиф, находясь в полном сознании, попросил ходившего за ним брата пойти к старцу и передать ему, что больной просит благословить и отпустить его с миром. Тот пошел и передал старцу просьбу отца Иосифа. В ответ на нее батюшка Амвросий велел брату идти обратно и, войдя в палату больного, произнести про себя: «Свят, свят, свят Господь Саваоф» (Ис. 6, 3). Брат возвратился и исполнил в точности приказание старца. Лишь только он произнес названные слова, как отец Иосиф, обратившись к нему, попросил у него чаю, и с этого момента больной, к общему удивлению, начал поправляться.

Вечером этого же дня старец Амвросий, выйдя в приемную к посетителям, с радостью возвестил: «Отец Иосиф совсем было собрался умирать, но, слава Богу, не умер — теперь ему лучше». И долго между выходившими и вновь

¹ Анатолий (Зерцалов; 1824–1894), схиигумен. В Оптиной пустыни с 1853 г., ученик старца Макария, затем — Амвросия. В 1862 г. пострижен в монашество. С 1873 г. — скитоначальник и духовник братии и Шамординской обители. День памяти преподобного — 25 января/7 февраля.

² Четвериков С. Жизнеописание старца Амвросия. 1912. С. 93.

приходившими посетителями хибарки слышался в этот вечер тихий радостный шепот: «Батюшке Иосифу лучше...»³

Эта тяжкая болезнь, несомненно, имела громадное значение для внутреннего духовного устроения отца Иосифа. Сам он впоследствии говорил в беседах и переписке со своими духовными детьми, что «всякая болезнь полезна для человека», «она — лекарство, очищающее душу от скверны духовной». Болезнь, как и все посылаемые Богом скорби и страдания, есть крест, а всякий желающий спастись должен понести какой-либо свой крест, «так как туда (в Царствие Божие) никого не пускают без креста»⁴. Отсюда: болезни надо переносить со смирением, терпеть с молитвою ко Всевышнему и полным упованием на Его святую волю.

Так именно и переносил свои страдания будущий старец. За все время болезни никто не слышал от него каких-либо скорбных, нетерпеливых замечаний или стонов, и лишь уста его постоянно шептали молитву.

После болезни иеросхимонах Иосиф был официально назначен настоятелем отцом Исаакием в помощники ослабевавшему старцу. Для приема им посетителей по распоряжению батюшки Амвросия была сделана особая пристройка к хибарке с теплым помещением.

Летом этого же года старец разрешил отцу Иосифу осуществить свое давнее желание — съездить в Киев на поклонение святыням. В том, что отец Амвросий не разрешал ему исполнить своего желания ранее, а благословил сделать это только теперь, видно мудрое руководство своим учеником. Видя в поступившем в скит брате Иване богатые духовные дарования, опытный старец Амвросий видел в нем и духовное неустройство. При всей наклонности к монашеской жизни брат Иван уделял тогда большое внимание внешнему. Ему как малороссу очень не нравились в Оптиной пустыни пение и великорусский выговор⁵, и, как мы помним, он даже задумывал уйти из Оптиной в Киев, где и то,

³ Рассказ скитского иеродиакона о. Зосимы.

⁴ Письмо к м. Е. от апреля 1896 г.; письмо к М.А. от 9 августа 1906 г.; письмо (без даты) к м. N. л. 9, № 17.

⁵ Слова старца Иосифа. С. 7.

и другое было более сродно и привычно. Отправившись на киевское богомоление тогда, Иван мог увлечься приятностью лаврского пения, множеством святынь, малорусскою речью и не возвратиться в Оптину. А увлекшись затем историческим прошлым Афона, он мог, оставив Киев, перейти туда, а с Афона и еще в какой-либо монастырь, как часто делают молодые не устроившиеся в духовной жизни иноки.

В наше время, когда наряду с ищущими истинной монашеской жизни можно встретить немало монахов «по недоразумению», обычай перехода из одного монастыря в другой сильно распространился. Свой уход из монастыря переходящие объясняют недостаточной высотой монашеской жизни в оставленной обители и своим исканием жизни более святой и совершенной. Но, объясняя так свое непостоянство, одни бессознательно, а другие сознательно обманывают себя и других. Истинная монашеская жизнь всегда находится около искренно ищущего ее. Надо только самому быть готовым к ней и иметь внутреннее монашеское устроение.

Хорошее пение, родная речь, множество святынь в монастыре — все это само по себе хорошо, но еще не является признаком истинной монашеской жизни. Такой взгляд на иноческую жизнь, как мы видели выше, лежит в основе всего оптинского подвижничества. Как выдающийся представитель последнего, старец Амвросий и не благословлял Ивану, тогда только «внешнему» монаху, поехать в Киев. Когда же под руководством старца отец Иосиф воспитал в себе «внутреннего» монаха и ничто внешнее уже не могло его увлечь и повредить его душе, старец Амвросий сказал ему: «Теперь можно».

В то время наместником Киево-Печерской лавры был архимандрит Ювеналий (Половцев)⁶, который ранее долгое

⁶ Ювеналий (Половцев; 1826–1904), архиепископ. Поступил в Оптинский скит в 1847 г. Пострижен в монашество в 1855 г., рукоположен во иеромонаха в 1857 г. С 1857 по 1861 г. член Российской духовной миссии в Иерусалиме. Затем был настоятелем многих монастырей. В 1871 г. уволен по болезни на покой в Оптину пустынь. С мая 1884 по октябрь 1892 г. — наместник Киево-Печерской лавры. Затем возглавлял Балахнинскую, Курскую кафедры в сане

время жил в Оптиной пустыни и принадлежал к кружку образованных иноков, занимавшихся при отце Макарии переводческой деятельностью⁷.

По приезде в лавру отец Иосиф отправился к нему передать поклон от отца Амвросия. Наместника не было дома, когда Иосиф пришел к нему, и келейники, привыкшие к важным и сановитым гостям своего начальника, предложили бедно одетому незнакомому монаху подождать в передней. Долго пришлось ожидать отцу Иосифу. Келейники не обращали на него никакого внимания. Настало время обеда. Вспомнив о своем госте, келейники позвали Иосифа в свою комнату и предложили с ними пообедать. Перед обедом они стали предлагать гостю выпить, но он отказался. Келейники стали тогда к нему приставать и поднимать на смех, но наконец, видя его решительное нежелание разделить с ними это «блюдо», оставили его в покое и принялись сами за угощение, несколько не стесняясь присутствием незнакомца.

В это время приехал наместник, и один из келейников доложил о незнакомом монахе. Увидя отца Иосифа, архимандрит воскликнул: «Кого я вижу — ведь это будущий старец!» И оказал ему такие знаки уважения, что оторопевшие келейники не знали, что подумать. Затем наместник повел его к себе, а келейникам приказал перенести из гостиницы, где отец Иосиф остановился, его вещи и приготовить для него помещение в его покоях. До позднего вечера беседовал архимандрит со своим гостем, вспоминая Оптину... Придя в отведенную ему комнату, отец Иосиф увидел в ней ожидавших его келейников, которые при его появлении бросились к нему в ноги, прося прощения за свою грубость. Кроткий батюшка с улыбкой обнял их и успокоил.

епископа. С 1898 г. — архиепископ Литовский и Виленский. Владыка много потрудился над подготовкой к печати произведений аскетической литературы и переводом с новогреческого языка на русский творений прп. Петра Дамаскина. Он составил жизнеописание настоятеля Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея.

⁷ Соколов Д. К литературной деятельности Оптиной пустыни. С. 10.

Об этом случае рассказал один из этих келейников, бывший впоследствии иеромонахом в одном из монастырей Курской губернии: «Как варом обдал он нас тогда. Думаем: пропали мы теперь — пожалуется наместнику. Но потом поразили нас своим смирением и так хорошо говорил с нами, что мы искренне устыдились своего поведения»⁸.

На обратном пути из Киева заехал отец Иосиф в Борисовскую пустынь к сестре, уже престарелой в то время монахини. Радостной была эта встреча брата и сестры, не видевшихся тридцать лет. Мать Леониду особенно радовало то, что брат ее, о судьбе которого она когда-то сильно скорбела, стал всеми уважаемым иеромонахом и помощником великого старца.

Недолго пробыл в Борисовке отец Иосиф: он разболелся и поспешил в Оптину.

Старец Амвросий очень был обрадован возвращением своего любимого ученика и помощника, который особенно был нужен ему теперь, когда с каждым месяцем он все более и более слабел.

Отец Амвросий имел обыкновение ежегодно в теплую летнюю погоду приезжать в Шамордино для личного осмотра ее благоустройства. Неизменным спутником его в этих поездках был его «правая рука» отец Иосиф⁹.

Но вот наступило лето 1890 года. Собираясь в Шамордино и все уже приготовив к отъезду, отец Амвросий на этот раз почему-то долго не говорил об этом своему ученику. По-видимому, старец решил в этот раз оставить отца Иосифа в Оптиной, но, боясь сильно огорчить его прямым объявлением своего решения, он наконец как-то нерешительно спросил: «Как же в Шамордино-то ехать?» Отец Иосиф, к которому теперь ежедневно ходил народ, ответил старцу вопросом: «А тут-то как же быть, батюшка?» В ответ старец уже прямо заявил: «Нет, тебя я не возьму нынешний раз, ты здесь нужен»¹⁰.

⁸ *Aganum, архим.* Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 112.

⁹ Рассказ оптинского иеромонаха о. Моисея.

¹⁰ Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 96–97.

Эта поездка отца Амвросия стала его последней поездкой в Шамордино, оттуда он уже не возвратился в Оптину до самой кончины. Старец несколько раз собирался возвращаться, но при каждой попытке поехать он приходил в крайне болезненное изнеможение, так что не только ехать, но и принимать никого не мог.

Отец Иосиф, сильно скорбевший о разлуке со старцем, один раз в месяц обязательно ездил к нему в Шамордино, а старец Амвросий сам заботился о том, чтобы в назначенный день за ним был послан возок.

Наступил Успенский пост. Многие оптинские иноки, исповедовавшиеся ранее у старца, теперь по его благословению выбрали своим духовником отца Иосифа и начали у него исповедоваться. Престарелый архимандрит Исаакий также выбрал теперь своим духовником батюшку Иосифа, к которому он давно относился с уважением¹¹.

Сначала старец Амвросий отсылал к отцу Иосифу своих духовных детей из оптинской братии и мирян, в большом количестве стекавшихся для исповеди к нему в Шамордино, а затем, уже во время Рождественского поста, все слабeya силами, стал отсылать и своих шамординских духовных детей.

Одной особе — духовной дочери, не хотевшей при жизни старца Амвросия переходить к другому духовнику, он говорил: «Я всех своих духовных детей передал батюшке отцу Иосифу. И вы у него исповедуйтесь... Слышишь: иди к отцу Иосифу». И прибавил: «Я вас поил вином с водой, он же будет поить вас чистым вином»¹². Так пророчески высказался старец о характере будущего служения своего ученика.

Таким образом ширился круг духовных детей батюшки Иосифа как среди иноков Оптиной пустыни и шамординских сестер, так и среди лиц, приезжавших из близких и дальних мест в Оптину.

Между тем лето 1891 года прошло. Старец Амвросий, окончательно разболевшись, оставался в Шамордине в ожидании надвигавшейся кончины. Тревожимый слухами

¹¹ Очерк жизни архим. Исаакия. 1899. С. 57–58.

¹² Из воспоминаний одной духовной дочери о. Амвросия // Жизнеописание старца Амвросия. 1900. Ч. 2. С. 61–62.

о близком конце старца, отец Иосиф отправился 4 октября в Шамордино. Желая поисповедоваться у отца Амвросия, но боясь беспокоить больного, он не решился сказать ему об этом. Между тем старец понял своего ученика и, надев на себя епитрахиль и поручи, сам подал ему исповедальную книжку. Эта исповедь отца Иосифа у своего учителя оказалась последней. Простившись со старцем, батюшка Иосиф уехал в скит. В наступившую затем ночь, по рассказу самого старца Иосифа, он долго не мог уснуть и в это время слышал, что кто-то трижды повторил: «Старец умрет»¹³. И эти роковые слова скоро сбылись...

Редкий, печальный гул большого колокола, разнесшийся в Оптиной пустыни после полудня 10 октября, возвестил ее насельникам о горестном событии — кончине великого старца Амвросия. «Отец Иосиф, — говорит жизнеописатель отца Амвросия, — взяв все необходимое для опрятания покойного, сейчас же выехал в Шамордино, спеша поспеть к неостывшему телу дорогого наставника, чтобы в последний раз послужить ему и облобызать, если возможно, его еще теплую руку»¹⁴.

Лил непрерывный дождь из нависших низко бегущих туч, шумел и стонал октябрьский пронизывающий ветер, когда многотысячная толпа всякого звания и состояния, сирот батюшки «Абросима», провожала его прах из Шамординской общины в место последнего его упокоения — Оптину пустынь. Уныло гудел семисотенный колокол, мерными ударами потрясая воздух. Наступал вечер, и уже несколько стемнело, когда погребальное шествие медленно переправлялось у самого монастыря по наведенному для этого случая плашкоутному мосту¹⁵.

А непрерывный дождь не переставал: то стихая, то усиливаясь, косыми линиями падал он на землю, совершенно растворяя ее, а сильный ветер ревел и зловеще стонал, вихрем

¹³ Жизнеописание старца Амвросия. 1912. С. 327–328.

¹⁴ Там же. С. 334.

¹⁵ То есть мост из плавучих опор — плашкоутов (судно с малой осадкой), которые закреплялись на месте якорями или специальными оттяжками с берега, сверху на них накладывали настил, по которому и осуществлялось движение.

кружась по верхушкам старых сосен темного монастырского бора. В это время из мрачной чащи бора выделилась фигура одинокого инокa и поспешно направилась вдоль серых монастырских стен навстречу тихо подвигавшейся похоронной процессии. Лицо инокa было печально, на глаза его навертывались слезы, уста шептали молитву... То был ученик усопшего отец Иосиф¹⁶. Он спешил теперь встретить возвращавшегося после долгой разлуки того, кто его духовно вскормил и вспоил, но, увы, возвращавшегося не в скит, не в свою хибарку, не для жизни и новых наставлений, а затем, чтобы лечь рядом с останками своих учителей — старцев Леонида и Макария... А на другой день, когда отца Амвросия опустили в землю, рассказывает один наблюдатель из светских лиц, отец Иосиф долго и безмолвно стоял у могилы, не спуская глаз со свежего надгробного холма¹⁷.

Старец Амвросий, умирая, не указал прямо на отца Иосифа как на своего заместителя. В один из предсмертных дней на вопрос своего духовника отца Феодора¹⁸: «Батюшка, вот вы умираете, на кого обитель свою оставляете?» старец ответил следующими словами: «Обитель оставляю Царице Небесной; а я свой крест позолотил»¹⁹. Поэтому после смерти старца отец Иосиф не сразу явился общепризнанным и бесспорным его преемником. В то время большая часть монастырской братии, а также и некоторые из приезжавших в Оптину монашествующих и светских лиц имели своим духовным отцом и старцем отца Анатолия, скитоначальника и братского духовника. К отцу же Иосифу теперь помимо его духовных детей стали относиться все духовные дети покойного старца Амвросия.

Вскоре после смерти старца батюшка Иосиф был официально утвержден наравне с отцом Анатолием в должности

¹⁶ Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 143–144. *Поселянин Е.* Оптинский старец Иосиф // Сельский вестник, 1911. № 126.

¹⁷ *Поселянин Е.* Там же.

¹⁸ Отец Феодор при жизни старца Амвросия и позднее жил в Шамординской общине, где служил и исповедовал сестер. Когда старец бывал в Шамордино, то отец Феодор принимал у него исповедь.

¹⁹ *Четвериков С.* Жизнеописание старца Амвросия. С. 329.

духовника той части шамординских сестер, которые прежде исповедовались у старца Амвросия. Теперь для их исповеди отец Иосиф каждое лето Петровским и Успенским постами ездил в Шамордино.

Как ценили отца Иосифа в первые годы старчества относившиеся к нему, видно из отзыва, данного одним послушником в своем дневнике. «Старец Иосиф! — пишет этот послушник. — Жизнь моя, радость и утешение! Весьма много помог ты мне и утешил в первые дни моей жизни в монастыре и постоянно утешаешь и наставляешь во всех делах и случаях: без тебя не знаю, что бы было со мною!»²⁰

Осенью 1893 года тяжело заболел, а в 1894 году скончался скитоначальник отец Анатолий. Тогда скитоначальничество и духовничество в Оптиной по общему желанию братии и согласно представлению монастырского настоятеля отца Исаакия указом духовной консистории было передано старцу иеросхимонаху Иосифу²¹.

Таким образом, все оптинское иночество объединилось теперь под духовным руководством одного общего духовника и старца Иосифа. Его руководству вручила себя и вся Шамординская обитель во главе с игуменией Евфросинией²², а за нею потянулись к отцу Иосифу и другие обители, и миряне. Оптина пустынь снова засветила на всю православную Русь свой преемственный светоч старческого окормления.

²⁰ Надгробное слово при погребении о. Иосифа. С. 8.

²¹ Указ Калужской духовной консистории о назначении о. Иосифа скитоначальником и братским духовником от 19 марта 1894 года. Хранится в монастырском архиве.

²² Евфросиния (Розова; 1830–1904), схиигумения. После кончины настоятельницы Шамординской обители Софии (Болотовой) сам батюшка Амвросий позаботился о назначении новой начальницы. Ею стала одна из его преданных духовных дочерей, монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря Евфросиния, которая была утверждена в должности в 1888 г. и управляла обителью шестнадцать лет, даже когда ослепла, старец не благословил ее покидать сестер. Во время ее настоятельства Шамординская община получила статус общежительного монастыря. Был построен Казанский собор, богадельня, детский приют и др. См. о ней также на с. 179.

VII. Пастырское попечение о людях и благодатные дарования старца Иосифа

*Ча́дца моя, ѿмѣже па́ки болѣзную,
дѣндеже вообразится Христос
в вас.*

Гал. 4, 19

Непросто быть старцем после таких великих мужей, как отец Леонид, отец Макарий и отец Амвросий. <...> То, что батюшка Иосиф принял на себя старческое служение, свидетельствует о тех сокровищах духа, какими он владел. С полным осознанием великой ответственности принятого на себя служения, с глубокой верой в Божественный Промысл отец Иосиф смело взял в руки и понес унаследованное от своих предшественников дело старчества. Он вновь широко расстворил двери оптинской хибарки для всего страждущего православного русского люда <...>. Оптинский источник живой воды после кончины старца Амвросия остановился лишь на время и затем снова забил сильным благодатным ключом.

В растворенные двери хибарки широким потоком лилось человеческое горе. За двадцатилетнее почти старчествование отца Иосифа тысячи лиц разного положения, состояния и звания перебивали у него. Здесь можно было встретить и высокого сановитого гостя, и простого бедного крестьянина в лаптях, прибывших из далеких и близких городов и сел необъятной Руси; здесь можно было видеть студентов, курсисток, священников, купцов, адвокатов, чиновников — людей самых разнообразных профессий. Все они стекались к старцу поведать ему о своих сомнениях и грехах, о своих страданиях духовных и физических и испросить у него совета

и наставления. В хибарке, полной народа, проливались слезы, часто слышались стоны, оханья, причитанья, а иногда раздавались страшные крики бесноватых¹.

Сам старец никого к себе не звал, но приходящим к нему никогда не отказывал. Одна особа обратилась письменно к старцу Иосифу с просьбой принять под духовное руководство, поясняя, что ее многое смущает. Не получив от старца ответа, она приехала в Оптину и так расположилась к батюшке, что открыла ему свою душу. Когда же она спросила, почему ей старец не ответил на письмо, он ответил: «Я ждал, что вы вслед за этим напишете, что вас смущает». — «Я не решилась этого сделать без вашего позволения и думала, что вы меня не примете», — возразила особа. — «Да разве старцы когда отказывают, кто к ним обращается?» — ответил отец Иосиф².

Всех приходивших батюшка встречал с приветливой улыбкой, никогда не сходившей с его старческих уст. Между посетителями он не делал никакого различия. В келлии старца все были равны. Лиц высокопоставленных и своих родственников они принимал наравне с прочими в той же приемной, никаких чаепитий и особых угощений для них не предлагалось³.

В каждом обращавшемся к нему лице для старца дороги были не его ум, не богатство, не знатность, но богоподобная душа человеческая со всеми ее мелкими и глубокими ранами. Спасение этой души у него связывалось со спасением своей собственной. Потому-то всякий желавший получить от старца полезный совет должен был открыть пред ним свою душу до дна. Бывали случаи, когда некоторые или стеснялись вполне открыться старцу, или же просто не умели этого сделать, тогда старец сам приходил к ним на помощь. Он обладал удивительным даром проникать во внутренний мир людей, узнавать с первого взгляда на лицо пришедшего человека, что ему нужно и какого рода мучение терзает его. Потому-то иногда старец, не выслушав еще пришедшего, уже

¹ Рассказ о. Зосимы (рукописный).

² Записки о. Моисея. С. 4.

³ Там же. С. 2, оборот.

давал ему необходимое наставление или начинал разговор на тему, которой была занята мысль посетителя.

Приведем пример. Монахиня Л. передает о себе: «В 1908 году, 2 августа, я со своей келейной приехала в Оптину пустынь. Куда мы стремились прежде всего — это к батюшке Амвросию на могилу, затем желали получить духовное наставление от оптинских старцев, но особенно же влекло нас к старцу Иосифу, который помещался и принимал посетителей в том самом помещении, где жил отец Амвросий. По приезде в пустынь, казалось бы, надлежало тотчас идти к отцу Иосифу, но со мной случилось что-то непонятное — занездоровилось слегка, и я никак не могла идти к старцу. Наконец, сдаваясь на доводы моей келейной, я пошла, но дорогой мучительно терзалась мыслью: “Ну, чего я иду? Посетителей, говорят, много, и старец всех посылает в Шамордино и к преподобному Тихону Калужскому⁴, я же выполнить этого не могу, так как у меня не хватит денег на поездку, да и купаться (в святом Тихоновском колодце)⁵ — мне вредно. Исповедоваться у старца я не решусь, боясь его утомить; ну чего иду?”

Но вот хибарка, и минут через пять, много десять — мы приняты старцем. Мысли роем тогда вертелись в голове, и я, не находя, с чего начать, молча смотрела на старца. Вдруг он тихо, ласково заговорил: “Ну, чего же ты, чего? Смотри, вот портрет отца Амвросия, вот его кровать, вот вся его келлия, в которой он жил и принимал так же, как и я, больной, сидя на кровати”. Точно ледяная кора спала с моего сердца: так легко стало мне. Стоя пред старцем на коленях, я расплакалась и теперь уже не молчала, но вопросы мои не успевали еще сойти с языка, как дорогой старец уже отвечал

⁴ Тихон Калужский, Медынский (ок. 1400–1492), преподобный. Стремясь к уединению, удалился в глухой лес между Калугой и Медынью и жил в большом дупле громадного дуба. Позднее здесь был им построен храм и основана обитель, именуемая впоследствии Тихоновой пустынью. Церковь чтит память святого 16/29 июня.

⁵ Преподобный Тихон сам выкопал кладезь на истоке реки Вепрейки (ныне скит Живоносного Источника). На этом целебном источнике совершалось и совершается в наше время много исцелений.

мне на них. “Чего ты боялась идти? — говорил он. — У тебя денег немного, правда, так что не на что ездить в Шамордино, ни к Тихону преподобному, да тебе и купаться нельзя. Матерь Божию хочешь видеть? — отвечал на мою мысль старец. — Она сегодня Сама у тебя будет в келлии. Исповедовать тебя я не могу, а вот поди к моему духовнику отцу Сергию⁶, он тебя поисповедует”.

Я могла тогда только плакать, и этими слезами вылилось все, чем терзалась моя душа. Келейная моя тоже была утешена и плакала. От старца ушли мы окрыленные: точно громадная тяжесть упала с наших плеч. Подходя к монастырю, мы услышали пение: оказалось, шел крестный ход с Калужской иконой Божией Матери, неожиданно привезенной из Козельска. Мы поспешили в номер, куда скоро принесли чудотворную икону.

На следующий день, приобщившись, мы спешили к батюшке. Лишь только мы вошли к нему, как он восторженно заговорил: “Ну, вот, правда, как хорошо, легко, радостно? Поговели⁷, — порадовал Господь. Ведь вот милость-то Божия случилась с вами!” А с нами действительно случилась милость Божия, о которой знал только наш духовник. Старцу же неведомо было ни то, что мы у ранней обедни говели, ни то, чем Господь порадовал нас обеих.

Кратко, но сердечно-духовно говорил старец, — не хотелось уходить от него, но надо было дать место другим. На следующий день, купив в лавочке четки, портрет отца Иосифа и несколько книжечек, мы снова отправились к старцу. Дорогой мы решили попросить старца благословить нас четками и его портретом. Войдя к нему, я подумала: “Как было бы дорого получить четки с руки старца”. Вдруг старец, улыбнувшись, быстро размотал со своей руки четки и надел на мою, а мои четки надел на свою руку. Слезы полились у меня

⁶ Вероятно, речь идет об иеромонахе Сергии (Александрове), который с 1901 по 1908 г. был в Оптиной духовником богомольцев.

⁷ Говение — приготовление к таинству Святого Причащения, заключающееся в посте, воздержании, молитве, посещении богослужений и исповеди.

градом, и я только могла проговорить: “Дорогой отец мой, могла ли я этого ожидать!”

На голове старца была обычная монашеская шапочка. Вдруг он поворачивается к моей келейной, снимает свою шапочку, поправляет свои волосы и, улыбнувшись, опять надевает ее на голову и снова поворачивается ко мне. Моя келейная разрыдалась, бросилась в ноги старцу, благодаря его за что-то. Я недоумевала, что это значит. Выйдя из хибарки, келейная рассказала, что в то время, когда старец разговаривал со мной, она подумала: “Непохожа наша карточка (на ней отец Иосиф был без шапочки); вот если бы батюшка шапочку снял”. В ту же минуту, как она подумала это, старец обернулся к ней, снял шапочку и, улыбнувшись, снова надел ее.

На следующий день мы пришли проститься со старцем. Не желая его утомлять, мы не стали просить отдельного приема, а остались ждать выхода отца Иосифа на общее благословение. Вскоре щелкнула дверь, и батюшка вышел... Но что за вид был его! От лица буквально исходил свет, и было оно бело и юношески светло до того, что мы невольно вздрогнули и опустили глаза. Чуть-чуть взглянув на нас, — причем так весело, так ласково, с таким благодатным выражением на лице, что передать нельзя, — батюшка направился в другую сторону, так что мы и не простились. После нам сказали, что старец в тот день приобщался. Но до чего лучезарен был вид его тогда — этого нам никогда не забыть. Проститься со старцем нам пришлось на другой день.

Эти строки истинны, чему Господь свидетель»⁸.

Случаи, когда отец Иосиф явно угадывал мысли посетителей, были нечасты. Старец всегда словно боялся обнаружить перед людьми свои благодатные дарования. В большинстве случаев он внимательно выслушивал каждого, причем в важных случаях приглашал к себе в келлию. С посетителями обычно старец никогда не начинал беседы сам, а всегда ждал вопроса, причем ответы давал очень краткие.

⁸ Из рукописных воспоминаний об о. Иосифе сестер Разрытовского женского монастыря Черниговской губернии Людмилы Иващенко и Евдокии Постновой.

Одному иноку старец говорил: «На меня недовольны некоторые за то, что я мало говорю. Но ведь для того, чтобы утешить скорбящую душу, много и не надо говорить. Надо только дать лицу свободно высказаться самому, не перебивая его, а когда он выскажет все свои скорби, уже этим самым облегчит свою скорбь. К этому остается прибавить только несколько слов, согретых состраданием и любовью, пояснить, какие есть у него недоумения, и человек после этого видимо укрепляется верою, обновляется душой и снова уже готов идти на всякие скорби»⁹.

Вообще отец Иосиф и в других случаях не любил, как передает его бывший келейник отец Зосима¹⁰, «называться» сам, пока у него не попросят. Этому же старец учил и других. Так, однажды оптинский иеромонах Дионисий¹¹ дал иноку хлеб, а будучи у старца, сказал ему об этом. Отец Иосиф спросил его: «А инок просил у тебя хлеба?» — и когда отец Дионисий ответил: «Не просил», старец сказал: «Называться никогда не надо. Всякий нуждающийся должен просить. Если же он не просит, то значит, горд»¹².

Но, несмотря на всю свою краткость, ответы старца отличались необыкновенной содержательностью и были сильнее и действительнее самых обстоятельных и продолжительных бесед. В двух-трех словах, часто облакавшихся в стихотворную форму, отец Иосиф умел сказать так много, что всё вопрошавшему сразу становилось ясным и понятным. Самые

⁹ Записки о. Моисея. С. 2, оборот.

¹⁰ Зосима (Амелин; 1871–1919), иеромонах. Поступил в Оптину в 1896 г. Пострижен в монашество в 1907 г., рукоположен во иеродиакона 1 апреля 1911 г., во иеромонаха — в 1917 г. Нес послушание на скитской даче, на пасеке. Был келейником скитоначальника старца Иосифа, затем старшим келейником старца Нектария (Тихонова). В 1918 г. Калужский епархиальный совет отправил его служить на приход в село Засека (Засецкий), где 26 марта 1919 г. он скончался от тифа.

¹¹ Дионисий (Рыков; ок. 1856–1916), иеросхимонах. Поступил в Оптину в 1899 г. Пострижен в монашество в 1905 г., рукоположен во иеромонаха в 1909 г. В скиту — келейник скитоначальника, в 1902 г. переведен в монастырь на послушание закупщика. Позднее был заведующим иконно-книжной лавки, духовником богомольцев.

¹² Устный рассказ о. Дионисия, запись о том же о. Зосимы.

убедительные доводы самолюбия и гордого самооправдания окончательно разбивались от одного его «ну что ж, надо потерпеть». «Отец Иосиф скажет мало, но в этом “мало” выскажет много», — так передает одно интеллигентное лицо, относившееся к покойному старцу¹³.

Кратким, но метким и мудрым своим словом он умел попадать в самое, так сказать, больное место вопрошавшего, разрешить его недоумение, наставить и ободрить. В советах батюшки Иосифа ярко обнаруживался его дар рассуждения, или дар особенной благодатной мудрости. Последний заключался в том, что старец мог всегда правильно определить духовное устройство обращавшегося к нему лица, здраво разобраться в его внешнем положении и вывести из самых затруднительных, иногда по видимому совершенно безвыходных духовных или материальных обстоятельств.

Но при этом требовалось, чтобы приходявшие к старцу держались первого его слова, первого совета. Сам старец говорил, что под влиянием усиленных просьб он может изменить первоначальное решение и дать другое, но уже человеческое, вынужденное, тогда как в первом говорила Сама Божественная воля. И действительно, многие испрашивавшие совета старца вторично согласно своему предвзятому желанию и не поступавшие по его первому слову ошибались потом в расчетах и горько мучались пришедшим раскаянием.

Госпожа Ш. рассказывает: «У меня была сестра девица, которая приехала из Варшавы в Москву. Места у нее не было. Она написала мне письмо, в котором просила у батюшки спросить, как он благословит: ехать ли ей в Ефремов и там открыть свою лавку или же оставаться в Москве и ждать места? Батюшка на это ответил: “Пусть остается в Москве и ходит за детьми”. Сестре такой ответ показался обидным, полагая, что старец посылает ее в горничные. Она отказалась, говоря: “Разве я могу ходить за детьми!” Но вскоре она получает место надзирательницы в детском приюте — “ясли”. Тут она сама написала батюшке

¹³ Надгробное слово. С. 9.

и просила у него прощения, что не так поняла его слова и хотела послушаться.

Затем приют закрылся, и она, оставшись опять без места, пишет старцу и спрашивает, как ей быть: “Открыть свою лавку или ждать места”. В ответ получает: “Жди места”. Но сестра не послушалась: открыла лавку и проторговалась в “пух и прах”. Потом присылают ей из Варшавы приглашение поступить снова на то место, на котором она жила 25 лет. Батюшка не благословил ехать в Варшаву, а сказал: “Поезжай в Троице-Сергиеву лавру, там тебе найдется место”. Она не послушалась, поехала в Варшаву, дорогой заболела, и у нее вытащили пятипроцентные билеты¹⁴, и пришлось ей вернуться обратно»¹⁵.

Мы сказали, что старец с искренней любовью относился к посетителям, но в то же время он не любил внешней ласковости, баловства и уступок. Единственным выражением внимания и ласки к духовным детям было у него то, что он в особенных случаях слегка ударял кого-либо из них по голове. Будучи снисходительным к слабостям человека, он был в то же время строг и неумолим, когда надо было обличить, исправить и обратить грешника на путь покаяния. Снисхождение же старца никогда не шло в ущерб справедливости. Он не умел прибегать к притворству и лжи. Искренность и правдивость были его всепобеждающей силой, почему так и привлекал он к себе нуждавшихся в руководстве опытного наставника.

Бывали случаи, когда некоторые, не оценив по достоинству старца и не поняв его горячей любви к людям, уходили от него к другим, более ласковым внешне. Такие отпадения никогда не вызывали у смиренного пастыря неудовольствия, не возбуждали ни зависти, ни огорчения. Когда

¹⁴ Пятипроцентные билеты, или бумаги выигрышного займа — так называли облигации государственного займа. Купив такой билет, два раза в год можно было получить купонный доход на сумму пять рублей. Но дело было не в купоне, а в возможности крупного выигрыша через лотерею, которую проводили раз в год. Чем больше билетов, тем выше шанс.

¹⁵ Мария Иосифовна Шаламова (жила в Оптиной пустыни).

же впоследствии такие лица, поняв ошибку, возвращались обратно, отец Иосиф с отеческой любовью, с полным всепрощением и забвением случившегося снова принимал их к себе.

Один инок, сначала искренно расположенный к старцу, с некоторого времени охладил и перестал к нему ходить. Но скоро он понял, что поддался вражескому искушению и, придя к отцу Иосифу, сказал: «Батюшка, простите меня за откровенность — я потерял всякую в вас веру». На это старец мягким, успокоительным тоном сказал: «Что же, сын мой, удивительного в твоём искушении? Святые апостолы и те усумнились было в веру в Бога и Спасителя. После же своего неверия они еще сильнее укрепились в вере, так что уже ничто не могло их отлучить от любви Христовой». Искусившийся инок тут же почувствовал перемену в душе и совершенно предался в волю старца¹⁶.

Не лишним будет отметить, что отец Иосиф в первые годы своего самостоятельного старческого служения иногда получал непосредственные указания от своего учителя старца Амвросия из загробного мира.

Так, однажды батюшка Иосиф благословил монахиню Н. поехать к родным. Вдруг во время послеобеденного отдыха он ясно слышит голос покойного старца: «Не нужно ей ездить — скажи, чтобы осталась». Отец Иосиф послал за монахиней и объявил ей волю старца.

В Шамординскую обитель была пожертвована машина для печения хлеба, но она оказалась слишком тяжелой, так что сестры не могли ее употреблять. Об этом сказали отцу Иосифу, добавив, что люди компетентные советуют к этой машине сделать конный привод. Старец на это ответил как-то нерешительно: «Надо подумать». Через несколько времени сестра, заведующая в обители постройками, приехала к старцу с другими деловыми вопросами. Отец Иосиф, встретив ее, оживленно заявил: «Нужно непременно привод сделать в хлебной — этого батюшка Амвросий желает». Сестра с удивлением посмотрела на старца, а он, отвечая на

¹⁶ Записки о. Моисея. С. 3.

ее недоумение, продолжал: «Я целую ночь лежал и думал о приводе, не зная, на что решиться. Вдруг слышу, батюшка Амвросий мне говорит: “Неприменно надо привод сделать”»¹⁷. Привод сделали, и машина прекрасно работает.

Как мудрый учитель и воспитатель, старец Иосиф всегда сообразовался с нравственной природой и развитием обращавшихся к нему за руководством. Под его воспитательным окормлением люди не обезличивались, индивидуальные свойства не стирались, но каждый оставался сам собой. Наблюдая в течение многих лет открывавшиеся ему на исповеди человеческие души, столь разнообразные в отдельных личностях, отец Иосиф каждому давал лекарство соответственно его недугу и особенностям духовного организма.

Одни люди приходили к старцу, ища сочувствующего слушателя, которому они могли бы высказать накопившееся на душе; другим нужен был совет, как поступить в конкретном случае, третьим — нужно сострадание и врачество духовное и так далее. И старец, определив недуг посетителя, соответственно ему давал потребное: первых он внимательно выслушивал, вторым давал совет, третьим приписывал врачество, колеблющегося поддерживал и ободрял, слабохарактерного укреплял, отчаявшегося утешал и приводил к покаянию и исправлению.

Советы и наставления, относящиеся к области внутренней, религиозно-нравственной жизни, старец Иосиф обычно высказывал в виде небольших нравоучительных рассказов, кратких отдельных мыслей и иногда, хотя не часто, облакал их в стихотворную форму¹⁸. В своей аудитории, стены которой он умел раздвинуть, как и его предшественник отец Амвросий, на обширные пространства, старец не раскрывал в системе ни догматического, ни нравственного богословия. Он не был теоретиком-богословом. Его

¹⁷ Эти два рассказа передала нам монахиня Шамординского монастыря Екатерина Лебедева.

¹⁸ Известно, что о. Амвросий очень часто давал наставления в рифму. Отец Иосиф, будучи его келейником, конечно, запомнил много из них и впоследствии повторял своего учителя, причем всегда добавлял: «Так говорил батюшка Амвросий».

советы и наставления — не отвлеченные теоретические рассуждения о христианской жизни, а прямые и ясные указания, выведенные из собственного аскетического опыта, глубокого познания слова Божия и деятельного изучения святоотеческих творений. Указания, как, живя в миру и находясь под влиянием всех его условий, приличий, обычаев и законов вкуса, моды и привычек, быть настоящим христианином, сохранить свое сердце в чистоте и непорочности, бороться с тою или иною страстью. Как постепенно обучаться той или иной добродетели, постоянно усовершенствоваться в любви, которая есть союз совершенства.

Эти советы и наставления обнаруживают в старце, с одной стороны, глубокое знание им человеческого сердца, знание человеческих немощей и пороков, с другой — ясное понимание тех препятствий к практическому приложению нравственного христианского учения, которые ставит наша искусственная жизнь, очевидно разошедшаяся как с нашей церковностью, так и с народностью.

Основой учения старца Иосифа, раскрывавшегося в его назиданиях, были Священное Писание, святоотеческая письменность и жития святых. Священное Писание и творения святых отцов служили для него источником истинного понимания веро- и нравоучения, а жития святых — подтверждением выраженного в них идеала. Советы и наставления старца являлись как бы выжатым соком святоотеческого и старческого учения.

Эту-то особенность служения отца Иосифа, думается нам, и имел в виду умиравший старец Амвросий, когда говорил своим духовным детям: «Я вас поил вином с водою, он же (отец Иосиф) будет поить вас чистым вином»¹⁹. Отец Амвросий как человек образованный, хорошо знакомый со многими светскими науками, часто украшал свою мудрую речь образами, примерами, сравнениями из разных областей человеческого знания. Тогда как сосредоточенная, сдержанная речь батюшки Иосифа всегда дышала лишь одним святоотеческим учением.

¹⁹ Жизнеописание старца Амвросия. 1900. С. 62.

Кроме посетителей отца Иосифа, приходивших к нему за советами только в важные моменты своей жизни, у него было много постоянных духовных детей. В руководстве их жизнью обнаруживалась глубокая мудрость и величайшая опытность старца как духовного наставника и руководителя. Если человек всецело отдавался духовному окормлению батюшки Иосифа, то его жизнь устраивалась хоть иногда и вопреки желаниям, но всегда к лучшему.

Общение посетителей хибарки с отцом Иосифом не исчерпывалось личными свиданиями и беседами с ним. Не у каждого есть время и деньги, чтобы поехать в Оптину. Поэтому многие излагали свои нужды письменно, а старец, с любовью вникая в положение каждого, также отвечал письмами, исполненными самой нежной и предупредительно отеческой заботливости.

Переписка старца Иосифа велась преимущественно с его духовными детьми, но к нему обращались письменно и люди, лично с ним не видевшиеся, и никогда ни оставались без ответа. С какого года начинается переписка батюшки, установить точно нельзя. Одно лишь несомненно: что она велась еще при жизни старца Амвросия. Сохранились письма отца Иосифа от 1886 года. В 1888 году батюшка уже пишет, что отвечать на каждое письмо, присылаемое ему, не хватает времени²⁰. Некоторые письма за это время старец пишет от имени старца Амвросия, но большинство он отправляет от своего имени.

После смерти отца Амвросия количество духовных детей старца Иосифа увеличилось, и его переписка достигла громадных размеров. В письме от 1900 года отец Иосиф говорит, что большое количество писем сильно замедляет ответы²¹. Сам старец не имел ни времени, ни сил писать собственноручно все письма и потому имел у себя послушников-письмоводителей, которые писали письма чаще под его диктовку, а иногда составляли ответы по указанному старцем вопросу и в указанном им духе. В том и другом случае старец про-

²⁰ Письмо (в копии) от 29 ноября 1888 г. Лист 9, № 20.

²¹ Там же. Лист 12, № 7.

читывал написанное письмоводителями, иногда добавлял или исправлял что-то и подписывал свое имя.

Характерной чертой собственноручных писем отца Иосифа является их краткость и сжатость. Есть письма размером не более пяти-восьми строк. В них старец высказывает какую-либо отдельную нравоучительную мысль в роде тех афоризмов, которыми он говорил в хибарочных беседах с посетителями.

По различию лиц, их положений, возрастов и душевных устроений содержание писем старца Иосифа очень разнообразно. В письмах к мирским особам разрешаются некоторые недоумения, касающиеся вероучения, даются указания, как поступать в житейских делах, как устранить препятствие к применению евангельского учения в жизни. Общее содержание писем к монашествующим: смирение, терпение, самоукорение, предание себя всецело в волю Божию, молитва, об искушениях на молитве, о покаянии, посте, смерти, Страшном Суде и так далее. Все эти письма старца составляют богатую сокровищницу, которую каждый томимый духовным голодом может раскрыть и почерпнуть из нее необходимое подкрепление, утешение, вразумление, отраду...

Подробнее содержания писем старца мы коснемся ниже, сейчас же скажем об исключительных его письмах, так сказать, окружных. Под этим названием мы разумеем письма отца Иосифа к монашествующим, и именно те из них, которые батюшка посылал не к одному лицу, а к целым обителям и которые были приурочены им ко дням высокаторжественных праздников Рождества Христова и Святой Пасхи.

Происхождение этих писем было следующее. Старец имел обыкновение перед великими праздниками рассылать своим духовным детям поздравления. Эти поздравления сначала писались старцем собственноручно и каждому лицу отдельно. С увеличением же его духовных детей письмоводители стали готовить особые бланки с краткими поздравлениями, которые потом заполнялись старцем и отсылались. Нами найден только один экземпляр такого бланка. [Вот его текст:

«Приношу..... поздравление мое с грядущим праздником Рождества Христова; желаю..... сей радостный праздник праздновать с радостью, без печали и уныния, а потом и Новый год начать в обновлении духа.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием...]

Впоследствии старец заменил эти официальные поздравления общими поздравительными письмами, которые в большинстве случаев писал собственноручно и затем отсылал их относившимся к нему обителям. Окружные письма носят характер глубоко назидательных бесед по поводу наступающего праздника.

<...> [Приводим два таких письма.

Общее, или окружное письмо старца Иосифа, разосланное им своим духовным детям к празднику Рождества Христова в 1901 году

Сестры о Господе и матери!

Вот по милосердию Божию достигли мы и в сей год праздника Великого и Преславного Торжества, с которым поздравляю всех вас и желаю каждой встретить и отпраздновать радостным и благоговейным сердцем, а потом сподоби вас Господи и Новый год начать в обновлении духа и все последующие дни провождать во уповании на Божие милосердие, которое в яслях нас ради возлежало, и если какая скорбь нас постигнет, то скажем себе: потерплю я для Иисуса Христа, меня ради столько бед и гонений претерпевшего, — и вам сейчас же легче, ибо имя Иисуса Христа сильно, при нем все неприятности утихают, и ваша скорбь успокоится, а также и ваше малодушие, когда будем повторять чаще: Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость.

Итак, примите сии строки, не как учение, ибо ничтоже сам сотворих, но желаю только утешить всех ради великого праздника. Призываю мир и благословение Божие — многогрешный иеромонах Иосиф.

Декабрь 1901 года.

Общее письмо к празднику Святой Пасхи²²

Христос воскрес!

Сестры о Господе и матери!

Воображая приблизившийся всерадостнейший и великий праздник Светлого Христова Воскресения, приношу вам мое поздравление со Святой Пасхой. Сказано: «Пасха — избавление скорби»²³. Какая великая сила в этих словах! Сколько радости разливают они в сердца! Какие бы скорби ни были у человека, но если скажут ему: «Христос воскрес», — легко и радостно становится ему на душе. Перенеситесь мыслю к мирноносцам. Когда Господь им сказал: «Радуйтесь», — какую неизъяснимую получили они благодать²⁴; слово это произвело на сердца их восторг, и всякую скорбь, как густой мрак, покрывавшую их, Воскресение Христово отогнало. Но не одним мирноносцам принес Он радость. И нам, всем грешникам, но кающимся и сознающим себя виновными, принес Христос радость, потому-то и аз, грешный, на самый праздник приветствую вас всех: «Христос воскрес!» И не должно для нас быть неисцельной печали, — воссияло из гроба Христово Воскресение, Солнце правды, и разогнало всю нашу тьму скорбей и всяких бед. Только не будем сами их навлекать порочною жизнью. За тем призываю мир и благословение Божие — многогрешный иеромонах Иосиф.]

Велико и плодотворно было влияние как устных, так и письменных советов и наставлений отца Иосифа на людей. Но неизмеримо глубже, неизмеримо плодотворнее влияла на души соприкасавшихся с ним лиц сама его личность, высота духовного совершенства, жизненный пример. Те великие евангельские добродетели, те возвышенные христианские идеи, проводником которых в сумрачный грешный людской мир являлся старец Иосиф, он с величайшим смирением, но и с героической твердостью воплотил в собственной жизни.

²² Письмо это не датировано.

²³ Стихира Святой Пасхи «Пасха красная, Пасха, Господня Пасха...», глас 5-й.

²⁴ См.: Мф. 28, 1–9.

Первою и главною отличительною чертою духовного облика старца Иосифа было его необыкновенное смирение.

Вследствие сродства между собою всех добродетелей, по учению святых отцов, требуется твердое обоснование их на какой-либо одной. У каждого подвижника для восхождения на небо непременно должен быть свой нравственный посох, на который он мог бы опираться, должна быть известная добродетель, к которой он мог бы привить и другие²⁵. Глубочайшее смирение батюшки Иосифа и было основою всей его подвижнической жизни.

Смирение старца — это не то, которое знает мир. Это не внешняя вежливость или деликатность, не показное смирение, под видимой оболочкой которого часто свивает себе гнездо гордость собой и жгучая неприязнь и зависть к достоинствам ближнего. Нет, это «любовное» смирение, то смирение, о котором у Достоевского старец Зосима говорит, что оно есть «страшная сила, из всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего. Воспринявши в себя эту силу, — говорит он, — весь мир можно покорить»²⁶.

Смирение старца проявлялось, с одной стороны, в том, что он всегда вменял себя ни во что и почитал всех ближних своих разумнее и превосходнее себя, а с другой — в постоянном, всецелом уповании во всех обстоятельствах своей жизни на Бога и Его мудрый Промысл.

Как обесценивал себя старец, видно из следующих слов его, которые он часто повторял: «Что значу я без батюшки [Амвросия] — нуль, и больше ничего». Однажды посетители разговорились со старцем о смерти келейника отца Пахомия²⁷. Кто-то заметил: «Верно, он готов был». — «Да, — отвечал на это отец Иосиф, — а мы столько лет живем, а все не готовы»²⁸.

²⁵ Соловьев А. Старчество. С. 74.

²⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 6. Гл. III. Из бесед и поучений старца Зосимы, пункт ж. С. 368–369.

²⁷ Пахомий (Сабодаш; 1869–1908), монах. Поступил в скит в 1900 г. и вскоре был взят старцем Иосифом себе в келейники. Проходил это послушание шесть лет, до самой своей кончины.

²⁸ Слова старца Иосифа. С. 12.

Мудрость советов и наставлений, в которых, как мы замечали выше, обнаруживались часто его прозорливость и дар духовного рассуждения, старец никогда не приписывал каким-либо своим способностям. «Если я и говорю, — замечал он, — то только то, что слышал от батюшки [Амвросия] или что читал в книгах». Давая какой-либо совет, отец Иосиф нередко добавлял: «Батюшка отец Амвросий в таких случаях это советовал», «Батюшка отец Амвросий поступал так-то» и т. п.

То же чувство смирения заставляло старца скрывать, насколько возможно, свои благодатные дарования от любопытных людей. Побеседовав с обратившимся к нему с каким-либо вопросом, старец заключал свой совет так: «Отслужите молебен Спасителю, Божией Матери и всем святым и примите то решение, на котором тогда успокоится ваша мысль», — и решение всегда в таких случаях принималось наилучшее. Иногда же свои советы старец заканчивал так: «Идите отслужите панихидку на могилке батюшки отца Амвросия, помолитесь, и Бог даст, дело уладится». И дело действительно улаживалось²⁹. Так отец Иосиф всегда отодвигал себя в тень.

Это замечалось не в одних его советах и наставлениях, но и во всей жизни батюшки в монастыре. Сами оптинские иноки единогласно свидетельствуют, что старец в течение своего пятидесятилетнего пребывания в Оптиной «никогда и ни в чем не выделялся. Отличительной чертой его, — уверяют они, — было держаться в тени и быть незаметным»³⁰.

Потому-то и самые близкие к старцу лица при жизни его в монастыре не могли заметить в нем каких-либо выдающихся особенностей и временами смотрели на него как на человека обыкновенного. Действительно, он держался заповеди святого Исаака Сирина: «Изливай на всех милость свою и буди скрыт от всех»³¹.

Старец не любил, когда ему говорили о его прозорливости и духовной опытности, обнаруживавшихся в тех или

²⁹ *Поселянин Е.* Оптинский старец Иосиф // Сельский вестник, 1911. № 126.

³⁰ Надгробное слово. С. 7.

³¹ *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Слово 9-е.

иных случаях. Во время таких бесед он молча слушал или же начинал речь о другом, иногда же, быстро повернувшись, уходил от рассказчика совсем.

В 1896 году между старцем и архимандритом Досифеем³² возникло некоторое несогласие по поводу какого-то распоряжения последнего. Это обстоятельство дало повод проявиться во всей полноте смирению отца Иосифа. Когда некоторые уговаривали его обратиться к своим почитателям, из которых было много людей влиятельных, он кротко ответил: «Зачем я буду писать и возмущать мирских людей против монастыря?»³³

В последние годы своей жизни, когда старец по слабости здоровья уже сложил с себя обязанности скитоначальника, ему много пришлось испытать скорбей от своего заместителя³⁴. Враг явно хотел поколебать мужественную душу отца Иосифа уже на закате жизни. Но смирение старца и на этот раз победило все вражеские козни. Его незлобие было так велико, что не только никто не слышал от него жалобы, но даже когда другие высказывали свое справедливое негодование, старец кротко говорил: «Нет, ничего, мне хорошо». Однажды келейник передал уже больному старцу о нехороших отзывах скитоначальника о нем. Смиранный батюшка

³² Досифей (Силаев; 1830–1900), архимандрит. Поступил в Оптину в 1847 г., в 1858 г. пострижен в монашество. В 1869 г. рукоположен во иеромонаха. В 1878 г. назначен настоятелем Мещовского Георгиевского монастыря, в 1883 г. возведен в сан игумена, а в 1894 г. — архимандрита. С 1894 по 1899 г. — настоятель Оптиной пустыни; во всем старался соблюдать традиции своих духоносных предшественников.

³³ Устные рассказы отцов Моисея и Феодота.

³⁴ Имеется в виду иеромонах Варсонофий (Плиханков; 1845–1913). Поступил в скит в 1891 г. В 1900 г. пострижен в монашество. В 1903 г. рукоположен во иеромонаха и вскоре назначен помощником скитоначальника и духовника братства старца Иосифа и одновременно духовником сестер Шамординского монастыря и богомольцев. С декабря 1905 г. определен братским духовником. В 1907 г. возведен в сан игумена и назначен скитоначальником. В 1912 г. переведен настоятелем в Старо-Голутвин монастырь с возведением в сан архимандрита, где и почил. День памяти преподобного Варсонофия — 1/14 апреля.

ответил: «Осуждать его не следует, это не он делает, а враг; а за него надо молиться». Когда же кто-либо из духовных детей просил батюшку позволить обратиться за защитой, то он решительно запрещал это, говоря: «Зачем? Не нужно. Ты помнишь, как старец отец Леонид был против этого, даже когда батюшка Макарий упрасивал его»³⁵.

«Аще не от Бога дело сие, то само разорится», — говорил также часто по этому поводу старец. Иногда духовные дети отца Иосифа в беседах с ним начинали осуждать его недоброжелателей. Старец в таких случаях говорил им: «Эх, когда бы мы были лучше, то и нам было бы лучше», — и при этом печально вздыхал, махнув рукою, как бы выражая этим безнадёжность своего исправления. Так старец винил себя за обиды и скорби, которые наносили ему не понимавшие его люди»³⁶.

Как к бесчестию, так и к различным почестям отец Иосиф относился одинаково с глубоким смирением. Когда ему передавали чьи-либо похвалы или выражали удовольствие по поводу какого-либо его возвышения, он всегда отвечал на это словами Священного Писания: *Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе* (Флп. 2, 5). Однажды старцу сказали: «Вот вы, батюшка, всегда уклоняетесь от чести, а она сама за вами следует». Вздохнув, старец отвечал: «Да к чему это?.. На что это нужно?.. Впрочем, — прибавил он, — как не должно искать чести, так не должно и отказываться от нее живущим в обществе для пользы других. Налагаемая честь есть также от Бога»³⁷.

Но, живя сам в смирении, старец и в отношениях в нему всегда желал видеть эту необходимую добродетель. Масса его наставлений о смирении записана хибарочными посетителями. Однажды на общем приеме батюшка Иосиф рассказывал о следующем примере смирения. «"Один старец из Персиды"³⁸, кажется, — говорил он, — за тысячу верст

³⁵ Устные рассказы тех же иеромонахов и письменный — келейника о. Зосимы.

³⁶ История нестроений в отношениях старца Иосифа и скитональника Варсонофия представлена в Приложении.

³⁷ Слова старца Иосифа. (Записка 2). С. 1.

³⁸ Скорее всего, речь идет об Иране.

пошел в Иерусалим. Дойдя до Масличной горы, он подумал: «Нет, недостойн я поклониться Гробу Господню». Поэтому со словами: «Приими, Господи, мое поклонение отсюда» старец поклонился издали и возвратился обратно. Вот какое смирение было у него: за тысячу верст шел, да счел себя недостойным и почти от самого Иерусалима вернулся», — закончил отец Иосиф очень печальным тоном, как бы желая сказать: “А мы-то разве такие?”»³⁹

Смирение старца Иосифа как сознание своего бессилия, греховности и виновности своей всегда и во всем имело своим плодом его постоянное упование на Бога и Его святую волю. Глубоко молитвенное настроение никогда не оставляло его. День у батюшки начинался и кончался молитвой, с нею же совершалось и каждое дело, даже и самое незначительное.

Старец постоянно творил молитву Иисусову. Его ближайший келейник рассказывал, что, входя по какому-либо делу в батюшкину келью, он часто заставал его за молитвой Иисусовой. Лежа на кровати, отец Иосиф с великим благоговением и сердечным сокрушением полушепотом произносил слова молитвы, делая особенное ударение на словах: «Господи Иисусе Христе...»⁴⁰

Один инок, несший при старце послушание в ризнице, рассказывает, до какой степени старец углублялся в молитву во время богослужения. «По обязанностям своего послушания, — рассказывает инок, — мне приходилось иногда подходить к батюшке во время бдения за благословением приготовить к Литургии то или иное облачение. Подойдешь, бывало, и спросишь его, а он до того углублен в молитву, что даже и замечал моего подхода и не слышал первых обращенных к нему слов, и лишь только на второй вопрос, как бы очнувшись от сна, отвечал»⁴¹.

Особенно умилительна и трогательна, по словам келейника батюшки, была молитва его после приобщения Святых

³⁹ Слова старца Иосифа. С. 23–24. Особа, передавшая этот рассказ, говорит, что он стал ответом на ее мысли в то время. — *Примеч. авт.*

⁴⁰ Рассказ (письменный) о. Зосимы. С. 1.

⁴¹ Устный и письменный рассказ о. Моисея.

Христовых Таин. Благодатный старец весь погружался в молитвенное созерцание и от сильного движения молитвы не мог даже сдерживать ее внутри и громко призывал имя Божие.

В моменты особенно горячей молитвы старец отец Иосиф так погружался в созерцание неизреченной славы небесной, что даже его внешний вид изменялся: лицо его преображалось, делалось особенно каким-то светлым, а от головы разбегались полукругом непонятные людям лучи света. Приведем знаменательный в этом отношении рассказ священника Павла Левашева⁴², хорошо известного Оптинской и Шамординской обителям.

«В 1907 году, — рассказывает отец Павел, — я первый раз посетил Оптину пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился. Кое-что слышал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провел бессонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились в храм на богослужение, а я поспешил в скит, чтобы иметь возможность побеседовать, когда всего менее было посетителей. Расспросив дорогу в скит, а там в келью отца Иосифа, я, наконец, пришел в приемную хибарки.

Приемная — это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены ее украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями святых отцов. Когда я пришел, там был только один посетитель — чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник старца и, пригласив чиновника к батюшке, сказал мне: “Он давно

⁴² Павел Николаевич Левашев (1873–1937), протоиерей. Побывав в Оптиной, он сподобился видеть старца Иосифа, озаренного Фаворским светом. Будучи белым священником, о. Павел не очень принимал и понимал монашество. Такое видение старца потрясло его так, что он стал духовным чадом батюшки и постоянно переписывался с ним. В начале 1900-х годов о. Павел служил в Петропавловском соборе г. Гомеля, затем в Петербурге. После революции священствовал в Москве, вновь в Гомеле. В 1920-е годы удостоился награждения золотым крестом за борьбу с обновленчеством. В это время он поддерживал связь с Оптиной и ее последним старцем Нектарием (Тихоновым). Несколько раз претерпевал аресты и ссылки «за контрреволюционную деятельность». 1 ноября 1937 г. был расстрелян.

ждет”. Чиновник побыл минуты три и возвратился. Вздвонанный, со слезами на глазах он рассказал мне, что в этот день, утром, из скита выносили чудотворный Калужский образ Божией Матери⁴³. Батюшка выходил из хибарки и молился; тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от молившегося старца. Чрез несколько минут и меня позвали к старцу.

Вошел я в убогую келейку, полумрачную, с бедной, только деревянной обстановкой, и в это время увидел глубокого старца, изможденного непрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались. Через мгновение я увидел свет вокруг его головы четверти на полторы⁴⁴ высотой, а также широкий луч света, падающий на него сверху: как бы потолок келлии раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы. Лицо старца сделалось благодатным, он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца.

Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости — это отличительные качества старца, — стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я, пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного, видения. Наконец, я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться, и начал, сказав: “Батюшка! Я великий грешник”. Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал его голову, скрылся. Предо мной опять стоял обыкновенный старец, которого я увидел в первый момент, когда вошел в келью. Но так продолжалось недолго. Опять заблистал свет вокруг головы, и опять появился такой же луч света, но теперь в несколько раз ярче и сильнее.

Исповедовать меня батюшка отказался по болезни своей. Спросил я его совета об открытии в своем приходе

⁴³ Празднование в честь Калужской иконы Божией Матери Церковь совершает 2/15 сентября и 12/25 октября.

⁴⁴ Около 27 см.

Попечительства и просил его святых молитв. Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. После еще три года я ездил в Оптину пустынь, много раз был у батюшки отца Иосифа, но таким уже более никогда не видел его.

Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т. д., иначе сказать, подобного в видимой природе не видал. Я объясняю это видение тем, что старец был в высоком молитвенном настроении, а благодать Божия, видимо, сошла на избранника Своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи, и похвалиться могу только своими немощами. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая, видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача⁴⁵ и скорбей.

Мой рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, в сильном религиозном воодушевлении, хотя перед тем, как идти к старцу, подобного чувства у меня не было. Прошло уже четыре года после того, но и теперь, при одном воспоминании о сем, я переживаю умиление и восторг.

Мой рассказ — *иудеям будет соблазн, эллинам безумие* (1 Кор. 1, 23), маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере — выдумкой, фантазией, и в лучшем случае они объяснят галлюцинацией. В наше время подобные сказания вызывают только улыбку, а иногда и озлобление. Что ж? молчать ли нам служителям истины — да не будет! Приснопамятный старец Иосиф — поистине светильник горящий и светящий, — светильник же не ставят под спудом, а на свещнице, чтобы он светил всем, находящимся в истинной Церкви Христовой. Прошу всех верующих

⁴⁵ Юдóль плача (цсл.) — долина плача; иносказательно: здешний мир и земная жизнь, исполненные бедствий (см.: Пс. 83, 7).

христиан молиться за него, чтобы и он помолился за нас пред Престолом Божиим.

Все вышесказанное передаю, как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью»⁴⁶.

Старец постоянно горел и питался небесным огнем; умом, сердцем и волею постоянно жил в Боге. Он здесь, еще на земле, как бы вошел уже в Царство света, бесстрастия и истинной свободы чад Божиих.

Эта любовь отца Иосифа к Богу объединяла его со всем миром. «Весь мир, — говорит авва Дорофей, — подобен кругу, самая середина этого круга, центр — Бог, а радиусы — пути жизни людской. Радиусы чем дальше идут от центра, тем более расходятся и удаляются друг от друга, и чем ближе к центру, тем ближе между собой... Таково свойство и любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними»⁴⁷. И эта любовь отца Иосифа к ближним не была случайной, временной, проявлявшейся к человеку лишь в важных моментах его жизни. Для старца мелочей не существовало. Он любил всех во всех их обстоятельствах и положениях. Его любовь была в духе той, которой в «Братьях Карамазовых» учит старец Зосима: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие — подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах... И полюбишь, наконец, весь мир уже всецело, всемирною любовью»⁴⁸.

⁴⁶ Священник о. П. Левашев, г. Гомель. Документ этот есть у нас в рукописи. Отпечатан он был в «Гомельском слове», 1911, № 31, а также в «Листках К. А. Шамординской пустыни». № 102. — *Авт.*

⁴⁷ Подвижнические наставления св. аввы Дорофея // Добротолюбие. М., 1895. Т. 2. Гл. 42. С. 617. См. также: *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения и послания. Поуч. 6. М.: Отчий дом, 2013. С. 113–114.

⁴⁸ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 6. Гл. 3: Из бесед и поучений старца Зосимы.

Любовное смирение, как мы охарактеризовали бы все духовное устройство старца Иосифа, и создавало вокруг него ту особенную благодатную атмосферу, которая обдавала живительной теплотой всякого человека, соприкасавшегося с ним. Действие этой атмосферы на души стекавшегося к старцу народа трудно уяснимо, но оно переживалось, чувствовалось всеми окружавшими его. Достаточно было побывать немного в келлии старца, услышать от него, кроткого и улыбающегося, два-три ласковых слова с силою и властью, как уж забывалась всякая душевная скорбь, страсть, иногда телесная боль, и человек изменялся к лучшему.

Одно светское лицо, хорошо знавшее батюшку, вспоминая о нем, говорит: «Трудно передать все то счастье, которое испытывается душой, когда из мира приходишь к этим возрожденным благодатью людям: как бы тяжело тебе ни было, с каким бы грустным признанием в своих грехах ты ни пришел, — чувствуешь разом необыкновенную легкость, какую-то отраду, уверенность в своем спасении, как-то близко и осязательно кажется небо. Душа переживает то, что переживает внешняя сторона человека, когда долгое ненастье сменится вдруг радостным солнечным светом»⁴⁹.

Уже одна хибарка с ее иконами, лампадками, картинами и портретами святых мужей производила на посетителей сильное впечатление. Благодатное действие этой хибарки на души людей сказывалось уже во внешнем их поведении. В убогой келлии, затерявшейся где-то в лесу, пред лицом благодатного старца люди забывали о своем положении в миру, смирялись и чувствовали себя лишь слабыми грешниками, ищущими утешения и вразумления. Тот, перед кем за порогом старческой келлии раболепно склоняли свои головы тысячи людей, здесь у старца смиренно сидел рядом с убогим бедняком, нисколько, в свою очередь, не смущавшимся присутствием знатного барина, — и оба с замиранием сердца ожидали приговора над собою кроткого старца.

⁴⁹ *Поселянин Е.* Оптинский старец Иосиф // Сельский вестник. 1911. № 126.

Так мир преходит и слава его — пред величием старческой простоты.

Приведем несколько примеров замечательного влияния личности отца Иосифа. А.С. Еремеева рассказывает: «В молодости я курила, несмотря на запрещение докторов, и это оборотилось в привычку. Сколько потом я ни пробовала бросить курить, никак не могла. Наконец на исповеди у старца Иосифа я покаялась в этом и просила его святых молитв. Старец не стал укорять меня за это, а ласково сказал: “Не кури, тебе это вредно”, и затем прибавил: “Ты купи себе шалфей и вместо табака насыпай его в патронку и кури”. Но дело не пошло у меня; шалфеем курить я не могла, а продолжала курить табак.

Бывши в Оптиной, я снова стала просить старца, чтобы он помолился. “А что же шалфеем-то не курится?” — смеясь спросил батюшка и при этом благословил меня со словами: “Помози, Господи”. Дорогой из скита я почувствовала сильное угрызение совести. На меня сильно повлияло то, что батюшка так ласково, без малейшего укора отнесся к моей немощи, и я сразу бросила курить».

Одна духовная дочь старца рассказывает, что с некоторого времени ее стал беспокоить помысел, что она непременно утонет. Ее охватил сильный страх смерти. Наконец она решила сказать об этом отцу Иосифу. Старец слегка ударил ее по голове и спокойно, даже с веселой нотой в голосе, сказал: «Ну так что же! Утонешь и утонешь — ведь ты не сама будешь себя топить, так чего же бояться? С Богом все равно, как ни умирать». С тех пор страх внезапной смерти у нее прошел. Свой же рассказ об этом она закончила такими словами: «Даже иногда и один взгляд его говорил мне более, чем тома проповедей».

Некая особа, живя в Оптиной, сильно заболела. Она попросила привести себя в хибарку к батюшке Иосифу. Старец ее принял и, дав в руки свои четки, прошел в спальню, сказав: «Подожди». А когда он вышел, она совершенно забыла про свою болезнь.

Мать с семейством приехала в Оптину к старцу. У сына ее так разболелась нога, что в келью отца Иосифа его уже

внесли на руках. Побыв немного у старца, сын ее пошел на ногах сам: болезни как не бывало⁵⁰.

Светлая личность старца привлекала со всех сторон необъятной Руси тех, кто искал смысла жизни и утешения в горестях и печалях. Его подвижническая жизнь и необыкновенное умение разбираться в сложных житейских делах влекли к нему кроме простого народа многих архипастырей и представителей интеллигенции. Особенно чтил и уважал старца Иосифа преосвященный Калужский епископ Макарий⁵¹, подолгу беседовавший со старцем во время своих посещений Оптиной пустыни.

В 1901 году посещал отца Иосифа и не раз беседовал с ним Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович⁵², проводивший лето на даче в соседнем монастырю селе⁵³.

В 1909 году долгое время жил в Оптиной и часто бывал у старца один французский виконт⁵⁴, будучи

⁵⁰ Эти рассказы передает Александра Степановна Еремеева, жившая в г. Козельске.

⁵¹ Епископ Макарий (Троицкий; 1830–1906) возглавлял Калужскую и Боровскую кафедру с 1895 по 1901 г. См. о нем примеч. на с. 130.

⁵² Константин Константинович Романов (1858–1915), великий князь, внук императора Николая I, военный и государственный деятель, известный поэт (К. Р.). Оптину первый раз посетил в 1887 г., где присутствовал на богослужении, — он любил церковную службу, — общался с архимандритом Исаакием, скитоначальником Анатолием (Зерцаловым) и старцем Амвросием. Вернувшись в Петербург, Константин Константинович послал в Иоанно-Предтеченский скит дорогую лампаду хорошей работы. В последующие годы великий князь приезжал в Оптину вместе с детьми. Его дети князь Иоанн, Константин и Игорь удостоились мученической кончины вместе с великой княгиней Елизаветой Феодоровной близ Алапаевска 5/18 июля 1918 г.

⁵³ В селе Нижние Прыски (в 7 км от Козельска), где находилось имение Кашкиных, у которых великий князь вместе с семьей жил в гостях.

⁵⁴ Речь идет о графе Александре Максимовиче Дю-Шайла (1885–1945). Он родился в Швейцарии, но учился в Петербурге. Служил в Войске Донском. Будучи французским дворянином, он принял русское Православие. Движимый религиозным искательством, в 1909 г. поселился вблизи Оптиной пустыни, где жил более девяти месяцев, общаясь со старцами, братией и писателем С.А. Нилусом.

привлечен в монастырь славою о его великих подвижниках-старцах.

Был у отца Иосифа и граф Толстой⁵⁵. После последнего своего ухода из Ясной Поляны Толстой направился, как известно, в Оптину пустынь, чтобы здесь побеседовать со старцем о смысле жизни, о деятельном служении ближним в отшельническом уединении. Остановившись в монастырской гостинице, Толстой предупредил послушника: «Может быть, вам неприятно, что я приехал. Я — Лев Толстой, отлученный от Церкви⁵⁶. Приехал поговорить с вашими старцами». Успокоенный послушником граф расспрашивал его о здоровье старца Иосифа, интересовался, принимает ли он. На следующий день граф долго гулял по монастырскому лесу, несколько раз подходил к хибарке, но почему-то не решился войти в нее, а в три часа пополудни, расписавшись в книге посетителей: «Лев Толстой благодарит за прием», уехал в Шамордино к своей родной сестре монахине.

Затем учился в Петербургской духовной академии. В годы Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт. После 1917 г. примкнул к Белому движению, служил на юге России. В апреле 1920 г. был арестован, но вскоре отпущен. После поражения белых переехал во Францию, затем трудился в Международном комитете Красного Креста в Болгарии.

⁵⁵ Писатель Лев Николаевич Толстой (1828–1910) несколько раз был в Оптиной пустыни. Трижды он побывал у старца Амвросия, беседовал и спорил о вере. Первая их беседа в 1877 г. была краткой. После второй беседы в 1881 г. старец весьма устал и сказал о нем: «Очень горд». Самая продолжительная беседа состоялась в 1890 г., батюшка предлагал Толстому покаяться, но тот был настроен непримиримо. Стараниями его сестры, монахини Шамординской обители Марии, в 1896 г. ему была устроена встреча со старцем Иосифом, который своим смирением и любовью произвел на Льва Николаевича сильное впечатление. Посетив Оптину в 1910 г., войти в скит он не решился. На обратном пути 7/20 ноября Толстой умер от скоротечной болезни, так и не успев покаяться и примириться с Церковью.

⁵⁶ Религиозно-нравственные искания Толстого привели его к созданию собственного антицерковного учения. Он по-своему толковал заповеди Иисуса Христа, написал свое евангелие. В 1901 г. Святейший Синод признал Толстого отпавшим от Церкви.

В длинной и задушевной беседе с сестрой Толстой, между прочим, сказал ей: «Как хорошо в Оптиной пустыни! С какой радостью я теперь надел бы подрясник и жил бы, исполняя низкие работы, но я поставил бы условие — не принуждать меня молиться. Этого я не могу». Сестра отвечала: «Но с тебя взяли бы условие ничего не проповедовать и не учить». — «Чему учить? — Только надо учиться. В каждом насельнике я видел только учителей. Да, сестра, тяжело мне теперь. А у вас? что, как не Эдем⁵⁷? Здесь бы я затворился в своей храмине и готовился бы к смерти. Ведь мне восемьдесят лет — умирать надо...» И Толстой погрузился в глубокое раздумье. — «Ну а видел ты наших старцев?» — спросила его сестра. — «Нет», — отвечал граф печальным голосом. — «А почему ж?» — спросила она. — «Да разве ты думаешь, что они меня примут? Ты не забудь, что истинно православные, крестясь, отходят от меня; ты забыла, что я отлучен, что я тот Толстой, о котором можно... да что, сестра, — оборвал свою речь граф, — я не горюю. Завтра я еду в скит к отцам: надеюсь, как ты говоришь, что они меня примут». Но намерению Толстого не суждено было осуществиться. «Завтра» неожиданно приехала дочь и увезла отца умирать на Астапово⁵⁸.

⁵⁷ Эдем, или Едем (*др.-евр.*) — место первоначального обитания людей, где Господь *насадил* райский сад для человека (см.: Быт 2, 8).

⁵⁸ Рассказы оптинских иноков // Странник. 1910. Ноябрь. С. 155–165. Газета «Друг». 1910. № 255. Душеполезное чтение. 1911. Октябрь. С. 462. Кронштадтский пастырь. 1914. № 41–42. С. 647–648.

VIII. Старец Иосиф — учитель веры и нравственности

*Приидите, чада, послушайте мене,
страху Господню научу вас.*

Пс. 33, 12

*Ищите прежде Царствия Божия,
и вся приложится вам.*

Ср.: Мф. 6, 33

К батюшке Иосифу за время его старчества, как мы сказали выше, обращались тысячи светских и монашествующих лиц за разрешением многих недоумений, касающихся различных сторон христианской веры и нравственности. Памятником ответов старца на эти недоумения служит его обширная переписка со своими духовными детьми, а также сделанные некоторыми из них записи бесед со старцем. Этот письменный материал имеет для нас громадную ценность, так как он ярко раскрывает личность старца как умственного просветителя и нравственного воспитателя народного духа. Ввиду этого считаем необходимым изложить взгляды старца Иосифа на важнейшие предметы веры и морали на основании указанных документов. <...>

Некоторые утверждают, что все люди, какую бы веру они ни исповедовали, спасутся, так как Господь не указал нам, какой веры держаться. «Это ложные мечты человеческие, — говорил старец об этом заблуждении. — Что не все спасутся, видно из Святого Евангелия. Изображая Свой Страшный Суд, Господь прямо разделяет всех людей на два разряда, и одних поставляет одесную¹ Себя и вводит в Царство Небесное, а других — ошуюю² и отсылает в *огнь*

¹ Одесную (*цсл.*) — по правую руку.

² Ошуюю (*цсл.*) — с левой стороны.

вечный, уготованный диаволу и аггелом его (см.: Мф. 25, 31–46). И наследующих Царство Небесное будет меньшая часть — даже и из православных только те, которые будут жить по-православному. О том же, что Господь не указал нам, какую содержать веру, должно сказать, что это — клевета на Бога. Ибо не для того ли Сын Божий и на землю сходил, чтобы преподавать людям ясное и подробное учение о том, как они должны веровать и располагать жизнь свою по вере? Поэтому и говорил Он: *не приидох разорити закон Моисеев, но исполнити* (ср.: Мф. 5, 17). И еще говорил о Себе: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14, 6). И учение его названо *глаголами живота вечнаго* (Ин. 6, 68). А по воскресении Своем, посылая учеников на проповедь, Господь повелел им учить все народы, чтобы соблюдали все, заповеданное Им (см.: Мф. 28, 20). Апостолы же все заповеданное Господом истинное вероучение и нравоучение изложили письменно в Святом Евангелии и своих Посланиях. Последующие же за ними святые отцы и учителя Церкви Христовой в подробности изъяснили все это истинное вероучение и нравоучение, содержащееся в Священном Писании, во всей чистоте и полноте, без всякой примеси человеческих неправых мнений и разумений. И вначале эта Христова Церковь была единственная во всем мире. И только с IX века римские папы самовольно стали примешивать к истинному Христову учению свое лживое умствование, через что и отделилась Римская Церковь от Православной Восточной. И чем далее время шло, тем более прибавлялось в Римской Церкви заблуждений; и дошло, наконец, до того, что некоторые недовольные ею римские католики отпали от нее и образовали свои церкви, протестантские, еще далее отступившие от Православия. О важности же послушания Святой Христовой Церкви Сам Господь в Святом Евангелии сказал: *аще кто Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (ср.: Мф. 18, 17)»³.

³ *Иосиф, иеромонах.* Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан не православных? (Ответ на письмо, полученное из заграницы.) // Душеполезное чтение. 1901. Ч. 3. С. 325–327.

Одно из доказательств бедности внутреннего содержания христианских западных вероисповеданий старец Иосиф видит в том, что православные христиане не просят молиться за себя и за своих покойников католиков и протестантов, а последние, наоборот, нередко просят православных служить панихиды по своим умершим родным. «Душа римского католика или протестанта, жаждущая спасения, не может в своей церкви обрести удовлетворение своим высшим духовным потребностям; а потому и обращается к Православной Церкви, которой одной присущи *вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию* (2 Пет. 1, 3). И это подтверждается самым делом. Нередко неправоверы, искренно присоединившиеся к Православной Церкви, вскоре по присоединении и по причащении Божественных Таин ощущали в душах своих неизъяснимые духовные утешения, о которых они прежде и понятия не имели. — И то еще, — говорит старец, — может служить доказательством несостоятельности западных церквей, что защитники их всегда отстаивают свои неправые умствования с азартом и озлоблением против нашей Святой Православной Церкви. А сказано в Священном Писании о Боге: *в мире место Его* (Пс. 75, 3). Значит, где мир и любовь, там только и Бог, а где немирствие и озлобление, там не может быть благодати Божией, и не благоволит Господь к озлобленным сердцам»⁴.

Одна особа писала старцу, что ее знакомый N. — человек неверующий — видит в обещании Иисусом Христом награды за исполнение Его заповедей признак несовершенства всего Его учения. На это ей отец Иосиф пишет: «Награда эта не есть какая-либо плата, например, вырыл мужик яму и получил рубль. Нет. У Господа самое исполнение заповеди служит для человека наградой, потому что оно согласно с его совестью, отчего водворяется в душе человека мир с Богом, с ближними и с самим собою. Потому такой человек всегда бывает покоен. Вот ему и здешняя награда, которая перейдет с ним и в вечность»⁵.

⁴ Там же. С. 327–328.

⁵ *Иосиф, иеромонах*. Идеально нравственный человек. (Ответ на письмо г-жи NN.) // Душеполезное чтение. 1902. Ч. 3. С. 157.

Тот же г-н N. в обещании награды Христом за исполнение Его заповедей видел, с другой стороны, доказательство величайшей мудрости Спасителя: он находил, что благодаря этому обещанию награды учение Христа могло так быстро распространиться. «Одно обещание награды, — отвечает на это старец, — несильно было сделать это. Ибо и в магометанстве, и в других религиях, в которых люди веруют в загробную жизнь, также обещаются награды по исходе души из сей жизни. А распространению христианства способствовала главным образом благотворность учения Христова на Его последователей. Эту благотворность может и теперь испытать каждый истинно верующий в Господа Иисуса Христа и направляющий жизнь свою по Его животворным заповедям. Такой человек еще на земле наслаждается миром небесным»⁶.

Вообще же учение Христово, говорил старец, кажется несовершенным только «для людей неверующих и потому небрежущих»⁷ об исполнении животворных заповедей Господних. А кто в простоте сердца верует и, по силе и возможности, старается направлять жизнь свою по закону Христову, тот собственным опытом убеждается, что совершеннее сего учения никогда не было и быть не может»⁸.

Писали отцу Иосифу, что N. не признает, кроме Евангелия, других книг богословского содержания и считает их, как и современные проповеди в церкви, излишним повторением и искажением евангельского учения. «Почему же? — пишет в ответ отец Иосиф. — Не потому ли, что вовсе не читает духовной литературы и не слушает проповедей? Но в таком случае можно ли правильно судить о достоинстве духовно-нравственных сочинений? Ведь наизусть (то есть не заглядывая в книгу) одни только нищие лазаря поют»⁹. А человеку

⁶ Там же.

⁷ То есть пренебрегающий, не заботящийся.

⁸ Там же.

⁹ Выражение «петь лазаря» означает жаловаться на судьбу, представлять себя несчастным и обездоленным для того, чтобы получить какую-либо выгоду. В дореволюционной России нищие часто пели песню о бедном евангельском Лазаре (см.: Лк. 16, 19–31), пытаясь разжалобить и устрашить богатых прохожих.

образованному стыдно так укоризненно отзываться о духовной литературе без всяких фактических доказательств»¹⁰.

Спрашивали старца, можно ли православным христианам молиться за неправославных христиан и если можно, то как. В своем ответе на этот вопрос отец Иосиф исходит из представления о инославных исповеданиях как еретических. «В конце книги Кормчей, — говорит он, — в главе “О Римском отпадении, како отступиша от православныя веры и от Святыя Восточныя Церкви”, папа со своими последователями, неправо именующими себя католиками, названы еретиками. О других же христианских вероисповеданиях протестантских и говорить нечего, так как они еще далее уклонились от Православия... В той же книге, в 10-й главе, в 6-м правиле Поместного Лаодикийского Собора о еретиках вообще произнесен такой суд Святой Церкви: “Несть достойно еретиком в Церковь Божию входить”. А в 33-м правиле того же Собора сказано: “С еретики и со отвергшимися от Соборныя Церкви да не помолится никто...” Впрочем, Православная наша Церковь, по присущему ей человеколюбию, позволяет молиться об отступающих от нее, то есть еретиках, как можно видеть в той же “Кормчей книге” (гл. 15, 66-е правило Карфагенского Поместного Собора). Но о чем молиться? — “Молитися, да оставят прелесть и да познают истину”».

Так, православным христианам разрешается молиться за неправославных, но лишь об обращении последних в Православие. Конечно, в данном случае имеются в виду православные христиане — живые. Но что же сказать о молитве за тех, которые уже умерли?

Старец в своем ответе сначала имеет в виду церковно-общественную молитву и решает вопрос в отрицательном смысле. «Душе же неправо верующего, умершего при своих заблуждениях и не принесшего в них покаяния пред Господом, какая может быть надежда на спасение? И как, и о чем молиться за такую душу? — Молиться о ее спасении (“Со святыми упокой...”) — нельзя, потому что при жизни

¹⁰ Там же. С. 158.

неправовер не отрекся от своих заблуждений и не принес искреннего раскаяния в них. Молиться об обращении души к покаянию — поздно, потому что душа по отрешении от тела каяться не может, так как будущая жизнь — время не покаянию, а воздаянию...» Поэтому «имена неправославных христиан и вообще при всяком церковном православном богослужении помянуть не следует.

Впрочем, говоря о сем, мы имеем здесь в виду молитву церковно-общественную, которую если в самом деле допустить, то для Православия неминуемо последует величайший вред, неисчерпаемое зло. Подумаем, например, — много ли православных христиан твердых в исповедуемой ими вере? Не у многих ли — вера слабенькая, как искорка, готовая ежеминутно погаснуть? И если таковые люди будут слышать в православных храмах поминовение о здравии или упокоении католиков или протестантов, не придут ли они вскорости к заключению: стало быть, как ни веруй — все равно? А чрез это и отпадения от Православной Церкви чаще и чаще должны будут повторяться. Также и христиане других исповеданий, видя, что Православная Церковь молится за них, должны приходиться к такому же заключению о равенстве всех вероисповеданий. А это и желающих неправовверов может отвлекать от присоединения к Православной Церкви. Впрочем, говоря о строгости нашей Церкви в отношении поминовения неправовверующих христиан, мы не к тому ведем речь, что будто Святая наша Церковь заповедует нам, чадам ее, вовсе никоим образом не молиться о них. При всех богослужениях мы молимся о всех разноплеменных народах и о всем мире, чаще всего и сами не зная и не понимая того. Именно мы молимся: «Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли» (Мф. 6, 10). Это всеобъемлющее прошение объемлет собою все нужды, и наши, и единокровных нам, хотя и неправовверных братий наших. Мы тут просим Всеблагого Господа и о душах умерших неправославных христиан, чтобы Он сотворил с ними то, что благоугодно Его святой воле. Ибо Господь безмерно лучше нас знает, кому и какую оказать милость.

Все высказанные нами мысли, основанные на Божественном Писании и предании святых отцов, естественно

приводят к такому заключению: “Молиться за неправославных христиан церковно-общественною молитвою наравне с православными христианами, то есть поминать имена их в храмах так же, как поминаются имена православных христиан, противно учению и постановлению нашей Единой Вселенской Церкви”. Так мы говорим, так и поступаем»¹¹.

О частной, домашней молитве за неправославных христиан отец Иосиф пишет следующее: «Известен в нашей Православной Церкви едва ли не единственный пример, что частная молитва одного угодника Божия помогала душам умерших иноверцев, даже язычников. Так рассказывал о себе преподобный Макарий Египетский. “Однажды, проходя пустынею, нашел я череп какого-то мертвеца. Когда ударил я череп пальмовою палкой, он что-то проговорил мне. Я спросил его: «Кто ты?» Череп отвечал мне: «Я был главным жрецом идолов и язычников, которые жили на этом месте, — а ты Макарий-духоносец. Когда ты, сжалившись о страждущих в мучении, начнешь молиться за них, они чувствуют некоторую отраду». Старец спросил его: «Какая же эта отрада и какое это мучение?» Череп говорит ему: «На сколько небо отстоит от земли, на столько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Нельзя никому из нас видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. Но когда ты помолишься о нас, то каждый несколько видит лицо другого. Вот в чем наша отрада!»”¹²».

Из сего рассказа блаженного отца прежде всего мы видим, что молитва его за страждущих в пламени язычников была не церковно-общественная, а частная. Это молитва уединенного пустынника, молившегося в тайной клети сердца своего. Затем молитва эта может отчасти послужить и нам, православным христианам, поводом к тому, чтобы молиться за неправовверов частною, домашнею молитвою, но молиться, говорит отец Иосиф, не самочинно, то есть не так, как нам

¹¹ *Иосиф, иеромонах.* Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан не православных? // Душеполезное чтение. 1901. Ч. 3. С. 323–325, 328–329.

¹² См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. Гл. 69, п. 37. М., 1845.

вздумается, а по наставлению опытных в духовной жизни людей, и в качестве примера такого научения он приводит следующий случай.

«Один ученик оптинского старца Леонида был сильно огорчен самоубийством своего родителя. Придя к старцу, он спросил его: “Каким образом молиться о таких людях?” Отец Леонид ответил: “По духу добродетельных и мудрых так: «Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего; аще возможно есть, помилуй! Неизслéдимы судьбы́ Твоя́. Не постави мне в грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя!»”¹³ Вот эта келейная молитва, преподанная опытным в жизни духовной старцем Леонидом своему ученику, — говорит отец Иосиф, — и может служить для православного христианина примером молитвы за неправославного христианина. Может он, например, молиться в таком смысле: “Помилуй, Господи, аще возможно есть, душу раба Твоего (имя), отшедшего в жизнь вечную в отступлении от Святой Твоей Православной Церкви! Неизследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя!” Нам неизвестно, насколько может приносить пользы душе умершего неправовера подобная молитва. Но опытом дознано, что она умеряет жгучую сердечную скорбь молитвенника за душу близкого к нему человека, хотя и не в Православии скончавшегося»¹⁴.

Одна дама, у которой умершая мать была католичка, спросила у отца Иосифа, можно ли ей подать поминать за упокой в костел. На это старец ей ответил: «Нельзя. Запрещается православным обращаться в чужие Церкви»¹⁵.

О смешении некоторыми евангельских чудес Христовых с гипнотизмом, телепатией и фокусами отец Иосиф писал: «Между чудесами евангельскими и фокусами неизмеримое различие. И, во-первых, они различаются между

¹³ Эта молитва вошла в Чин молитвенного утешения сродников жизнь свою самовольно скончавшаго. Утвержден Священным Синодом РПЦ 27 июля 2011 г. // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 87.

¹⁴ Там же. С. 331–333.

¹⁵ Слова старца Иосифа. С. 18.

собою по своему значению. Чудеса Христовы, будучи делами необыкновенными, в то же время были величайшими благодеяниями страждущему человечеству. А при представлении фокусов что мы видим? Фокусник занят корыстной целью — заботится только о своей наживе, как бы побольше собрать денег со зрителей. А зрители посмотрят, позевают, скажут: “Да, это удивительно!” — и затем пойдут прочь с пустыми карманами. А сколько при сем бывает соблазнительных речей и взглядов! А уж о мыслях скверных и толковать нечего.

Во-вторых, чудеса Христовы были истинными чудесами. Например, воскресить четверодневного мертвеца, у которого тело уже стало разлагаться, — разве это фокус? И какой гипнотист или телепатист может сделать что-либо подобное сему? А что фокусы — обман, это уже давно всем известно»¹⁶.

Писали старцу, что некто N. не верит в чудеса, а Таин Христовых приобщается. «Как же так, — пишет в ответ отец Иосиф, — в евангельские чудеса Христовы не верит, а причащается Святых Христовых Таин? Между тем как Святая Евхаристия есть первейшее, важнейшее и величайшее чудо Христово, а прочие евангельские чудеса уже второстепенные. Ибо как не назвать величайшим чудом то, что простой хлеб и простое вино, раз непосредственно пресуществленное Господом в истинное Тело и в истинную Кровь Его, вот уже почти две тысячи лет по молитвам иереев — следовательно, уже людей обыкновенных — не престают пресуществляться точно таким же образом, производя чудное изменение в людях, причащающихся Божественных Таин с верою и смирением»¹⁷.

Батюшке Иосифу рассказывали про одну даму, которая умерла без пастырского напутствия, так как не хотела приобщаться у своего приходского священника, о плохой жизни которого она много знала. Старец, пожалев покойную, сказал, что не должно смущаться жизнью священника, тогда как рука его только действует, а таинство совершает благодать¹⁸.

¹⁶ *Иосиф, иеромонах*. Идеально нравственный человек. С. 152–153.

¹⁷ Там же. С. 152.

¹⁸ Устный рассказ о. Дионисия.

Об этом же предмете отец Иосиф в письме к В. пишет так: «Надо верить в силу Святого Таинства и словам Спасителя: *еліка разрешите, разрешены будут* (ср.: Мф. 18, 18). А на действия и приемы духовника не следует обращать внимания — это уж его дело, и он отвечает, а Таинство нисколько от этого не умаляется и не теряет благодати»¹⁹.

Старец советовал иметь каждому одного духовника и без особой нужды к другому не переходить. «Исповедаться, — писал он одному лицу, — лучше бы у одного духовника. Если уж по крайней необходимости — у разных, а то надо выбирать одного отца»²⁰. «Отношение к духовным отцам, — пишет отец Иосиф в другом письме, — должны быть вполне откровенны, а иначе отношения эти пользы не принесут»²¹. «Ты говоришь, что стыдно открывать на исповеди все помыслы, — стыд этот ложный, его внушает диавол. Надо все грехи подробно открывать, тогда будет польза, облегчение души»²².

Однажды некоторые из духовных детей старца высказали ему желание, чтобы на исповеди он сам открывал грехи, какие не хочется сказать. Батюшка на это ответил: «Нет, этого не должно быть; нужно чтобы каждый сам высказывал и каялся, а то ему пользы от исповеди не будет. А за забытые и невысказанные грехи должен терпеть все случающееся с ним. И батюшка отец Амвросий никогда этого не делал, только в очень редких и особенно важных случаях, когда, например, видел, что человек может умереть, не раскаявшись. Если же кто не может сказать почему-либо свои грехи на исповеди, то уж лучше написать их, чем совсем не открывать».

Одна женщина пришла к одному епископу и открыла ему грех, но он не разрешил его, а послал ее в пустыню к какому-то старцу. Последний вернул ее обратно, сказав, что этого греха кроме того епископа никто не может разрешить ей. Женщина поспешила обратно, но придя в город, с ужасом узнала, что епископ скончался, и тело его лежит уже в гробе.

¹⁹ Письмо к В. // Братский листок. 1911. № 187.

²⁰ Письма в рукописи от 29 июня 1900 г. Лист 9. № 21.

²¹ Письмо // Братский листок. 1911. № 129.

²² Письма в рукописи от 24 июля 1904 г. Лист 5. № 5.

Тогда она написала свой грех на бумаге, положила ее на гроб, а сама рыдала около. Когда женщину увидали и стали расспрашивать, она рассказала, в чем дело. Бумагу открыли, но она оказалась чистой: написанный грех изгладился с нее. Значит, и писать можно», — закончил старец²³.

Священнику, спрашивавшему совета у старца, как поступить одной послушнице, на которую духовник наложил епитимью²⁴ и, не разрешивши ее, умер, отец Иосиф отвечает: «Честнейший во иереях отец Н., вы пишете, что на одну послушницу духовник наложил епитимью, а сам скончался; послушница же тяготится сей епитимиею. — В поучениях [преподобного] Феодора Студита²⁵ есть такой рассказ. Один старец наложил на ученика своего запрещение — не вкушать хлеба, пока не исполнит порученного ему дела. Когда же ученик пошел исполнить повеленное, старец умер. После его смерти ученик желал получить разрешение от епитимии, но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы мог разрешить это недоумение. Тогда ученик обратился к Константинопольскому патриарху Герману²⁶, который для рассмотрения сего дела собрал других архиереев. Но ни патриарх, ни собор архиереев не нашли возможным разрешить епитимью старца, о котором даже не известно, имел ли он степень священства. Потому ученик до смерти принужден был питаться одними овощами.

Соображаясь с этим примером, как видите, снять епитимью с послушницы никто не может. Но пусть она не смущается и поступает так: когда удобно и возможно, пусть исполнит всю епитимью; когда же неудобно, пусть хотя часть епитимьи исполнит, а в иной день по нужде и вовсе

²³ Слова старца Иосифа. С. 19–20.

²⁴ Епитимья (*греч.*) — духовно-исправительная мера, средство помощи кающемуся в борьбе со грехом, епитимия назначается духовником в виде дополнительных поклонов, молитв, поста, отлучения от Причастия на определенный срок и др.

²⁵ См.: *Феодор Студит, прп.* Огласительные поучения в русском переводе. Поуч. 33. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1872.

²⁶ Святитель Герман Константинопольский (+ 740) был патриархом с 715 по 730 г. Известен как бесстрашный противник иконоборчества и как церковный писатель. Церковь чтит его память 12/25 мая.

не исполнит. Только должна она наблюдать, — хорошо бы записывать, — сколько дней не всю епитимью исполнила, и сколько совсем опустила; а затем, когда придет время исповедоваться, пусть духовнику все это и высказывает, — и так до смерти. Неразумно, конечно, послушница поступила, что не узнала о сроке епитимии»²⁷.

Один священник, которому батюшка часто разрешал недоуменные случаи пастырской практики, сообщает: «Достоинно внимания, что старец Иосиф благословил мне допускать до Святого Приобщения решительно всех кающихся, кроме явных — упорных отступников от святой Веры и Церкви, пред которыми заповедовал соблюдать евангельское — *не мечите бисера пред свиньями* (Мф. 7, 6)»²⁸.

О допустимости брачного развода старец пишет: «Ваш Н. говорит, что развод запрещен Христом. — Читаем собственные слова Господа: *А Я говорю вам: кто разведется с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 32). Из сего каждый может видеть, что развод запрещен Господом не безусловно. Если супруги соблюдают верность друг другу, то не должно им разводиться; а в противном случае связывать супругов не удобно. Сему правилу следует и Святая Церковь»²⁹.

Об отношении христианской Церкви к убийствам на войне старец пишет в письме к своей духовной дочери: «Вы пишете, что Н. ваш, увидев, что вы читаете книгу пресвященного Феофана³⁰, с раздражением указывая на нее, сказал: “Пусть он мне докажет, что Церковь права, разрешая

²⁷ Письмо в рукописи от 3 февраля 1904 г. Лист 2. № 5.

²⁸ Красногорский Д., священник. Из воспоминаний о почившем отце Иосифе (рукопись). С. 6.

²⁹ Иосиф, иеромонах. Идеально нравственный человек. С. 156–157.

³⁰ Вероятно, речь идет о епископе Тамбовском и Шацком Феофане Затворнике (Говорове; 1815–1894). Живя в затворе в Вышенской пустыни, он пребывал в постоянной молитве и писательских трудах. Святитель оставил многочисленные переводы творений святых отцов, составившие 5-томный сборник «Добротолюбие» (на рус. яз.), а также обширные богословские сочинения и восемь выпусков писем духовным чадам и другим корреспондентам. Дни его памяти — 10/23 января и 16/29 июня.

убийство на войне, когда Иисус Христос сказал: *Не убий*”. Но, во-первых, снаряжением войска и отправкою на место военных действий, чтобы убивать врагов, занимается вовсе не Церковь, а государственная власть, которая в подобных случаях может и не послушаться Церкви, в особенности если власть эта находится в руках иноверного правительства, как, например, в Турции. У нас, впрочем, Церковь и в военных действиях принимает участие, но какое? Тогда как государственная власть отправляет воинов карать дерзких врагов, Святая Церковь, наоборот, внушает воинам не щадить своей собственной жизни, свою собственную кровь проливать за святую Веру, Царя и Отечество. Так она и молится в храмах за убиенных воинов: “О упокоении душ всех православных воинов, за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших”.

Во-вторых, на вышеприведенные слова вашего N., приписывающего Иисусу Христу слово: *не убий*, ответим, что Господь вовсе этой заповеди не давал. Он только привел эту заповедь из Ветхого Завета: *Вы слышали, что сказано древним: не убий*. Подлинная же заповедь Господа следующая: *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 21–22). Вот видите, что Господь запрещает не убийство, запрещенное еще в Ветхом Завете, а как Совершитель закона, старается искоренить из сердца человеческого самую страсть гнева, от чего люди доходят иногда и до убийства.

Из сего, в-третьих, можно видеть, что Господь, преподавая людям заповедь — не гневаться, вел здесь речь вовсе не о войне, так как Он и пришел на землю не для того, чтобы основать видимое государство, и не писать государственные законы, а для того, чтобы спасти людей, и потому был учителем нравственности, и преподавал людям нравственные уроки, которые относились, как и теперь относятся, к каждому лицу в частности. По-нашему, попросту можно выразиться так: при исполнении заповедей евангельских каждый смотри сам за собою, тогда и дело будет хорошо. Поэтому и Господь предостерегал людей, даже с угрозою говоря: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1), направляя

последователей своих к тому, чтобы более внимали себе и своему спасению»³¹.

Выше мы говорили, что отец Иосиф свои советы и наставления, как в устных беседах, так и в большинстве своих писем, высказывал в форме отдельных нравоучительных мыслей и кратких рассказов. Такие отдельные рассказы и наставления старца частью относились к мирянам и монашествующим вместе, частью же только к монашествующим.

Сначала приведем пример наставлений первого рода.

Спасение души батюшка ставил главной целью и смыслом человеческой жизни. «Господь да помогает вам трудиться ради вечного спасения», — устно и письменно говорил старец своим духовным детям³².

Отец Иосиф говорил: «Душевное богатство, душевное утешение дороже всех богатств земных», а потому всем заботящимся о внешнем богатстве указывал на необходимость приобретения прежде всего внутреннего, и главным образом терпения. Одна монахиня сказала старцу: «Батюшка, благословите вечным домиком заранее запастись». — «Запасайся терпением, — ответил старец, — сказано: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). Без терпения и временный дом не строится, тем более — вечный. Терпение рождает утешение, и такое утешение истинно. А мы все ищем полегче. Что легко для тела, то бесполезно для души, а что полезно для души, то трудно для тела, — вот и надо идти трудом в Царствие Небесное. Мы и телесное утешение имеем и духовного ищем, а святые отцы уж если искали себе утешения духовного, то лишали себя совсем телесного. Прелесть от легкости — все полегче ищем послушания»³³.

Об имении богатства материального старец говорил: «Имей, что нужно и необходимо, а лишнего не собирай, а если не будешь иметь, да будешь скорбеть, то что толку? — лучше держись середины. Можно иметь, только не привязываться ни к чему, и быть как нищему; такое устройство и было у святых». «На долю грешных на земле много благ

³¹ Там же. С. 155–156.

³² Письмо (собственноручное) от 30 апреля 1905 г. № 1.

³³ Слова старца Иосифа. С. 24–25. Братский листок. № 129.

приходится, но не так живется тем, которых Бог ведет в вечно-блаженный покой... Счастливы те, которые лишены земных всегдашних изобилий, — им уготована дивная вечера в Небесном всерадостном чертоге Христовом»³⁴.

«Кто хочет построить храмину для вечного жилища на небеси, тот прежде всего должен положить камень в основание храмины; камень — это терпение, безропотное послушание, непрестанная молитва со смирением и не осуждением других»³⁵.

О скорбях старец Иосиф говорил: «Скорбь терпение соделывает, терпение же искусство, искусство — упование, а упование не посрамит, — вот и духовное приобретение от скорби! Для этого они нам и посылаются»³⁶.

«Жди скорбей, как дорогих гостей»³⁷.

«Скорби, неприятности и разные неожиданности неминуемы и даже необходимы в деле спасения душ человеческих»³⁸.

«Все скорби: от болезней, от нападения ближних, от нападения бесов в страстях и похотях, — все они составляют чашу спасения нашего, если мы принимаем ее без ропота, как заслугу за наши грехи. Сам Спаситель первый выпил за нас чашу, а потому, если кто хочет быть Ему причастником в вечной жизни, тот не должен отказываться от участия в чаше»³⁹.

«Куда от скорбей убежать? Каждому дан свой крест, и надо нести, только не с ропотом, а с покорностью воле Божией»⁴⁰.

Батюшка убеждал искавших его советов, что никогда, ни при каких обстоятельствах и неприятностях в жизни не следует отчаиваться. «Нет хуже послов отчаяния», — не раз говорил он хибарочным посетителям⁴¹.

³⁴ Письмо (в копии) Лист. 8. № 12.

³⁵ Письмо (собственноручное) от 16 июня 1904 г. № 7.

³⁶ Письмо от 7 августа 1902 г. Лист 2. № 24.

³⁷ Письмо (без даты). Лист 8. № 12

³⁸ Там же.

³⁹ Письмо от 24 июля 1897 г. Лист 7. № 4.

⁴⁰ Письмо от 9 августа 1906 г. Лист 6. № 7.

⁴¹ Слова старца Иосифа. С. 27.

В жизни ничего нет случайного: и радость, и горе — все посылается от Бога. «На языке верующего человека, — говорил старец, — слово “случай” есть пустой звук, слово без смысла и значения»⁴².

«Батюшка, — обратилась к старцу на приеме одна монахиня, — когда я читаю Апостол, мне жаль бывает апостола Павла: сколько он терпел!» — «Да не он один, а и все другие апостолы, — ответил старец, — и другие угодники. Вот святой Иоанн Златоуст сколько терпел? — Старый, больной, в тюрьме, да еще письма получал и отвечал и утешал других. Видно, все терпением получали Царствие Небесное». — «А мы-то, грешные, батюшка, — опять спросила монахиня, — как мы-то будем?» — «И мы такие будем, — ответил отец Иосиф, — будем терпеть, что приходится: скорби, болезни, еще что»⁴³.

«Терпения потреба⁴⁴, да волю Божию сотворим», — сказал как-то старец собравшимся к нему в келлию на благословение. Кто-то сказал: «Да нет его, батюшка». — «Нет, — просить надо: *просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толичете, и отворится вам* (Мф. 7, 7). Вот как: *толичете* (старец при этом постучал рукой о кровать) — “отвори”, Господь не гнушается прошением, только проси, Сам понуждает еще просить»⁴⁵.

«В нынешнее время частые самоубийства происходят, кроме неверия, еще и от нетерпения, — ничего не хотят терпеть, — и если бы Господь не вложил в человека естественное желание жить, то почти все убили бы себя. Святой Василий Великий пишет об одном языческом философе, который говорил: “Прежде я хотел, чтобы все делалось по-моему, но видя, что ничего не делается так, как я хочу, я стал желать, чтобы делалось все так, как делается, и через это стало выходить то, что все стало делаться так, как я хочу”. Вот и язычник самым делом дошел до этой истины, что неизбежно надо терпеть, что случается».

⁴² Письмо к Е. Поселянину // Русский паломник. 1907. № 47. С. 756.

⁴³ Слова старца Иосифа. С. 27.

⁴⁴ Потрёба (*устар.*) — необходимость, надобность, потребность.

⁴⁵ Там же. С. 18–19.

В связи с упоминанием старца о самоубийствах одна дама стала доказывать, что Господь может простить их. Старец на это ответил: «Не наше дело рассуждать об этом. Господь-то может и простить, а наше дело исполнять, что велит закон. Это как какого-либо преступника судьи должны приговорить по закону к казни, а царь может его и помиловать»⁴⁶.

Старец, рассказав однажды о самоубийстве одного мальчика, добавил: «А все от неверия. Учителя сами не готовятся [и этого] никогда от них и не требуют. Теперь все развивать хотят, а батюшка отец Амвросий говорил, что если начать канат развивать, то выйдет просто пакля. А она куда годится? — конопатить только, и то вряд ли»⁴⁷.

Одной монахине батюшка Иосиф дал такие наставления: «Если возмущают тебя поступки и грехи ближнего и похищают твое душевное спокойствие, то вспомни о сем:

а) Погрешность ближнего, которую ты хотела бы исправить, если она нарушает твой душевный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь и, следовательно, не исправишь погрешность погрешностью, — она исправляется кротостью.

б) Ревность, хотящая истребить зло, сама есть великое зло.

в) Помни, что в твоём глазе бревно, а ты указываешь на сучец брата (см.: Мф. 7, 1–5).

г) Есть несовершенства неизбежные, есть и полезные. Бывает, что злом искушается добро.

д) Пример долготерпения Божия должен обуздывать нашу нетерпеливость, лишаящую нас покоя.

е) Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, и если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло.

ж) Каждому тот поступок ближнего кажется великим, который обличает его самого в чем-нибудь.

з) Ничто так не успокаивает и не примиряет нас с поступками ближних, как молчание, молитва и любовь»⁴⁸.

⁴⁶ Слова старца Иосифа. С. 19.

⁴⁷ Там же. С. 17.

⁴⁸ Из материалов, собранных Шамординской обителью. Имя и фамилия монахини не указаны.

«Совесть человека, — говорил старец, — похожа на будильник. Если будильник прозвонил, и, зная, что надо сейчас идти на послушание, встанешь тут же, то и после всегда его будешь слышать; а если сразу не встанешь, то и после будешь просыпать его звон»⁴⁹.

Одному лицу старец пишет: «Старайся смиряться, себя внутренне укорять, никого не осуждать, никому не досаждать, то и будешь всегда мирен духом, и чаще просить: Господи, даждь мне терпение, великодушие и кротость»⁵⁰.

«Много есть плачущих, но не о том, о чем нужно. Много скорбящих, но не о грехах; много смиренных, но не истинно»⁵¹.

«Любите добро, бегайте греха, и тогда ваша возьмет»⁵².

«Оттого и у нас нет, что нет терпения. Терпение рождает утешение». Еще: «Чего боишься, о том и молись. Боишься воров или пожара, — молись: Господи, сохрани от воров и огненного запаления»⁵³.

О склонности человека скорее к дурному, чем к хорошему, старец говорил пословицей: «До церкви хоть близко, да идти склизко, а до кабака хоть и далеконок, ну да доберемся полегоньку»⁵⁴.

«Хотя легонькое правилце надо исполнять: не осуждай, не укоряй, не злись, не гордись, считай себя худшим всех на свете и молись, как молился мытарь: *Боже! милостив буди мне, грешному*, и спаси мя (ср.: Мф. 18, 13)»⁵⁵.

«Бог благословит добрые дела творить, а от злых удаляться, никого не осуждать и никому не досаждать, а хуже всех себя считать»⁵⁶.

«Много говорить не следует, должно помнить, что молчание есть золото»⁵⁷.

⁴⁹ Слова старца Иосифа. С. 21.

⁵⁰ Письмо от 29 июня (год неизвестен) к Е. (собственноручное).

⁵¹ Письмо от 22 октября 1892 г. (собственноручное).

⁵² Душеполезное чтение. 1901. Ноябрь. С. 390.

⁵³ Слова старца Иосифа. С. 23.

⁵⁴ Там же. С. 27.

⁵⁵ Письмо (без даты). Лист 5. № 6.

⁵⁶ Письмо (без даты). Лист 10. № 31.

⁵⁷ Письмо от 29 ноября 1909 г. Лист 14. № 26.

В доказательство существования бесов старец рассказывал такой случай: «Один не верил, что бесы есть. Приехал он к отцу Амвросию. Батюшка его взял⁵⁸. Входит он в келлию и видит: батюшка лежит на кровати, глаза закрыты, а полна комната бесов — пляшут, прыгают. Он испугался — назад... Вдруг батюшка проглянул, — и все провалилось, исчезло. Вот, он не верил, а батюшка ему показал. Это не попало почему-то в жизнеописание [отца Амвросия], а можно бы, и знают, кто “он”. (Он — это калужский священник отец Любимов, теперь уже умерший. — *Авт.*)⁵⁹».

Однажды на послеобеденной прогулке старца Иосифа сопровождавшие его духовные дети вспомнили, что забыли взять старцу стульчик для отдыха и с сожалением сказали ему об этом. Батюшка на это отвечал: «Сказано: *Господь сел при источнице так* (ср.: Ин. 4, 6). Святитель Димитрий Ростовский объясняет: *так* — это значит просто, на траве, не требовал ни скамеек, ни ковров»⁶⁰.

Сказали старцу: «Вот опять неурожай». — «Да, — ответил он, — всего мало, только грехов много. Грехи, как орехи, — поспевай только рвать»⁶¹.

«Можно ли чай с хлебом пить?» — спрашивала одна старца. «Со смирением и самоукорением, — ответил старец, — можно напиться и смущаться не следует. Конечно, воздержание бы лучше, но что делать, когда побеждаемся пищею»⁶².

«Чай пить можно два раза в день, если же кто выпьет лишний, — тот пусть кается»⁶³.

«Теперь люди, что грибы — все червивые, все больные»⁶⁴.

Однажды старец сказал: «Вот ученые говорят, что дождь от леса: где лес, там и дождей больше, а не понимают в этом

⁵⁸ То есть принял.

⁵⁹ Слова старца Иосифа. С. 17–18.

⁶⁰ Там же. С. 28.

⁶¹ Слова старца Иосифа. С. 30.

⁶² Письмо от 24 октября 1895 г. к м. Е.

⁶³ Письмо к тому же лицу (без даты).

⁶⁴ Слова старца Иосифа. С. 25.

премудрость Божию, что в лесу труднее промочить землю, чем на открытом месте, потому Бог туда и посылает больше дождя»⁶⁵.

Спросили: «Можно ли открывать Псалтирь и читать, что придется, на пользу кому-нибудь?» Старец ответил: «Нельзя. На пользу — открыть, да кафизму за того человека прочитать. И никакую книгу не следует читать, откуда придется, а читать с начала до конца, — и, смеясь, добавил: — а то и так бывает: от досточки до досточки, а в середке — ни трощечки»⁶⁶.

Приведем теперь в качестве примера несколько советов и наставлений старца Иосифа монашествующим лицам.

Одна монахиня сказала: «Батюшка, скорблю, что средств нет и все должна зарабатывать, а между тем все хочется то того, то другого». Отец Иосиф на это ответил: «*Ищите прежде Царствия Божия и прочее все приложится вам* (ср.: Мф. 6, 33). С таким устроением и поступали прежде монахи, и Господь снабжал их всем необходимым, и даже сверх того. У нас вот в скиту, когда я поступил, самоваров ни у кого не было своих, а был один у начальника на весь скит, и после службы братия по очереди пили чай, и все были довольны и счастливы. Так же было и во всех других потребностях. Старались больше исполнять службы церковные да свои послушания, и за это Господь все им прилагал, так что ни в чем не имели нужды. А теперь поступают в монастырь со слабым произволением и только думают об одеждах да о пище, оттого и Господь не посылает нам, грешным»⁶⁷.

Молодым людям, заявлявшим о своем желании поступить в монастырь, отец Иосиф прямо говорил: «Предупреждаю, что монашеская жизнь скорбная, ибо *многими скорбями подобает войти в Царствие Небесное* (ср.: Деян. 14, 22)». Поэтому старец советовал таким лицам не спешить с исполнением своего намерения, а «испытать себя хорошенько в миру и приучиться к труду, терпению, великодушию и кротости»,

⁶⁵ Там же. С. 20.

⁶⁶ Там же. С. 21. Ни трощечки (*устар.*) — ничего.

⁶⁷ Слова старца Иосифа. С. 26–27.

а также усердней молиться Богу: «Помилуй мя грешного (-ую) и устрой мне полезное»⁶⁸.

«Затворничество, — говорил старец, — путь опасный: в уединении-то страсти растут, а на народе-то лучше. Вон, где ходят-то (старец в это время сидел в лесу и показывал на дорогу), там и трава не растет, а где не ходят, там она густая. Многие и в уединение-то уходят от нетерпения. Нам полезно, когда нас толкают. Говорят, что дерево, которое ветер больше качает, больше укрепляется корнями, а то, которое растет в тишине, бывает очень слабое»⁶⁹.

Перед иночествующими старец Иосиф ставил выше всего послушание и самоукорение, так как обе эти добродетели рождают смирение, которое вселяет в душу Бога.

От послушания батюшка никогда никому не разрешал отказываться, говоря, что кто несет данное ему послушание до конца, тот сподобится блаженной кончины. При этом, учил старец, послушание должно быть «беспрекословное: делать все, что заставят, не рассуждая, хорошо это или дурно, и не расспрашивая, зачем, да почему так, а не иначе... и т. п.»⁷⁰.

«К одному старцу пришли пять учеников проситься в монастырь. Старец послал их сажать капусту корнями вверх, а листьями в землю. Двое стали сажать так, как велел старец, а трое сказали: “Разве так нужно сажать?” и стали сажать по-своему. Старец пришел посмотреть, как они делают, и тех, которые работали так, как он велел, взял в монастырь, а остальных не принял»⁷¹.

Одна особа передала старцу Иосифу слышанный ею разговор, что будто прежние старцы не принуждали совсем своих учеников на телесные подвиги, а требовали от них «внутреннего монаха». Батюшка на это ответил: «Ты скажи им: не вырастивши дерева, откуда же ждать плодов? Дерево же, на котором вырастает внутренний монах, есть пост, всякое

⁶⁸ Письмо к N. от 20 апреля 1895 г. Лист 7. № 1. Письмо от 27 июля (года нет).

⁶⁹ Слова старца Иосифа. С. 26–27.

⁷⁰ Письмо от 21 сентября 1899 г. Лист 5. № 3; Письмо (без даты). Лист 7. № 9.

⁷¹ Слова старца Иосифа. С. 23.

воздержание, хождение к церковным службам, телесный труд — тогда уж на нем вырастет и плод, то есть внутренний монах»⁷².

Еще старец говорил: «Надо жизнь свою исправлять, правила не оставлять, посты не разрешать⁷³, — за это будешь Богу отвечать. Других не осуждать, а себя во всем укорять, у всех прощения просить и на всякое слово приучаться “прости” говорить»⁷⁴.

Кто-то спросил батюшку: «Будут ли когда-либо в Оптиной открыты мощи?» — «Может, когда и будут, — ответил отец Иосиф. — А может быть, сами угодники не хотят, так как это для монастыря не полезно. Батюшка отец Макарий говорил: “Где мощи, там монастырская жизнь совсем не та делается”»⁷⁵.

Мы привели далеко, конечно, не все имеющиеся у нас в письменных документах советы и наставления старца Иосифа обращавшимся к нему лицам, а выбирали из них лишь те, которые нам казались более характерными для духовного облика старца.

⁷² Рассказ шамординской монахини Е. Лебедевой.

⁷³ То есть не разрешать себе несоблюдение поста.

⁷⁴ Письмо от 29 января 1903 г. Лист 14. № 4.

⁷⁵ Слова старца Иосифа. С. 29–30.

IX. Старец Иосиф — скитоначальник. Келейная жизнь батюшки

*Пасіте ежє в вас стадо Божіє
не нїждею, но волю... ни яко
обладающе, но образи бывайте
стаду.*

Ср.: 1 Пет. 5, 2, 3

Обязанности скитоначальника сильно увеличивали труды и заботы старца Иосифа. Но он ими не тяготился. Смиранный инок так же кротко, как и служение старческое, нес иго начальствования, являя собой назидательный пример истинного пастыря.

В делах хозяйственных у него были опытные помощники, которые много облегчали его заботы. Ими стали преданные батюшке иноки, на которых он мог вполне положиться, тем более что они ничего не делали, не испросив благословения своего начальника и старца. Но при этом отец Иосиф никогда не слагал с себя забот и вникал во все сам.

В хозяйственных делах старец был очень практичен и осторожен. Как передают оптинские иноки, он не любил без нужды что-либо строить или делать какие-либо поправки, находя это лишней тратой.

В Оптином скиту было разведено много цветов, что, с одной стороны, требовало лишних расходов, а с другой — отвлекало братию от их прямых монашеских обязанностей. Отец Иосиф сократил это цветоводство, оставив его только на главной аллее и вокруг главного храма.

Батюшка прекратил обычай, давно существовавший в Оптиной пустыни, — допускать 7 сентября в скит жен-

щин¹. Произошло это следующим образом. Летом 1899 года в Оптину приехал Калужский епископ Макарий². В беседах с владыкой старец высказал ему свое желание и просьбу об уничтожении названного обычая. Епископ отнесся к этому очень одобрительно, и вскоре был прислан указ. Скитская братия была благодарна старцу за такое благодеяние, но некоторые особы женского пола остались этим недовольны и склонны были обвинять отца Иосифа в нарушении того, что было разрешено старцем Амвросием. Старец по своей скромности сначала молчал на эти замечания, но наконец как-то сказал: «А что если не я, а Сама Царица Небесная этого не желает? И знаете ли вы, что это было постоянным желанием покойного батюшки Амвросия? Только он никак не мог этого сделать, так как скитоначальник отец Анатолий очень противился. Я обязан теперь выполнить волю Царицы Небесной и покойного старца»³.

После такого объяснения отцом Иосифом своего распоряжения все умолкли, поняв, что старцу, несомненно, было какое-то указание свыше.

Во внутреннем управлении братией отец Иосиф был очень мудр. Он удивительно умел соединять в себе свойства, требуемые начальническими обязанностями и долгом

¹ Особым пунктом устава скита был запрет на вход женщинам. Но в некоторые периоды этот запрет нарушался. Так, после кончины старца Макария (Иванова; † 1860) в 1865 г. на день его памяти 7/20 сентября женщин стали допускать в скит, сначала только на панихиду после Литургии, а позднее — и на саму Литургию, после Херувимской песни. При скитоначальнике старце Иосифе этот обычай был отменен. В виде исключения на скитские богослужения изредка допускались женщины-благотворительницы или супруги благотворителей. В Летописи скита об этом упоминается всего несколько раз.

² Преосвященный Макарий (Троицкий; 1830–1906) был епископом Калужским и Боровским с 1895 по 1901 г. Несмотря на свой преклонный возраст, владыка, часто объезжая епархию с ревизией храмов и школ, везде совершал богослужения, произносил проповеди и общался с паствой. В 1902 г., будучи на покое, назначен управляющим Белевским Спасо-Преображенским монастырем, где позднее и был похоронен.

³ Рассказ шамординской монахини Е. Лебедевой.

старчества. В отношении к инокам он был строг и взыскателен; учил их смирению, терпению, послушанию и вообще монашескому поведению, но учил не властью начальника, а внушал любовью отца и как старец умел всех успокоить, умиротворить и привести к повиновению. Иноки говорили про него: «Наш батюшка чего не сделает приказанием, то доделает своим смирением: так скажет и взглянет, что и не хотелось бы смириться, да смиришься»⁴.

Старец не любил часто перемещать монахов с одного послушания на другое и говорил, что на одном послушании скорее приучится к терпению.

Если заболел кто из братии, то батюшка всегда спешил к постели больного. Однажды отец Иосиф собрался в Шамордино, но вдруг ему занездоровилось, и он не поехал. На другой день в скиту умер старый иеромонах, которого старец навещал во время болезни. «Вот хорошо, что я остался, — сказал старец, — а то я скорбел бы, что он без меня умер».

Оптинские иноки любили своего начальника и старца за такое теплое, отеческое отношение к ним. Во время предсмертной болезни архимандрита Досифея⁵ в 1898 году они единогласно выражали желание иметь старца своим наставником. Конечно, имея в виду слабое здоровье старца, нечего было и думать о таком назначении его, но сам факт ясно говорил о той любви, доверии и уважении, которыми пользовался отец Иосиф среди оптинского иночества.

В скромной кельи в посте, молитве и суровых подвигах протекала жизнь старца иеромонаха Иосифа.

Жил он в том же небольшом корпусе и в той же самой кельи, где провел всю свою жизнь и его учитель великий Амвросий. Корпус этот стоит с правой стороны скитских врат и непосредственно к ним примыкает. Изнутри скита в него ведет небольшое крылечко, сперва в сени, а оттуда в небольшой коридорчик, по обеим сторонам которого стоят скамьи для посетителей мужского пола. Первая дверь направо ведет в небольшую приемную келью, в которую старец

⁴ Рассказы скитских иноков. Записки о. Моисея. С. 1, оборот.

⁵ См. о нем. примеч. на с. 98.

выходил. Передний угол келлии занят иконами. На стенах висят картины духовного содержания и портреты, между которыми можно видеть портреты Государя Императора, великого князя Константина Константиновича, Московских митрополитов Филарета⁶ и Иннокентия⁷, Калужских епископов: Григория II⁸, Владимира⁹ и Анастасия, старца Паисия (Величковского), старца Белобережской пустыни схииеродиакона Мелхиседека¹⁰, умершего на 150 году¹¹

⁶ Митрополит Филарет (Дроздов; 1782–1867) управлял Московской епархией почти полвека (с 1821 г.). Святитель огромное внимание уделял духовному просвещению паствы. Он составил Катехизис, неоднократно переиздававшийся, способствовал переводу Библии на русский язык. Его стараниями начали издавать «Творения святых отцов в русском переводе» и вышло второе и третье издание «Добротолюбия» на славянском языке. Он постоянно поддерживал старцев Оптиной пустыни и находился в духовном общении со старцами Леонидом (в схиме Львом), Макарием и Амвросием. Церковь чтит его память 19 ноября/2 декабря.

⁷ Митрополит Иннокентий (Попов-Вениаминов; 1797–1879), миссионер в Северной Америке и Сибири, просветитель коренных народов Дальнего Востока. В 1840 г., после смерти жены, принял монашество и вскоре был хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Московскую и Коломенскую кафедру возглавлял с 1868 по 1879 г. Дни памяти святителя — 31 марта/13 апреля, 23 сентября/6 октября.

⁸ См. о нем примеч. на с. 49.

⁹ См. о нем примеч. на с. 51.

¹⁰ Иеродиакон Мелхиседек (в миру Максим; 1715–1840) подвизался в Белобережской пустыни под Брянском с 1760 г., где принял постриг и был рукоположен во иеродиакона. В 1800 г. настоятелем этой обители стал отец Василий (Кишкин), ученик афонских и молдавских старцев. Отец Мелхиседек имел с настоятелем тесное духовное общение. В 1804 г. настоятелем был избран о. Леонид (Наголкин). При нем в монастыре появились ученики старца Паисия (Величковского). За духовными советами в обитель стало приходить много посетителей. Обращались и к о. Мелхиседеку. Тяготясь этим, в 1810 г. он удалился в Рославльские леса. В 1837 г., ища большего уединения, он вместе со своим учеником переселился на Хатожскую лесную дачу (Жиздринский уезд Калужской губ.), принадлежавшую промышленнику И.А. Мальцову, который стал их благодетелем. — См.: Душеполезное чтение. 1889. № 6.

¹¹ Допущена неточность: умер на 125 году.

от рождения, и другие. Помещено на стенах также много листиков духовного содержания с различного рода нравственными советами и наставлениями. Против приемной комнаты — дверь в келлию самого старца Иосифа.

Порядок в келлии, даже в мелочах, отец Иосиф поддерживал тот же, который был заведен его любимым учителем. Сам старец, показывая свою келлию интересовавшимся ею посетителям, всегда радостно заявлял: «Как вы видите теперь, так было и при покойном батюшке Амвросии»¹². Стены келлии увешаны святыми иконами и портретами духовных лиц, большей частью принесенными в дар еще отцу Амвросию его почитателями. В святом углу стоял аналой в виде шкафчика со Следованною Псалтирью и другими книгами на нем для исполнения положенных монашеским уставом правил. У восточной стороны келлии стоял небольшой столик, на котором письмоводитель писал под диктовку старца письма. Вдоль западной стены, около печки, стояла койка старца, и у ее изголовья — большой портрет отца Амвросия, очень верно изображенный. Впрочем, впоследствии этот портрет отец Иосиф повесил на стену против кресла, в котором он обычно занимался. У северной стены келлии помещалась этажерка с отеческими и другими книгами духовного содержания.

Рядом с келлией отца Иосифа — келлия его келейника, к которой пристроена небольшая кухня. Против входных дверей, в конце коридора, находится дверь в довольно просторное помещение для женщин, состоящее из нескольких комнат и коридора с выходом на улицу вне скита. В этой половине висела большая Афонская икона Божией Матери, перед которой старец молился при выходе для бесед с посетительницами. Такова была внешняя обстановка, в которой жил старец Иосиф. Теперь посмотрим на его обыденную жизнь¹³.

¹² Душеполезное чтение. 1901. Ч. 3. С. 391–392. — Путешествие учеников Мещовского духовного училища.

¹³ Сведения о келейной жизни старца Иосифа мы получили от двух оптинских иноков, бывших у него келейниками: о. Зосимы и о. Стефана. — *Примеч. авт.*

День старца начинался очень рано. В два часа утра старец вставал и прослушивал утреннее правило, которое читали келейники. Во время чтения правила отец Иосиф молился стоя, а в последние годы, по болезни, сидя или лежа на койке. Молитвенное правило старца состояло из утренних молитв, двенадцати избранных псалмов и первого часа. Затем, после небольшого отдыха, часов около пяти старец выслушивал третий и шестой часы с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Иисусу Сладчайшему или Божией Матери. После этого старец, умывшись и одевшись, писал письма или читал что-либо из творений святых отцов, иногда же беседовал с келейниками. А в это время к хибарке старца стекался понемногу народ: изнутри скита в нее входили мужчины, а снаружи — женщины. Часов около восьми старец Иосиф выпивал две чашки чая и выходил к народу.

Впрочем, так распределял время старец в первые годы своего старческого служения. Впоследствии же, когда силы старца стали слабее, он выходил к посетителям часов в девять, а иногда и позже. Сначала отец Иосиф шел в мужскую приемную. Здесь он выслушивал нужды посетителей, давал благословение и советы. С особенными нуждами старец принимал в своей келлии. Из мужской приемной старец проходил по узкому коридору на женскую половину. Часов около двенадцати старец обедал. До последних лет своей жизни, когда он уже не мог выходить на воздух, старец обедал вместе со всею скитской братией на трапезной. Скитская трапезная пища всегда готовится на конопляном масле, ее старец съедал в очень ограниченном количестве.

После обеда до двух часов старец отдыхал. Но отдых его не заключался во сне. Однажды старцу заметили, что он изнуряет себя, лишая и малого послеобеденного отдыха. «Да разве отдых состоит в том, чтобы спать? — ответил батюшка. — На это есть ночь, а днем довольно и так одному побыть». В течение этих двух часов старец занимался чтением, составлением ответных писем, умной молитвой или же занимался переклеиванием старых конвертов на внутреннюю сторону, которые после употреблял для рассылки писем по ближайшим монастырям. Имея в виду последнее занятие

старца, бывший его письмоводитель замечает в своих воспоминаниях о старце: «Так и время зря не тратилось у отца Иосифа, и материальная экономия была»¹⁴.

С двух часов начинался опять прием посетителей. В летние жаркие дни старец выходил в лес и всем желающим дозволялось тогда его сопровождать. Во время прогулки по лесу все шли поодаль, а старец впереди с кем-нибудь занимался. Иногда старец садился в лесу для отдыха на стульчик, который всегда брали для него из хибарки его заботливые почитатели. Все сопровождавшие старца рассаживались тогда вокруг него, и батюшка Иосиф рассказывал что-либо назидательное из прочитанных им духовных книг или из жизни оптинской братии, а иногда о чем-либо из своей собственной жизни. Смысл этих бесед всегда заключал в себе полезное нравоучение или обличение чьих-либо недостатков.

С прогулки старец возвращался опять в хибарку и уже в ней занимался с посетителями. В восемь часов вечера он шел на трапезу. В последние же лет пять жизни отца Иосифа, когда он перестал ходить на общую трапезу, ему приготавлилось на ужин одно блюдо: или жиденский кисель, или же рисовая каша. Вина старец никогда не употреблял, даже и в тех случаях, когда этого требовали от него доктора во время его болезни. После ужина, если в хибарке бывали посетители, старец выходил к ним, но уже ненадолго. Усталый и болезненный, он в таких случаях чаще ограничивался лишь одним преподанием благословения и затем уходил в свою келлию до следующего утра.

Перед сном, часов в десять-одиннадцать, старец выслушивал вечернее молитвенное правило, состоявшее из малого повечерия, канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв. После этого батюшка ложился спать. Так заканчивался длинный трудовой день старца Иосифа.

Накануне тех праздничных дней, в которые старец служил Литургию, он не ходил к повечерию, а выслушивал его у себя в келлии; ко всенощному бдению он приходил в церковь и иногда служил его один, как простой очеред-

¹⁴ Записки о. Моисея. С. 2, оборот.

ной иеромонах. В алтаре батюшка стоял с таким благоговением, вниманием и углублением в молитву, что казалось, он никого не видал, кроме Бога да себя. За службою он никогда не отвлекался разговорами или рассматриванием каких-либо предметов, а лишь произнесет нужный возглас и опять стоит в молитвенном настроении, читая по четкам молитву Иисусову. Бывали случаи, когда кто-либо из иноков подходил за богослужением к отцу Иосифу с каким-либо вопросом. Старец хотя и отвечал, но иногда давал понять, что своими вопросами иноки нарушают его молитвенное настроение.

Батюшка прекрасно знал церковный устав и богослужебные напевы. Когда певчие сбивались с тона или пели не то, что полагается уставом, он подходил к клиросу и указывал, что надо петь и каким напевом, причем нередко сам задавал тон певчим¹⁵.

Иногда отца Иосифа назначали служить собором в монастыре, и старец не отказывался от этих назначений. Когда же его упрашивали отказаться в непогоду или по нездоровью, старец строго отвечал: «Мы этим живем — как же от этого отказаться?» К службам в монастыре старец не позволял себе ездить, а всегда, и зимой и осенью, во всякую погоду ходил пешком. При этом он надевал на себя выношенный меховой подрясник. Эту единственную свою теплую одежду, которая уже не грела, а лишь тяготила его, старец никак не соглашался переменить. Наконец его почитатели сами купили мех, сшили новый подрясник с большим хорошим воротником и преподнесли его в дар отцу Иосифу. Не желая огорчить своим отказом, старец принял этот подрясник, но чтобы не отличаться от простого монаха, он велел переменить на нем воротник.

Так среди непрестанных трудов и ежедневной суеты — этих волн житейского моря — плыла к тихой пристани ладья старца Иосифа.

¹⁵ Записки о. Моисея. С. 2 и оборот.

Х. Последние дни старца Иосифа. Смерть и погребение

*Благоугоден Бóгови быв, возлюблен
бысть, и живый посреде грешных
преставлен бысть.*

Прем. 4, 10

От постоянных ежедневных трудов силы старца, и без того не крепкого здоровьем, постепенно ослабевали. Еще с девятисотых годов старец часто говорил окружающим его: «Я что-то слабею». Бывали дни, когда он, чувствуя особенное утомление, запирался в своей келлии и никого не принимал. Но такие дни были нечасты, так как батюшка, почувствовав себя немного крепче, выходил на «делание свое». На просьбы побереечь себя отец Иосиф обыкновенно отвечал: «У меня всегда на совести остается, когда я, чувствуя себя лучше, не принимаю». И всякий раз, когда келейники не докладывали ему о посетителях, он сам спрашивал: «Ну кто там еще просится?» или «Нет ли там кого?»¹

Особенно изнуряли старца его обязанности братского духовника. И вот в 1903 году батюшка Иосиф отказался от духовничества. На его место был назначен иеромонах Варсонофий, ставший с этого времени и помощником отца Иосифа в его старческой деятельности². Постепенно усиливавшаяся болезнь старца — хроническая малярия — принудила его отказаться и от деятельности скитоначальника. В 1907 году старец Иосиф указом местной консистории «по болезненному состоянию», как говорилось в его про-

¹ Рассказ о. Зосимы (рукописный). С. 2–3.

² 19 октября 1903 г.

шении, был уволен от должности начальника скита, а на его место определен братский духовник отец Варсонофий³.

Сложив с себя официальные должности, отец Иосиф не прекратил старческого подвига. Духовная связь детей с отцом не прервалась, по-прежнему монашествующие и мирские люди большой толпой осаждали хибарку. И смиренный батюшка Иосиф никому не отказывал: лежа на кровати, он всех выслушивал и кротко наставлял.

Но вот наступил 1911 год, и дни сменялись днями⁴. Старец чувствовал сильное недомогание и хотя принимал посетителей, но видимо тяготился ими. В это время он находился в каком-то особенном молитвенном настроении и временами совершенно уходил в себя. К половине Великого поста старец окреп. Одна особа, посетившая в это время отца Иосифа, сказала ему: «Хотя бы вы пожили, батюшка». Старец ответил: «Поживем. Господь терпит, пока не приготовлено новое орудие. Батюшке отцу Макарию говорили: “Батюшка, как мы без вас жить будем?” А батюшка ответил: “У Бога орудий много, лучше меня будет”»⁵. Другой особе, просившей старца быть с нею в переписке, он ответил: «Я скоро отвечать не буду», — и с этими словами подал ей листок с изображением Божией Матери⁶.

Особенно хорошо себя чувствовал старец со среды Страстной недели. Он был как-то особенно весел, бодр, всех принимал в своей келлии и с каждым сравнительно подолгу беседовал.

Первые два дня Пасхи старец христосовался с приходившей к нему братией и богомольцами. На третий день он почувствовал себя нехорошо: появился жар и началась рвота. К утру четвертого дня болезнь утихла, но старец сильно ослабел и не поднимался. Прием посетителей был

³ Указ Калужской духовной консистории от 18 июня 1907 г. за № 7296 хранится в монастырском архиве.

⁴ О последних днях жизни, смерти и погребении о. Иосифа мы будем говорить, руководствуясь главным образом записками и рассказами шамординских монахинь.

⁵ Слова старца Иосифа. С. 25.

⁶ Рассказ о. Моисея.

прекращен. В течение последующих дней температура поднималась до сорока градусов, и хотя по временам она спадала, слабость больного увеличивалась. Старец лежал теперь почти без движения с закрытыми глазами, и лишь губы его непрестанно шептали молитву. Он весь, по-видимому, погрузился в мир горний, и только вопросы келейников и навещавших его лиц возвращали к земле.

С тяжелой грустью, с тревожным сердцем подходили иноки к постели старца, чтобы передать ему скорбные чувства и получить благословение, и кроткий отец Иосиф с любовью и ангельской улыбкой смотрел на них и тихим, едва слышным голосом отвечал на вопросы.

Болезнь не проходила. Окружавшие больного предлагали вызвать доктора, но старец долго отказывался. Наконец в понедельник на Фоминой неделе, уступая усиленным просьбам отца настоятеля Ксенофонта⁷, больной согласился послать за местным козельским врачом. Прибывший врач осмотрел больного, нашел у него острую малярию и признал положение безнадежным ввиду крайнего истощения сил старца. «Батюшка отец Иосиф при смерти», — эта печальная весть, быстро распространившись среди окрестных сел и деревень, полетела далее во все уголки России, туда, где знали старца. И всюду, куда доносилась она, раздавалось молебное пение к Врачу Небесному и Заступнице Усердной об исцелении болящего.

Несмотря на возрастающую слабость, старец не отказывал искавшим его благословения и совета и отвечал на письма духовных детей.

20 апреля в келлию старца была принесена братией скитская чудотворная икона Знамения Пресвятой Богородицы, и перед ней был отслужен молебен. В этот же день приносили из монастыря Казанскую икону Божией Матери

⁷ Ксенофонт (Клюкин; ок. 1846–1914), схиархимандрит. В Оптиной пустыни с 1869 г. В монашество пострижен в 1876 г. В 1890 г. рукоположен во иеромонаха. В 1899 г. был утвержден настоятелем Оптиной пустыни с возведением в сан игумена. В 1900 г. назначен благочинным монастырей Калужской епархии, с 1904 г. — архимандрит. Известен как нестяжатель, щедро жертвовавший нуждающимся.

и рясу преподобного Серафима Саровского, хранящуюся в Оптиной пустыни. В этот день старец оживился и повеселел, а вечером принимал всех посетителей на благословение. Но к полуночи у него опять поднялась температура, и батюшка ослабел.

Потянулись мучительные дни и ночи. Особенно плохо чувствовал себя больной от 10 часов вечера и до 1 часа ночи. На вопрос окружавших, не болит ли что у него, отец Иосиф отвечал: «Странное дело, ничего не болит, а слабость все увеличивается».

К вечеру 22 апреля больному сделалось очень плохо: появилась сильнейшая слабость, пульс стал неровен, а концы пальцев посинели. Старец пожелал проститься с братией. Сначала приходили к нему скитские иноки, а потом и монастырская братия. Всех благословлял старец, а некоторым близким по духу инокам говорил: «Умираю». После оптинской братии старец благословил прийти проститься с ним и шамординским сестрам. Об этом их уведомили в тот же вечер. Ночь больной провел тревожно, но в полном сознании. Около двенадцати часов он вдруг приподнялся на постели и три раза повторил: «Помянуть за упокой мать Софию, монахиню Софию»⁸, — и опять лег.

На следующий день в Шамордино и Оптиной были отслужены панихиды по матери Софии. Между тем с рассветом этого же дня партиями человек по пятьдесят шамординские сестры поспешно шли в Оптину к умиравшему старцу Иосифу. Больной с любовью их принимал, благословлял и давал каждой по иконочке. Случалось, что келейники с целью дать больному отдых задерживали на несколько минут сестер в приемной. Тогда старец открывал глаза и спрашивал: «Разве шамординские все? Нет ли кого еще? — Позовите их». Желая чем-либо утешить сестер, он позволил им снять с себя портрет.

⁸ Речь идет о схимонахине Софии (Болотовой; 1845–1888), первой настоятельнице основанной старцем Амвросием Казанской женской пустыни в Шамордино. В 1987 г. она была причислена к лику святых. Память ее совершается Церковью в праздник Собора Тульских святых — 22 сентября/5 октября.

Все ожидали, что после приема стольких монахинь старец очень устанет и будет плохо чувствовать себя ночью. Но, к общему удивлению, отец Иосиф ночь провел спокойно и с раннего утра опять начал принимать монашествующих. Прием шамординских монахинь продолжался три-четыре дня. После них старец благословил проститься с ним монахиням Белевского монастыря, а затем стал принимать мирских лиц, услышавших о близкой смерти старца и стекавшихся в Оптину со всех концов. Некоторым отец Иосиф распоряжался телеграфировать, чтобы приехали проститься. Те же, кто не мог почему-либо прибыть к старцу лично, прощались с ним письменно.

В эти дни, когда старец Иосиф принимал всех желавших в последний раз получить от него благословение, пришли к больному архимандрит Ксенофонт и игумен Варсонофий и стали просить его прекратить прием и дать себе покой. На просьбу настоятеля Ксенофонта старец ответил: «Если Богу угодно — поживу, но прекратить прием я не могу: слишком много будет скорбящих и плачущих». На такую же просьбу скитона начальника старец молчал. Когда же отец Варсонофий стал настаивать на прекращении приема посетителей, больной молча отвернулся к стене и только после того, как игумен сказал: «Ну вам виднее, батюшка, делайте как хотите», старец повернулся к нему и стал отвечать на вопросы. После этого отец Варсонофий сделал распоряжение послушнику, который ежедневно ездил на почту, не отдавать старцу адресованных на его имя писем. Старец вскоре после этого спросил у келейников, нет ли ему писем или телеграмм. Услышав правдивый ответ, он немного взволновался и уже до смерти про почту не спрашивал.

Однако писать письма старец не прекратил. Каждый день он диктовал ответы на письма, полученные ранее, и даже за два дня до смерти собственноручно их подписывал.

С 28 апреля больной старец совсем перестал принимать пищу и подкреплялся только Святым Причастием и небольшим количеством теплой воды. Несмотря на крайнюю слабость и сильный жар, батюшка Иосиф до самой кончины находился в полном и ясном сознании и ежедневно совершал свое обычное молитвенное правило.

Каждый день к старцу впускали на благословение всех, кто вновь прибывал в Оптину. Больной лежал закутанный в одеяло, с закрытыми глазами, но не спал. Однажды вошли к старцу двое его почитателей и застали его как бы спящим, с закрытыми глазами. Молча поцеловали они руку старца и шепотом высказали сожаление, что отец Иосиф их не перекрестил. В тот же момент старец открыл свои потухавшие глаза и слабой рукой благословил посетителей издали. Эта любовь, эта чуткость его души, по словам очевидцев, трогала и умиляла до слез. Одна духовная дочь батюшки, глядя на него умирающего, мысленно исповедовала грехи свои и закончила про себя: «Родной отец, если ты слышишь, то взгляни на меня». Старец мгновенно открыл глаза, поднял их кверху и опустил.

Некоторые из духовных детей старца, занятые делами по службе, благословлялись у него выехать из Оптиной, и старец всех отпускал. На их вопрос: «Можно ли вновь приехать?» — больной отвечал: «Ну что ж, только в мае».

В конце апреля еще раз приезжал из Козельска доктор и, подтвердив свое первое определение, выразил удивление, что старец так долго борется с недугом.

В первых числах мая больной отец Иосиф стал часто стонать, говорил, что ему очень томно, но боли никакой не испытывал. Старец стал отказывать посетителям и брал их на благословение только раз в день.

8 мая с утра старцу немного было легче, но среди дня он опять ослабел. Часа в четыре к нему зашел случайно приехавший в Оптину московский врач Галицкий. Выйдя от старца, доктор сказал толпившемуся в приемной и коридоре хибарки народу, что жизни у больного осталось самое большее на два дня. В половине шестого часа старец пригласил всех посетителей к себе в келлию, благословил их и тихо сказал: «Ну, теперь идите ко всенощной».

Наступила тревожная ночь на 9 мая. В течение нее больной не мог уснуть, страшно томился и лишь к утру, немного успокоившись, забылся. В восемь часов утра пришел иеромонах со Святыми Дарами. Больной стонал и долго не мог откашляться от душившей мокроты. Его спросили, может ли

он приобщиться; старец ответил: «Могу» — и причастился только одной Святою Кровию.

После Причастия больному предложили чаю, но он отказался, прошептав: «Какой теперь чай. — И добавил: — Помолитесь, чтобы Господь принял мою душу». Немного полежав, батюшка согласился выпить чашку чая и даже попробовал ложки две-три поданной ему ухи. Прислуживавший в это время келейник обратился к старцу с такими словами: «Батюшка, что же вы это сказали? Мы не можем молиться о вашей смерти. Все желают, чтобы вы еще пожили, и мы будем молиться, чтобы Господь облегчил ваши страдания». Больной старец, немного помолчав, ответил: «Ну да будет, как Богу угодно».

С трех часов дня стала быстро подниматься температура и усилился пульс. В четыре часа старец брал всех в последний раз на благословение, а в шесть часов всех впустили прослушать отходную. Отец Иосиф находился в полном сознании. На грудь ему положили пелену со святыми мощами. По прочтении исходного канона⁹ келейники хотели было больного повернуть, но старец крепко ухватился за плат, и его оставили в покое. Близкие духовные дети отца Иосифа стали подходить прощаться. Около восьми часов вечера по распоряжению скитона начальника всех посетителей удалили из хибарки и ее заперли до утра.

Между тем в кельии старца Иосифа происходило следующее. Больной с закрытыми глазами лежал навзничь, все время молчал, и лишь мокрота хрипела в груди. Жар усиливался, и в половине десятого часа температура было уже 39,2°, пульс — 130. С десяти часов температура стала быстро падать. Старец лежал без движения. Дыхание становилось все реже и короче, губы чуть-чуть шевелились — по-видимому, они шептали молитву. Без четверти одиннадцать старец последний раз вздохнул и скончался.

Так окончилась многотрудная земная жизнь старца Оптиной пустыни иеромонаха Иосифа, преемника и носителя заветов великих оптинских старцев.

⁹ То есть канона на исход души — «Канон молебный ко Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Богородице, Матери Господни, при разлучении души от тела всякаго правовернаго».

В два часа ночи двенадцать ударов небольшого скитского колокола раздались и замерли над скитом. Они возвестили оптинцам о горестном для них событии: их кроткого и смиренного старца не стало.

По опрятании тела почившего начались непрерывные панихиды, продолжавшиеся до самого утра. В шесть часов тело покойного старца было положено в простой, обитый черной материей гроб и вынесено в скитский храм, а в одиннадцать часов дня после поздней Литургии за ним пришел из монастыря крестный ход во главе с отцом настоятелем. Перед началом панихиды у гроба отцом Ксенофонтом было сделано распоряжение о допущении в скит на этот день женщин. После панихиды гроб старца Иосифа был поднят руками преданных учеников и вынесен из храма. При унылом колокольном звоне, в преднесении хоругвей и святых икон гроб с останками старца был обнесен вокруг скитской церкви, и печальное шествие направилось через густой, покрывающийся зеленым листом оптинский бор обратно в монастырь.

Гроб сначала поставили в церкви святой Марии Египетской. После совершения соборной литии началось беспрерывное служение панихид.

Стечение народа в Оптиной было громадное. Вследствие разосланных телеграмм и распространившихся известий со всех сторон прибывали почитатели старца. Приезжали архимандриты, игумены, иеромонахи из соседних монастырей и множество белого духовенства. Съезжались в Оптину монахини Шамординской, Белевской и других женских обителей. Во множестве стекались и простые крестьяне. Их можно было видеть еще с раннего утра поспешно идущими, толпами и по одному, по большим дорогам и маленьким тропинкам, ведущим из окрестных сел и деревень к монастырю. Всех привлек к себе этот гроб, в котором лежало едва заметно сухое и изможденное тело того, кто оживлял и спасал тысячи человеческих душ.

С трех часов утра на следующий день начались опять панихиды, которые попеременно пелись двумя хорами Шамординской и Белевской женских обителей.

11 мая около пяти часов вечера при печальном перезвоне колоколов гроб с почившим был перенесен в соборный Введенский храм, где в шесть с половиной часов был отслужен торжественный парастас¹⁰, а 12 мая совершалось погребение старца Иосифа.

Литургию и погребение совершал настоятель архимандрит Ксенофонт в сослужении настоятеля Боровского Пафнутиева монастыря архимандрита Венедикта, настоятеля Троицкого Лютикова монастыря архимандрита Герасима¹¹, бывшего настоятеля Покровского Доброго монастыря архимандрита Агапита¹², скитона начальника игумена Варсонофия и множества протоиереев, иеромонахов и священников.

После причастного стиха вышел на амвон благочинный обители иеромонах отец Феодот¹³ — преданнейший ученик батюшки Иосифа — и произнес прекрасное слово, просто, но верно обрисовавшее облик почившего. Его слова смешивались и нередко заглушались воплями и рыданиями слушателей. Растроганный проповедник плакал и сам.

¹⁰ Парастас (от греч. — предстояние с целью прошения о ком-то или о чем-то), или великая панихида по усопшим православным христианам, совершаемая на всенощном бдении. Обычно заупокойная всенощная служитя вечером в пятницу перед родительскими субботах.

¹¹ Известно, что архимандрит Герасим являлся воспитанником Оптиной пустыни. В 1894 г. он стал игуменом Лютикова монастыря (Калужская губ.), где ввел строгие порядки, что способствовало улучшению материального и духовного состояния в обители вплоть до 1917 г.

¹² Агапит (Беловидов; 1842–1922), схиархимандрит. Поступил в Оптину в 1865 г. Был настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря (Тульская губ.) и позднее Мещовского Георгиевского. В связи с болезнью переведен в Предтеченский скит. Основным занятием стал литературный труд. Составил жизнеописания оптинских старцев Макария и Амвросия.

¹³ Феодот (Мартемьянов; 1871–1932) поступил в Оптину в 1889 г. В 1901 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха в 1908 г. Выполнял в монастыре различные послушания. С 30 июля 1910 г. определен на должность исполняющего обязанности благочинного. После закрытия Оптиной жил в Козельске. В 1930 г. арестован и приговорен к пяти годам ссылки в Северный край, где и скончался.

Наступила наконец минута обычного прощания с покойником. Под величественными сводами главного монастырского храма раздались стройные звуки печальной, дивно высокой священной песни «Приидите последнее целование дадим, братие, умершему...»¹⁴. Вопли и рыдания осиротевших духовных детей почившего старца огласили церковь.

Очевидцы передают, что рука покойного была теплая и мягкая, как у живого. От батюшки не веяло мертвенным холодом, около него было так же хорошо и тепло, как и при жизни.

После отпевания гроб был поднят на руки священнослужителями, и в преднесении хоругвей и святых икон погребальное шествие направилось по устланному зеленью и цветами пути к приготовленной могиле. Солнце яркими лучами заливало монастырскую площадь, сплошь покрытую народом. Большой оптинский колокол издавал грустные, мелодичные звуки, редкие удары которого перемежались печальным перебором маленьких колоколов, сливавшихся с пением погребальных песнопений.

Могила для старца Иосифа была приготовлена у ног его великого учителя, старца иеромонаха Амвросия, близ юго-восточной стены летнего Введенского собора. После заупокойной литии иеродиакон провозгласил почившему вечную память, и гроб опустили в могилу...

О вечной радости, о вечном блаженстве пели теперь монастырские колокола. А между тем майское солнце продолжало заливать тихую Оптину пустынь. Его яркие лучи весело играли на уносимых обратно больших подсвечниках, на разноцветных оконных стеклышках старческих часовен¹⁵ и на парчовой одежде уходивших священнослужителей; небольшой же теплый и мягкий ветерок кружил на свежем могильном холме мелкую пыль и чуть-чуть колебал сырые комочки земли.

¹⁴ Эта стихира (глас 2-й) поется во время отпевания умершего, когда уже прочитана разрешительная молитва и начинается прощание с усопшим.

¹⁵ Около Введенского собора обители были похоронены оптинские старцы: Макарий (Иванов), Лев (Наголкин), Анатолий (Зерцалов), Амвросий (Гренков). Над местом их погребения были построены небольшие часовни, разрушенные в годы большевистской власти.

Заключение

*Слава Богу, показавшему нам
житие мужа святого и старца
духовного.*

Епифаний Премудрый.
«Житие прп. Сергия»

Будущий историк, характеризую эпоху конца XIX и начала XX веков, скажет с укором: то было время отсутствия идеалов, служения минутным интересам и преобладания практически полезного над истинно гуманным, возвышенным и бескорыстным. Люди тогда преследовали в своей жизни, скажет он, узкие своекорыстные цели, ставя удобства обеспеченной жизни выше служения истине и правде. Во всеобщей погоне за материально осязаемым они забыли о всем идеальном, чистом и святом. Они потеряли веру в Истинного Бога и бесконечно возвышенную христианскую нравственность близоруко променяли на себялюбивый утилитаризм. Правда, они многому учились, у них было много школ различных наименований, но в большинстве этих школ то, что есть первостепенное для человека: вера и нравственность, — игнорировались или были лишь только терпимы. В то духовно скудное время немного было людей, которые всецело отдавались духовным интересам, немного было благодатных натур, свободных от служения низменному, плотскому и своекорыстному и как залог обновления хранивших в непорочном сердце светоч веры и преданность возвышенному идеалу.

Типичным представителем этих немногих людей и был покойный оптинский старец Иосиф. Рассмотренная нами жизнь и деятельность выдающегося человека указанной выше эпохи живо и ясно говорит нам, что есть иной мир, иная сфера, отличная от той суетливой и мелочной, в кото-

рой мы привыкли вращаться. Эта другая сфера, несмотря на отсутствие видимого блеска, на поражающую скромность, есть источник нравственной силы и самого благотворного и широкого влияния, тем более высокого, что оно приобретает свободным подчинением силе заслуженного авторитета. В этой сфере лишений, самоограничений, самоунижений можно наслаждаться истинным счастьем, таким, которого никто не отнимет и ничто не омрачит, ибо оно не может быть ни предметом зависти, ни подлежать словам укора.

И вот эти-то люди — живущие духовною жизнью и благоухающие чистою красотою, самоотвержением во имя высшей правды и истинно человеческого долга, чем только и может быть красна жизнь для человека, возвышенно, по-христиански мыслящего и чувствующего, озаряют собою духовную жизнь православных людей. <...>

Да будет тебе, почивший смиренный и кроткий старец Иосиф, явивший нам пример высокой христианской жизни и согретый сердца столь многих своею любовью, — да будет тебе вечная и благодарная память в русском народе.

1915 г., 1 апреля

Собственноручные записи отца Иосифа о своей жизни в миру (в рукописи).

«Слова старца отца Иосифа» — запись некоторых бесед со старцем его духовных детей.

Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан неправославных? (Ответ отца Иосифа на письмо, полученное из заграницы от русской православной, состоящей в замужестве за протестантом, и по поводу отлучения графа Л. Толстого) // Душеполезное чтение. 1901. Ч. 3.

Идеально нравственный человек. (Ответ отца Иосифа на письмо г-жи NN.) // Душеполезное чтение. 1902. Ч. 3. — Это письмо редактором «Душеполезного чтения» приписано отцу Амвросию, оптинскому старцу. По свидетельству же (письменному, имеющемуся у нас на руках) архимандрита Агапита, стоявшего близко к делу переписки отца Иосифа со своими духовными детьми, это произошло по ошибке. В действительности же письмо это принадлежит отцу Иосифу.

Записки шамординских сестер о последних днях жизни, смерти и погребении отца Иосифа.

274 письма отца Иосифа к своим духовным детям, находящиеся в рукописи, и 9 его же писем, напечатанных в «Братском листке» за июнь и июль месяцы 1911 года.

Скитская летопись в рукописи, хранится в скитской библиотеке.

Устные¹ и письменные рассказы оптинских монахов, живших близко к отцу Иосифу, а также монахинь Шамор-

¹ Для получения сведений о покойном старце от оптинских монахов нами был произведен с разрешения настоятеля Оптиной пустыни опрос их (числом около 40–50), преимущественно тех, которые близко соприкасались со старцем. — *Примеч. авт.*

динской обители и других женских монастырей и нескольких мирских лиц, относившихся к покойному старцу.

Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеромонаха Иосифа. Шамордино, 1911.

Несколько мелких статей о старце Иосифе, печатавшихся в разное время и в разных журналах.

Надгробное слово на погребении иеросхимонаха Иосифа. Изд. Оптиной пустыни, 1911.

Агапит (Беловидов), архим. Жизнеописание оптинского старца Амвросия. Изд. Оптиной пустыни, 1900.

Четвериков С., протоиерей. Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Оптиной пустыни, 1912.

Григорий (Борисоглебский), архим. Сказание о житии оптинского старца отца иеромонаха Амвросия. М., 1893.

Поселянин Е. Кончина и погребение отца Амвросия. М., 1891.

Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида. Изд. Оптиной пустыни, 1890.

И.Л. [Леонид (Кавелин), иеромонах.] Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861.

Старец Макарий Оптинский как учитель нравственности. Калужская старина, 1902.

Архимандрит Моисей (Путилов), настоятель Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1911.

Жизнеописание настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея

[/сост. архим. *Ювеналий (Половцев)*]. Автор-сост. — на титуле не указан. М., 1882.

Очерк жизни настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Исаакия. Изд. Оптиной пустыни, 1899.

Леонтьев К. Отец Климент (Зедеггольм) // Русский вестник. 1879. Т. 144.

Оптинский старец иеросхимонах отец Анатолий. Шамордино, 1914.

Кавелин Л. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита святого Иоанна Предтечи. СПб., 1847.

Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. Оптиной пустыни, 1902.

Историческое описание скита Оптиной пустыни. Изд. Оптиной пустыни, 1862.

Муравьев А.Н. Святые горы и Оптина пустынь. СПб., 1852.

Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Изд. Оптиной пустыни, 1892.

Лясковский В. Братья Киреевские. СПб., 1899.

Сахаров Н. В тихом пристанище. Изд. Оптиной пустыни, 1892. Сергиев Посад, 1908.

Соколов Д. К литературной деятельности Оптиной пустыни. Калуга, 1898.

Четвериков С., протоиерей. На службе Богу — на службе ближним. Изд. Оптиной пустыни, 1909.

Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. СПб., 1901.

Козельская Оптина пустынь и ее значение в истории русского монашества // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1893. 2 отд.

Соловьев А., протоиерей. Старчество по учению святых отцов и аскетов. Семипалатинск, 1900.

Смирнов С. Духовный отец в древней Восточной Церкви. Ч. 1: История духовничества на Востоке. Сергиев Посад, 1906.

Смирнов С., проф. Древнерусский духовник. Изд. Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913.

Леонтьев К. Письмо о старчестве // Русское обозрение. 1894. Кн. 10.

Пустынники. Старчество. 2-е изд. М., 1914.

Богданов Д.П. Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический вестник. СПб., 1912. (1910, № 10) Т. 122. Пустынники. Старчество. М., 1914.

Мелкие статьи об Оптиной пустыни и старцах, помещенные в разных духовных журналах².

² Источники и пособия расположены нами не в порядке их научной ценности, а по ценности их отношения к нашей работе. — *Примеч. авт.*

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ИОСИФЕ ОПТИНСКОМ

I. Молодые годы оптинского старца иеросхимонаха Иосифа¹

Оптинский старец иеросхимонах Иосиф, в миру Иоанн, происходил из крестьянского сословия, Харьковской губернии Старобельского уезда села Городище. Малоросс. Родитель его находился в должности головы до самой своей кончины. Имена родителей его — Евфимий Емельянович и Мария Васильевна Литовкины. Мать была дочерью причетника².

Родители Иоанна были люди благочестивые и сына своего прилежно старались воспитывать в благочестии: часто водили его в храм Божий к службам церковным и, по словам самого старца Иосифа, учили его всему нравственно хорошему и побуждали ко всякой добродетели, научая его словесам божественным. Будучи мальчиком, обучен был он грамоте и умел хорошо читать, и потому в воскресные или праздничные дни, когда некоторые из крестьян в ожидании Литургии заходили в их дом, родители Иоанна, чтобы не было празднословия, заставляли его читать акафист, а мать

¹ Печатается по рукописи, хранящейся в ОР РГБ. Фонд 213, карт. 40; ед. хр. 8. Приложение: Конверт с резолюцией скитоначальника иеромонаха Феодосия и с печатями иеромонаха Феодосия и библиотеки скита Оптиной пустыни относительно хранения указанной рукописи в скитской библиотеке («№ 490, отделение I»). 1914 февр. 14.

² Причётник — член причта (то есть служащих) храма, за исключением священника и диакона: алтарник, дьячок, чтец, псаломщик, пономарь и др.

его в это время курила в хате ладаном и зажигала пред святыми иконами свечи. До обедни никогда не позволяла своему малому отроку съесть хлеба или чего бы то ни было. Разве только, прибавлял старец, украдешь чего-либо. Но если узнавала о сем мать, то никогда не оставляла его без наказания. Впрочем, без сомнения, эта кража при такой строгой матери редко повторялась.

Отец же его был мягкого характера: не мог наказывать детей, ни своих, ни чужих. Он очень любил монастырских сборщиков; и кто, бывало, из них заедет когда-либо к нему, положено было у него подать на обитель золотой. И мать также жертвовала, но каждый сам по себе, и никогда они не любопытствовали, кто из них кому и что давал, жили без зависти друг другу и благоворили друг от друга тайно.

Отец отрока Иоанна говорил иногда: «Как бы я был счастлив, если бы кто-либо из моих детей пошел в монастырь!» Это его благое желание по времени и исполнилось. Сперва одна из дочерей его поступила в Борисоглебскую женскую пустынь Курской губернии, где в свое время пострижена была сначала в мантию, а потом и в схиму с именем Леониды. Через несколько лет после и брат ее Иоанн, описываемый здесь старец Иосиф, также поступил в число братства оптинского Предтеченского скита.

При воспоминании о своих молодых годах старец отец Иосиф передавал немало интересного, из чего видно, что он с самых юных лет более склонен был к жизни духовной, нежели мирской. Также видно, что Сам Господь неоднократно избавлял его от смертной опасности.

По кончине своих родителей мальчик Иоанн жил сначала со старшим своим братом Симеоном. Но хозяйство его вследствие разгульной жизни вскоре расстроилось.

«Помню, — сказывал старец, — поехал я с братом однажды на ярмарку. Там он продал пару волов и лошадь и выручил за них рублей пятьсот; но в то же время напился пьян и очутился под арестом. Деньги пропали, и нас обоих с братом отправили на родину по этапу. После этого брат еще больше стал пить, а меня отдал в мальчики к знакомому ему кабатчику, человеку одинокому. У него я готовил пищу

и для него, и для себя. Помню: у нас было очень много яиц, и я только жарил яичницы и больше ничего. Приехал к нам как-то брат Симеон и с кабатчиком играл в карты; потом однажды напился пьян и тут же с ним подрался, и я на братниной же лошади увез его домой. Недалеко было. Это было последнее мое житие у брата. Он отвез меня в Нахичевань и определил к армянину в трактир, где была музыка; но я, как помню, там очень скучал, и сам не знаю отчего. Расстался я тут с братом и уж больше не видал его».

После сего сестра его упомянутая монахиня Леонида определила своего брата, который был еще мальчиком, к какому-то хозяину на срок; только неизвестно, в каком месте и к какому делу. Вспоминая об этом времени, старец так говорил: «Любил я очень шибко ездить, так что часто бывало: куда пошлют меня, лошадь и ноги поотобьет. Хозяин мне за это не выговаривал, а служащие, бывало, скажут: “Ну, Иван поехал; теперь лошадь три дня будет лежать без ног”. Часто во время езды и убивался, но Господь от смерти меня избавлял.

Послал меня однажды хозяин в одно место по делам на лошади верхом. Был вечер, когда свиньи из стада бежали по домам. Тут я, должно быть, наскочил на свинью. Лошадь перекинула меня. Я упал без чувств. Не знаю, сколько я пролежал так. Меня привезли и привели в чувство; но, помнится, переломов у меня не было и боли не ощущалось. Проживши же у этого хозяина до известного срока, мне не пришлось долее оставаться у него, так как хозяин нашел меня неспособным к его делу.

Вспомнил я еще, — сказывал старец, — что когда жил мальчиком в Беловодске³ у Поштаркиных (может быть, у упомянутых сейчас хозяев), послал наш хозяин на ярмарку приказчика и меня с ним. Время было зимнее. Нужно было проехать сорок верст. Утром была оттепель и таял снег, а к вечеру сделался мороз. Лошади шли шагом, и я больше шел пешком. Ноги у меня промокли, и потому садиться уже было нельзя. Так мы доехали до места и распрягли лошадей. Взошел

³ Заштатный город, а с 1860 г. — слобода Старобельского уезда.

я на квартиру, стал разуваться, ноги вытащил, а чулки примерзли к подметкам. Ноги мои после того стали как в огне, но я не чувствовал никакой боли, и даже во всю мою жизнь ноги мои не болели».

Вот как Господь хранит людей и подает Свою помощь там, где она нужна.

В том месте, о котором выше упоминалось, жила старшая сестра Иоанна по имени Александра. Принимая в нем участие, она попросила стоявшего у ней на квартире некоего елецкого купца Кожухова, чтобы он взял ее брата с собой и определил куда-либо к месту. Тот согласился и увез его в Таганрог. Там определил его к одному хлеботорговцу, который также нашел Ивана неспособным к торговле. Была у него и бакалейная лавка, и винный погреб, где также Иван оказался лишним человеком. «Тут я, — передавал старец, — научился есть маслины, которых в лавке было много, и маслины были хорошие, а до того времени у меня от них открывалась рвота, а как привык, стал уже и без хлеба есть. Так, бывало, целый день и жую их. И разные сласти ел сколько хотел; только все бывало тайно.

Квартира нашего хозяина от лавки была далеко, и потому приказчики, оставаясь в лавке, посылали нас, мальчиков, туда за пищей, а сами, бывало, вино пьют. Помню, раз послал меня главный: «Ванька! Иди за пищей». Взяв судки, я пошел, а было это очень поздно вечером. Не знаю, как я на дороге присел и заснул. В лавке меня ждали-ждали, так и не дождались. А я утром очутился в полиции. Хозяин меня выручил, но ни судков, ни сапогов на мне не оказалось. Не помню, что мне за это было; но только после надо мной смеялись. Кормили у этого хозяина хорошо, одевали и обували, но денег я не зажил. И хозяин отпустил меня за мою неспособность к делу, не дав на дорогу ни копейки.

Взяв с собою несколько хлеба, — продолжал рассказывать старец, — я пошел пешком до Ростова-на-Дону. Дорога глухая. Тут ехали на волах чумаки; и я к ним пристал. Хлеб у меня вышел. Станут они кормить волов, наварят каши и меня посадят с собой. Мне бывало стыдно с ними обедать, а как наемся, станет очень весело. Так я доехал с ними

до Ростова. Они далее по своей дороге поехали, а я по своей пошел опять пешком до Новочеркасска.

Тут жил мой двоюродный брат, протодиакон Ипполит Никанорович Данилов, но я лично не знал его. У него такой был сильный бас, что я с того времени во всю мою жизнь не слышал таких голосов. Пришедши в город, я подошел к одному колодцу, к которому люди приходили по воду. Неподалеку от него была церковь, в которой шла обедня. Слышу служащего диакона. Говорит ектению, и все до слова слышно, как будто я стою около него. Подумал я: это — самый мой родной. Однако я ни у кого не спрашивал про него, где он живет, а стал у дверей церковных с намерением, как он выйдет из церкви, идти за ним. Передавали мне, что он очень большого роста.

Между прочим, около колодца были какие-то женщины с горячим хлебом. Продавали ли они его или принесли поминать кого в церкви, не знаю; а я был голодный — несколько дней ничего не ел, потому что хлеба у меня не оставалось ни куска и денег не было ни копейки. Так я шел от Таганрога до Новочеркасска и нигде не просил денег на хлеб, разве кто, бывало, сам даст, и потому шел дня по два голодный. Одна женщина и говорит другой: дай ему целый хлеб; он, может быть, бедный сирота. Та подала мне. Я поблагодарил и стою в ожидании, когда выйдет из церкви диакон.

Вот он вышел, и я пошел за ним молча. Дошедши до своего дома, он прошел в ворота, а я сел около ворот и жду, когда кто-либо будет мимо проходить, чтобы спросить, где Ипполит Никанорович живет. Немного погодя идет человек. Спрашиваю. Отвечает: “Да ты около его ворот сидишь”. Тут я смело вошел в калитку и увидел своего брата, который, расспросив и узнав меня, от радости заплакал. Позвал жену, и радости конца не было. Расспрашивал меня о делах моих и величал меня по отчеству: “А! Иван Ефимович Литовкин! Кого я вижу!”

Между тем начали готовить обед; мы же с братом все время до обеда проводили в разговорах. А у меня все на уме: хоть бы поскорее поесть подали, а что хочу есть и долгое время не ел, сказать было стыдно. Когда же они

подали пищу, я затрясся от радости, но благоразумие заставило меня несколько повоздержаться из опасения, как бы от неумеренности не случилось в гостях рвоты и еще как бы не узнали, что у меня нет ничего — ни хлеба, ни денег. Впрочем, поживши у родных моих и ознакомившись с ними, может быть, я и сказал о сем — не помню.

Отец диакон водил меня по главным церквям города Новочеркасска, показывал разные тамошние святыни и замечательные памятники, знакомил меня с горожанами, и я стал известен чуть не всему городу. Некоторые начали приглашать меня и на чай, хотели и вином угощать. Но меня Господь сохранил от страсти винопития. После прежней моей трудовой жизни мне тут стало очень хорошо, но сколько я прожил здесь, не помню.

В бытность мою у отца диакона стали при мне ездить к нему отец, саном священник, и мать жены его из какого-то села — имения одного богатого помещика, который сам постоянно жил в Новочеркасске, а в имении был управляющий. Отец диакон стал говорить им, нельзя ли доставить меня до моей родины. Нашли наконец оказию; а я ничего и не знал. Говорят: “Хочешь, проводим тебя?” Я очень обрадовался, так как у отца диакона мне стало уже скучно. Но я думал, что хотят проводить меня пешком или на одной деревенской лошади. Вдруг отворяются ворота. Смотрю, въезжает тройка хороших лошадей, запряженная в карету. Сбруя блестит серебром. Кто-то к отцу диакону приехал на барских лошадях. Я люблюсь на все это, а меня зовут: “Ваня! Где ты? Вот тебе оказия!” Я думал, что надо мной смеются; ан и вправду. “Садись, — говорят, — вот тебе письма к отцу и прочим родным”. Собирать у меня было нечего. Сажусь. Хлеба мне на дорогу не дают, а до села, куда настроены были меня отправить, верст сорок.

Кучер по городу ехал не очень скоро, а как выехал за город, отвязал колокольчик, немного оправился и говорит мне: “Ну, брат, теперь держись!” Быстро поскакали лошадки и к обеду доставили меня на место. Село небольшое, но чистенькое. Большой барский дом, двухэтажный или трехэтажный, не помню. При нем огромный сад. Высадили

меня из кареты. Вышла вся дворня навстречу. Были ли тут господа или одни лакеи, не знаю, потому что одежда на всех была одинаковая. Затем отвели меня к священнику, тестю голосистого новочеркасского протодиакона. Тут меня приняли, расспросили и накормили.

Священник повел меня показать мне свою церковь. Она была как простая хата; покрыта соломой, но внутри хорошо — чисто и святые иконы, хотя простые, но хорошие. Колоколов, кажется, было только три. Священник спросил меня: “Читать и петь умеешь?” Отвечаю: “Я мальчиком пел”. Он и рад был этому. “Ну, говорит, ходи к церковным службам читать, и петь, и кадило подавать”.

Служба церковная была только по воскресным и праздничным дням, а в прочие дни свободно было мне гулять куда хочу. За чтение же и пение люди начали осыпать меня похвалами, чем я, по своей неопытности, увлекался. Приглашали меня в гости, и в господский дом звали, и потчевали вином. Но вина я и не пробовал. От сего Господня сила невидимо ограждала меня, потому что без Божией помощи человеку на земле невозможно избежать греха. Много зависело и от воспитания меня. Да, видно, еще родители мои и по отшествии от мира сего на том свете молились за меня, а то я не устоял бы. В господском доме увидели, что удовольствия им от меня нет, а потому и оставили меня в покое. А я, бывало, сижу себе в доме: то почитаю, то пошлют куда сбегать, не отказывался.

Когда жил я у этого священника, дочь его, девушка или вдова — я не любопытствовал, — вздумала однажды погадать. Пригласила она меня посидеть с нею до полуночи, так как одной ей сидеть в комнате было скучно. Поставила она перед собою зеркало, а по сторонам две свечи, меня же посадила сзади себя. Смотрели мы оба с нею в зеркало сначала бодро, а потом и дремота стала одолевать. И вдруг что-то ей или мне представилось, и такой напал на нас страх, что она не могла больше сидеть, встала и пошла и меня отослала спать, а после она говорила, что увидела будто бы своего будущего жениха.

Так продолжалась жизнь моя не помню сколько. И так было я привык тут, что хоть бы и навсегда оставаться. Я и думать забыл, что мне должно отправляться

на родину, так как жить было хорошо. Но хозяева мои сами стали думать об этом. Нашли каких-то мужичков на лошади и отправили меня до Каменной станицы Войска Донского, а затем и до моего села Городища. Из всех моих родных я застал там в живых только одну сестру моего отца Анисью Литовкину. Жила она в селе черничкой⁴ при старшем брате моем Симеоне Ефимовиче. От роду ей было лет пятьдесят. Потом она поступила в Борисовскую женскую пустынь к моей сестре, вышеупомянутой матери Леониде; там и скончалась. При свидании со мной тетушка моя очень обрадовалась. Стал я расспрашивать ее, где брат Симеон. Она с горькими слезами рассказала, что худые товарищи развратили его: стал пить, в карты играть, охотой заниматься, накупил собак — и прожил все имение. Жена ушла от него к своим родителям, а сам он нанялся в солдаты. Между прочим, он был очень дельный. Сказывали, что у полковника был писарем и однажды потерял казенные деньги, но полковник его простил. А потом он еще что-то набедил⁵ и даже из солдат убежал, но его поймали, прогнали сквозь строй и сослали в Сибирь.

И так мы с тетушкой поскорбели и посоветовались. Дел на родине никаких не было. Дом родительский большой опустел. Я даже в нем и не был, а только посмотрел на него, и не знаю, кто там жил. Выхлопотал пачпорт и отправился пешком опять в Ростов⁶. Там к хозяину не пришлось мне поступить, а нанялся я на поденную работу: мешки носить, должно быть, пуда по четыре, пшеницу сушить и еще что-то. Цена была по рублю в день. Деньги получали не каждый день, а за неделю. Квартира и пища — свои. В гостиницу заходил чаю напиться: платил только за воду, а чай и сахар — свои. Пища в харчевне была порядочная. По воскресным дням я всегда ходил к обедне.

⁴ Девушка, отказавшаяся от замужества ради служения Богу. Живя на селе, чернички вели благочестивую жизнь, рукодельничали, учили чтению, участвовали в похоронных обрядах и т.д.

⁵ Набедить (*простореч.*) — натворить, наделать бед, напроказничать, испортить.

⁶ Ростов-на-Дону.

Поживши так несколько времени, стал я просить маклера, чтобы поискал для меня место, и, конечно, за это платил ему деньги. Место нашлось в Ставрополе. Приехал туда. Ставрополь был весь в садах. Меня приняли в железную лавку на один год. Хозяин был из старинных солдат. Жена его простая. Не помню, дожил ли я у них до срока, но только и здесь оказался неспособным. Вот какой я был по своей лени! Нигде не уживался. Денег заплатил только на дорогу. Впрочем, я сам и не просил, а сами хозяева рассчитывали по своему соображению.

Хорошо было для меня то, что и здесь не препятствовали мне по праздникам ходить в церковь. Пение было хорошее. Как побываю у всенощной и обедни, так и все горе забуду.

Затем я начал искать случая возвратиться назад в Ростов. Какой-то добрый человек принял во мне участие, сожалел, что в такую даль взял меня хозяин только на один год, и искал для меня оказии. Помню, шли мы с ним однажды по улице. Он и вздумал утешить меня, скорбного. Завел меня в винный погреб и предложил мне выпить винца. Вино там дешевое и называлось чихирь. Оно, как квасок, очень сладкое и приятное. Я было отказывался, потом выпил стаканчик. Вышли мы из погребка. Иду я и чуть было не упал — проводник поддерживал меня. И я все шел и спотыкался. Тут я в первый раз по опыту узнал, как пьяные падают. Но Господь сохранил меня, и я с того времени боялся и пробовать вино, чтобы не привыкнуть. Мед пил, и вообще сладкое любил, а горького не любил.

Оказия для меня наконец нашлась. Какой-то армянин из Нахичевани приехал в Ставрополь на двух подводах, накупил картофель и возвращался восвояси. Картофель там был очень хороший, крупный и вкусный, и притом дешевый. Я доселе нигде не встречал такого картофеля, а в Ростове и Нахичевани был очень дорог и продавался на вес. Армяшка, чтобы доставить меня до Ростова, помнится мне, взял с меня два рубля. А так как картофеля на обеих лошадях нагружено было много, то и приходилось в ином месте присаживаться, а то и пешком идти. Погода была летняя, хорошая. Доехали мы до Аксая, станицы на Дону. Но вот поднялся сильный ветер с моря, и вода морская наполнила Дон.

Тут был казенный перевоз, но по случаю наводнения казаки отказались перевозить. Армянин и предложил мне поехать с ним до Ростова берегом. Поехали, а уже был вечер. Вода же из моря стала все более и более прибывать и уже вышла из берегов. Я предложил армянину возвратиться к перевозу, где были казармы для казаков и где можно было переночевать, но он не согласился.

Вода поднялась по брюхо лошадям, и потому им уже неудобно было везти груз. Я в одежде весь был мокрый и решил один вернуться к казармам. И хотя армянин просил меня не оставлять его, говоря: “Иван! Грех тебе будет”, но я все-таки ушел и не знаю, что с ним было. Когда же я шел назад, вода была мне выше пояса, но я все-таки добрался до казарм, хотя очень поздно, когда некоторые казаки уже спали, а некоторые были на карауле. Тут я в казармах как был весь мокрый, так повалился и заснул; согрелся и к утру весь стал сухой. Но как же я крепко и сладко спал, что после и на пуховиках не приходилось спать с таким удовольствием!

За ночь наводнение кончилось, и казаки перевезли меня через Дон. Затем в Ростов пришел я уже пешком и опять нанялся на поденную работу по одному рублю в день. По праздникам же я был свободен и ходил в храм Божий к службам церковным. Помню, в одной церкви священник говорил всегда проповеди, и меня это очень утешало. Но потому ли, что я ни с кем не имел близкого знакомства, или просто по наваждению вражью, стала находить на меня такая скука, что я даже желал себе смерти. Несколько раз ходил к устроенной на Дону купальне, имея при себе большой камень; думал привязать к себе камень веревкой, затем бросить его в Дон и самому броситься за ним, чтобы не вытащили из реки живого. Но похожу-похожу по берегу, и станет страшно. Так милосердый Господь не попустил врагу погубить меня. В иной раз поговую, исповедуюсь, приобщусь Святых Христовых Таин, и от сего получал от Господа помощь и облегчение.

Еще Господь сотворил со мною милость. Носили мы вдвоем доски с плотов на Дону, а на этих плотях бывали такие места, что человек мог провалиться в воду. Вот мы двое несли однажды тяжелую доску. Я как-то оступился и прямо как

камень погрузился в Дон. Картуз мой поплыл, а меня, как пробку, выкинуло со дна. По-человечески это дело совсем невозможное: Ангел Хранитель спас меня, и я даже испуга не почувствовал тогда.

Было со мною вот еще какое искушение. Все мы, рабочие, имели квартиры дешевые в больших помещениях; ночевали человек по сто. Тут в ночное время горел свет. Из рабочих кто играл в карты, а кто чай и вино пил, а я однажды снял с себя одежду, в которой были у меня деньги и пачпорт, положил себе под голову и заснул. Утром проснулся, хватъ — а денег и пачпорта нет. Заявили было о сем полиции, но и полиция не помогла. Сказали: лучше уходи без пачпорта, а то по этапу погонят.

Денег у меня не было ни копейки, и заработать не имел возможности, потому что без пачпорта на работу не принимали. Думаю: пойду опять пешком домой, а идти около трехсот верст. И вот пошел я уже глухими, проселочными дорогами, дабы не поймали и не сочли за беглого. Приду в какую-либо деревню, попрошусь ночевать; пустят и пачпорта не спросят. Потом начнут ужинать, узнают, что у меня хлеба нет, скажут: садись с нами. Накормят, постелят постель, и я сплю, бывало, всю ночь покойно. Утром встану, хозяева и за ночлег не требовали, а вместо того еще накормят на дорогу. Хохлики — простой народ, голодного не отпустят. И я иду, бывало, уже до вечера, не евши. Так и добрался опять до родины без копейки.

Тут я взял пачпорт и опять отправился в Таганрог, где определился к маклеру по фамилии Рафаилову. У этого хозяина пожил я года три хорошо: сдавал от него в разные конторы пшеницу, которую привозили хохлики на волах, по несколько тысяч пудов в сутки. Там были и греческие конторы, в которых хохликов обвешивали. Бедные хохлики, бывало, плачут, так как при таком огромном количестве пшеницы нельзя было ее всю вдруг сдать, а жить в Таганроге очень дорого и сена нет — кормить волов нечем. В этом деле я — похваюсь — никогда не ошибался в арифметике.

Хозяин Рафаилов, у которого я жил и служил, был человек очень религиозный и любил ездить к обедне, хотя церковь была

очень далеко. Бывало, с вечера скажет: “Разбуди меня, вели запрячь лошадь, и вместе поедem молиться”. Так случалось часто. Не запрещал и одному мне ходить к утрени и обедне, а вечером ходить в церковь нельзя было мне, потому что до одиннадцати часов ночи приходилось сдавать пшеницу в конторы.

Такая здесь моя жизнь как будто была для меня началом моего поступления в монастырь, о чем, впрочем, я еще никогда и не думал. Но тут уже враг диавол начал расставлять для меня свои сети: начали звать меня на места в богатые конторы и предлагать хорошее жалование, а тут еще и гулянья, в особенности летом.

Замечу, — говорил старец, — что у хозяина Рафаилова в летнее время дела было много, а осенью мало; зимой же и совсем нечего было делать. И вот он предложил мне однажды отправиться на зиму в село, место глухое, где у него взята была на аренду мельница. По склонности к уединению я и рад был пожить в тишине. Отвезли меня туда. Там нанят был хозяином мельник-хохол, который почти все вновь на мельнице устраивал, а потому и там никакого дела не оказалось. Мельник оказался строгой жизни, как монах, и постоянно был обложен духовными книгами, которые брал у дьякона своего села. Была у мельника и жена-старуха, а детей не было. Как мельник, так и диакон вина не пили; а священник был пьющий. Служба церковная, конечно, была, как и во всех селах, только по праздникам.

Вот мы с мельником, бывало, утром и пойдем в церковь и в ожидании богослужения читаем книги, пока начнется утренняя, а затем и обедня. Я читал и пел в церкви. Только священник, по своей немощи, не всегда по праздникам готов был к служению. Тогда диакон сам отправлял утреню, а народу бывала полна церковь. Затем позвонят по обычаю к обедне, но от священника придут и скажут, что он нездоров. Диакон начнет отправлять часы и вообще что для него можно.

Из крестьян молившихся мало кто понимал устав церковный, а выходят, бывало, из церкви с большою радостью и между прочим говорят: были у обедни.

Пойдем, бывало, и мы с мельником домой. Чай и сахар у нас был, а самовара не было. Я прилачился так: в новом горшке вскипятим воду, а в чугушке заварим чаю, сядем вдвоем с мельником и пьем чай. Тут у нас и духовные разговоры бывали. Потом пообедаем. Не помню, что особенное я делал там. Но вот пришел Великий пост, и мы по обычаю с диаконом отправляли службы церковные, а священника во все это время я и не видал.

Настала Страстная седмица. Диакон ходил каждый день в церковь и читал Евангелие. Народу и в эти дни была полна церковь мужчин, женщин и детей. В последние дни и священник приходил. И я говел и причащался Святых Таин. Затем пришла и Святая Пасха. Священник в первый день служил, а потом ходил по домам с иконами. Диакон же каждый день отправлял обедницу, и молившихся всегда был полон храм. По обычаю ежедневно во всю неделю был колокольный звон, и нам было очень весело. По наступлении же лета хозяин Рафаилов опять взял меня в Таганрог».

Давно Иван Ефимович не видался со своею сестрою, вышеупомянутою схимницею Леонидою, которая жила в Борисовой женской пустыни. Давно он не имел о ней никаких сведений. Также и она о нем ничего не знала, жив ли он или умер.

«Но вот неожиданно, — сказывал старец, — сестра прислала мне письмо с предложением: не желаю ли я поступить в монастырь, и именно в Оптину пустынь, где прославился святостию жизни старец иеромонах Макарий. У меня было такое желание, и притом желание горячее, но потом остыло, и я стал было увлекаться мирскими прелестями. Между тем хозяин мой стал жаловаться, что дела его идут плохо, и потому я оказался для него лишним человеком. Тогда опять возгорелся во мне огонь духовный, и я решился идти пешком к сестре в Борисовскую пустынь и в Киев. Хозяин нашел было для меня хорошее место, но я решительно отказался и на другой же день вышел один из Таганрога.

Дорога для меня была неизвестна, и наступала осень. Я, как неопытный в ходьбе, хотел скоро дойти до намеченной цели и потому в первый день сделал большой переход. Шел

даже ночью один. От усталости приходилось садиться для отдыха и крепко засыпать. Но, дабы не забыть направления, в какую сторону мне идти, я клал подле себя палку, которая одним концом и указывала мне путь. Проснувшись, посижу, опомнюсь и по указанию палки опять иду далее. И так я добрался, не помню, до какой-то деревни. Приняли меня в один дом ночевать чуть ли уже не после полуночи. Поспал, но не хотелось долго медлить. Утром встал и опять пошел, но от сильной усталости едва мог переступить с ноги на ногу. Вышел из деревни на большую дорогу, смотрю: едет один порожнем, попросил его подвезть, дал ему десять копеек, и он в два часа доставил меня до станции, проехавши двадцать верст. Ноги мои отдохнули, и я возблагодарил Господа за Его скорую помощь.

Скоро я добрался до монастыря, называемого Святые Горы, в Курской губернии. До этого времени я, грешный, курил табак, а пред монастырем совсем бросил курить. В этой обители я поговел и причастился Святых Христовых Таин. Это был первый монастырь, который мне пришлось посетить в первый раз в жизни. Прежде отроду не бывал ни в одном монастыре».

В этом ли монастыре долго гостил Иван Ефимович или после того сходил в Киев, неизвестно; но только пришел он к сестре в Борисовскую пустынь уже к празднику Рождества Христова. «Как увиделись мы с матерью Леонидою, — рассказывал старец, — то радость эту и описать трудно. Но тут после этой радости последовала и скорбь. В это время была у них очень строгая игуменья Макария, которая запрещала сестрам принимать в свои кельи мужчин, хотя бы то были родные, отец или брат; исключения не было. Потому для свидания со мною сестра должна была ходить на гостиницу, а она уже несколько лет была больная и не могла выходить из своей кельи. Приду, бывало, к ней, повидаемся на крыльчике, да и только.

Долго пришлось мне погостить здесь, потому что вышел срок моему пачпорту, и я послал на родину просьбу о высылке мне нового пачпорта, но почему-то долго не высылали. Потому пришлось нанять квартиру в ближнем к мона-

стырю селе Борисовке и прожить здесь немалое время. Днем я ходил в монастырь для свидания с сестрой и пребывал на гостинице, а ночевать возвращался на квартиру. Затем, по получении пачпорта, заручившись рекомендательным письмом от борисовских стариц, бывших в близком общении с оптинскими старцами, я прибыл в Оптину пустынь незадолго до масленицы. Это было в 1861 году.

Пришедши к старцу батюшке отцу Амвросию, я подал ему чрез его келейника письмо. Батюшка позвал меня. И как он имел обыкновение иногда с приходившими к нему пошучивать, то и со мною заговорил по-хохлацки: "Виткиля⁷ ты прийшов, хохлик?" Я рассказал. Узнав мое имя, батюшка и говорит: "Ну, Иван, ночуй на гостинице, а после обеда приходи к нам со двора снег счищать". Так я каждый день и ходил к нему. Приду, а старец скажет келейнику: "Напой хохлика чаем, и затем пусть снег со двора счищает, а обедать пусть ходит в монастырь".

Не помню, сколько дней я так прожил. Но вот настала масленица. Батюшка и говорит мне: "Иди к архимандриту". Настоятелем в то время был уже глубокий старец, приснопамятный архимандрит Моисей (Путилов). Пришел. Настоятель лично принял меня, начал расспрашивать меня о многом и долго говорил; наконец сказал: "Ну, иди к старцам, как они там решат". Возвратился я к батюшке отцу Амвросию, а он послал меня к скитона начальнику иеромонаху Пафнутию⁸. Тот дал мне такое решение: "Завтра приходи к нам в кухню помогать".

Помню, поступил я на это послушание в среду на масленице. В прежнее время в скиту во всю масленицу каждый день пекли блины. Думаю: каждый день блины, а чай пить по субботам и воскресеньям батюшка отец Амвросий говорил, чтобы приходиться к нему; значит, можно жить. Но вот настал понедельник первой недели Великого поста, когда в скиту бывает сухоядение — пищи никакой не варят, а дается братиям хлеб, квас, огурцы, грибы соленые и подобные продукты,

⁷ Откуда.

⁸ См. о нем примеч. на с. 59.

и то уже около двух часов пополудни; я зауныл — трудно показалось. Пришел к батюшке, он и спрашивает: “Ну что? Как?” Говорю лицемерно: “Хорошо”, — а правду сказать стыдно.

Между прочим, прожил я на кухне пост, Пасху и весь мясоед. В последнее заговоренное воскресенье вечером, после братского ужина, стою я в кухне и ем яичницу. В этот день, и только раз в год, полагается в скиту готовить для братии яичницу. Подошел ко мне сзади скитоначальник отец Пафнутий и говорит: “Завтра, брат Иван, переходи к отцу Амвросию в келейную”. А у меня рот замазан был сметаной. “Простите, — говорю, — батюшка, я все ем”. — “Ну что ж, — сказал начальник, — ешь и пей, да только дело разумеи”.

С тех пор я и начал жить келейником у батюшки отца Амвросия. Но вначале напала на меня скука. Враг стал смущать меня, чтобы из Оптиной перейти в Святые Горы. Представлялось, что и служба здесь нехороша, а в Малороссии лучше, что и поют москали не так. Каждый день говорил о сем батюшке, а скука все не проходила. Но вот начался покос. Вместе с другими братьями по благословению батюшки я ходил каждый день с граблями убирать сено. По окончании покоса шел я в скит, и по дороге вместе с братьями подошел я к Жиздре и купался. Вероятно, я был потный и потому простудился. Открылась горячка. Тут и скука прошла. Верую, что освободился я от скуки по молитвам батюшки отца Амвросия.

После того враг навел другое искушение — стал влгать помыслы: какая тут монашеская жизнь? На Афон было погнало, но по молитвам батюшки и это искушение прошло. Еще искушение — ел помногу и часто тайно, а от этого болел. Батюшка говорил мне: “Эти болезни у тебя от сластолюбия и чревобесия. Молись так: «Господи, отстави от меня путь неправды». И еще молись мученику Вонифатию⁹”.

Был, помнится мне, такой случай: ездил батюшка отец Амвросий кое-когда летом на монастырскую дачу для отдохновения и меня брал с собою для послужания. Приехал

⁹ Святой Вонифатий Римский, Тарсийский претерпел мученическую кончину в 290 г. Ему молятся об избавлении от различных страстей, особенно винопития.

к нему из Троицкой лавры иеромонах Александр¹⁰. Было время обеда, и они вдвоем кушали, а я пищу подавал. Зашел у них разговор про одного послушника, который сначала жил в Оптиной, а потом перешел к ним в лавру. Слушая ихнюю речь, я и от себя прибавил: “Да он то и то делал”. А гость, отец Александр, обратившись ко мне, сказал: “Да он лучше тебя”. И мне стало стыдно. После, проводивши гостя, батюшка и говорит мне: “Вот он смирил тебя, а то сам-то ты плохо смиряешься: все вмешиваешься, когда старшие говорят”. Впрочем, батюшка по своему смирению никогда, бывало, ни в чем не обличит, а если сам начнешь что-либо говорить о себе, тогда и он скажет слово на пользу.

Так я жил у батюшки келейником и все жаловался: “Ем, батюшка, и все голоден”. На это старец сказал: “Ну, мы тебя определим в кухню, там, может быть, наешься, и противно станет”. Действительно, повар куда-то уехал, и батюшка послал меня в кухню как бы в наказание, а я и доволен был этим. Когда же повар возвратился, меня опять батюшка взял к себе в келейную. И с того времени я уже был при батюшке неотлучно.

Хотел было сходить в Киев, но батюшка сказал: после сходишь, а теперь неудобно.

И так я жил до самой смерти старца и видел, как он трудился: долгое время был больной, иногда едва ходил по келье, а посетителей все-таки принимал, большею частью лежа на койке».

Всех лет старец Иосиф пробыл келейником у старца иеросхимонаха Амвросия тридцать. Во все это время отец Иосиф всегда отличался кротостию и беспрекословным послушанием. И хотя он по смирению считал себя ленивым и нерадивым, однако на самом деле проводил время в непрерывных трудах: ежедневно готовил для болящего старца Амвросия пищу, нередко наряду с прочими скитскими читал в церкви Псалтирь по братиям и благодетелям, приходил в храм Божий к Литургии, становился на левый клирос и подтягивал певчим легеньким баском. К прочим же

¹⁰ См. о нем на с. 64.

службам, вечерам и утрням, ему неудобно было ходить, так как нельзя было отлучаться от старца Амвросия. Поначалу у старца Амвросия было два келейника — описываемый отец Иосиф и отец Максим (впоследствии иеросхимонах Михаил)¹¹. И так как при старце Амвросии посетителей было очень много, и монахов, и мирян, то келейники должны были ежедневно беспрерывно принимать посетителей, доводить их до старца и затем выпроваживать вон.

Келейникам, таким образом, приходилось быть как солдатам на часах. Труд этот они делили между собою поочередно. И вот когда дежурит отец Иосиф, то отец Михаил как способный по хозяйственной части находил себе дела по хозяйству. А когда дежурил отец Михаил, отец Иосиф как не склонный к хозяйственным делам затворялся в особой келье и занимался чтением святоотеческих книг, а вычитанное имел обыкновение передавать посетителям. Вместе с тем, как с достоверностью можно полагать, он тут же занимался и молитвою, так как сам впоследствии признавался, что под руководством старца Амвросия «получил в себе душевное спокойствие и дар молитвы».

Под даром молитвы разумеется непрестанная Иисусова молитва. Но эта молитва, по замечанию старца Паисия (Величковского), разделяется на две части: на молитву устную, произносимую устами, и молитву умную, действующую умом в сердце. Первая — низшая степень, вторая — высшая, которой достигают весьма немногие, и притом после великих трудов и подвигов. Что старец отец Иосиф проходил устную молитву, в этом сомневаться нельзя, потому что он иногда и среди обыкновенных разговоров шептал: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Об умной же, высокой молитве ничего нельзя сказать. Припоминая наставления старца Амвросия, отец Иосиф говорил: «Батюшка отец Амвросий давал такие наставления: “Приступающему к Господу необходимо себя принуждать силою, хотя бы сердце того и отвращалось; следует нудить себя к любви — и сперва к ближнему, понуждаться к кротости,

¹¹ См. о нем примеч. 166 на с. 60.

милосердию и благоутробию, к молитве — простой церковной службе”. А я, — смиренно прибавлял старец Иосиф, — думал сразу лететь на высоту, а смиряться — трудиться был ленив. Так я и остыл. Думаю: надо лучше по земле ходить, чтобы не упасть да совсем не разбиться».

Иногда батюшка отец Амвросий подшучивал над своим келейником-малороссом. Скажет бывало: «Отец Иосиф как читает?» — «Убыв Копроныма мечэмъ вэры»¹². Отец же Иосиф говорил, что много получал душевной пользы от старца батюшки отца Амвросия, от его смирения, внутреннего безмолвия, нелюбостяжания и любви, которую он имел ко всем. Замечательно и очень назидательно было, что когда старец Амвросий уезжал в Шамординскую общину, он никакого не сделал распоряжения относительно находившихся в его келье вещей, как будто у него ничего и не было. А были некоторые вещи ценные.

В 1884 году 1 октября отец Иосиф сподоблен был иеромонашеского сана и затем в свое время поставлен был начальником Оптинского скита, братским духовником и старцем. В продолжение своей жизни он раза четыре был смертельно болен. Скончался 9 мая 1911 года мирною христианскою кончиною, с молитвою на устах, с напутствием всех Святых Таинств.

¹² копрос — навоз, помет, кал, вообще грязь // Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899. Стлб. 723.

^Константин Копроним — византийский император Исаурийской династии, правивший в 741–775 гг. Сын Льва III Исавра. Суровый император-иконоборец. При крещении будущего императора патриархом Германом младенец Константин испражнился в святой купели. Патриарх Герман предрек через него великое несчастье. Константин же получил прозвище Копроним — «Навозник».

II. Воспоминания скитской братии¹

Старожила, скитского монаха отца Иоиля²

Батюшка Иосиф поступил в скит немного раньше меня. Хотя он со всеми был всегда любезен и кроток в обращении, это его особенность, но со мной почему-то он особенно дружил. Поэтому на общих скитских послушаниях, каковые суть приготовление дров для зимы, [которые] по кельям развозятся на лошадях, чистка сада весной от осенних листьев, собирание яблоков, рубка капусты и т. д., всегда мы трудились вместе.

Как я сказал, что он поступил раньше меня, следовательно, и старше меня, в монастыре старшинство считается не летами, а кто раньше поступил, тот и старший. Невзирая на то, что он старше меня, да притом келейник великого старца отца Амвросия, все же он всегда уступал мне свое, ему принадлежащее первенство, а все сие только может вытекать из сердца смиренного.

Никогда он не завидовал чести другим, например: постригали в рясу и мантию поступивших после его. Я, бывало, спрошу: «Брат Иван ([батюшкино] имя при кре-

¹ Выборочно публикуется по рукописи из НИОР РГБ. Ф. 213. К. 65. Ед. хр. 33. На одном из листов имеется указание: «1916 г. июня 23. Начало собирания разных сведений душе полезных о старце иеросхимонахе Иосифе». Публикуемый текст незначительно отредактирован.

² Иоиль (Токарев; 1839–1920), схимонах. Поступил в Оптину 15 сентября 1865 г., пострижен в монашество 22 июня 1874 г. В скиту исполнял послушания клиросного и пасечника. При постройке Шамординской обители являлся главным доверенным лицом старца Амвросия и присматривал за строительством. Был почитаем всеми и при скитоначальнике старце Иосифе. Он помогал старцу в ведении хозяйства скита и Шамордина. 20 мая 1918 г. принял схиму.

щении), почему же их раньше постригли, ведь ты поступил раньше их?» А он серьезно ответит: «Так угодно Богу, ведь они достойнее меня». Батюшка пел со мной на клиросе, никогда не заводил разговора, как это обычно бывает между певчими. Пел со вниманием, то есть старался понимать смысл пения, по пророку Давиду, *пойте разумно*³.

Сказания рясофорного монаха Стефана, бывшего келейного батюшки⁴

Батюшка Иосиф к утрене вставал всегда сам, потом будил нас, келейных, по монастырскому благовесту. Спал батюшка, или лучше сказать, отдыхал от дневных трудов весьма мало, да и то ложился всегда в одежде: в балахоне, опоясанный ремнем, и в чулках, и с четками на руке. Из этого можно видеть, что батюшка отходил ко сну в молитвенном настроении духа, следовательно, он всегда был настроен в молитвенном духе. Например, во время приема посетителей батюшка всегда имел в руке четки, которые непрестанно перебирал с молитвою. После приема он уходил к себе, ложился немножко отдохнуть до тех пор, пока опять попросят к посетителям. И этот отдых опять проводился за чтением книги, а более за молитвою Иисусовою.

Батюшка имел у себя всегда два келейника. По звонку батюшки утром сходимся и начинаем читать у него

³ См. Пс. 46, 7–8: *Пойте Богу нашему, пойте; пойте Цареву нашему... пойте разумно.*

⁴ Стефан (Фомин; 1884–1966) пришел в Оптину в 1905 г., в 1909 г. поступил в скит. Был келейником старца Иосифа, а после его кончины семнадцать лет келейничал у старца Нектария. В 1917 г. принял постриг с именем Севастиан. Рукоположен во иеромонаха в 1927 г. После закрытия Оптиной и кончины отца Нектария с 1928 г. служил в Ильинском храме г. Козлова (ныне Мичуринск). С 1933 по 1939 г. пребывал в карагандинских лагерях. Освободившись, поселился со своими духовными детьми в пригороде Караганды, где тайно служил в молитвенном доме. С 1955 г. начал служить в храме Покрова Пресвятой Богородицы, в 1957 г. возведен в сан архимандрита. Церковь чтит память преподобноисповедника Севастиана 6/19 апреля и 9/22 августа.

правило: молитвы утренние, двенадцать псалмов, первый час. А батюшка в это время сидя слушает правило и сам творит молитву Иисусову. После этого правила бывает маленький интервал. Мы уходим убирать комнаты в хибарке, вообще занимаемся чем-либо по хозяйству, а батюшка у себя занимается, просматривает письма, отвечает на некоторые деловитые или подписывает кратко тему для содержания письма, которое поступает к письмоводителю.

Батюшка не имел у себя письмоводителей из новоначальных, но достаточно воспитавши [послушника] именно в своем духе, тогда только поручал письмоводство. Как приходилось слышать от духовных детей батюшки, [его] письмоводители точно один дух имеют с батюшкой. Тут видно его отображение, краткое содержание письма, как и говорил он кратко, но в этом кратком содержании всегда говорилось много, именно каждое слово было на своем месте и как бы делалось решающим законом. И все это как говорилось старцем, так и писалось его учениками в духе кротости, смирения, самоукорения, благодушного терпения и преданности воле Божией. Как сам батюшка жил под водительством Промысла Божия, так этому учил своих учеников, так учил и всех обращавшихся к нему за советом.

Показание старшего келейного отца иеродиакона Зосимы⁵

Келейная, внутренняя жизнь батюшки

Батюшка Иосиф вставал к утрени, оказывается, не по звону монастырскому, как это сказал младший келейный отец Стефан, а около трех часов утра. Правила такие, как показано у Стефана: молитвы утренние, двенадцать псалмов, первый час, [затем у нас был] маленький перерыв для занятия по хозяйству, а батюшка оставался один. В этот промежуток иногда приходилось входить в его спальню. Он лежал на койке, одевшись, с четками в руках, и шепотом творил

⁵ См. о нем примеч. на с. 88–89.

молитву Иисусову. Не хотелось выходить от батюшки в это время, так бы и слушал, как он со вниманием молится, как бы никто не входил к нему. И никто не нарушал его моление.

В шесть часов мы снова собирались к батюшке и читали часы третий и шестой с изобразительными. Батюшка слушал правило и вместе с этим сам творил молитвы. Каноны и акафисты по дню. Затем он пил чай — две или три маленьких чашечки. Сахар подавался мелко поколотый, как пить виприкуску. Внакладку батюшка не пил. Подавался маленький кусочек булки, и непременно черствый. Это, вероятно, для того, чтобы не услаждать гортань.

В восемь часов приходил всегда письмоводитель, с которым [батюшка] занимался минут тридцать. Просматривал и подписывал письма, разбирал и вновь давал писцу для ответов. На некоторых письмах он сам делал памятки карандашом, именно как кому ответить. Батюшка иногда отдавал письма для ответа, которые и сам не просматривал, ибо вполне полагался на своих избранных себе по духу письмоводителей, что они ответят именно в его духе. Постоянных письмоводителей у батюшки всегда было двое, которые тоже скитяне, хотя один из них и перешел в монастырь по благословению батюшки года за два до смерти [старца]. Но это не препятствовало ему продолжать свою деятельность у любимого батюшки, то есть ежедневно приходить из монастыря в скит за своим послушанием. Мне говорили письмоводители, как батюшка давал им старые конверты. Надо сказать, батюшка был, где это нужно, экономный, а затем не любил время проводить в праздности. Например, в свободное от занятия время он старые конверты искусно ножичком расклеивал и, выворотив их, снова заклеивал, для чего у батюшки всегда был жидкий клей, или гуммиарабик⁶. В этих вывороченных конвертах [старец] опять посылал письма.

В девять часов утра батюшка всегда начинал принимать посетителей. [Принимал] до одиннадцати часов, иногда и дольше. Затем он обедал принесенной с братской кухни

⁶ Клей из сока акации.

пищей. Когда батюшка был скитоначальником, он всегда ходил на трапезу и сам всегда заправлял пищу. Кушал очень аккуратно, то есть воздержно, ложку никогда не зачерпывал полную, да и то всегда стряхивал, и всегда оставалось половина, а то и меньше. Щи из трапезы брали не каждый день, а иногда сразу дней на пять, а затем разогревали сколько требуется.

До двух часов батюшка никого не принимал. В это время он отдыхал, то есть [либо] святоотеческие читал книги, либо просто лежа творил молитву Иисусову шепотом, то есть только бы слышали свои уши. А иногда и этого не было слышно, но только можно замечать батюшку, молящегося по четкам, которые непрестанно [двигались], но гласа его не слышишь. В таком молитвенном положении я видел батюшку почти всякий день, и это потому, что он дверь свою не затворял.

Когда было нужно зачем-либо войти в комнату или о чем-либо спросить батюшку, в это время я и мог видеть [его] в описанном положении. Я был весьма счастлив, находясь всегда возле молитвенника, который, несомненно, не о своем только спасении молился, а и о присных своих чадах. Так действительна была батюшкина молитва, что многие ощущали на себе [ее] благотворное действие и сами [выходили] от [него] в молитвенном настроении духа. Что я и на себе испытывал многожды раз. Прямо-таки [хотелось] уклониться от всего видимого и суетного куда-либо в закуток⁷ и сидеть, подобно Марии, у ног Сладчайшего Иисуса (см.: Лк. 10, 38–42).

Мужичья праведной жизни носили в себе благорастворенную теплоту благодати Божией. Эта благодать, несомненно, не могла оставаться замкнутой только при себе. Она также благотворно действовала и на приходящих с верою. Возьмем [пример] из физического образа действий. Вы в зимнее время с порядочного мороза вошли в хату, в которой хорошо натоплена печь. Вы вошли даже не с той целью, чтобы встать у печки и отогреться, но случайно очутились возле тепла,

⁷ Закуток, уголок.

и на вас так благотворно подействовало это печное тепло, что вы сразу почувствовали себя другим человеком. Вы оживились и весьма довольны, что вас здесь согрели. Вот точно так [чувствовал себя и] жаждущий наставления от батюшки и молитвенного ходатайства о нем.

После отдыха в два часа батюшка пил чай одну и вторую чашки просто вприкуску без всякого лакомства. Он непременно пил чай в два часа и в этом как бы исполнял послушание своему великому наставнику старцу отцу Амвросию, который говаривал: «Чай пей всегда в два часа. Хочешь или не хочешь, а очередь чайную надо наблюдать». Этим он хотел показать, что все делать следует в свое время, и именно одно.

Около трех часов батюшка опять начинал принимать посетителей до вечерни. Вечернее правило читали келейные братия; батюшка, когда освобождался, приходил слушать вечерню, иногда и сам читал акафист. А когда его просили, то он опять выходил к народу. Чтобы преподать всякому по его желанию, кому только благословение в путь отъезжающим, кого исповедовать, а с кем побеседовать. А некоторые спрашивают о чем-либо на общем благословении, и батюшка кратко всем отвечает по потребности каждого, и [каждый] отходит с благословением и душевным миром, идя в путь, радуясь и славя Бога о получении благодати у милостивого старца.

Вечерня состояла из девятого часа, одной рядовой кафизмы, трех канонов: Спасителю, Божией Матери и святому Ангелу Хранителю, акафиста дню, двух глав Апостола и одной главы Евангелия, которое [батюшка] читал сам. После вечерни [старец] ужинал. [Ужин] состоял большею частью из жиденькой каши, а иногда стакана молока и кусочка белого хлеба. Затем опять батюшку просили, и он занимался часам до девяти.

Около десяти часов читали правило на сон грядущим: малое повечерие, молитвы на сон грядущим. Во время чаепития батюшка давал распоряжения как начальник скита. После правила получали благословение и уходили каждый к себе в келью.

Когда батюшка был начальником скита, то всегда ходил ко всенощной, а раньше даже и сам служил всенощную и в последующий день совершал один с иеродиаконом Литургию. А потом повечерие, и бдение, и проскомидию совершал какой-либо иеромонах. А Литургию батюшка сам совершал, и выходил всегда полусобор⁸.

Батюшка служил не спеша и не тянул, каждое слово произносил отдельно, не сливая одно с другим. Он говаривал: «При чтении в храме надо каждое слово выговаривать до конца». <...>

Последнее время батюшке вычитывали бдение и правило ко Святому Причащению в келье, где [он] и причащался через две недели раз. Батюшка ложился спать всегда в балахончике опоясанный, в чулках и с четками. Говорил он вообще мало, но приходящих посетителей выслушивал с великим терпением, не прерывая говорящего. Как батюшка говорил одному своему письмоводителю: «Чтобы утешить человека в скорби, говорить много не надо, а только дать, чтобы приходящий мог свободно высказаться обо всем, что томит его душу. Внимательно слушать его или ее и посочувствовать высказанной скорби. Это сострадательное чувство непременно благотворно передается скорбной душе, и вот уже скорбное сердце наполовину облегчилось. Да еще прибавить в виде пластыря несколько сострадательных слов, как быть, что надо предпринять, и вот человек вновь готов сражаться за жизнь с новыми силами».

Замечательная у батюшки черта — это ровное ко всем отношение. Не было у него лицеприятия, и благодарность всем за принесенную лепту одинаковая, принесли ли ему тысячу рублей для благотворительной цели, принесли ли ему деревенские бабочки один аршин холста или несколько яиц, всем говорил батюшка: «Спаси Господи». Более он не умел расстилаться в благодарности.

⁸ Полусобор (собор — *здесь*: собрание), то есть половина от служащих Литургию священнослужителей (предстоятеля, священников и диаконов) перед ее началом выходят из алтаря через северные и южные двери на солею, становясь в один ряд перед Царскими вратами, и совершают входные молитвы.

Батюшка учил читать молитву Иисусову непременно по счету, каждая сотня чтобы была тобою понята. Через это ум привыкает ко вниманию, да и сам ты сознаешь, что все-таки творишь молитву, хотя вначале и рассеянную, но это ничего. Вначале бывает так у всех, все начинают какое-либо дело и портят, а затем постепенно исправляют ошибки. Так и в деле молитвы. Твори молитву Иисусову устную со вниманием, а художественную молитву⁹ сам не проходи... <...> Когда сердце очистится от страстей, тогда Господь пошлет молитву благодатную умно-сердечную, аще Богу угодно будет сие.

Устно творимая со вниманием и в чувствах покаянного сердца молитва есть великое делание для нынешних монахов. Только при этом надо всячески вести смиренный образ жизни, иметь крайнее воздержание во всех чувствах и в особенности иметь при этом молитвенном делании чистоту ума и сердца. Над этим у занимающегося или хотящего заняться молитвою должна быть главная работа над собой, для этого [надо] слезно вымаливать милости и помощи Божией, как и Сам Христос сказал: *Без Мене ничего не можете делать* (Ин. 15, 5) — то есть без Моей помощи.

Когда батюшка выходил в хибарку, чтобы преподавать посетителям общее благословение, иногда бывали тут душевнобольные — бесноватые. К таким он вообще близко не подходил, преподавал благословения издали. В одно время батюшка выходит для благословения, а тут была больная душевно. Увидала его, как закричит, забормочет: «Ух какой старый нехороший, чем-то пахнет от тебя!» Батюшка благословил и ушел.

⁹ Речь идет о художественном делании молитвы Иисусовой. «Художественная» молитва буквально значит «искусная», или дополненная различными «художествами», то есть психосоматическими приемами: дыханием, благоговениями, особыми позами, телодвижениями, окружающей обстановкой, помогающими входить в молитвенное состояние. Многие святые отцы не рекомендуют делать упор на такие второстепенные средства молитвы в начальный период обучения, которые могут отвлекать внимание от самого главного на этом этапе — умения останавливать ум и помещать в слова молитвы.

Духовные дети говорили батюшке в последние дни его жизни: «Батюшка, как вам трудно, и болезнь у вас тяжкая, да к этому еще скорби и гонения». А он отвечал: «Ну что теперь делать, надо и мне потерпеть, а то ведь я двадцать лет учил терпению и смирению других, а вот теперь пришла и моя очередь».

Общие черты батюшки — это ко всем нелицеприятная любовь, смирение неподдельное, кротость удивительная, терпение благодушное. Батюшка был очень воздержный в принятии пищи, питии, словах и сне. Более пяти часов в сутки он не спал.

Скитский монах отец Иларион

Я пришел в Оптину пустынь не с полным своим решением о поступлении в обитель, имея великую веру к старцу отцу Иосифу. Поэтому, всецело полагаясь на его совет и благословение, прихожу к старцу и спрашиваю: «Как, батюшка, благословите мне поступать в монастырь или погодить?» Старец сказал: «Бог благословит тебя, поступай». И слово старца для меня последовало законом.

Жизнь моя шла обычным порядком, как у обычного рядового послушника. Веря в Промысл Божий, [полагаю,] что на меня за грехи мои пало поущение. Послушание мое было на кухне, где часто приходится быть от жары потным, и в таком состоянии [надо] опускаться в ледник за какими-либо съестными приготовлениями, например квасом и т. д. В одно время я почувствовал себя очень слабым, так что работать уже был не в силах. Несомненно, подействовала на меня резкая смена температуры... <...> Значит, несомненная простуда, которая главным образом особенно повлияла на мое зрение. Вначале я чувствовал в моих глазах легкую ломоту, затем они стали опухать, потекла обильная слеза. Слезы непрестанно текли три дня, отчего на глазах у меня появился гной. Страшная боль, я стал плохо видеть, опухоль почти совсем закрыла глаза, да еще к этому их залепляло слезотечение, так что в расстоянии на два аршина от себя я не мог различать черты человеческого лица. Беру самовар,

чтобы его вскипятить для чая, и я не мог разобрать, медный он или еще какого металла.

Напало на меня огромное уныние, скорбь ужасная о потере зрения. Думаю, пойти к старцу объясниться по поводу болезни, да и боюсь, а ну-ка старец меня прогонит, [за то,] что я уже стал неспособен к работе, хотя таких случаев я ни от кого не слышал, кого бы старец Божий от себя гнал.

Иду к старцу, но не знаю, как начать разговор свой. К моему счастью, вперед меня пришел к старцу один скитский иеромонах, и тот с больными глазами. Слышу, этот иеромонах объясняется и говорит: «Батюшка, нет у вас какой мази для глаз?» Старец сказал: «Ну хорошо», — и пошел к себе. Немного спустя времени выносит он в баночке мазь, говорит: «Вот возьми к себе и там помажешь». А иеромонах говорит: «Батюшка, да вы сами помажьте мне глаза». И [старец] стал мазать прямо пальцем. А я внимательно все это [смотрел] и слушал их объяснение.

В этот день я все-таки не осмелился объяснить о себе старцу. Прихожу на другой день, батюшке доложили. Он скоро взял меня. Я подробно объяснил о бедах своих. Батюшка посмотрел мне в глаза и говорит: «Ну, брат, твое дело плохо, надо тебе лечиться». А я говорю ему: «Нет ли у вас какой мази для глаз? Я видел, вы вчера давали отцу П. мази, быть может, и мне ею благословите полечиться?» — «Ну что же, Бог благословит» [отвечает старец]. Выносит из своей комнаты баночку с мазью, говорит: «На вот, на ночь помажь». А я видел, как батюшка вчера иеромонаха [мазал] сам, вот и я взял смелость и говорю: «Батюшка, мне желательно, чтобы сами помазали мне». Тогда он пальцем достал из баночки мазь, помазал мне веки и так растер. И все-таки дал мази с собой.

Прихожу к себе поздно вечером, чувствую, боли в глазах нет. Ночь спал хорошо. Встаю утром, чувствую, опухоль у меня пропала, течение слез прекратилось, и стал видеть сравнительно лучше. К вечеру этого же дня уже свободно стал читать келейное правило, следовательно, как раз через сутки я совершенно стал зрячим, куда угодно.

Что это такое совершилось надо мною? Другому ничему не могу приписать, как посещению Божию, то есть [произошло] явное исцеление по молитвам дорогого батюшки Иосифа... <...>. Повторялось то, что во время о́но, [когда] Господь Свои слюни смешал с грязью и этим плюновением *помаза очи слепу от рождества, шед в купель Силоамскую, умыся и прозре* (ср.: Ин. 9, 1–38).

Слава дивному Богу нашему, творящему дивная¹⁰ молитвами верно работающих Ему во смирении и кротости!

Иеромонах Иосиф (Полевой)¹¹

Памяти оптинского старца иеросхимонаха отца Иосифа¹²

<...> ...Опишу [случай], показывающий, что покойный старец не лишен был духовного дара.

<...> [Это произошло] в день Рождества Христова, 25 декабря 1910 года, который был для старца последним на земле. Рождественским праздником скитяне, и я в их числе, после Литургии и трапезы в монастыре словословили рожденного Господа и поздравляли с праздником сначала отца скитоначальника¹³, а затем старца отца Иосифа. Выходя из корпуса, в коем жил последний, один из скитян (из интеллигентов) обратился ко мне и к другому из братии и сказал: «Какой у нас благодатный старец! Заме-

¹⁰ См. кондак 6-й акафиста Премудрости Слова Божия: «Еже видевше лю́дие, хвалу возда́ша в вы́шних Богу, творя́щему дивна́я и преславна́я чудеса...»; Ср. Апок. 15, 3: *вели́я и дивна́ дела Твоя́, Госпо́ди Бо́же Вседержи́телю...*

¹¹ Иосиф (Полевой; 1852–1934), иеромонах. Потомственный почетный гражданин Москвы. Поступил в скит 23 июля 1902 г., переведен в монастырь в 1911 г. Пострижен в монашество 18 августа 1913 г., рукоположен во иеродиакона 16 марта 1914 г., во иеромонаха 9 июня 1917 г. Библиотекарь в скиту и монастыре. В 1920–1921 гг. числился в садово-огородном товариществе, проживал в скиту. После закрытия монастыря служил в храме с. Волконского.

¹² Публикуется по рукописи из НИОР РГБ. Ф 213. К. 65. Ед. хр. 33.

¹³ Старца Варсонофия Оптинского.

тили ли, какое у него нынче светлое лицо?» Мы отвечали утвердительно. Действительно, я с удивлением видел, что старец, имевший лицо смуглое, на этот раз светился каким-то особым белым светом. Не следует ли думать, что это было отражением того благодатного внутреннего света, который в этот праздник, столь радостный для христианского сердца, исполнял старца, пребывавшего в молитвенном подвиге?

Когда скончался великий молитвенник земли Русской протоиерей отец Иоанн Кронштадтский [1908 г.], покойный ныне оптинский скитоначальник игумен (впоследствии Голутвинский архимандрит) отец Варсонофий в слове к скитской братии, сказанном по случаю кончины отца Иоанна, говорил, что люди, праведно живущие, отходят в вечность в дни памяти святых, которых подвигам они в своей жизни особенно подражали. Так и отец Иоанн, непрестанным памятованием Господа подражавший носившему Христа в сердце своем священномученику Игнатию Богоносцу¹⁴, почил о Господе 20 декабря, в день памяти священномученика.

Слова отца Варсонофия припомнились мне по случаю кончины старца отца Иосифа. Известно всем почитателям его, что покойный старец отличался духом кротости, и вот Господь судил ему окончить земную жизнь свою 9 мая¹⁵, в день святителя [Николая], которого Святая Церковь в тропаре в честь его именует «образом кротости».

¹⁴ Священномученик Игнатий Богоносец († 107), один из первых епископов Антиохийской Церкви, ученик святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, проповедник. Во время гонения на христиан он открыто исповедовал Христа, бесстрашно выступал против еретиков, за что претерпел мученическую кончину. По указанию императора Траяна пастырь был растерзан львами на арене римского цирка.

¹⁵ По старому стилю.

III. Воспоминания разных лиц¹

Батюшкина] сестра, впоследствии монахиня [Леонида], рассказывала, что маленький Ваня был очень ласковым ребенком. Своей нежной и чуткой душой он как-то умел чувствовать чужое горе, между тем как прирожденная скромность и застенчивость не позволяли ему высказываться. Так он, бывало, когда заметит, что кто-либо из домашних ходит скучный, то все будет тереться молча около этого человека, все будет прижиматься и ласкаться.

На похоронах [матери] маленький Иван в сильной скорби воскликнул: «Царица Небесная, что же Ты делаешь? И сестрица ушла в монастырь, и матушку Ты у нас взяла!» Все присутствовавшие невольно заплакали, услышав излияние этого детского горя, а священник, тот самый протоиерей, провидевший в мальчике будущего избранника Божия, записал эти слова и время. После узнали, что жившая в монастыре его сестра Александра Евфимовна, ничего еще не зная о смерти матери, в этот самый день и час очень тосковала и в легком сне увидела, что по реке плывет гроб с ее матерью, при этом она слышала те же самые слова: «Царица Небесная, что же Ты делаешь...» и прочее.

Когда [Иван начал зарабатывать на жизнь, и] ему случилось совсем оставаться без места, то он нанимался в поденные. «Кто хочет трудиться, — говорил он после, — тот всегда найдет себе дело».

Приходилось ему переносить пятипудовые мешки с мукой и другие тяжести. Однажды он, таская доски с плотов, оступился, упал в воду и стал тонуть, так как попал

¹ Печатается по книге: Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иосифа. Изд. Казанской Амвросиевской женской пустыни. Собственная типография, 1911.

между двух плотов и выплыть было некуда. Но вдруг какая-то невидимая рука точно вытолкнула его на поверхность воды, и Господь спас его от смерти.

В другой раз везли они с хозяином кожаный товар. Ночевать остановились на постоялом дворе; хозяин пошел спать в избу, а Иван остался на возу. Ночью случился пожар, в суматохе про него все забыли, а он от усталости так крепко спал, что ничего не слышал и когда утром проснулся, то не мог сообразить, где он находится, так как кругом все выгорело.

В 1877 году монах Иосиф был посвящен в иеродиакона. Случилось это совершенно неожиданно, и таким образом, когда ясна бывает рука Божия, направляющая пути человека.

7 декабря, в день ангела старца отца Амвросия², отец игумен Исаакий³ служил обедню в скитской церкви, после чего, придя поздравить именинника, остался у него пить чай. Келейники отцы Михаил и Иосиф подавали. За чаем у настоятеля со старцем зашел разговор об одном иноке, которого настоятель хотел представить к иеродиаконству. Старец по известным ему причинам находил это несвоевременным и, как духовный врач, просил настоятеля отложить это намерение, а взамен предложил посвятить другого, более достойного монаха и назвал его имя. В это самое время отец Иосиф стоял около отца игумена с подносом; тот, взглянув на него пристально, сказал старцу с улыбкой: «Нет уж, батюшка, — вы не хотите моего, а я не хочу вашего, давайте вместо тех посвятим отца Иосифа». Старец очень был этим утешен, и отец Иосиф, ничего не подозревавший и не готовившийся к посвящению, оставив свои чашки и угощение, вскоре очутился на дороге в Калугу.

Преосвященный Григорий⁴ принял и обошелся с ним милостиво, но остался недоволен его познанием из катехи-

² В этот день Церковь чтит память святителя Амвросия Медиоланского († 397; память 7/20 декабря)

³ См. о нем примеч. на с. 64.

⁴ Особенно чтимый и доныне всеми калужанами за святость своей жизни. — *Примеч. изд. 1911 г. См. о нем примеч. на с. 65.*

зиса, однако, посвятив 9 декабря в иеродиакона, отпустил с архипастырским благословением и наставлением. Причиною же малознания отца Иосифа было то, что трудное его послушание келейника не давало ему возможности прилежно заняться изучением нужного предмета.

По принятому в Оптиной пустыни обычаю каждый новопосвященный в сан иеродиакона или иеромонаха обязан ежедневно в продолжение шести недель служить Божественную литургию. Но шестинедельной череды своей отец Иосиф по слабости своего здоровья не дослужил: у него сделалось воспаление в правом боку, и он едва не умер, но молитвами старца Господь помиловал его.

Один молодой человек приехал к старцу Амвросию исповедоваться и, ожидая в приемной, когда его позовут, находился в большом волнении и недоразумении, как должно исповедовать свои грехи. В это время в приемную входит отец Иосиф и, подавая ему книгу сочинений епископа Петра [Дамаскина], говорит: «Вот это хорошо почитать перед исповедью». Молодой человек начал читать эту книгу и сразу нашел именно то, что разрешило его недоумение; и только что кончил чтение этой полезной страницы, как его позвали к старцу. Этот случай поразил его.

<...> «Когда вы успевали книги читать при вашем послушании?» — спрашивали [отца Иосифа]. «Да как выйдет свободная минутка, так я сейчас за книгу брался», — отвечал он. «Ну а со старцем когда же вы занимались? Ведь до поздней ночи все был народ, а там правило вычитывали?» — «Во время чая иногда приходилось, а больше, когда приходил на ночь принимать благословение, тут и говорил, что было нужно; да разве много нужно времени, чтобы высказать, что тяготило совесть?» — добавлял смиренно батюшка, показывая этим, что он учился у старца самую жизнью.

Как-то одна из относившихся по благословию старца к отцу Иосифу, видя его слабое здоровье, с тревогой сказала батюшке отцу Амвросию: «Вот если батюшка Иосиф будет

старцем, то, пожалуй, такой же, как и вы, будет болезненный и слабый?» — «Ну что же, ничего, зато смиренный будет, — ответил старец и прибавил: — К отцу Иосифу все мои немощи перешли». <...>

Пищи [отец Иосиф] употреблял очень мало. Удивляясь этому, однажды спросили у него, трудно ли ему было достигнуть такого воздержания или это уже от природы ему дано. Он на это отвечал такими словами: «Если человек не будет понуждаться, то хотя бы он все снеди Египта поел и всю воду Нила выпил, его чрево все будет говорить: алчу!»

<...> Одна особа хотела впутать отца Иосифа в одно неприятное для старца Амвросия денежное дело и угрожала ему. На это отец Иосиф спокойно сказал ей: «Ну что ж, за старца я готов и в острог пойти».

Первая шамординская настоятельница мать София, известная своим умом и преданностью старцу, который, в свою очередь, многое доверял и говорил ей, не раз повторяла: «Уж и любит же батюшка своего отца Иосифа; да и есть за что». Да и действительно было за что: это был истинный послушник, который никогда, ни в каких случаях, ни в важных, ни в мелочных, ни делом, ни словом, ни даже мыслию не противоречил действиям старца.

Его послушание, или лучше сказать, вся его монашеская жизнь воочию подтвердила справедливость того ответа, который дал один афонский старец на вопрос, почему теперь нет старцев: оттого, ответил он, что теперь не стало истинных послушников.

Все великие, как древние, так и современные, старцы были в свое время истинными послушниками. Полным отсечением своей воли и разума, вседушным повиновением и искренним всегдашним самоукорением они достигли блаженного смирения, которое и просветило их сердце благодатию и озарило ум светом разума Христова, отчего и сделались они способными быть наставниками и руководителями других, понимать всякие искушения и душевное неустройство, были опытны

во всем и обладали даром рассуждения. [Преподобный] Иоанн Лествичник сказал: «Не ищи старца прозорливого, но смиренного и опытного».

Прозорливость хотя и присуща почти всем просвещенным Духом Божиим, но сама по себе одна она не служит отличительным признаком святости и высоты духовной. Напротив, одна прозорливость без прочих добродетелей, а особенно без смирения и чистой любви, не только не достохвальна, но прямо вредна и пагубна: она служит признаком не просвещения души, а самообольщения, или, что иначе называется, *прелестью*. Не всякий предсказывающий будущее есть уже святой. Во времена апостолов была девица прорицающая, однако апостолы сочли нужным изгнать из нее духа-прорицателя (см.: Деян. 16, 16–18). И святой апостол Павел определенно говорит в своем Послании к Коринфянам, что можно быть внешним праведником, и предсказывать, и знать все тайны, и творить чудеса, но если при этом не иметь необходимого духа любви Христовой, то все остальное теряет всякую силу и значение (см.: 1 Кор. 13, 1–13). И сколько в истории монашества существует примеров, что великие подвижники и чудотворцы, не быв ограждены смирением, обольщались своею праведностью и через это погибали.

Спрашивали об этом предмете и самого старца Амвросия: «Случается иногда встречаться с человеком, который верно говорит о прошедшем, предсказывает будущее, и сбывается, а между тем за святого его принять трудно, судя по другим сторонам его жизни?» Старец дал такое пояснение: «Верить всем юродивым, блаженным “дурочкам” и тому подобным не следует, хотя бы слова их и сбывались, так как не всякое предсказание от Бога. Враг как дух знает прошедшее и потому может указывать на разные случаи и даже иногда, ради прельщения, и на некоторые грехи. Будущее же ему не открыто, но как дух он также по некоторым нашим мыслям, разговорам и вообще по некоторым признакам может кое-что узнать из будущего и внушить предсказателю. Но при этом, — добавлял батюшка, — отличительное свойство вражеских предсказаний то, что они всегда бывают мрачные, дурные, всегда сулят одни несчастья и всегда приносят одно

смущение в душу. Если предсказывает кто-либо из рабов Божиих по внушению Духа Святого, то хотя и они предупреждают иногда о скорбях, но это сопровождается мирным, покаянным и сокрушенным настроением души».

Почти тот же вопрос задавали впоследствии и старцу Иосифу: «Встречается человек по видимому прозорливый, а между тем чувствуется в нем что-то не то; как узнать, от Бога ли его прозорливость?» — «Узнавать таких людей нужно по смирению, — ответил старец, — потому что враг прозорливость может дать человеку, а смирения никогда не дает, оно палит его самого».

Настало лето 1890 года <...>. [Старец Амвросий уехал в Шамордино.] К старцу [отец Иосиф] ездил один раз в месяц, и батюшка отец Амвросий всегда отечески заботился, чтобы за ним послан был возок. Помещение старца было смежное с настоятельским корпусом, и отец Иосиф, приходя к старцу, не считал себя здесь дома и никогда не входил к старцу, пока не доложит о нем келейник. Приходилось ему и подолгу дожидаться, так как он, по смирению своему, всем уступал. Даже другие монахи, приезжавшие в Шамордино к старцу, свободнее и смелее были, нежели отец Иосиф, и гораздо дольше занимались со старцем. Зато и старец видел и ценил глубокую, беспредельную и самоотверженную любовь отца Иосифа.

Последнее время своей жизни старец Амвросий был нередко очень озабочен и изнурен всеми делами и заботами о неустроенной обители, и часто продолжительные деловые разговоры доводили старца до полного изнеможения, после чего он совсем отказывался от пищи и не мог спать. Не раз окружающие слышали слова старца: «Только после отца Иосифа я могу обедать и спать в свое время». Этим старец хотел выразить, что только один отец Иосиф ничем его не расстраивает; даже о своей скорби о разлуке с ним он никогда не говорил старцу, чтобы ничем его не растревожить. Узнали об этом случайно. Одна духовная дочь батюшки отца Иосифа, видя его очень грустным и печальным, сказала старцу: «Батюшка, как тяжело смотреть на батюшку Иосифа,

как он скорбит без вас!» На это старец ей ответил, глубоко вздохнув: «А он мне об этом ничего не говорит».

Незадолго до кончины старца [Амвросия] прошел слух, что батюшку отца Иосифа хотят удалить из хибарки и поместить в братской келье, в скиту. Многих это очень встревожило, и ему стали говорить: «Что же вы не съездите к батюшке? Дождетесь, пока вас выведут». Но отец Иосиф со свойственным ему спокойствием возразил: «Вот когда велят выходить, тогда и съезжу к батюшке, ведь без его благословения все равно отсюда не могу уйти, а жить мне и в скиту будет хорошо за его молитвы». Так его смирение никогда не боялось никаких притеснений; смиренному везде хорошо, и он на все с радостью бывает готов. Однако старца Амвросия этот слух встревожил, и он посылал разузнать; после этого все смолкло.

В сентябре 1891 года старец заболел. Болезнь сначала сочли за простудную, и никто особенно не испугался. Но батюшка отец Иосиф в Оптиной, в бодрственном состоянии, слышал трижды повторенные слова: «Старец умрет». По обычному своему смирению он никому об этом не сказал и, боясь доверяться подобным откровениям, не придавал этому значения и даже не поехал в Шамордино.

Но 8 октября старцу стало так плохо, что послали за отцом Иосифом. Когда он приехал, то старец от слабости почти не говорил. Он молча указал на исповедную книжку, которую отец Иосиф и прочел с глубокой горестью. Вечером старца торжественно оособоровали, а затем наутро в последний раз отец Иосиф приобщил старца, как это всегда он делал в Оптиной. Нужно было видеть, с каким благоговейным чувством он исполнил эту последнюю службу своему авве!..

В день погребения [старца Амвросия], 15 октября, преосвященный Виталий⁵ наградил нового старца [Иосифа]

⁵ Преосвященный Виталий (Иосифов; 1831–1892), епископ Калужский и Боровский (с 1890 г.). Он не был знаком со старцем Амвросием, но, узнав о кончине старца, владыка, хотя был слаб здоровьем, поспешил

набедренником. После обеда владыка, проходя мимо свежей могилы и увидев около нее толпу монахинь, обратился к ним с вопросом:

— Шамординские сестры, кого же вы теперь изберете себе старцем — наверно, отца Иосифа?

— Благословите, владыко святой, — отвечали они.

— Бог благословит, — сказал владыка.

Еще накануне преосвященный посетил в скиту хибарку старца, очень благосклонно обошелся с отцом Иосифом и, уходя, сказал: «Мы еще увидимся». И действительно, после похорон его неожиданно потребовали к архиерею. Увидя его, владыка приветливо с ним поздоровался и пригласил участвовать в совете, прибавив, обращаясь ко всем: «Отец Иосиф не должностное лицо, но я желаю, чтобы и он принял участие в нашем совете». Оказывая эту высокую честь простому скитскому иеромонаху, владыка этим хотел лишь подчеркнуть его значение как старца.

Как известно, преосвященный Виталий по своему болезненному состоянию ⁶ был иногда раздражителен и вспыльчив. Так случилось и тут. Отец архимандрит Исаакий одним словом, сказанным в пользу Шамординской обители, навлек на себя неудовольствие преосвященного, который разгорячился и резко остановил настоятеля. Маститый старец архимандрит Исаакий видимо смутился, произошло замешательство, все замолчали, не решаясь противоречить раздраженному архипастырю. Но вот встает смиренный отец Иосиф и со свойственной ему непринужденной простотой кротко, но твердо говорит свое справедливое слово, которым безбоязненно поддерживает архимандрита. Все замерли, ожидая бури... Но владыка сразу смягчился и заговорил совсем другим тоном; он признал

в Шамордино, где отслужил заупокойную Литургию и возглавил отпевание. В Оптиной в день погребения он сказал трогательную речь и при участии сорока священнослужителей совершил панихиду.

⁶ Он скончался через год от рака в желудке, в Киеве, в [Троицкой] обители отца архимандрита Ионы (Мирошниченко), к которому всегда питал особенную любовь. — *Примеч. изд. 1911 г.*

справедливость его довода и согласился с мнением архимандрита и старца. Вот черта евангельского самоотвержения: где нужно, отец Иосиф готов был пострадать за правду, но без особенной крайности и нужды никогда из братии не выделялся.

Одна мирская особа, относившаяся к покойному старцу, после его кончины сильно скорбела и недоумевала, к кому ей теперь обращаться: к отцу Иосифу или еще к кому. Сидя раз с такими мыслями в глубокой задумчивости, она, как бы в полудремоте, ясно слышит голос старца Амвросия: «Держись отца Иосифа — это будет великий светильник». Это положило конец ее колебаниям, и она с полной верой поехала к отцу Иосифу и стала к нему относиться.

Дух старцев Амвросия и Макария воскрес в лице отца Иосифа, хотя последний, конечно, имел и свои индивидуальные свойства, но он во всех своих взглядах, поступках и решениях был так проникнут духом своего великого учителя, что действительно становился как бы его отражением. И это-то именно и было дорого в нем, особенно первое время. Для той любви, веры, преданности, какие имели все к старцу отцу Амвросию, было слишком тяжело отдаться другому наставнику. И только одно сознание и уверенность, что отец Иосиф скажет именно то, что сказал бы отец Амвросий, что он решит вопрос непременно так, как решил бы его покойный старец, что от него услышишь наставление, которое он сам некогда принял от старца, — это духовное единение, эта, так сказать, видимая осязательная преемственность великого дара старчества — все это и влекло к нему и сближало с ним постепенно. Даже наружность отца Иосифа стала походить на отца Амвросия, и это чисто внешнее обстоятельство сказывалось в душе духовных детей почившего старца, его таинственное духовное присутствие ощущалось всеми, и нередко, когда старец отец Иосиф выходил на общее благословение, слышались возгласы: «Да это точно сам батюшка Амвросий... как он похож на батюшку!»

При жизни старца Амвросия отец Иосиф не принимал никакого участия в делах Шамордино, но по кончине его <...> он почувствовал такую жалость к этой обители, какой и сам не ожидал, как говорил впоследствии. Он принял, так сказать, на свои руки это детище батюшки отца Амвросия. Настоятельница обители, верная и преданная ученица отца Амвросия, с глубоким расположением стала теперь во всех монастырских делах советоваться со старцем Иосифом, и по-прежнему в обители ничего не делалось без его воли и благословения.

Лишенная зрения игуменья Евфросиния единственную поддержку и утешение находила в старце Иосифе и ему одному поверяла все, что ложилось на ее душу тяжелым бременем. Удивительный пример отношения к старцу являла собой эта настоятельница: сама духовная старица, опытная и мудрая, ровесница по летам и восьмью годами старше отца Иосифа по монашеству, она глубоко смирялась перед ним как пред указанным Богом старцем. Она часто ездила к нему, еще чаще писала⁷ и постоянно в каждом деле призывала его молитвенную помощь наравне с драгоценным именем батюшки Амвросия.

Вскоре отец Иосиф и официально был утвержден духовником шамординских сестер наравне со скитона начальником старцем отцом Анатолием и потому два раза в год Петровским и Успенским постами⁸ приезжал в Шамордино для исповеди духовных детей старца Амвросия, перешедших теперь к нему.

Для скорбных сестер приезды эти служили большой радостью. Его встречали и провожали, как покойного батюшку Амвросия. Такою же тесною толпой окружали они его, так же сопровождали во время осмотра монастыря и так же нежно и усердно заботились о покое того, кто с такою любовью принял на себя все тяжелые заботы о них. Батюшка Иосиф сделался для них вторым отцом; их нужды, их скорби были для него больны, их душевное спасение — дорого.

⁷ Несмотря на свою слепоту, она писала старцу всегда сама карандашом по подложенной линейке.

⁸ В зимнее время сестры ездили к нему.

В Шамордино он никогда почти не оставался ночевать, сколько его ни упрашивали. «Нет, — говорил он, — хоть и поздно, а как-то приятно ехать по той дороге, по которой ездил батюшка и аз с ним». Сколько любви к старцу и глубокой грусти по нем скрывалось в этих словах!..

Но скоро эти поездки прекратились совсем: его слабый организм не выдерживал продолжительного утомления, и однажды, заболев в Шамордине, старец не стал больше туда ездить и даже не видал нового отстроенного собора.

Принимая всех без различия, отец Иосиф всегда отвечал на предложенные ему вопросы, но сам никогда не заводил речи. Раз одна подумала: «Отчего это батюшка сам никогда ничего не скажет?» А старец вдруг, отвечая на ее мысли, говорит: «Вопрошаемый не должен сам говорить, а только отвечать вопросившему!» Один из близких старцу иноков рассказывает, что в начале своего отношения к нему он даже роптал на старца за то, что он так скуп на слова и никогда ничего не говорит без вопроса, а когда придешь к нему, он скажет только: «Ну что?» — и уж самому нужно предлагать вопросы. Отчего, думалось иноку, старец так начитан святоотеческого учения, и преисполнен сам мудрости духовной, и мог бы говорить побольше, а между тем все нужно понуждать его вопросами? Но впоследствии старец разъяснил ему словами преподобного Петра Дамаскина, который пишет: «Без вопрошения братий не должно говорить чего-либо для пользы, чтобы доброе было по свободному произволению, как и апостол учит: *не яко обладающе причту, но образ бывайте стаду* (ср.: 1 Пет. 5, 3). И древние отцы без вопрошения не говорили служащего ко спасению, считая это празднословием»⁹. Тогда, говорит инок, я понял глубокую мудрость старца, и перестал его осуждать за это, и получал великую пользу от его кратких, но сильных ответов, и приходилось на опыте в этом убеждаться, что иной и много говорит, а слова его не остаются в сердце.

⁹ *Петр Дамаскин, прп.* Творения. Кн. 1. Киев, 1905.

Прежде всего, конечно, нужно видеть в этом великое смирение дивного во избранных старца Амвросия, а затем здесь ясно видно указание на то, что отец Иосиф, будучи отражением отца Амвросия и по жизни, и по учению, по внешней форме своих наставлений отличался от своего учителя. Отец Амвросий был человек с образованием, обладал самым всесторонним умственным развитием, по характеру был общителен, и потому речь его была помимо своей благодатной силы увлекательна яркостью мысли, образностью выражения, легкостью, живостью, умной веселостью, в которой скрывалась глубокая мудрость как житейская, так и духовная. Отец же Иосиф был весь сосредоточенность, и речь его была сдержанна и дышала лишь одним свято-отеческим учением.

На исповеди батюшка был всегда серьезен, и замечания его как-то особенно проникали вглубь и будили там сознание своей греховности и безответности пред Богом. Самый его вид, его лицо, озаренное каким-то внутренним светом, его ангельская улыбка, в которой отражалась чистота его души, его полуопущенные глаза, через которые глядели на кающегося кротость и смирение, — все это вместе неотразимо действовало на душу. Это был живой свидетель истинности слов: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать* (1 Пет. 5, 5), и *сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

Одна из первых его духовных дочерей, еще при старце Амвросии видя, как ее наставник преуспевает духовно и видимо готовится Богом к принятию старчества, по малодушию своему скорбела, что когда придет это время, то ей уже нельзя будет так свободно с ним заниматься, и однажды высказала ему свое опасение, прибавив, что, кажется, она того и не вынесет. На это отец Иосиф ей тогда отвечал: «Что ж? Ко всему надо быть готовым; вон мать Амвросия Ключарева¹⁰ прежде с батюшкой каждый день занималась

¹⁰ Схимонахиня Амвросия (Ключарева; 1820–1881) до сорока лет жила в миру, бывши замужем за тульским помещиком Ф.З. Ключаревым,

сколько хотела, а потом и раз в неделю рада была попасть». И действительно, настало время, что и отец Иосиф не мог уже подолгу беседовать с каждым. Между прочим, теперь она стала получать пользу душевную, успокоение и утешение от одного его выхода на общее благословение и стала удовлетворяться и дорожить одним его словом более, чем прежде продолжительными наставлениями.

Одна послушница в начале своего поступления в монастырь от своих немощей и неисправностей приходила в сильное смущение и через это не находила покоя внутреннего. Когда она открыла это старцу Иосифу, то он своими сильными наставлениями скоро ободрил ее, говоря, что в смущении не может быть и покаяния, а самоукорение одно может успокоить.

После эта же послушница страдала от одного тяжелого искушения и неотступно просила старца избавить ее. Старец сказал ей всего несколько кратких слов, но с такою силою и властью, что она в ту же минуту почувствовала, что исцелилась, и более того с ней не повторялось.

Одна послушница очень унывала и, бывши в Оптиной, сказала старцу: «Трудно жить, батюшка!» На это он ей ответил: «Еще труднее будет под старость, да и чем же больше спастись, как не скорбями?» Через несколько времени она опять была у старца и снова жаловалась, говоря: «Не могу больше, очень трудно, уеду в другой монастырь». Батюшка сказал: «Нет, не езд, оттуда в Оптину не будут пускать, да и дорога будет очень дорога». — «Точно шубу снял с меня батюшка мою скорбь, так мне стало легко, и больше уж никогда никуда не просилась».

Лицеприятия или человекоугодничества в старце Иосифе не было и тени. Подадут ему большую сумму на поминование, и деревенская женщина принесет простое полотенце —

позднее ставшим монахом Оптиной пустыни. В 1861 г. Александра Николаевна приняла постриг в Белевском Крестовоздвиженском монастыре. В 1875 г. она по благословению старца Амвросия купила имение рядом с Шамордино, где впоследствии был основан женский монастырь. Погребена в Оптиной пустыни.

благодарность одна как первому, так и последнему: «Спаси Господи», просфора, листочек, иконочка на благословение и теплое отеческое слово в напутствие. Он строго исполнял слово Господа: *Просящему у тебя дай* (Мф. 5, 42) и всем просящим давал возможное.

Одна шамординская монахиня сильно и долго страдала болью в желудке. Ни свои монастырские медицинские пособия, ни лечение козельских докторов не только не помогали, но даже не облегчали ее страданий. Монахиня задумала испытать последнее средство — обратиться к оптинскому фельдшеру-иноку, очень опытному врачу. Зная об этом намерении монахини, мать игуменья, собираясь в Оптину, предложила ей поехать вместе с ней. Монахиня неохотно приняла это приглашение, зная, что от дороги боли ее усилятся и она только стеснит и беспокоит матушку.

По приезде в Оптину они, конечно, прежде всего пошли к старцу. Больная рассказала ему, как она страдает желудком. На это старец, ласково улыбаясь, заметил: «Ты что же, к нашим докторам приехала?» — а затем, подойдя к святым иконам, стал молиться, после чего отпустил монахиню, велев ей сходить в монастырскую больницу. Монахиня это исполнила и принесла с собой пузырек с лекарством, но тут заметила, что не чувствует никакой боли. С той поры болезнь ее исчезла бесследно, и пузырек с лекарством так и остался нетронутым.

Г. А. передавала, что она страдала сильными головными болями. Однажды, сидя в хибарке, она почувствовала такой сильный приступ мигрени, что даже испугалась. Вскоре старец вышел на благословение, и она могла только проговорить: «Уж очень голова болит, батюшка». Он улыбнулся и ударил ее по голове. Боль мгновенно прошла. Когда же старец ушел, она от радости тут же всем рассказала, но к вечеру боль головная у нее возобновилась. Поняв свою ошибку, она на следующий день передала об этом старцу, который, вразумив ее, сказал: «Ну потерпи; поболит-поболит да и пройдет». И действительно, головные

боли продолжались еще несколько времени, а затем прекратились окончательно.

Один из таких замечательных случаев рассказывает г-жа М. П. Т.

Мой муж, человек мало верующий в Бога, заболел тяжелым нервным расстройством. Обращался он ко всем знаменитым докторам, лечился разными усовершенствованными способами, но помощи не получил ниоткуда.

Я же очень уважала и любила старца Иосифа и с самого начала относилась к нему со своими душевными невзгодами, а теперь, в такое тягостное для меня время, я, конечно, не раз обращалась к нему и за молитвенной помощью, и за советом, что мне делать с больным мужем.

Перед тем как ехать нам с мужем в Москву к докторам, я получила от батюшки письмо, где он велит мне передать мужу, чтобы он непременно там поговел и приобщился Святых Таин. Я подумала при этом, что передавать мужу подобный совет бесполезно, но, к великому моему изумлению, муж хотя и неохотно, но все же согласился приобщиться, что и исполнил в одной из глухих церковок Москвы. После приобщения как будто наступило некоторое улучшение, но ненадолго, и тяжелые первые припадки тоски, сердцебиения и слабости возобновились с еще большей силой. Я стала падать духом, а муж мой слабел и не мог заниматься своей обычной деятельностью. На меня нападало отчаяние, и в голову шли мрачные мысли.

Но вот раз в январе месяце, в холодную погоду, муж мой говорит мне: «Поедем в Оптину». Зная, как муж относился к религии вообще, я не могла поверить серьезности его намерения и оставила его слова без внимания. На следующий день, вернувшись со службы, муж спрашивает меня: «Что же, собралась ты, мы завтра едем в Оптину». Это было для меня так неожиданно, так ново, что я в глубине души постигла в этом силу молитв батюшки Иосифа.

30 января мы выехали в Оптину и по приезде туда сейчас же пошли к старцу, который принял прежде моего мужа, а потом меня. О чем они говорили, я не знаю, но когда я вошла

к старцу, то батюшка мне сказал: «Нет, он ничего». Затем старец велел нам обоим поговеть, и на Сретенье¹¹ мы приобщились. За молитвы праведного старца муж мой терпеливо выстаивал все длинные оптинские службы и выполнил все полагающиеся правила. Исповедовал старец сам.

Напившись чаю, мы пошли в хибарку, и батюшка опять принял нас порознь. Мужу он дал маленький шейный образок Черниговской Божией Матери и святого Феодосия на другой стороне и, благословив его, сказал: «Это вам на память». Затем батюшка позвал меня и сказал, чтобы сегодня же после вечерни выезжали в Тихонову пустынь; там отслужить у мощей преподобного Тихона¹² молебен с акафистом и сейчас же ехать на святой колодезь, где после краткого молебна непременно искупаться в источнике, после чего, напившись чаю, немедленно выезжать в Орел.

Слушая это и помня, что стоит холодный февраль, я подумала, что муж мой ни за что не согласится выполнить это, и сказала это батюшке. Он мне на это ответил: «Ну тогда попроси монаха облить его подогретой водой из источника, а лучше бы искупаться. Чахоточные там купаются и получают исцеление». Выслушав батюшкины слова, я только просила его святых молитв. Вечером мы выехали в Тихонову пустынь.

Ночью поднялась сильная холодная выюга, и мы с трудом доехали от станции до монастыря. Там мы застали конец ранней обедни и затем отстояли молебен преподобному Тихону с акафистом. Наступило время ехать к источнику. Настроение моего мужа переменялось, и он стал оттягивать, говоря: «Ну как ехать в такую погоду?» Я мысленно призывала драгоценные молитвы старца и как умела уговаривала и торопила мужа исполнить благословение батюшки. Вдруг мой муж сразу решил ехать. Лошади были готовы, я взяла побольше теплых вещей, и мы поехали к колодцу. Выюга была страшная и холодная, по дороге не попалось ни одной души.

Приехав туда и отслужив молебен, муж с монахом пошел в мужскую купальню, я в женскую. Там никого не было, пол

¹¹ Празднование Сретения (встречи) Господа нашего Иисуса Христа Церковь совершает 2/15 февраля.

¹² См. о нем примеч. на с. 86.

был покрыт льдом. Погрузившись три раза, я быстро оделась и вышла на дворик, где увидела стоящего уже в шубе моего мужа. У меня мелькнуло в голове: «Не купался». Но, к великой радости, он объявил мне, что прекрасно выкупался. Скоро мы доехали до гостиницы, где нас ожидал самовар и обед. Муж мой был весел, покоен, все находил очень вкусным, тогда как все время болезни у него ни к чему не было аппетита.

По благословению старца мы в этот же день выехали в Орел, где муж мой с этих пор стал видимо поправляться и теперь молитвами старца он совсем здоров и занимается по-прежнему своей службой.

Один господин, служащий на частной железной дороге, захотел переменить свое место на более выгодное. Относившись ранее в таких важных случаях к старцу Амвросию, он теперь очень скорбел, что не имеет человека, у которого бы с верой мог попросить совета. После некоторого колебания он решил принять предлагаемое выгодное место и сказал своей жене: «Вот если бы жив был батюшка Амвросий, спросил бы я у него, что мне делать, — и был бы покоен». На это жена сказала ему: «Поедем к его ученику, батюшке отцу Иосифу, он теперь старец, спроси у него». — «Зачем я поеду к отцу Иосифу — я к нему веры не имею и потому не могу спрашивать его совета». — «Ну хотя благословение примешь на новое место, и то лучше будет», — говорит жена. «Вот разве только благословение принять, — согласился он, — а спрашивать его я не буду; да я ведь уже решил совсем».

Приехали в Оптину, пошли на могилу старца Амвросия, где приезжий господин даже заплакал от скорби. Жена наконец говорит ему: «Пойдем же теперь к батюшке Иосифу». — «Пойдем, — сказал он, — я приму благословение и уйду, а ты, если хочешь, оставайся». Старец скоро принял приезжих, и господин первый заговорил о том, что ему предлагают хорошее место. «Напрасно, — говорит ему старец, — я вам не советую переменять; здесь вы можете получать награды и заслужить пенсию, и потому оно будет для вас выгоднее той должности, какую вам предлагают». — «Но какая же тут может быть пенсия? — возражает господин. — Ведь

моя служба не казенная». — «Нет, все-таки подождите немного», — закончил утвердительно старец. Господин вышел от старца в большом волнении и смущении и говорит жене: «Чего же я буду ждать? Только выгодное место упущу». Но жена уговорила его послушаться старца и хотя немного подождать. «Если упустишь это место, Бог пошлет другое», — говорила она. Наконец он согласился подождать.

И что же? В скором времени эта железная дорога переходит в казну и служба делается государственной, а господин этот получает награду и право на пенсию, и в общем слова старца сбылись в точности — место это сделалось выгоднее того, какое ему предлагали. После господин нарочно приехал к старцу и искренно благодарил его.

Одна очень преданная старцу особа, будучи вполне свободной, поселилась вблизи Оптиной пустыни, чтоб быть ближе к батюшке отцу Иосифу. Одно время она сильно поддавалась смущающему ее помыслу, что она напрасно только беспокоит старца и что ей вовсе не к чему здесь жить. С этими мыслями пошла она в скит, решив в душе, что идет в хибарку последний раз. Старец принял ее на благословение, и только что она хотела сказать ему, зачем пришла, как была поражена видом старца: из его глаз лились потоки лучей. Она остолбенела, а старец ласково улыбнулся, ударил ее по голове и благословил, сказав: «Напиши-ка мне лучше исповедных книжек». Выражение лица старца было такое, как бы он говорил: что, поняла?! — и при этом он протянул ей книжку со словами: «На, читай». Заглавие книжки было: «Вера слепая и вера мертвая»¹³.

Та же особа рассказывает. Не получая долго писем от сына, она спросила у старца, не умер ли он и как его помянуть. Старец ответил: «Все равно, как ни помянуть, только поминай». Из этого ответа она заключила, что сын ее умер, и вскоре действительно получила известие о его смерти. С ней сделался столбняк: ни плакать, ни молиться

¹³ *Илия Минятей, свт.* Вера слепая и вера мертвая (Из «Поучительных слов»). Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1897.

она не хотела, ни даже идти к старцу, считая жизнь свою оконченной. Доходя до сумасшествия в своем горе, она кое-как написала [письмо] старцу о своем состоянии и послала его с монастырским закупщиком в Оптину (она жила в Козельске). Часа в четыре дня с ней сразу все прошло, и она почувствовала легкость на душе. После оказалось, что в этот самый час старец вышел в хибарку на благословение и, увидя ее двоюродную сестру, сказал: «Г. пишет, что ее Леля умер». Несомненно, что старец, получив ее скорбное письмо, помолился о ней, и сила его молитвы спасла ее от отчаяния.

Монахиня В. Э. была подвержена тоске и унынию. Однажды она приехала к старцу и, рассказав, что она не находит места от гнетущей ее тоски, просила отпустить ее к брату в Америку, где он занимал видное положение, и которого она давно не видала. Батюшка сказал ей на это: «Нет, давай лучше будем с тобой почаще приобщаться; куда нам в Америку — ближе пойдем, и то не дойдем! Ведь нам с тобой немного осталось жить». Эта монахиня, всегда боявшаяся смерти, приняла эти слова старца очень спокойно и стала готовиться к переходу в другой мир. Это было в августе 1910 года, а в ноябре того же года она пошла в соседний мужской монастырь к вечерне и там в храме внезапно скончалась.

Перед этим же она отказала своей келейной, а затем опять взяла ее к себе. Келейница не хотела к ней идти, но батюшка сказал: «Ну перейди на время». И действительно, только несколько недель пришлось ей пожить вместе с монахиней.

В Б-ском монастыре жили две сестры. Одна из них умерла. Оставшаяся выпросилась в Оптину, чтобы посоветоваться со старцем: ей хотелось взять себе квартирантку. Старец не благословил ей этого, сказав: «Поживи пока одна, а как заболеешь, так иди скорее да проси мать игуменью постричь тебя в мантию». Крайне удивили ее слова старца: она чувствовала себя совсем здоровой. Время шло, и все забыли об этом. Вдруг она серьезно заболевает. Помня слова старца, она уже в жару пошла к матери игуменьи и просила

пострига. Доктор признал ее безнадежной; ее постригли, и на четвертый день она тихо, мирно скончалась на пасхальной неделе.

Приехали к батюшке трое; одной из них, самой здоровой, батюшка вынес сверток и, подавая, сказал: «Возьми, может быть, на что-нибудь пригодится». Придя в номер, она развернула сверток: в нем оказались разные тряпочки. Они посмеялись над подарком и вскоре уехали. Ровно через год у получившей странный подарок образовались раны, и тряпочки все пошли на корпию¹⁴.

Е. В. сообщила, что в бытность свою в Оптиной пустыни по скудости средств хотела ехать обратно в Белёв на товарном поезде. Батюшка ей сказал: «Тебе не придется», — и дал ей 50 копеек. Придя на вокзал, она пропустила три поезда, которые ее не взяли, и если бы не батюшкины 50 копеек, то пришлось бы идти пешком.

М. Е. М. рассказала, что в 1899 году рядом с ее кельей строили большой корпус. Вышла как-то ошибка в размере, и новый сруб подошел прямо к ее стене, отчего келья сделалась совсем темная. Приехала она со своей скорбью к батюшке Иосифу, который ее успокоил, сказав: «Ну не скорби, Господь тебя устроит еще лучше: у тебя будет келья большая, светлая». Она думала, что это батюшка о ее смерти говорит, но вскоре мать игуменья дала ей другую келью, больше и светлее прежней. Но тут случилось новое горе. Келья оказалась худая. Кое-как поправив ее, плотники сказали, что лет пять она еще подержится.

Приехав к старцу, она все ему рассказала. Батюшка сказал: «Напрасно ты ее чинила, зря деньги тратила, она и года не простоит, под ней все столбы подгнили, она на одном держится». И затем подробно объяснил, как нужно ее поправить... «Батюшка, да где я возьму денег на поправку?» — сказала она. «Займи», — ответил старец и при этом достал

¹⁴ Кóрпия — нитки, нащипанные из старой полотняной ткани, используемые в прошлом в качестве перевязочного материала, вместо ваты.

из стола десять рублей, говоря: «Займи еще у кого-нибудь, а когда будут деньги — отдашь». Не смея противоречить старцу, она заняла денег и поправила келью, которая оказалась, как говорил старец, совсем сгнившей и могла их задавить. После поправки денег у ней не было, и неоткуда было ждать, и она очень скорбела, что не отдает своего долга. Бывши в Оптиной, она просила прощения у старца, что опять не привезла долга. Старец сказал: «Скоро будут, тогда отдашь». Вскорости она получила повестку на сто рублей и не могла понять, откуда это ей Господь посылает. Оказалось, что умер ее дядя, который никогда при жизни ей не помогал, а теперь жена его прислала ей эти деньги за него.

Приехала одна помещичья семья в Оптину. Отец не признавал старцев и ходил к батюшке Иосифу только за одним благословением, никогда ни о чем не разговаривая. Когда дочери его, очень чтившие старца, пришли к нему, то батюшка стал им говорить о том, что у них в имении кирпичи, приготовленные для постройки колокольни, никуда не годны. Барышни, только что выехавшие из дому и ничего там не слышавшие об этом, очень удивились и подумали, что, наверное, отец узнал об этом перед самым отъездом и теперь, вопреки своему обыкновению, рассказал об этой своей неудаче батюшке. Придя на гостиницу, они обратились к отцу: «Папа, ты нам ничего не сказал, оказывается, наши кирпичи испорчены». — «Какие кирпичи? Я ничего не знаю!» — «Да ведь ты же батюшке рассказал об этом, мы слышали от батюшки!» Помещик рассердился и сказал: «Вы знаете, что я с вашим батюшкой никогда ни о чем не говорю, я получил благословение и ушел».

Вернувшись затем домой, они узнали, что их подрядчик запил, перепустил кирпичи, и они все пропали¹⁵.

Другая дама приехала просить благословения переделать дом в имении. Старец стал расспрашивать, что и где она думает переместить. Она стала ему пояснять, а батюшка

¹⁵ По всей видимости, кирпичи были испорчены вследствие увеличения времени их обжига.

принялся по столу пальцем чертить план, говоря: «Вот тут ведь у тебя вход, а так столовая, а здесь вот то-то». Дама до того увлеклась этим чертежом, что, только уже выйдя от старца, она сообразила: откуда же батюшка мог так верно знать расположение ее дома?

Перед коронацией одна особа говорила на общем благословении: «Батюшка, какие готовятся торжества!» — а старец на это ответил: «Торжества-то готовятся, да не было бы какого несчастья!»¹⁶

Раз я была очень скорбная, прихожу к батюшке, и как же батюшка отечески ласково меня принял, а я говорю ему: «Батюшка, мне кажется, что я вас больше не увижу, потому что отец у меня умер, средства мои скудные». Батюшка и говорит: «Да, пожалуй, что теперь не придется». Так и кольнуло мне в сердце! Боже мой, неужели батюшке станет хуже и он уйдет от нас? Старец так ясно сказал мне, что его больше не увидишь. Я вторично переспросила: «Батюшка, значит, я вас больше не увижу?» Он мне кивнул головой в подтверждение. Вскоре батюшка скончался; пришлось мне уже быть у едва живого полумертвого старца.

Рясофорная послушница М. говорит о себе: «Поступила я в монастырь с искренним желанием, но я была очень бедная. Жить было совершенно нечем. Я думала так и говорила своим монахиням: поеду в мир, поступлю на место, заработаю себе денег и тогда приеду и оденусь в черное. В монастыре я прожила почти год, пригляделась к монастырской жизни и увидала, что без средств нельзя жить, но оставила это решение до батюшки. Приезжаем мы к батюшке, входим к нему все трое, а он говорит: «Вот приехали ко мне две монахини, одна мирская. Мирская эта живет в монастыре

¹⁶ Старец имел в виду Ходынскую катастрофу, произошедшую во время торжеств по случаю коронации Государя Императора Николая II. 18 мая 1896 г. на Ходынском поле в Москве во время раздачи подарков случилась давка, в результате которой погибло и пострадало множество народа.

долго, сестры говорят ей: «Одевайся», а одеваться не на что, она говорит: ну что же, поеду в мир, заработаю себе денег и тогда оденусь». Мы все были поражены, точно старец весь разговор наш подслушал. Старшая монахиня спрашивает у батюшки: «Что же вы, батюшка, благословите ей ехать или нет?» Старец ударил меня четками и сказал: «Нет». Затем прекратил разговор.

А когда я была у батюшки одна, объяснила ему свое состояние, он и говорит: «Не ездь, Бог пошлет место, и ты будешь жить в монастыре хорошо». Так и вышло. Меня взяли в келейницы, жила и в казенной келье. Потом батюшка предрек мне, что я буду жить у матери К. Я прожила три года, поехала на родину. Приезжаю, мать игуменья благословляет к матери К. в келейницы, которая приняла меня как родную. Так сбылись слова батюшки, и до сих пор я живу очень хорошо».

Родственник одной послушницы, боясь за свою больную мать и сестру, что в случае его смерти их может обидеть зять, с которым он жил вместе, благословлялся у батюшки разделиться. Батюшка на это ответил: «Нет, не надо, бывает, что и здоровое дерево, да падает, а то гнилое, да скрипит». И так вышло, что здоровый зять умер, а больные остались жить.

Одна белевская монахиня была больна кровотечением. Приехала к батюшке. Батюшка ей решительно говорит: «Поезжай в Москву, делай операцию». Она заявляет, что у ней и денег даже нет на это, и очень удивлена была ответом старца. Спустя час приходит к батюшке московская монахиня, которая по выходе от старца подает белевской монахине адрес, в которую больницу она может ехать. Больная поехала, ее там приняли бесплатно и сделали операцию.

Одну белевскую послушницу, певчую, составили с клироса за какую-то провинность. Она очень скорбела, что осталась без послушания. Просила благословенья у батюшки попросить себе послушание. Батюшка ей ответил: «Послушание не просят, жди, когда дадут; ходи-ка лучше почаще

к утрени, в тебя всмотрятся и дадут». И через несколько времени ей дали послушание.

✠ ✠ ✠

У одной барышни (духовной дочери батюшки) болел желудок. Она приезжает к батюшке и говорит, что она лечится и по постным дням ест скоромное. Батюшка на это ей говорит: «Лечиться-то можно, но надо постное есть, а ты займись-ка лучше своим горлом — полечи его». Барышня никогда не думала, что у нее болит горло, ничего особенного не замечала, только раз как-то у ней опал голос. Она пошла к доктору показать свое горло, который нашел, что если бы не захватили вовремя, то могла быть горловая чахотка. И только через три года ей вылечили совсем горло.

✠ ✠ ✠

Одна монахиня благословлялась у батюшки поехать в Саратов. Батюшка благословил и прибавил: «Только случится с тобой несчастье, придется тебе потерпеть». Она поехала, гостила очень хорошо. На возвратном пути она подумала: что же это батюшка сказал: потерпеть придется, а как хорошо погостила. Немного она не доехала до монастыря, как у ней пропал весь багаж.

✠ ✠ ✠

Рассказывает монахиня А. Г.

Был у меня дядя, человек уже старый и холостой, очень религиозный; всегда постился и молился, но старцев не признавал. Как-то раз приехал он ко мне, я упросила его поехать со мной в Оптину. Дядя согласился, и мы поехали. Я объяснила батюшке, что приехала с дядей. Батюшка его сейчас же взял, благословил его как-то медленно и молча всматривается в него и говорит: «Ну, старче, сколько тебе лет?» — «Вот уже семьдесят пять лет живу», — отвечает дядя. Батюшка опять с минуту молча пристально на него смотрел и говорит: «Ну вот пора и умирать; ты устрой свои дела и надо готовиться умирать, пора». Дядя всегда думал о смерти и говорил небоязненно, но в этот раз он видимо испугался и едва сказал: «Да, это путь неизбежный». Батюшка так это твердо говорил, что я расплакалась: ведь дядя был мой благодетель. Он остался заниматься с батюшкой и вышел от него очень

взволнованный. Это было на третьей неделе Великого поста, а на Фоминой неделе¹⁷ он уже умер.

Еще сестра моя, религиозная женщина, обладавшая хорошим здоровьем, жила замужем очень счастливо и богато. Она очень любила батюшку и всегда перед рождением детей писала ему, прося его благословения и святых молитв. И в этот раз она писала старцу. Получив от него ответ, она сделалась задумчива и стала готовиться к смерти, говоря, что она непременно умрет. Все над ней смеялись: муж даже обиделся: вдруг здоровая, молодая, полная сил женщина собирается умирать — но она делала свои приготовления, причастилась и через десять часов после рождения дочери тихо, мирно скончалась в полной памяти. Три дня ее не решались хоронить и только по освидетельствовании ее доктором на четвертый день похоронили. Дочь и сейчас еще жива». Очевидно, в письме старца было ей предупреждение.

Послушница О. М. рассказала: «Мой брат, служа на заводе, проходил мимо машины и споткнулся на обрезки железа. Ему повредило правую руку, оторвало большой палец этой руки, и он, истекая кровью, упал. Начальство добровольно предлагало ему пятьсот рублей вознаграждения и должность контролера. Но он не захотел — ему посоветовали судиться. Я спросила у батюшки, который сказал: “Да, присудят и больше, а все же в руки не дадут; лучше поменьше, да добровольно получить”. Но брат не послушался и вот уже десять лет, как он судится, а ничего еще не получил».

Старец Амвросий не благословлял в Шамордино сестрам строить отдельные кельи и жить по одной. Года через два после его кончины одна монахиня по слабости здоровья и по любви к одиночной жизни выпросила у настоятельницы и у старца Иосифа разрешение построиться одной. Старец, уступив настойчивому желанию монахини, как сам после рассказывал, сделался неспокоен духом и вдруг видит

¹⁷ То есть на 2-й неделе после Пасхи.

въявъ старца Амвросия, строго сказавшего ему: «Нарушаете благословение».

С принятием [должности скитонаачальника в 1894 году¹⁸] прибавилось старцу Иосифу и трудов, и забот. Но это не отягощало смиренной души послушливого инока — он так же безропотно и кротко нес иго начальствования, являя собой поучительный пример истинного пастыря. Все у него шло своим порядком. В хозяйственных делах он был практичен и осторожен; изменять что из заведенного прежними старцами и начальниками он ничего не стал, но там, где требовались некоторые исправления, он делал это так смиренно, что никому не бросалось в глаза, и все охотно ему подчинялись.

По своему смирению он все относил к доброму настроению самой братии. Так, он писал своей сестре матери Леониде вскоре после назначения своего начальником: «...управляя скитом со своими всеми помощниками — братьями; все слушаются и смиряются, только нужно самому себе внимать и заботиться о своей душе, а братия все, слава Богу, мирны».

[Старец Иосиф] требовал, чтобы на все спрашивали его благословенья, и никогда не тяготился никакими вопросами, но делал это в простоте духа, как монах, привыкший каждый шаг своей жизни освящать благословением.

Во внутреннем управлении братьями [батюшка] был очень мудр и соблюдал должную меру в строгости и в снисхождении, никогда не поступая ни в чем по одному наговору. Он не любил вообще часто перемещать монахов с одного послушания на другое, говоря, что на одном послушании скорее приучаются к терпению.

Случалось, что старший на послушании приходил к начальнику жаловаться на подчиненного ему брата, прося его сменить. Батюшка спрашивал: «Что ж он сделал?» — «Да он мне наговорил грубостей». — «Что же он тебе сказал, почему?» — допытывался старец, и из рассказа разгорячившегося монаха оказывалось, что особенно основательной

¹⁸ Указ о назначении был получен 25 марта.

причины к перемещению брата не было, а старший действовал по страсти¹⁹. В таких случаях начальник говорил жалобщику: «Поди сам попробуй побыть на его месте; тогда узнаешь, легко это или нет». Но, конечно, не всегда одинаково поступал он, а когда требовала того справедливость; вообще же от находящихся в послушании он требовал беспрекословного повиновения и смирения.

В конце того же 1894 года почил от великих трудов своих маститый подвижник — настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий, на 85-м году жизни. Тихо угасал этот светильник монашества; мирно и бодренно готовился он к исходу. Корабль, нагруженный добродетелями, входил в пристань, окончив свое многолетнее плавание. Для подвижника наступал вожделенный день, к которому он готовился всю жизнь... но для оптинского братства это был день печали и сетования — они лишались опытного кормчего, мудрого начальника. Но тяжелее всех была эта утрата для скитона начальника и старца отца Иосифа. В продолжение последних четырех лет жизни отца архимандрита Исаакия, как старец Иосиф сделался его духовником, они так сблизились духовно, так обоюдно поддерживали друг друга, так единомысленно руководили вверенным стадом, что разлука эта вносила большую перемену во внутренний строй обители.

Незадолго до своей кончины умирающий настоятель благословил своего возлюбленного сына и вместе духовного отца и старца Калужской иконой Божией Матери²⁰, сказав: «Этою иконой благословил меня преосвященный Григорий на начальство». Затем подарил ему на память свою любимую палку, полученную им от своего брата архимандрита

¹⁹ Святой авва Дорофей учит, что действует по страсти тот, кто не противится возникшему помыслу или чувству и поступает согласно внушению греховному, а противится страсти тот, кто борется и действует наперекор греховному чувству. — *Примеч. изд. 1911 г.*

²⁰ Эту икону старец за несколько дней до своей кончины велел поставить около себя на стол, и с нею проводили тело его до усыпальницы.

Мелетия²¹, которого очень чтил. Последнее слово утешения, сказанное умирающим старцу, было: «Нужно всегда надеяться на Бога; *надеющийся на Бога, яко гора Сион, не подвижится во век*» (Пс. 124, 1). Так до последней минуты отец архимандрит Исаакий выражал свое особенное расположение к отцу Иосифу, которому крайне тяжело было терять такого начальника. Но предсмертное завещание его как нельзя более соответствовало настроению самого старца. И он, крепкий верою и упованием, твердо перенес эту утрату.

Старец Иосиф при всем своем древнеаскетическом образе жизни, при всей любви к безвестности и простоте весьма ценил науку и общественную деятельность. Он интересовался всем, что делалось в церковно-общественной жизни, и, имея общение со многими духовными и светскими деятелями, он всегда убеждал их не уклоняться от своих обязанностей и считал, что иметь хороших и полезных деятелей так же необходимо и полезно, как иметь и хороших иноков.

Однажды на общем благословении кто-то выразил сожаление по поводу того, что один из послушников скита поступил в Академию. «Видно, батюшка, труднее всего быть простым монахом!» — «Нет, — ответил старец, — хорошим епископом быть еще труднее, и такие епископы теперь нужны²², — а жизнь в скиту для него не пропала; она принесет ему большую пользу».

В 1896 году по представлению архимандрита Досифея²³ старец был награжден наперсным крестом.

Настал 1911 год <...>. Старец был слаб, чувствовал недомогание, но не оставлял своего подвига. В феврале месяце

²¹ Архимандрит Мелетий (Антимонов; † 1865), родной брат старца Исаакия. Будучи оптинским постриженником, позднее подвизался в Калужской Тихоновой пустыни, а затем в Киево-Печерской лавре, где был экклесиархом Великой церкви.

²² И действительно, этот послушник по предсказанию старца впоследствии сделался епископом, право правящим слово истины.

²³ См. о нем примеч. на с. 99.

в Шамординской пустыни случилось событие, сильно отразившееся на его здоровье. Скончалась неожиданно настоятельница этой обители игуменья Екатерина²⁴. Чрезвычайно умная и развитая, обладавшая высотой и благородством характера, она отличалась истинным монашеством. Преданная и близкая ученица старца Амвросия, она с тою же полнотою веры относилась и к его преемнику, и старец Иосиф был вполне покоен за обитель, зная, что она находится в верных и хороших руках, и потому ее кончина была для старца большим огорчением. Кроме того, сразу усилился приток дел, вопросов, забот, и изможденный старец слег.

С 28-го числа старец Иосиф совсем перестал принимать пищу, питаясь только небесным хлебом Тела и Крови Христовых. Все время, до самой кончины, он находился в полном и ясном сознании, и даже поражал всех своей памятью и вниманием ко всему, что было нужно еще сделать и в чем распорядиться. Он давал самые ясные ответы на все деловые вопросы, диктовал ответы на полученные письма и даже за два дня до кончины собственноручно их подписывал.

[За день до смерти,] 8 мая ему с утра стало как бы легче, но среди дня он вдруг ослабел. Часа в четыре к нему зашел случайно приехавший московский доктор и сказал, что пульс падает и жизни хватит самое большее дня на два. Увидя приготовленный фотографический аппарат и узнав, что батюшка разрешил шамординским сестрам еще раз снять себя, доктор тихо сказал келейнику: «Не утруждайте старца этим, ему недолго осталось жить». Но по уходе доктора старец подозвал келейника и еле слышным шепотом проговорил: «Позови скорее фотографку, а то ведь скоро стемнеет». В этом обстоятельстве сказалась вся глубина его любви, которая отдавала себя в жертву людям до самого последнего издыхания.

²⁴ Она была больна с мая месяца, но затем стала поправляться, и когда все считали ее на пути к выздоровлению, она внезапно скончалась от кровоизлияния. См. о ней примеч. на с. 197–198.

IV. Воспоминания духовного сына¹

Когда [сестра отца Иосифа] мать Леонида на первых порах иноческой жизни подверглась большим искушениям и помышляла оставить монастырь, мать [их], тогда почившая, явилась ей во сне и строго упрекала ее иноческими обетами.

Когда мать Леонида рассказала об этом батюшке отцу Амвросию, он сказал ей: «Твоя мать — святая!»

В период самостоятельного старчества батюшка отец Иосиф, пока был в силах, принимал и исповедовал всех решительно без отказа; неграмотным сам читал исповедную книжку. Я поражался, бывало, при виде той массы исповедников, которыми были переполнены и мужская, и женская хибарки на первой неделе Великого поста. Как мог слабенький батюшка переисповедать такое множество народу — прямо непостижимо! Только и можно объяснить себе это благодатью старчества.

На первой неделе Великого поста готовятся в Оптиной все, почти без исключения, и монастырские, и скитские братья, и скотницы (монахини при скотном дворе), и все живущие в обители. Все они тогда исповедовались у батюшки, не считая еще и шамординских сестер и приезжих богомольцев, наплыв которых особенно велик бывает в эту неделю.

Бывало, по назначению батюшки придешь исповедоваться после утрени, около шести часов утра, а батюшка уже давно исповедует, сидя на кровати в приемной, с заложенной за спину подушкой.

И как проста и вместе с тем величественна по своей таинственности была эта исповедь! Прочтешь книжку,

¹ Печатается по изданию: Из жизни Оптинского старца иеросхимонаха Иосифа (Убогая лепта духовного сына памяти незабвенного отца). М.: Синодальная типография, 1911.

скажешь записанные для памяти грехи — и будто все тут! Но на деле далеко не все. Пока перечисляешь свои неисправности, батюшка полупшепотом медленно творит молитву Иисусову, и в это время ясно чувствуешь, что за каждую из них молитвенный вздох батюшки вознесся к Господу. Оттого-то в душе только что очистившегося грешника ощущался такой мир, такая духовная радость, что вполне понять их может только тот, кто сам сподобился хоть раз исповедоваться у святого старца. Затем произносилась разрешительная молитва.

С каким смирением читал батюшка слова этой молитвы! Это смирение не ускользнуло даже от девятилетнего батюшкиного духовного сына, который с шестилетнего возраста исповедовался у батюшки. Придя однажды после исповеди домой, он с восторгом сказал мне: «Батюшка-то! Когда читает разрешительную молитву и говорит: и аз недостойный... так говорит эти слова, будто и вправду он недостойный!»

Смирение было отличительным свойством батюшкиной души, и духовных детей своих батюшка старался обучить этой добродетели. Часто все его наставление заключалось в двух словах: «Смиряться! Терпи!» Если, бывало, скажешь: «Батюшка, я не умею, как смиряться!» — батюшка ответит: «Себя укоряй!» (то есть за то, что не умеешь). И в этом новом наставлении заключалось опять-таки предыдущее: «Смиряться!» Если попросишь батюшку сказать слово на пользу, то редко услышишь в ответ что-либо другое; почти всегда одно и то же: «Смирение, да терпение, да от (страсти — батюшка называл ее) избавление».

Раз как-то, каясь батюшке в своей неисправности, мне пришлось задеть неисправность другого лица. Батюшка с кротким укором сказал на это: «Святые себя хуже всех считали, а мы все лучше всех!»

<...> Другой раз я [попросил благословения] попросить покрасить полы в своем помещении и побелить стены. Батюшка спросил: «Что ж? Там так грязно, что жить нельзя?»

Я сказал, что жить, конечно, можно, но полы поистерлись. Батюшка сказал: «Это тщеславие!» И свою келью, в которой раньше больше тридцати лет подвизался старец отец Амвросий, батюшка в течение двадцати лет своей в ней жизни ни разу не поновил, должно быть, по той же причине, хотя потолок в ней от времени почернел. Кстати сказать, про обстановку этой келейки, освященной пятидесятилетними подвигами двух великих старцев, — она проста до крайности, до умиления!

Неизменной ежедневной пищей батюшки были щи из свежей или кислой капусты на одной воде с небольшим количеством подсолнечного масла и без грибов, которых желудок батюшки не переносил совершенно. К щам подавалась уха или геркулесовый суп на воде, а в скоромные дни два яйца, сваренные в мешочек, причем батюшка кушал только одни желтки. К ужину в скоромные дни батюшке кипятили молоко, которое он кушал с кусочком белого хлеба, а в постные дни варилась жиденькая рисовая кашка на миндальном молоке. И это изо дня в день, из года в год, без изменения, без малейшего разнообразия! Если, бывало, кто-нибудь посоветует батюшке испробовать какое-нибудь питательное кушанье, батюшка попробует и скажет: «Что-то оно мне не идет», — и возвращается к прежней привычной пище.

Даром исцеления Господь прославил батюшку еще при жизни его. Сколько случаев было, что от прикосновения батюшкиной ручки к больному месту или осенения его батюшкою крестным знамением, а часто и от одного его слова: «Помози, Господи!» утихали головные и зубные боли и другие недуги человеческие.

А о помыслах и других греховных состояниях души и говорить нечего! Стоило только обуреваемому ими предстать пред батюшкою, почувствовать на себе его пристальный кроткий взгляд или ласковый удар ручки по голове, как все бушующее в душе исчезало сразу, и переполнялась она таким миром, такою радостью, что только удивляешься, откуда мог набежать и куда деваться томивший ее перед тем греховный

гнет. И ясно ощущаешь в эту минуту, что этот гнет греховный не есть неотъемлемая собственность души человеческой, как болезнь физическая не есть свойство тела, а что-то пришлое, чуждое, извне находящее и тающее мгновенно при первых лучах благодати Божией.

Батюшка был очень сострадателен к нуждам и скорбям людей. На письмо ко мне одного знакомого, потерявшего двух детей от дифтерита, батюшка сказал несколько слов утешения, а потом прибавил: «Что там ни говори в утешение, а разве это легко — потерять двух детей!» И столько участия и понимания этого горя слышалось в голосе батюшки при этом, что я поразился, как мог батюшка ему сочувствовать, будучи чужд мирских семейных радостей!

Ежедневно в полдень нищие толпами собирались у крыльца хибарки, и чередной келейник всех их оделял милостыней, а приносившим свидетельство от приходских священников о неспособности к труду или об особой нужде просителя выдавалась еще добавочная сумма. В последний год по распоряжению начальства раздача милостыни стала производиться два раза в неделю во избежание постоянного пребывания нищих в монастыре и вследствие этого и частых случаев кражи. Когда мне пришлось рассказать батюшке про одну попытку покражи нищею девочкою, батюшка задумчиво и со скорбию в голосе сказал: «Нужда!»

К Рождеству и Пасхе с почты батюшкою получались целые кипы писем и открыток с просьбой о пособии к празднику. На каждое из них батюшка отвечал кратким приветствием с праздником, преподанием мира и благословения и вложением денежной лепты. Однажды за болезнью писмоводителя батюшка поручил мне надписать адреса на конвертах со своими ответами на эти письма и дал мне для этого большую пачку полученных им открыток с указанием адресов. Я обратил внимание батюшки на то, что многие письма были написаны одною и тою же рукой. Батюшка, весело смеясь, сказал: «Да они все одной рукой написаны!» А потом ласково и снисходительно прибавил: «Уж Бог с ними, они — беднота!»

По двенадцатым праздникам² батюшка служил обедню в монастыре, принимая участие в соборной службе поздней Литургии. С какою радостью, бывало, ждешь торжественной минуты, когда, разоблачившись по окончании обедни, светлый, улыбающийся, сияющий неземною благодатною радостью от таинственного общения с любимым Господом, из боковой двери левого придела собора показывался батюшка! Монашествующие обоего пола и мирские всякого звания и положения густой толпой окружали святого старца, стараясь получить его благословение, поздравить с праздником, поднести просфорочку, вынутую о его здравии, и удостоиться милостивого поручения отнести батюшкину мантию в скит.

Множество рук протягивалось за нею, но счастье это большею частию выпадало на долю одной благочестивой старушки, жившей при Оптиной, — молитвенницы и подвижницы (впоследствии скончавшейся в схиме) Т.Г. А-ской, которая, ухватив дорожную ношу, задыхаясь от радости и слабого сердца, бегом спешила прямою дорожкой, чтобы предварить батюшку у крыльца хибарки. А батюшка между тем, благословляя направо и налево, с трудом пробирался через толпу народа к ожидавшему его у ворот церковной ограды экипажу, напутствуемый трогательными восклицаниями толпы: «Батюшка дорогой!», «Угодничек Божий!», «Отец наш родной!»

Последний раз батюшка служил на Успение³ 1905 года, а с 16 августа начал жаловаться на слабость, которая не покидала батюшку всю осень, то усиливаясь, то уменьшаясь. 9 октября, под память батюшки отца Амвросия, батюшка почувствовал себя плохо, так что не мог принимать посетителей

² То есть двенадцать главных праздников, которые совершает Православная Церковь ежегодно (Рождество Христово, Крещение Господне, Сретение, Рождество Пресвятой Богородицы, День Святой Троицы и др.)

³ Двенадесятый праздник Успения Пресвятой Богородицы приходится на 15/28августа.

и исповедовать готовившихся ко дню кончины батюшки отца Амвросия многих шамординских сестер, но потом дня через два начал опять принимать, несмотря на слабость.

В ночь на 24 октября батюшка так ослабел от переутомления, что едва не умер; его особоровали ночью же и приобщили Святых Таин. Приглашенный на другой день доктор нашел сильное переутомление на почве страшного малокровия, но утешил нас словами, что «у батюшки сердце как у молодого», предписал полный отдых в течение продолжительного времени и улучшение питания. С этих пор батюшка не мог исповедовать такое количество народу и шамординских сестер передал духовнику. А братий еще с полгода продолжал исповедовать сам. Но в апреле 1906 года батюшка заболел вторично сильную инфлюэнцией⁴ и с падением температуры на девятый день болезни так ослабел, что сделано было распоряжение пускать прощаться братий и всех желавших.

Приехавший вечером козельский доктор велел прекратить прощание, сказав, что батюшка хотя и очень слаб, но сердце у него хорошее, и если предоставится ему полный покой и начнется подкрепление пищей (которую батюшка не вкушал в течение восьми дней), то есть еще надежда на выздоровление.

Прощание прекратили, хибарку заперли, и батюшка начал, хотя и медленно, выздоравливать. Только через месяц, 28 мая батюшка первый раз вышел к народу на благословение в хибарку. Никогда не забыть этого радостного выхода! Когда батюшка, исхудалый, но веселенький, озаренный своей чудной улыбкой, показался в дверях, опираясь на палочку, все мы одновременно ясно поняли, что он поистине воскрес из мертвых, и каким благодарным чувством к Господу переполнились сердца присутствующих при виде этой явной милости Божией!

И еще раз Господь помиловал нас, еще раз, и последний, сохранил дорогую всем жизнь старца. Это было в фев-

⁴ Инфлюэнция, или инфлюэнца (*итал.*) — острое респираторное вирусное заболевание, грипп.

рале 1909 года, когда батюшку постигла третья опасная болезнь, настолько серьезная и мучительная, что выписан был из Москвы доктор. И на этот раз московский доктор удивлялся хорошему состоянию батюшкиного сердца в такие преклонные лета. Батюшка мне после сам говорил, что это оттого, что он смолоду никогда не пил вина и не принимал никаких лекарств, кроме гомеопатии.

После каждой из этих тяжелых болезней батюшка говорил: «Вот! Совсем должен был умереть, да вымолили!»

Последнее время, начиная с нового 1911 года, батюшка особенно ослаб и весь февраль не принимал почти никого. Кончина С.В. Перлова⁵, а затем и матушки игумении Екатерины⁶ и шамординские скорбные обстоятельства как следствия этих двух утрат еще больше пошатнули здоровье батюшки. На какие-либо болезненные ощущения батюшка не жаловался, но часто говорил, что чувствует необыкновенную слабость... <...>

Лежа в своей келье в промежутках между выходами в приемную, батюшка непрестанно перебирал четки и шепотом творил молитву Иисусову. Во избежание самообмана в количестве пройденных четок батюшка отмечал их косточками

⁵ Перлов Сергей Васильевич (1835–1911) — русский купец первой гильдии из чаоторговцев Перловых. Еще при жизни старца Амвросия стал жертвовать на нужды строившейся Шамординской обители. После кончины старца они с женой Анной Яковлевной (1843–1918) не оставили заботы о монастыре, супруги не только давали средства на строительство, но во все вникали и по-доброму относились к сестрам.

⁶ Екатерина (Самбикина; 1842–1911), схиигумения. По благословению старца Иосифа после смерти матушки Евфросинии она была назначена игуменией Шамординской обители. Новоизбранной настоятельнице Екатерине было 62 года, из них двадцать лет монашеской жизни в Шамордино. Матушка Екатерина при помощи благотворителей Перловых устроила в монастыре различные мастерские: золотошвейную, живописную, ковровую. Работала своя типография, издавали общедоступную духовную литературу. В период ее настоятельства старец Иосиф был спокоен за обитель, зная, что она находится в верных руках, и потому ее смерть глубоко опечалила старца.

от маслин, почему на столике у его изголовья всегда можно было видеть коробочку с этими косточками.

Кушал батюшка и всегда очень воздержно, а с декабря даже и обычное скудное количество пищи уже не мог вкушать, так как от слабости всего организма ослабел и желудок, и батюшка стал чувствовать боль под ложечкой даже и после ухи.

На третий день Пасхи, 12 апреля, батюшка заболел последнею смертельною болезнью, начавшеюся сильной рвотой, а затем повышением температуры до 39, 1. От доктора и лекарств батюшка совершенно отказался, несмотря на усиленные просьбы всех духовных детей. Но доктор все же был приглашен по просьбе шамординской благодетельницы А.Я. Перловой, обратившейся с ней к отцу архимандриту, и батюшка по своему смирению, как бы за послушание, согласился принять доктора. Он приехал на седьмой день болезни, определил малярию и нашел, что сердце у батюшки очень слабо, и потому надежды на выздоровление очень мало.

Четыре недели проболел батюшка. Температура то поднималась, то спадала скачками. Батюшку томила жажда, во рту пересыхало от жара, и батюшка часто просил пить, но кроме воды не вкушал ничего другого; иногда говорил келейнику накапать в воду несколько капель гомеопатии.

Приобщался батюшка ежедневно.

20 апреля батюшка пожелал проститься с братьями и благословил послать в Шамордино распоряжение, чтоб отпустили сестер.

Началось скорбное трогательное зрелище, длившееся несколько дней сряду. Сестры по партиям человек в пятнадцать-двадцать одна за другой входили к батюшке в келью, кланялись в землю, молча целовали благословлявшую их ручку и, едва удерживая рыдания, выходили обратно в хибарку. Батюшка смотрел на всех своими скорбными страдальческими глазками и, видимо, узнавал каждую. Вперемежку с сестрами были допускаемы и все желавшие проститься с отходившим старцем мирские посетительницы Оптиной. После каждой партии сестер делались неболь-

шие перерывы в полчаса или час, смотря по самочувствию батюшки. Когда батюшку просили прекратить прощание на более долгий срок, батюшка не согласился и торопил, чтоб все скорее были допущены.

При этом два раза как бы нечаянно обнаружилась батюшкина прозорливость. 23 апреля в пять часов дня скитский отец игумен спросил батюшку, не приостановить ли доступ сестер. Батюшка ответил: «Они желают, скорбеть будут!» — и благословил телеграфировать белевской матушке игумении, чтоб она отпустила по партиям своих сестер в Оптину. Как раз в это же время и в этот час в Белеве одна преданная батюшке монахиня просилась у матушки игумении в Оптину проститься со старцем, но матушка ответила, что еще не имеет распоряжения о том, чтоб пускать сестер, и отказала ей. В десять часов вечера [была получена] батюшкина телеграмма, и на следующее утро с ранним поездом эта монахиня приехала в Оптину с первой партией отпущенных сестер. Когда она вошла к батюшке, батюшка узнал ее, пристально посмотрел и, благословляя, сказал: «Матрена!»

Другой случай следующий: 24 апреля днем около четырех часов батюшка спросил: «А что, севские здесь?» Дежуривший при батюшке фельдшер вышел в хибарку и спросил, есть ли из Севска монахини, так как батюшка спрашивает их. Но их не оказалось, а через час в Оптину приехали три севские монахини. Батюшка предчувствовал их приезд.

V. Воспоминания монахинь

*Монахиня Магдалина (Носкова)*¹

«За святые молитвы батюшки...»²

Много случаев прозорливости и благодатной помощи по его [отца Иосифа] святым молитвам было замечено мною.

Раз я приехала к батюшке с одной больной сестрой. Она совсем не могла принимать никакой пищи: что поест — всё назад. И это продолжалось с ней довольно долгое время. От болезни она пришла в совершенное истощение и слабость, и насилу довезла я ее до батюшки, намереваясь просить его благословения обратиться за советом к доктору. Кроме того, у нее очень болела грудь и шла горлом кровь. С этим она уже и к доктору обращалась, который нашел болезнь в легких (начало чахотки).

Когда мы пришли к батюшке, он благословил ей поговеть и приобщиться Святых Таин. От батюшки мы пришли на гостинную, и нам подали обед. Ей очень понравились с виду монастырские щи, но так как щи были скоромные, а батюшка благословил ей говеть, то я и не дала ей щей. Придя вторично к батюшке, она стала говорить ему: «Батюшка, как мне хотелось поесть ваших щей». Батюшка спросил: «А что же, разве тебе не дали? У нас щи-то вкусные». — «Не дали,

¹ Монахиня Магдалина (Носкова; род. ок. 1866) — казначая Исаковой Рождество-Богородицкой пустыни Ярославской губернии. Монастырь был основан как мужской в 1659 г. на месте явления чудотворной иконы Рождества Богородицы. Указом Святейшего Синода от 31 июля 1900 г. был обращен в женский общежительный.

² Мать Магдалина часто обращалась за советом к старцу Иосифу письменно. Сохранилось около ста его ответных писем за 1904–1911 гг.

² Публикуется по рукописи из НИОР РГБ. Ф. 213. К. 65. Ед. хр. 27. Л. 88–89.

батюшка, потому что они скромные, да я и боюсь, ведь мне нельзя ничего есть». И при этом объяснила батюшке свои болезни. Батюшка перекрестил ей грудь и все больные места и сказал: «Поди поешь, ничего не будет, все пройдет. А в монастырь приедешь — ходи в трапезу и ешь все, и черный хлеб. Никакой рвоты не будет».

И вот с того момента и до сих пор уже прошло почти семь лет, она стала всё есть, и болезнь ни разу не повторялась, рвоты никогда не было после пищи, и даже в легких болезнь прошла за святые молитвы батюшки. Домой она приехала здоровой и так поправилась, что тот доктор, который ее раньше выслушивал, удивился.

Потом батюшка послал ее исповедоваться к отцу Анатолию³, а сам прежде исповеди всё ее расспросил, давал наставления и напомнил ей многие случаи из ее жизни, которые она забыла, и велел во всем этом покаяться. Ее все это удивило — откуда батюшка все знает о ней? А так как она была простая и неграмотная, то в простоте сердца и спросила: «Откуда же вы это, батюшка, всё про меня знаете, кто вам сказал?» А батюшка ответил: «Никто мне не говорил, и ничего я не знаю, а так я и всех спрашиваю».

Батюшка издали видел наши душевные нужды, и дальность расстояния не мешала ему приходить к нам на помощь во всякой скорби и нужде; и при жизни на земле, и теперь из загробного мира он так же близок к нам. Родной, незабвенный и несравненный батюшка! Вечная ему память!

Раз у нас две сестры поссорились, и мы не могли примирить их. Я всяко уговаривала одну из них и наконец, ничего не успев, призвала в помощь святые молитвы батюшки.

³ Анатолий (Потапов; 1855–1922), иеросхимонах. В Оптиной с 1885 г., исполнял послушание келейника старца Амвросия, затем — старца Иосифа. В 1895 г. пострижен в монашество, в 1906 г. рукоположен во иеромонаха. С 1906 по 1914 год был духовником Шамординской обители. В 1908 г. определен духовником богомольцев. Имел от Бога дар утешения страждущих, за что в народе получил прозвание «утешитель». После 1917 г. — братский духовник и старец, одновременно со старцем Нектарием (Тихоновым). День памяти преподобного Анатолия — 30 июля/12 августа.

Потом подошла к его портрету, поклонилась до земли и говорю ему, как бы лично беседуя с ним: «Батюшка, дорогой, ты видишь, что я ничего уже не могу сделать. Сам, как знаешь, примири их и помолись». На другой день утром прихожу из церкви и вижу, что обе эти сестры сидят вместе и о чем-то очень мирно разговаривают. Меня это удивило, ничего я им не сказала, только мысленно возблагодарила Господа и батюшку. Потом пришла ко мне эта сестра, которую я уговаривала, и говорит мне: «Знаете ли, ведь сегодня мне батюшка приснился. Да точно я и не спала, как наяву пришел и так строго мне сказал: “Л! А что же это ты старицу-то свою не слушаешься?” Я так испугалась, сразу вскочила с постели и побежала мириться скорей с монахиней N. И так теперь легко!»

Некоторые письма, писанные самим батюшкой, я переписала и посылаю, а [не]которые и не переписывала, так как они касаются лично меня и только для меня дороги как драгоценные памятники отеческой любви, внимания и готовности служить ближнему всем.

*Монахиня Серафима (Сорокина)*⁴

Мои воспоминания о покойном старце батюшке Иосифе⁵

Батюшку отца Иосифа я знала еще при покойном старце батюшке отце Амвросии, который и благословил мне еще при своей жизни писать к отцу Иосифу, что я и исполнила, но после смерти старца отца Амвросия я по сложив-

⁴ Монахиня Серафима (Сорокина) — насельница Тульского Успенского монастыря. «Девушка из мещан», окончила Белевское городское училище. В монастырь поступила в 1883 г., определена в послушницы в 1888 г. В монастыре была письмоводительницей. Находилась в переписке со старцем Иосифом. В НИОР РГБ сохранилось десять копий писем батюшки к послушнице Елизавете. Копии выполнены уже монахиней Серафимой после кончины старца и присланы в Оптину пустынь вместе с воспоминаниями.

⁵ Публикуется по рукописи из НИОР РГБ. Ф. 213. К. 65. Ед. хр. 27. Л. 88–89.

шимся обстоятельствам, а скорее — по действию дьявола, стала редко посещать Оптину пустынь, а писать совсем оставила. Но вот наступил 1905 год. Разные волнения в городе, посещение монастыря⁶ экспроприаторами, а более всего — Божие посещение, и я заболела сердечною нервную болезнью: сильное биение сердца, тоска, бессонница, страх смерти, постоянные слезы — все это опять потянуло меня в св[ятую] обитель — Оптину пустынь. И вот в 1906 году, в июле, я одна с большим трудом, больная едва добралась до Оптиной пустыни.

Батюшка отец Иосиф встретил меня весело и сказал: «Спаси тебя Господи, что приехала». Мне от этих слов было и радостно, и стыдно за себя; я заплакала и говорю: «Батюшка, я очень больна, биение сердца и страх смерти на меня нападает, боюсь — умру». Батюшка сказал: «Смерти бояться нечего, да и не умрешь, а запустила себя, уклонилась от правого пути, в церковь редко ходишь, вот и больна». А о слезах сказал: «Хорошо плакать о грехах, а пустые слезы не принесут пользы». И тут же благословил меня поговеть и пожить. Еще у меня болело горло и желудок. Батюшка не благословил лечиться, а сказал: «Вот будешь ходить в скит, каждый раз заходи на колодезь и пей из колодца батюшки отца Амвросия воду, по три глотка, и говори: «Святыми молитвами старца моего отца Амвросия помоги мне, Господи». А нужно сказать, вода была очень холодная, но по благословению и за послушание я пила, и болезнь моя как-то незаметно прошла. А на прощание старец мне благословил бутылочку воды, которую я всегда беру с собой и храню; главное — она никогда не портится, несмотря на годы.

Еще я батюшке при свидании рассказала виденный мною сон, что я плыла на броненосце по морю, но стала буря, волны, и в них появились морские чудовища, которые меня хотели стащить с корабля, но я стояла на самой вышке, в руках моих была шелковая лестница, и я еще потому не боялась, что знала: кораблем управляет опытный капитан. Но вдруг

⁶ Тульского Успенского.

засиял очень яркий свет, я радостно вскрикнула: «Пристань! Пристань!..» Море стало тихое, голубое, звери поплыли назад, а я стала спускаться по лестнице, чтобы вымыть руки в море, и нечаянно взглянула вправо: на корабле стояли двое, как бы капитан и его помощник в белой военной форме, но не обыкновенные люди, а прозрачные. Батюшка внимательно выслушал и сказал: «Скорбь будет у тебя большая, но осенит тебя милость Божия». Что действительно все и случилось, так что я едва удержалась в монастыре.

В другой раз в самые тяжелые минуты приезжаю к батюшке и говорю, что очень мне тяжело жить, восстание большое, а главное — клевета, едва ли останусь в монастыре. Батюшка слушал, перебирая четочки, а в глазах его, устремленных куда-то вдаль, светились какие-то необыкновенные лучи, как бы от солнца; потом батюшка вздохнул и сказал: «Потерпи немного, а каково им-то будет!» А потом вдруг, благословляя, как бы пророчески сказал: «Нет, ты умрешь в своем монастыре монахиней», о чем я прежде и думать не могла. По его святым молитвам случилось принять монашество, чему я однажды противилась.

Уже в последний год его жизни, в 1911 году, я приехала на шестой неделе [Великого поста] и прожила Пасху, и при мне батюшка заболел предсмертною болезнью, и я, грешная, удостоилась в последние дни его здоровья заниматься с ним: на Пасху он меня принял и советовал принять мантию. Я уклонялась за недостатком средств, но батюшка сказал: «Прими тайную». Я ответила: «Разве я в мантии буду лучше?» Батюшка укоризненно сказал: «И будь хуже, и считай себя хуже, а от мантии не отказывайся — Бог благословит».

Однажды при занятии с батюшкой я сказала: «Вот, батюшка, все я не так живу, как другие. Свои деньги прожила, здоровье потеряла, стала стара, и М.В. мне лично сказала: “На что вы нужны, только обуза для обители”. А батюшка улыбнулся и сказал: «А ты у нее спроси, какие плоды лучше — зрелые или зеленые».

Батюшка говорил всегда мало и меня учил молчать, не оправдываться и никого не винить, всегда проверять

свои поступки и себя укорять. Я и говорю: «Батюшка, за молчание часто получаю укоры даже. Н. дурой назвала, что я за себя не умею постоять, а не только за других». А батюшка сказал: «Так и надо». Когда я уезжала, батюшка всегда благословлял — давал просфору и листочки [с поучениями], в которых я как бы видела состояние своей души. Однажды он, подавая мне [листок], вдруг взял [его] обратно: «Я ошибся, тебе не то нужно...» — и дал другой. Все листочки я храню как завет и наставление старца и в скорбные минуты прошу его святых молитв, как он сам учил меня молиться.

VI. Старец Иосиф и В.А. Вейденгаммер

*Монахиня Амвросия (Оберучева)*¹

<...> В больнице² работала сестра инженера В.А. Вейденгаммера. Она ходила на костылях, потому что у нее болел тазобедренный сустав; с большой любовью относилась к больным; так и осталась она у меня в памяти: пот градом на лице, а она все трудится.

Ее брата я не знала, только слыхала в монастыре его имя: он приезжал к нам по поводу каких-нибудь построек. Я повстречала монаха из Оптиной пустыни, его бывшего друга (отца Виктора), и вот что он мне рассказывал.

В девяностых годах прошлого века строилась железная дорога Козельск – Сухиничи. На постройку этой дороги и был назначен инженер Вейденгаммер. Он был, как сам о себе говорил, человек неверующий, развратный. Кутила. Был женат и имел дочь, но жене постоянно изменял. Среди

¹ Печатается по: *Амвросия (Оберучева), монахиня. История одной старушки: Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую не по заслугам Господь не оставлял Своею милостию и которая считала себя счастливой всегда, даже среди самых тяжелых страданий.* М.: Храм святых бессребреников и чудотворцев Косьмы и Дамиана на Маросейке, 2006. С. 260–262.

² Будущая монахиня Амвросия (Оберучева; 1870–1944) окончила Санкт-Петербургский женский медицинский институт и работала врачом. Во время Первой мировой войны ушла добровольцем на фронт, служила во фронтовых госпиталях, была ранена. В 1917 г. поступила в Шамординский монастырь, в 1919 г. была тайно пострижена в мантию старцем Анатолием (Потаповым). После закрытия монастыря, живя в Козельске, окормлялась у отца Никона (Беляева). Прошла через аресты, ссылку, но везде самоотверженно помогала больным. С 1933 г. жила в Сергиевом Посаде.

² Имеется в виду больница Шамординского монастыря.

постоянных мимолетных увлечений он встретил девушку, которую серьезно полюбил. Он приехал с ней как с женой и поселился в Козельске на время постройки этой ветки железной дороги. Жена его (он называл ее Даня) была очень хороший человек, удивительной кротости: она влияла на мужа своей светлой личностью, с ней он переродился³. Скоро она познакомилась со старцем Иосифом, полюбила его и сделалась его духовной дочерью. Когда она шла к старцу, муж сопровождал ее и терпеливо ожидал, сидя на скамейке недалеко от хибарки в скиту.

Однажды ему надо было ехать по делу в одну местность за несколько верст, и он решил взять с собой Данечку, так как было лето. Даня не хотела ехать, не взяв благословения у старца, и накануне отъезда они пошли в Оптину. Он терпеливо ждал ее на скамейке. Возвратившись, Данечка сообщила, что батюшка не благословил их ехать завтра, потому что они могут погибнуть. Виктор Алексеевич возмутился: ему надо ехать, а она слушает бредни какого-то старика... И много еще упреков посыпалось на нее. Она вернулась опять к старцу, рассказала, как муж недоволен...

Батюшка встал, начал молиться перед иконами. Достал небольшой образок Божией Матери Казанской, благословил ее и сказал: «Ну, езжайте, Царица Небесная спасет вас».

На другой день погода была прекрасная, они сели в маленькую тележку и отправились вдвоем. Проехали версты три-четыре от города, лошадь начала храпеть, и они с ужасом увидали: от опушки леса, прижавшись к земле, на них надвигается громадный тигр, вот-вот сейчас прыгнет на них... Неверующий В. А. воскликнул: «Боже, спаси Данечку!» А она привстала и стала крестить воздух вокруг данным ей батюшкой образком... Страшный зверь

³ В романе И.С. Шмелева «Пути небесные» воссозданы некоторые детали биографии В.А. Вейденгаммера и его незаконной жены Дарьи Королевой, Дани. Как сообщает А.М. Любомудров в статье, опубликованной в выше указанном издании (М., 1995), Виктор Алексеевич Вейденгаммер (1843–1916) происходил из дворянской семьи обрусевших немцев и был дядей жены И.С. Шмелева.

сделал прыжок через дорогу и, не достигнув их, скрылся в лесу⁴.

Скоро постройка дороги окончилась. Инженера командировали на другую стройку — в Ростов-на-Дону. Уезжая, он сказал Данечке, чтобы она скорее управилась со своими домашними делами и ехала к нему.

Оставшись пока в Козельске, она первым долгом отправилась к старцу, благословилась распродать свою мебель и подготовиться в дорогу. Потом исповедовалась у батюшки, причастилась, пособоровалась и отправилась в дорогу. Во время пути ей надо было сойти; она торопилась выйти, и ее перерезал поезд.

Дали знать Вейденгаммеру. Скорбь его была безгранична, он совершенно отчаивался, хотел застрелиться, но мысль: «Ведь Данечка не погребена, кто же будет ее хоронить?» удержала его. Он поехал и похоронил Данечку в Рудневе⁵, около церкви (это дача Шамординского монастыря): она особенно любила это место, они с нею много раз бывали там. (Матушка казначея помнит эти похороны.) Теперь он свободен и должен покончить с собой. И еще мысль: «Ведь Данечка так любила старца, пойду ему сообщу».

Рассказывал он старцу о ее смерти и при этом признался, что теперь не может жить... Смиранный, кроткий старец необычно твердо сказал: «Ты должен поступить в монастырь в память Дани». — «Как же я могу поступить, когда я неверующий развратник?»

«Ты должен это сделать в память Дани», — опять твердо сказал старец. «Я пьяница, курильщик». — «Пей, кури, но так, чтобы никто не видел». Он долго и много охаивал себя, и на все это был один твердый старческий ответ: «Все равно, при всем этом ты должен поступить в монастырь».

⁴ Как пишет А.М. Любомудров, история чудесного спасения от сбежавшего из зоопарка тигра (приведенная м. Амвросией) была широко известна в Оптиной.

⁵ Руднево — монастырский хутор в нескольких верстах от монастыря. Храм в честь Успения Божией Матери на этой даче был построен шамординскими благотворителями С.В. и А.Я. Перловыми и освящен епископом Калужским и Боровским Макарием 9 июля 1901 г.

И вот он поступает в скит.

Он не мог, конечно, сразу стать настоящим монахом. Изредка только ходил в церковь. Он трудился над планами, если были какие-либо постройки в Оптиной⁶ или Шамордино. Ездил туда на постройки. И в окне его кельи далеко за полночь светился огонек, это он сидел за планами... <...>

Из воспоминаний Юлии Кутыриной⁷

В нашей семье была известна трагическая смерть Дариньки, но подробности случившегося я узнала только в Париже, уже после кончины Ивана Сергеевича. Я не раз встречала у него старенькую даму А. В. Р. из очень богатой в прошлом московской семьи. Несмотря на свои восемьдесят лет, старушка должна была еще зарабатывать на жизнь больной дочери и на свою продажей газет, и, получая от нее газету и беседуя с ней, я узнала случайно, что она видела Виктора Алексеевича в монастыре в 1899 году. Вот что она мне рассказала: «В 1899 году я приехала со своим женихом в Шамордино. Посетив обитель, мы поехали в Рудново и, обходя деревянную церковку, увидели совсем свежую могилу; нам сказали, что в ней недавно схоронили молодую женщину, которая попала под поезд. Выяснилось, что эта молодая женщина была Даринька. Даринька приезжала к старцу Иосифу, ища помощи в своем последнем тягчайшем испытании, когда скончался на девятый день рождения так долго жданный ею ребенок, вымоленный ее страстным молением (о чем помечено в записной книжке И.С. Шмелева).

Даринька никак не могла примириться с потерей ребенка, и ей было трудно уйти от старца Иосифа; она долго с ним

⁶ В.А. Вейденгаммер наблюдал за строительством храма во имя святителя Льва Катанского в Оптином скиту, строительство которого было завершено в 1902 г. Трудился он и над другими постройками в Оптиной и Шамордино.

⁷ Юлия Александровна Кутырина (1891–1979), племянница жены И. Шмелева Ольги Александровны. Была собирательницей русского фольклора. После кончины И.С. Шмелева стала его душеприказчицей, занималась шмелевским наследием и публикацией его произведений.

говорила и плакала. Когда же она собралась уходить, старец сам два раза ее возвращал и наконец сказал ей, благословив: «Ну, иди!..» Даринька спешила поспеть на станцию Сухиничи; услышав свисток, она бросилась через рельсы к своему поезду и попала под встречный. Дариньке отрезало ноги выше колен. Умирая, Даринька каялась всенародно в своем грехе — своей безбрачной жизни, просила похоронить ее в Руднове. «Я видела, — закончила А. В. Р., — ее фотографию в гробу: лицо очень красивое, еще молодое и совсем спокойное. Меня поразило ее спокойствие, будто оно выражало просветление искуплением. Даринька достигла того, к чему она стремилась, — искупить грех свой и Виктора Алексеевича».

После мученической кончины — трагической гибели Дариньки Виктор Алексеевич ушел из мира. Прозрев через страдание и грех свет Истины, он преобразился в нового человека и, приняв монашеский постриг, навсегда остался в Оптиной пустыни.

Протоиерей Сергей Четвериков⁸ в беседе с А. В. Р. говорил, что тоже видел в Оптиной пустыни высокого красивого монаха с черной с проседью бородой, с необычайно проникновенным потусторонним выражением глаз, как бы прозревшим иной мир. Он был совершенно замкнут, ни с кем не разговаривал, кроме как со своим духовником старцем Иосифом. Называли его в монастыре монахом-архитектором, и был он действительно строителем нового собора в скиту Оптиной пустыни. Он много потрудился для устройства монастыря.

⁸ Сергей (Четвериков; 1867–1947), протоиерей, церковный миссионер, духовный писатель, впоследствии иеромонах. Еще будучи студентом духовной академии, он бывал в Оптиной пустыни, полюбил эту обитель и позднее часто посещал ее и написал много книг об Оптиной и ее старцах. Известно составленное о. Сергием «Жизнеописание старца Амвросия Оптинского», он участвовал в подготовке «Собрания писем старца Анатолия к монахиням». Отец Сергей служил в Чернигове, Полтаве. Более двадцати лет он был законоучителем в различных учебных духовных заведениях. В 1920 г. эмигрировал из России за границу. Служил и был настоятелем храмов в Сербии, Словакии, Париже. В 1942 г. рукоположен во иеромонаха. В 1946 г. принят в клир Московского патриархата. Умер на чужбине.

<...> О Викторе Алексеевиче в постриге рассказывала мне еще мать переводчицы на французский язык «Путей небесных» Татьяна Яковлевна Эмерик; встретила я с ней уже после кончины Ивана Сергеевича. Она знала детей и внуков Виктора Алексеевича Вейденгаммера и посетила Оптиную пустынь в то время, когда он был уже монахом. Это было в 1902 году. Приехала Татьяна Яковлевна, будучи в это время тринадцатилетней девочкой, вместе с дочерью Виктора Алексеевича и его внучкой Ниной в Оптину пустынь. Девочки были однолетки и бегали по монастырю, нарушая тишину и порядок монастырского уклада, «за что нам попало», говорила Татьяна Яковлевна. Она запомнила и ее поразило то, что среди монахов Оптиной пустыни были некоторые, видимо, из светского круга, сохранившие манеры и правила вежливости мирской жизни. Особенно запомнился ей облик Виктора Алексеевича: он вышел к ним, но оставался вне всего и всех, не разговаривал и ничем не интересовался; был он высокого роста, с черной бородой и синими глазами, смотревшими как-то в сторону, ушедшими в иную жизнь⁹.

Письмо В. Вейденгаммера¹⁰

До нас дошло единственное письмо самого Вейденгаммера. Написанное к племяннице Ольге Александровне Шмелевой, оно сохранилось в архиве Ивана Сергеевича Шмелева. Но как много даже из одного этого письма узнаем мы о его авторе! Сам переживший страшное горе, сколько душевной чуткости и духовной мудрости проявляет он, утешая осиротевшую родственницу, сколько сердечной заботы о том, чтобы та шла путем спасения.

11.XII.1911

⁹ Печатается по той же статье А.М. Любомудрова. Воспоминания цитируются по: *Кутырина Ю.А.* «Пути небесные» И.С. Шмелева // Возрождение: Литературно-политические тетради. 1957. № 70. С. 59–72.

¹⁰ Печатается по статье А.М. Любомудрова.

Дорогая племянница, Оля!

Прости меня пожалуйста за такое громадное промедление ответом на твое хорошее письмо. Конечно, с самого дня получения известия (телеграммы) о кончине родной и дорогой моей сестры и твоей мамы ежедневно вынимается просфора о упокоении ее души, также и в Шамордине она поминается на каждой обедне. Молюсь я (но я плохой молитвенник), сестра Оля, и все знавшие ее монахи Оптиной пустыни, я просил их об этом. Молитесь и вы о доброй, всегда забывавшей себя для вас и всегда болевшей о вас сердцем матери, ведь в этом (в молитве о ней) и выражается наша память и любовь к ушедшим от нас в другой мир близким и родным людям, и в этом выражается общение мира нашего с загробным, и она, сестра, тоже «там» молится за тех, кого любила, — о ком болела душой в этом мире.

Со смертью человек рождается в жизнь будущего века, где царствует одна любовь, любовь вечна, она переходит за предел гроба. Знаю я, дорогая Оля, какое потрясающее впечатление производит смерть матери, и еще более знаю. Потерять мать, также любимого человека! Это такие факты, с которыми не может примириться ни ум, ни сердце, ни дух, ни тело: все болит и все протестует, и только вера в загробную жизнь, в свидание за гробом дает надежду на свидание, а при вере и надежде: *Смерть! Где твое жало?* (1 Кор. 15, 55). «Там» увидимся! — остается только подождать некоторое, хотя может и продолжительное время. И это-то время до желанного свидания и надо постараться прожить так чтобы не совестно было встретиться «там».

Мама твоя, конечно, любила тебя не менее других, но жила у других, потому что они более нуждались в ее помощи, и потому что у тебя ей было бы вполне покойно жить, но она не искала легкого покоя, всем жертвовала для детей. Мне случалось, дорогая Оля, говорить с нею о тебе. В материальном отношении она была покойна за тебя, но в другом отношении, в смысле веры, близости к Богу, принадлежности к Православной Церкви она очень болела о тебе душою. Вот на это и обрати внимание, ведь она в этом отношении, так же, как и каждая мать, отвечает за детей перед

Богом. Ведь не захочешь же ты увеличить за тебя ее ответственность! Ты любишь свою маму, вот и дай ей великое утешение, в этом выразится твоя память о ней и твоя любовь к ней, исполни ее сердечное желание, о котором она возносила усердные молитвы к Богу, будь ближе к вере, к Богу и Церкви.

И я полагаю, что если она говорила со мною о тебе, то это обязывает меня сказать тебе все вышенаписанное и прибавить: не поддавайся неверию и всяким религиозным мудрствованиям — все это растлевает, убивает, отнимает бодрость, энергию и делает жизнь невыносимой, а вера без рассуждения, молитва по мере сил, близость к Богу и Церкви дает тишину и спокойствие душевное, делает человека энергичным, бодрым, бесконечно сильным, потому что *с нами Бог* (см.: Ис. 8, 8–10)! Великое благо и великая сила вера и надежда на Бога: ничего не страшно, и все можно перенести. Конечно, и там, за пределами гроба, мама твоя молит Господа о тебе и муже твоём, чтобы Господь привел вас к вере, к Церкви и Православию.

Еще раз прошу извинить меня за мое долгое молчание, потому что я был страшно занят проектом гостиницы. Мне нужно было его кончить, а работы было много и голова совершенно забита, так что я не мог писать. Вообще я постоянно занят и сейчас опять приступаю к проекту богадельни, тоже будет очень много работы. Работы-то много, а заработок = 0, так как за труд ничего не получаешь. Приехать на похороны я не мог, потому что меня бы все равно непустили. Шлю мой душевный привет тебе, Ивану Сергеевичу, крепко жму ваши руки, целую тебя и Сережу и Ивана Сергеевича.

Да хранит вас Господь, желаю милости Божией и всякого благополучия.

*Кланяюсь всем.
Ваш дядя В. Вейденгаммер.*

Из летописи Предтеченского скита¹¹

✧ 1900. Июня 13. Сегодня одет в подрясник вновь поступивший в состав братства скита инженер путей сообщения Виктор Алексеевич Вандергаммер [так в рукописи].

✧ 1900. Ноября 13. Понедельник. Поступивший в скит 5 июня сего года послушник Виктор Алексеевич Вейденгаммер происходит из потомственных дворян Московской губернии Рузского уезда. Окончил курс наук в Императорском Московском техническом училище инженер-механиком. До поступления в скит служил старшим ревизором тяги на Средне-Азиатской железной дороге Закаспийской. От роду 57 лет. Послушание проходит — ежедневное чтение Псалтиря в скитском храме и вычерчивает планы предполагающихся построек в скиту. Женат.

✧ 1901. 25 сего декабря ко дню праздника Рождества Христова М[ихаил] Ив[анович] Иванов и послушник скита В.А.Вандергаммер [так в рукописи] облечены в рясофор.

✧ 1902. Апр[еля] 3. Среда 6-й седмицы Великого поста. Сегодня поднят и водружен на монастырской колокольне новый крест. Приготовляли крест в монаст[ырской] кузнице под наблюдением скитского рясофорного монаха о. Виктора (инженер-механика).

[Согласно Ведомостям о братстве скита, 24 сентября 1911 г. монах Виктор переведен из скита в монастырь, но в 1913 г. он вновь числится в братии скита как «рясофорный монах Виктор, техник»].

✧ 1913. Март 9. Во время бдения с монахом отцом Виктором в келье случился припадок астмы, настолько сильный, что отец Феодосий¹² озабочился немедленно приобщить его Святых Таин и оособоровать.

¹¹ Печатается по статье А.М. Любомудрова.

¹² Феодосий (Поморцев; 1854–1920), схиигумен. В 1902 г. рукоположен во иеромонаха. В монастыре был ризничим, а с 1905 г. — духовник богомольцев. В 1912 г. избран и назначен скитоначальником. Был духовным сыном отца Варсонофия и одновременно его духовником. В 1915 г. возведен в сан игумена; перед кончиной принял схиму.

✧ 1916. Апреля 17. <...> Сегодня вечером последовала внезапная кончина рясофорного монаха отца Виктора (Алексеевича Вейденгаммера), поступившего в скит в 1900 г. Покойный страдал приступами удушья давно, и с ним было уже несколько ударов. Видимо, один из таких и прекратил его жизнь. Отец Виктор приобщался Святых Христовых Таин на Страстной седмице и в Великие Светлые дни находился в высоком духовном настроении. Простота, искренность, доброта, прямодушие, чуждое лицемерия и лукавства, и отзывчивость на всякую скорбь ближнего приобрели ему общее уважение, и он пользовался от всех любовью и расположением. Талант, данный ему от Господа, особенно проявлялся в знании им инженерного, архитектурного и технического искусства; в том же деле трудился он неленостно в монастыре и скиту и своими познаниями приносил большую пользу обители. Трудолюбие и высокие его нравственные качества дают твердое основание надежде на блаженное воздаяние ему в вечности. В этом уповании утверждает и то обстоятельство, что почивший после того, как раздался зов Божий в катастрофе с его женою, раздавленною поездом на железной дороге, не замедлил порвать с миром, несмотря на «вся красная и благая» его¹³, предпочтя сим последним «единое на потребу» (ср.: Лк. 10, 42). Достоинно примечания, что гроб с телом умершего, стоявший в храме до пятницы, в удовлетворение просьбы родных, желавших присутствовать на погребении, не обнаружил никаких признаков тления. Могила покойного — рядом со свежеею могилою иером[онаха] отца Ираклия. Вечная им память.

¹³ Ср.: «Радуйся, вся благая и красная мира сего Господа ради презрѣвый» — слова из 1-го икоса акафиста свт. Василию Рязанскому и другим святым.

VII. Из книги Сергея Нилуса «На берегу Божьей реки»

16 марта [1909 года]¹

Старец Иосиф. Видение в Шамординой. Революционер и святой Архистратиг Михаил. «Хорошо живут в Шамординой!»

Сегодня был в скиту у наших богомудрых старцев. На мужской половине у старца Иосифа народу было немного. Слабеет телом наш батюшка; телом слабеет, но не духом: духом точно вчера рожден великий смиренномудрием старец...

— Что-то давно у нас не бывали? — с легкой укоризной в голосе спросил меня приветливый келейник батюшки.

— А как давно? — переспросил я. — И недели нет, как я был на благословении у батюшки. Старец слабеет, а я его буду беспокоить без особой надобности, отнимать его время от истинно нуждающихся и обремененных? Это было бы мне в грех, отец З[осима]; я ведь свой, постоянно на ваших глазах мотаюсь, а к батюшке со своими скорбями люди ездят бог весть из какой дали: можно ли от них понапрасну отвлекать старца?

— Так-то так, — возразил мне отец З., — а все-таки и ради одного благословения — великое дело почаще ходить к старцам: сами знаете, что значит старческое благословение.

Вскоре меня позвали к старцу.

— Ну что скажешь хорошего? — спросил меня отец Иосиф, преподавая мне благословение.

— Я, родимый, за хорошим-то к вам пришел, а своего доброго у меня нет ничего — чист молодец! — ответил я батюшке.

¹ Печатается по: *Нилус С.А.* На берегу Божьей реки. Ч. 1. Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1991. (Репринт 1916 г.).

— Ну вот тебе и хорошее: померла в Шамордино недавно клиросная послушница. К сороковому по ней дню товарка ее по послушанию видит ее во сне. Приходит будто бы покойница к ней, а та и говорит ей:

— Да ведь ты умерла! Как же ты здесь?

— Разве у Бога мертвые есть? — отвечает ей покойница. — Я пришла попросить прощения у такой-то, — и имя ее рассказывает. — Я ей должна осталась десять копеек. Но чтобы исправить это, то и отпущена, да и то на короткое время.

— А что, хорошо там, где ты теперь? — спросила ее товарка.

— Уж так-то, — ответила она, — хорошо, что и высказать невозможно!

— Ну расскажи, пожалуйста!

— Нельзя — не велено!

Сон на этом кончился... Дело это было ночью. А днем к другой послушнице пришла из деревни Шамординой та самая женщина, чье имя во сне назвала покойница, и спрашивает:

— Умерла у вас, никак, такая-то?

— Да, — говорит, — померла! А что?

— Вишь, — говорит, — грех-то какой вышел: она мне десять копеек должна осталась. С кого ж мне их искать теперь?

На разговор этот подошла та сестра, что сон видела. Дело-то тут и выяснилось. Сложились сестры и заплатили за покойницу... Вот тебе и хорошее! — промолвил, улыбаясь, старец.

— Батюшка, — сказал я, умиленный этой простой и чудной повестью, — вот у вас-то хорошее, а у нас-то все плохое.

— Ну, рассказывай про плохое!

— В Москве, да и не в одной Москве, знамения стали являться на небе. Не к добру это, особенно как станешь вникать в глубину современной мирской жизни: ведь в этой глубине не чудятся ли уж те *глубины сатанинские* (Откр. 2, 24), о которых прикровенно говорит Священное Писание?

— Плохо стали жить люди православные, — ответил старец, — плохо, что и говорить! Но знай, пока стоит престол

царя самодержавного в России, пока жив Государь, до тех пор, значит, милость Господня не отъята от России и знамения эти, что ты или люди видят, еще угроза только, но не суд и конечный приговор.

— Батюшка! И царю, и самодержавию со всех сторон угрожают беды великие.

— Э, милый! И сердце царево, и престол его, и сама его драгоценная жизнь — все в руках Божиих. И может ли на эту русскую святыню посягнуть какая бы то ни было человеческая дрянь, как бы она ни называлась, если только грехи наши не переполнят выше краев фиала² гнева Божия? А что он пока еще не переполнен, я тебе по этому случаю вот что скажу: позапрошлым летом был у меня один молодой человек и каялся в том, что ему у революционеров жребий выпал убить нашего Государя. «Все, — говорит, — у нас было для этого приготовлено, и мне доступ был открыт к самому Государю. Ночь одна оставалась до покушения. Всю ночь я не спал и волновался, а под утро едва забылся... И вижу: стоит Государь. Я бросаюсь к нему, чтобы поразить его... И вдруг передо мною, как молния с неба, предстал с огненным мечом сам Архангел Михаил. Я пал ниц перед ним в смертном страхе. Очнулся от ужаса, и с первым отходящим поездом бежал вон из Петербурга, и теперь скрываюсь от мести своих соумышленников. Меня они, — говорит, — найдут, но лучше тысяча самых жестоких смертей, чем видение грозного Архистратига и вечное проклятие за Помазанника Божия...»

Вот, друг, тебе мой сказ: пока Господь Своим Архистратигом и небесным воинством Своим хранит Своего Помазанника, до тех пор — жив Господь! — нечего ни за мир, ни за Россию опасаться. Это ты твердо запомни... Да шамординский мой сказ не забывай: он — залог того, что еще есть по монастырям русским, да и в миру, кое-кто, ради кого еще падит Господь наши содом и гоморру³.

² Фи́ал — чаша, сосуд. В Новом Завете, в Откровении (греч. — Апокалипсис) апостола и евангелиста Иоанна Богослова говорится о семи чашах гнева Божия, которые Ангелы должны будут вылить на землю (см. гл. 16).

³ Содом и Гоморра — это библейские города, уничтоженные Богом

О премудрость и благость Божия!
О красота и глубина моей Божьей реки!..
<...>

27 мая [1909 года]

Мед с оптинских цветов: беседа с отцом И. о старце Амвросии

Есть у нас в Оптиной слепец-монах, отец И.⁴ Долгое время он нес в обители послушание канонарха⁵, затем стал терять зрение, а под конец и вовсе ослеп. Очень расположено мое сердце к этому слепенькому подвижнику.

Как-то раз, идя из церкви после всенощной домой, я обогнал отца И., оцупывавшего палочкой перед собою дорогу, приостановился, подождал его и повел его под руку в его келью. Прощаясь со мной у порога своей лестницы (его келья во втором этаже), он придержал меня за рукав и говорит:

— Зайдите как-нибудь ко мне: мне есть кое-что рассказать вам из жизни старца Амвросия и моего с ним общения.

Долго я все никак не мог собраться к отцу И. Сегодня пошел в час, когда после обеденного покоя по всем монашеским кельям раздувают самоварчики, — это едва ли не единственное утешение плоти, которое позволяют себе оптинские монахи. Постучался, помолитвился.

— Аминь! — отозвался из кельи голос отца И. — А, это вот кто пожаловал! Просим милости, — радостно приветствовал меня хозяин кельи, — милости просим! А я думал, что вы уже и забыли про убогого И.

— Не забыл, а все некогда было, мой батюшка, поговорке: дела не делаю и от дела не бегаю. День за днем, вот под упрек и угодил к вашему преподобию — простите!

за нечестивые грехи их жителей (Быт., гл. 18–19). В данном тексте эти наименования иносказательно означают место, где творятся беззакония и попираются моральные устои общества.

⁴ Возможно, речь идет о схимонахе Иоиле (Токареве; 1839–1920). См. о нем. примеч. на с. 164.

⁵ Канонарх — церковнослужитель, возглашающий глас и слова молитвы, которые затем поет хор.

А самоварчик кипел уже и у отца И. Присели мы к этому сотаиннику скорбей монашеских, и вот что поведал мне за чайком мой слепенький молитвенник.

«Было это, — сказывал он мне, — лет двадцать пять тому назад. В то время я еще был только рясофорным послушником и нес послушание канонарха. Как-то раз случилось мне сильно смутиться духом, да так смутиться, что хоть уходи вон из монастыря. Как всегда бывает в таких случаях, вместо того чтобы открыть свою душевную смуту старцу — а тогда у нас старцем был великий батюшка отец Амвросий, — я затаил ее на своем сердце и тем дал ей такое развитие, что почти порешил в уме своем уйти и с послушания, и даже вовсе расстаться с обителью. День ото дня помысел этот все более и более укреплялся в моем сердце и наконец созрел в определенное решение: уйду! Здесь меня не только не ценят, но еще и преследуют: нет мне здесь места, нет и спасения! На этом решении я и остановился, а старцу, конечно, решения своего открыть и не подумал... Вы это, мой батюшка С.А., поймите в виду: в случаях, подобных моему, теряется и вера к старцам — такие ж, мол, люди, как и все мы грешные...

И вот, придя в келью от вечернего правила — дело это было летом, — я в невыразимой тоске прилег на свою койку и сам не заметил, как задремал. И увидел я во сне, что пришел я в наш Введенский собор, а собор весь переполнен богомольцами, и все богомольцы, вижу я, толпятся и жмутся к правому углу трапезной собора, туда, где у нас обычно стоит круглый год плащаница до выноса ее к Страстям Господним⁶.

— Куда, — спрашиваю, — устремляется этот народ?

— К мощам, — отвечают, — святителя Тихона Задонского!⁷

⁶ В Страстную Пятницу Церковь вспоминает Святые спасительные Страсти Господа нашего Иисуса Христа. Во время вечерни из алтаря для поклонения верующим выносятся Святая Плащаница.

⁷ Тихон Задонский (Соколов; 1724–1783), святитель, чудотворец. С 1763 г. — епископ Воронежский и Елецкий. Оставил множество душеполезных сочинений. Благодаря многочисленным свидетель-

“Да разве, — думаю я, — святитель у нас почивает? Ведь он в Задонске!..”

Тем не менее и я направляюсь вслед за другими богомольцами к тому же углу, чтобы приложиться к мощам великого угодника Божия. Подхожу и вижу: стоит передо мною на возвышении рака; гробовая крышка закрыта, и народ подходит и прикладывается к ней с великим благоговением. Дошла очередь и до меня. Положил я перед ракой земной поклон и только стал всходить на возвышение, чтобы приложиться, смотрю: открывается предо мною гробовая крышка и во всем святительском облачении из раки поднимается сам святитель Тихон. В благоговейном ужасе падаю я ниц и, пока падаю, вижу, что это не святитель Тихон, а наш старец Амвросий, и что он уже не стоит, а сидит и спускает ноги на землю, как бы желая встать мне навстречу...

— Ты что это? — прогремел надо мною угрозой старческий голос.

— Простите, батюшка, Бога ради! — пролепетал я в страшном испуге.

— Надоел ты мне со своими “простите”! — гневно воскликнул старец.

Передать невозможно, какой ужас объял в ту минуту мое сердце, и в ужасе этом я проснулся. Вскочил я тут со своей койки, перекрестился... В ту же минуту ударили в колокол к заутрене, и я отправился в храм, едва придя в себя от виденного и испытанного.

Отстоял я утренью, пришел в келью и все думаю: что бы значил поразивший меня сон?.. Заблаговестили к ранней обедне, а сон у меня все не выходит из головы — я даже и отдохнуть не прилег в междучасие между утреней и ранней обедней. Все, что таилось во мне и угнетало мое сердце столько времени, все это от меня отступило, как будто и не бывало, и только виденный мною сон один занимал все мои мысли.

ствам о чудесах, совершавшихся при его мощах, он был причислен Церковью к лику святых в 1861 г. Дни его памяти — 19 июля/1 августа и 13/26 августа.

После ранней обедни я отправился в скит к старцу. Народу у него в это утро было, кажется, еще более обыкновенного. Кое-как добрался я до его келейника отца Иосифа и говорю ему:

— Мне очень нужно батюшку видеть.

— Ну, — отвечает он, — вряд ли, друг, ты ныне до него доберешься: сам видишь, сколько народу! Да и батюшка что-то слаб сегодня.

Но я решил просидеть хоть целый день, только бы добиться батюшки.

Комнатку, в которой, изнемогая от трудов и болезней, принимал народ на благословение старец, отделяла от меня непроницаемая стена богомольцев. Казалось, что очередь до меня никогда не дойдет. Помысл мне стал нашептывать: “Уйди! Все равно не дождешься!..” Вдруг слышу голос батюшки:

— Иван! (Меня в рясофоре Иваном звали). Иван! Поди скорей ко мне сюда!

Толпа расступилась и дала мне дорогу. Старец лежал весь изнемогший от слабости на своем диванчике.

— Запри дверь, — сказал он мне еле слышным голосом.

Я запер дверь и опустился на колени пред старцем.

— Ну, — сказал мне батюшка, — а теперь расскажи мне, что ты во сне видел!

Я обомлел: ведь о сне этом только и знали, что грудь моя да подоплёка^{8*}... И при этих словах изнемогший старец точно сразу ожил, приподнялся на своем страдальческом ложе и, бодрый и веселый, стал спускать свои ноги с дивана на пол совсем так, как он спускал их в моем сновидении... Я до того был поражен прозорливостью батюшки, особенно тем способом, каким он открыл мне этот дар благодати Божественной, что я вновь, но уже въяве, пережил то же чувство благоговейного ужаса и упал головою в ноги старца. И над головой услышал я его голос:

— Ты что это?

^{8*} Подоплёка (*устар.*) — подкладка у мужской рубахи от плеч до половины спины и груди.

— Батюшка, — чуть слышно прошептал я, — простите Бога ради!

И вновь услышал я голос старца:

— Надоел ты мне со своими “простите”!

Но не грозным, как в сновидении, укором прозвучал надо мною голос батюшки, а той дивной лаской, на которую он только один и был способен, благодатный старец.

Я поднял от земли свое мокрое от слез лицо, а рука отца Амвросия с отеческой нежностью уже опустилась на мою бедную голову, и кроткий голос его ласково мне выговаривал:

— Ну и как же мне было иначе вразумить тебя, дурака? — кончил такими словами свой выговор батюшка^{9*}.

А сон мой так и остался ему нерассказанным; да что его было и рассказывать, когда он сам собою в лицах рассказался! И с тех пор, и до самой кончины великого нашего старца я помыслам вражьиим об уходе из Оптиной не давал воли».

Кончил свой сказ слепенький мой собеседник, а слезы у меня кап да кап! И самоварчик наш откипел и отшумел, и чай остыть успел в наших чашках... <...>

25 сентября [1909 года]

День преподобного Сергия Радонежского.

Подарок старца отца Иосифа

День преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца¹⁰. День моего ангела. Вчера с вечера у нас в доме

^{9*} См.: Четьи Минеи святителя Димитрия Ростовского. 3 декабря. Житие преподобного Иоанна Молчальника. С. 63. Благочестивая диаконисса Раиса пожелала видеть преподобного в лавре Саввы Освященного, куда доступ женам был запрещен. Преподобный послал ей сказать: «”Пребуди на месте, идеже еси ныне. Аз имам явитися тебе в видении сонном”. В некую же ночь спящей ей явился в сонном видении преподобный, глаголя: “Се Бог посла мя к тебе, глаголи убо мне, чего хочещи”». — *Примеч. изд. 1991 г.*

¹⁰ 25 сентября/8 октября Церковь вспоминает преставление прп. Сергия († 1392).

служили всенощную, и как же это было умирительно! И весь сегодняшний день сердце праздновало какую-то особенную праздничную радость.

Ходили к старцам. Старец отец Иосиф поразил меня некоею неожиданностью, какой я от него никогда не видел и ожидать не мог. Принял он нас в своей комнатке. Сидел он слабенький, но очень благодушный, на своем диване, одетый в теплый подрясник серого цвета из какого-то очень мягкого пушистого сукна. Подрясник был опоясан довольно тонким шнурком, сплетенным из нескольких шнурков — белых и красных. Мы стали перед старцем на колени, чтобы принять его благословение. Батюшка благословил и вдруг порывистым движением снял с себя шнурок и со словами: «Ну вот, на тебе!» надел мне его на шею и ловко завязал его мне на груди узлом, на редкость красивым и искусным.

Что бы это могло значить?^{11*}

^{11*} Шнурок этот доселе хранится у меня как святыня, в полной неприкосновенности. — *Примеч. авт.*

VIII. Из книги В.П. Быкова¹ «Тихие приюты»²

<...> Не распространяясь о его служении, о его молитвах, достаточно сказать, что отец Иосиф был точным отражением старца Амвросия и по жизни, и по учению и отличался от последнего только внешнею формою отношения к людям.

В то время как отец Амвросий был человек образованный, обладал самым всесторонним умственным развитием, по характеру был живой, общительный, речь его была помимо ее благодатной силы увлекательна яркостью мысли, образностью выражения, легкостью, веселостью, в которой скрывалась глубокая мудрость, как житейская, так и духовная, — Иосиф был чрезвычайно сосредоточен, речь его была сдержанна и дышала только лишь одним святоотеческим учением.

Как монах он не допускал никаких уступок и компромиссов. Никогда не был особенно ласков, хотя был снисходителен и мягок. С более близкими, преданными ему людьми он был, пожалуй, даже строг и совершенно непреклонен. Конечно, этот метод помогал ему вырабатывать в руководимых им абсолютную преданность, покорность и смирение.

¹ Владимир Павлович Быков (1872–1936), будучи спиритом, издавал оккультные журналы «Спиритуалист» (1909–1912) и «Голос всеобщей любви», а также газету «Оттуда». Имел степень посвящения «мастера стула» в одной из масонских лож, возглавлял кружок «спиритуалистов-догматиков» в Москве. В 1912 г. посетил Оптину пустынь. После бесед со старцем Нектарием покаялся и отошел от спиритизма. В 1913 г. написал и издал книгу «Тихие приюты для отдыха страдающей души» о поездках в Оптину пустынь и другие монастыри. В 1914 г. вышла его книга «Спиритизм перед судом науки, общества и религии». В 1918 г. принял священный сан, служил в московских храмах.

² Печатается по изданию: *Быков В.П.* Тихие приюты для отдыха страдающей души: Лекции-беседы. М., 1913. С. 189–192, 202, 203, 209–210.

Насколько был мудр и силен таившеюся в нем духовной благодатью старец Иосиф, можно судить по тому, что он имел очень большое влияние на Л.Н. Толстого и в период увлечения последними своими измышлениями заставлял задумываться его над своими сильными убедительными доводами.

Во время своих неоднократных путешествий в Оптину Л.Н. беседовал и со отцом Иосифом³.

И насколько сильно было влияние этого человека на душу Толстого, можно судить по тому, что последняя перед своей роковой кончиной, — которая, будучи задрапирована как будто близкими ему людьми, но оказавшимися потом врагами этого запутавшегося искателя правды, и закрыта искусственными складками завесы, отделившей большого человека от великого преддверия истины, и скрывшей от мира ту, быть может, тяжелую трагедию души, которая, инстинктивно чувствуя последние моменты пребывания на земле, тяготела к правде, — стремилась к старцу Иосифу.

А что у покойного Л.Н. Толстого эти импульсы были, это не подлежит ни малейшему сомнению, за это свидетельствуют беспристрастные рассказы искренно правдивого гостинника отца Пахомия⁴ и постоянно пребывающего у ворот в течение почти сорока лет убогого Зиновия.

И вот что повествуют эти два беспристрастных свидетеля:

Отец Пахомий. «Л.Н. Толстой остановился в гостинице № 1⁵, у отца Михаила. В то время старец Иосиф был так болен и настолько бессилён, что никого не принимал и почти все время лежал в постели. Толстой, как только приехал в гостиницу, тотчас же отправился к Иосифу. Хотя путь ему через святые ворота и монастырь был более близким,

³ О последнем посещении Толстым Оптиной пустыни см. на с. 108. См. также примеч. 287–288.

⁴ Пахомий (Дубровин; ок. 1872–1915), схимонах. Поступил в Оптину пустынь в 1897 г. Пострижен в монашество в 1909 г. Нес послушание на скитской даче, на скитской кухне, был смотрителем монастырской гостиницы.

⁵ Л.Н. Толстой приехал в Оптину пустынь 28 октября 1910 г.

но — боялся ли он после своего отлучения входить в святые ворота или просто по чему-либо другому, но только он пошел в обход, кругом монастырской стены, по той дороге, которая отделяет мою гостиницу от монастыря. Я совершенно случайно вышел за ворота и стою себе. Вдруг вижу: из-за угла выходит знакомая фигура графа. Идет средним шагом, довольно бодро. Как только он поравнялся со мной, он снял шапку и проговорил: “Здравствуй, брат”. Я ему низко поклонился и ответил: “Здравия желаю, ваше сиятельство”. Толстой немного было прошел мимо меня, потом вернулся и говорит: “Ты на меня не обиделся, что я тебя назвал братом?” — Я ему говорю: “Никак нет, ваше сиятельство”. — “То-то, а то ведь мы все братья, потому что у нас у всех только лишь один Отец. Поэтому я тебя и назвал братом”.

С этими словами граф вошел в лес, по направлению к скиту».

Отец Пахомий и отец Зиновий: «Не знаю, знал Л.Н. Толстой о том, что [старец] Иосиф не принимает, болен или нет. Но думаю, что узнал или от отца Михаила, или от кого-нибудь из других монахов, или, может быть, от богомольцев. Быстрыми шагами направлялся он к святым вратам скита, через которые должен был пройти в келью старца Иосифа. Подошел и почти у самых врат мгновенно остановился, как будто разрешая какой-то тревожный, мучительный вопрос. Долго стоял; затем, понутив голову, медленно повернул направо и еще медленнее зашагал обратно. Пройдя пять-шесть шагов, остановился снова, задумался и снова, но уже с меньшей решимостью вернулся к святым воротам. Но лишь только близко подошел к ним, опять как будто какая-то сила остановила его. Опять долгое размышление. Снова — неохотная поступь по направлению назад. На этот раз ушел еще дальше от скита и опять остановился. Опять тяжелое, более чем первый раз, продолжительное раздумье на этом месте. Опять поворот направо, опять, но с еще меньшей решимостью направляется Л.Н. Толстой к скитской обители. Еще раз роковая остановка, нерешительная задумчивость, и на этот раз быстрый, энергичный поворот назад и быстрое, чуть не бегом, удаление от скита. И на этот раз навсегда.

— Не наустила⁶ Божья сила великого грешника войти в нашу обитель!.. — серьезно, строго, с благоговейною вдумчивостью и видимо с верой, тяжело вздохнувши, закончил это до боли сердца хватающее за душу немудрое сказание безногий, когда-то бывший николаевским солдатом старый Зиновий и, благоговейно взглянув на святые ворота скита, по обеим сторонам которых нарисованы во весь рост со строгими лицами первые основатели монашества, первые подвигоположники, пещерники с лопатами в руках, с кирками как с орудиями своего служения Господу и с крестами, — снял с себя старый засаленный картуз, благоговейно осенился крестным знаменем и добавил: — Не пропустили, видно, святые угодники.

— Да! Не попал бедняга на истинный путь Православия, — вдумчиво и со слезами на глазах закончил это же повествование отец Пахомий, склонив свою седую голову на грудь, — видно, так Господу угодно, а я долго скорбел, долго упрекал себя потом, что не догадался в то время пойти с ним. Я бы его довел, я бы добился до старца Иосифа, но... видно, Господь не пропустил. <...>

И хотя вскоре после отъезда Толстого из Оптиной была получена из Синода телеграмма с просьбой препроводить старца Иосифа на станцию Астапово для увещания умирающего графа, но за невозможностью беспокоить старца, который мог бы скончаться в дороге, командировали туда старца Варсонофия⁷.

Правда, существует глубокое убеждение, вышедшее из очень осведомленных сфер, что Л.Н. усиленно просил допустить к нему этого старца, но ему отказали, — для меня лично остается неизменным тот факт, что Толстой во исполнение неложного слова Христа именно не был допущен к старцу и старец не был допущен к нему только лишь потому, что Толстой отверг Того, даже за нелюбовь к Которому, по словам апостола Павла, отлучается человек до Пришествия Господа (ср.: 1 Кор. 16, 22). <...>

⁶ Науистить (*устар.*) — подтолкнуть.

⁷ Старец Варсонофий прибыл в Астапово 5 ноября 1910 г., но окружением писателя допущен к нему не был. Л.Н. Толстой умер 7 ноября 1910 г.

И вот такой-то человек при всей своей горделивости прислушивался к старцу Иосифу и даже искал его решающего слова. А слова Иосифа обладали, очевидно, большою духовною силою. Как на яркий пример, подтверждающий это, должно указать на нижеследующий факт.

Одно время у Л.Н. Толстого гостила очень молодая, очень жизнерадостная, веселая, но ни во что не веровавшая хохотушка, ну назовем ее хотя Г.

Как-то во время общесемейной беседы у Л.Н. Толстого коснулись разговора о старцах.

Г. заявила, что она не боится никаких старцев и уверена, что она приведет в веселое настроение самого “елейного”⁸ старца.

От слова к делу, говорят, всего один шаг. Вся компания, бывшая у Толстого, решила отправиться в Оптину к старцу Иосифу и стала просить Л.Н. поехать вместе с ними.

Сам Толстой не особенно доброжелательно отнесся к этой затее, но тем не менее согласился, и все поехали.

Был хороший, очень ясный день. Когда прибыли в Оптину, народу у старца было видимо-невидимо. Компания расположилась шумным бивуаком у стен скита и терпеливо дожидалась, когда очередь приема старцем дойдет до Г.

Продолжительное ожидание сглаживала необычайная игривость девицы, которая должна была идти к старцу и, несмотря на уговоры Л.Н., которому все это очень не нравилось, твердо решила развеселить и старца.

Наконец девица скрылась в келье.

Прошел час. Девица не выходит от старца. Другой — ее тоже нет.

Третий — компания присмирела. Л.Н., страшно недовольный, уехал один. И спустя только четыре с половиной часа г-жа Г. вышла от старца Иосифа с опухшими от слез глазами. И, к удивлению всех, заявила, что она с ними не вернется, а поедет в Шамордино, где она и осталась навсегда в качестве монахини».

⁸ Елей — оливковое масло, используемое в Церкви для помазания. Елейный человек в переносном смысле — умильный, любезный; *здесь*: смиреннейший, благочестивейший, спокойный.

ОБ ОПТИНСКОЙ СМУТЕ

I. Иеродиакон Платон (Рожков)

Преподобный Варсонофий и оптинская смута¹

В 1910–1912 годах в Оптиной пустыни произошли события, названные позднее оптинской смутой. Последствиями смуты были: перевод из обители преподобного Варсонофия (Плиханкова), старца Оптинского, в Коломенский Старо-Голутвин монастырь, удаление писателя С.А. Нилуса, проживавшего при монастыре, и некоторые другие события, надолго оставившие след в истории монастыря.

Старчество всегда подвергалось гонениям. Гнали первого из оптинских старцев преподобного Льва (Наголкина), обвиняли его в ереси, масонстве, запрещали принимать народ, переводили из скита в монастырь, из кельи в келью. Гнали и преподобного Амвросия (Гренкова). Когда тяжело больному старцу сообщили о переводе, он спокойно ответил: «Я могу перейти с постели на диван, но не далее»². Преподобного Амвросия почитала вся Россия, а в монастыре были такие, кто даже имя его слышать не хотел. Воистину *несть*³ пророк без чести, разве только во отечествии своем (Мф. 13, 57; Мк. 6, 4).

¹ Печатается по изданию: Оптинский альманах «Крестный путь». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2013.

² См.: Преподобный Варсонофий Оптинский. Венок на могилу Батюшки: Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2005. С. 226.

³ Несть (цсл.) — не, нет; *здесь*: не бывает.

Возникновение смуты по версии известного исследователя монашества, историка Оптиной пустыни И.М. Концевича берет начало с далеких времен, с момента кончины преподобного Амвросия, после которого в обители оказалось два старца — преподобный Иосиф (Литовкин) и преподобный Анатолий (Зерцалов). Зачинщиками были духовные дети преподобного Иосифа, которые опасались за судьбу своего аввы. Тихий, смиренный, скромный отец Иосиф казался своим защитникам неспособным сам себя отстаивать, но, вероятнее всего, они беспокоились о воплощении своих честолюбивых планов.

После смерти преподобного Анатолия (Зерцалова) возможным претендентом на место скитоначальника и духовника братии оказался его духовный сын преподобный Варсонофий. Уже тогда заговорщики почувствовали в нем незаурядную личность, видели возможного конкурента и повернули против него свое оружие. В результате их стараний, по свидетельству самого старца, его отправили на фронт, на Русско-японскую войну, в качестве священника при лазарете. Как довелось слышать Концевичу, в скиту опасались этого умного, образованного и способного быть властным человека. Преподобный, слабый и больной, и не надеялся вернуться с войны. Радовались и интриганы: «Нет уж, — говорили, — теперь не вернет-ся»⁴. Предполагалось, что война затянется лет на пятнадцать, но она скоро закончилась и старец, прожив в Маньчжурии около двух лет, возвратился невредимым и даже получил около десяти церковных и правительственных наград.

В скиту тем временем, пользуясь добротой, мягкостью и болезненным состоянием старца Иосифа, некоторые люди делали злоупотребления, и на скиту оказались долги. В 1907 году в кассе осталось только 46 рублей. От Святейшего Синода была прислана ревизия, преподобный Иосиф подал прошение уйти на покой, а на место скитоначальника и духовника братии в 1907 году был назначен преподобный Варсонофий, возведенный в сан игумена. И вновь в обители оказалось два старца.

⁴ Преподобный Варсонофий Оптинский. Указ. соч. С. 232.

Отец Варсонофий, поступивший в монастырь после кончины старца Амвросия, в отличие от преподобного Иосифа, казался некоторым человеком пришлым, чужим. Опять возникло недовольство. «Между тем новый скитоначальник твердой и властной рукой восстановил порядок в скиту, — пишет Концевич. — Он внес в его казну 60 тысяч рублей личного своего капитала, уплатил долги, ремонтировал скит, обновил ризницу, устроил библиотеку. Твердым своим прямолинейным характером, не допускавшим ни малейшей уступки духу времени, он со строгостью умел соединить и нежно-любовное отношение к скитской братии... Он не стеснялся и смирять, когда это требовалось. <...> До сих пор дело ограничивалось только натянутыми отношениями между Варсонофиевскими и Иосифовскими учениками и ученицами. У коренных же оптинцев все же царил дух смирения, да и влияние оптинских духовников — отцов Анатолия (Потапова), Феодосия (Поморцева) и Нектария (Тихонова)⁵, употреблявших все силы для поддержания мира, делало свое дело. Например, когда отец Варсонофий опасно заболел и послал к отцу Иосифу просить благословения на принятие схимы, в этот момент в келье отца Иосифа оказался его духовник, отец Нектарий, который и настоял на том, чтобы его благословение было дано. <...> Между тем подземная работа врага рода человеческого не ослабевала»⁶.

Концевич пишет, что новыми монахами, небольшой горсточкой братии, пришлыми из упадочного предреволюционного мира, подготавливался бунт, вещь доселе неслыханная в Оптиной пустыни. Им дела не было до старчества, главное — нужно было упрочить свое положение

⁵ Преподобный Нектарий (Тихонов; 1852–1928), иеросхимонах. В Оптину поступил в 1873 г. В 1898 г. рукоположен во иеромонаха, в 1912 г. избран старцем и братским духовником, в 1920 г. пострижен в схиму. В 1923 г. был арестован, после освобождения поселился в с. Холмищи Брянской области, где и преставился. Дни его памяти — 29 апреля/12 мая и 11/24 октября.

⁶ Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Holy Trinity Monastery. Jordanville, NY, 1970. С. 386–387.

в обители, занять начальственные должности⁷. 28 марта 1910 года в Оптинской летописи сказано: «Четверо из старших братий оптинских: иеромонахи Моисей (Чеботарев) и Иезекииль (Степанов), иеродиакон Георгий (Лаврухин) и монах Михей (Матвеев) позволили себе сделать донос преосвященному Калужскому⁸ на честнейшего настоятеля оптинского, архимандрита Ксенофонта (Клюкина), обвиняя его пред владыкою в нанесении ущерба обители нерасчетливым ведением монастырского хозяйства... В монастыре, после ранней литургии, отцом настоятелем со всеми иеромонахами была... отслужена панихида по почившим старцам, а после поздней — служился молебен о ниспослании мира братии обители»⁹. Концевич и Нилус указывают и пятого участника смуты — монаха Патрикия (Ревякина), в некоторых документах встречается имя еще одного жалобщика — монаха Савватия (Казакова). Епископ распорядился, чтобы вопрос решила Калужская духовная консистория. Оттуда прошение было препровождено настоятелю монастыря для объяснения¹⁰.

Нашлись и недовольные миряне. Некий Евгений Александрович Кавелин пожаловался в консисторию на нецелевое использование денег, пожертвованных им на поминование своей тетки¹¹. Другой дворянин Козельского уезда, Борис Александрович Ялозо, еще в 1903 году внес деньги на поминование родных, но поминовения не услышал, о чем решил жаловаться лишь семь лет спустя, в июле 1910 года¹². Бунтовщики также получили поддержку в прессе. В газете «Речь» была опубликована статья о неправильном водозаборе, в результате которого некоторые местные жители якобы страдали от нехватки воды¹³, несмотря на то, что этот вопрос

⁷ Там же. С. 387.

⁸ Вениамин (Муратовский), епископ Калужский и Боровский с июля 1901 по декабрь 1910 г.

⁹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-367. Л. 178 об., 179.

¹⁰ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1816. Л. 930.

¹¹ Там же. Ед. хр. 1817. Л. 163.

¹² Там же. Ед. хр. 1890. Л. 168.

¹³ Монахи отняли воду // Речь. 8 мая 1910 г. № 134.

еще в 1907 году был решен в судебном порядке в пользу монастыря¹⁴.

Основной упор в жалобах монахов был сделан на неправильное лесопользование, постройку и эксплуатацию храмов обители, присвоение денег, поданных на поминовение. Первая жалоба после объяснения настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Ксенофонта была оставлена без последствий. Но те же иноки немного позднее обратились в Святейший Синод и просили о назначении синодальной комиссии для обследования хозяйства Оптиной пустыни¹⁵. Кроме того, в Синод поступило ходатайство от козельского предводителя дворянства Домогацкого и от уполномоченного от группы дворян Николая Михайловича Боборыкина с просьбой назначить ревизию в обитель.

Синод, 26 августа и 11 сентября 1910 года рассмотрев жалобы, дал поручение преосвященному Калужскому Вениамину (Муратовскому) исследовать вопрос и доставить в Синод сведения и заключение¹⁶. Постановлением епархиального начальства от 13 сентября 1910 года была назначена следственная комиссия под председательством священника козельского собора Сергия Протопопова. Комиссией были исследованы храмы обители, приходно-расходные книги, духовные завещания, были опрошены должностные лица. Выяснилось, что строительство, эксплуатация и ремонт храмов проводились без нарушений, поминальные деньги начальством не присваивались¹⁷. Обнаружилось, что один из светских жалобщиков, журналист, бывший московский нотариус Н.М. Боборыкин сам ранее неоднократно находился под уголовным преследованием по делам о присвоении вверенных ему денег и другим должностным преступлениям, что подтверждается архивными документами¹⁸. Боборыкин также пользовался услугами одного из жалобщиков — иеродиакона Георгия — для получения

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 213. К. 29. Ед. хр. 8. Л. 8–10.

¹⁵ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1890. Л. 172 об.

¹⁶ Там же. Л. 113, 123.

¹⁷ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1818. Л. 111–112 об., 328.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 27. Д. 181. Л. 167, 173.

взаймы монастырских денег, которые не возвратил. Он же являлся редактором всех заявлений и прошений, поданных от лица четырех монашествующих Оптиной пустыни. Все прошения монахов и жалоба Кавелина были напечатаны на одной и той же пишущей машинке¹⁹.

Ревизией был обнаружен лишь ряд недочетов в ведении настоятелем и старшей братией приходно-расходных книг, также ошибка была в том, что Кавелину, Ялозо и Домогацкому не выдали квитанций²⁰. Консистория нашла, что утверждения о бесхозяйственности и убыточности ведения монастырского лесного хозяйства не подтвердились²¹. В Летописи указано, что еще 5 октября 1910 года в скиту побывала для досмотра нового скитского храма комиссия из нескольких иереев, назначенная от Святейшего Синода по поводу доноса²².

Но смута набирала ход. Подключилась пресса. В газете «Земщина» в июне 1910 года была опубликована заметка некоего Н. Дмитриева под названием «Оптинская история», в которой он пишет, что иеромонах Оптиной пустыни Моисей (один из жалобщиков) вскоре после поданного им доноса назначен на должность настоятеля Дионисиево-Глушицкого монастыря Вологодской епархии. Журналист сетует, что «такого почтенного и заслуженного инока», одного из тех, кто указал на якобы беспорядочное ведение монастырского хозяйства, переводят в другую епархию накануне ревизии²³. Жалобщики утверждали еще и то, что они терпят притеснения от скитоначальника и духовника братии старца Варсонофия²⁴.

Но калужским епархиальным начальством жалобы были оставлены практически без последствий, сделаны лишь замечания настоятелю и старшей братии, не отразившиеся, впрочем, в послужных списках. Отец Ксенофонт был снят

¹⁹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1890. Л. 177–177 об.

²⁰ Там же. Л. 182 об. — 184.

²¹ Там же. Л. 917.

²² ОР РГБ. Ф. 214. Опт-367. Л. 185–185 об.

²³ Земщина. № 358. 1910. Июнь.

²⁴ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1818. Л. 99 об.

с должности благочинного монастырей Калужской епархии²⁵. А главные жалобщики, иеромонах Моисей и иеродиакон Георгий, «за несправедливое обвинение ими своего настоятеля в преступном ведении лесного хозяйства»²⁶ для своего исправления и водворения мира в обители были переведены в другие монастыри. Иеромонах Моисей, как уже было сказано, был перемещен в Вологодскую епархию, а иеродиакон Георгий по распоряжению Святейшего Синода в 1911 году был переведен в Мещовский Георгиевский монастырь.

Немало шума натворила и некая крестьянка Дарья Финяева, написавшая свою жалобу калужскому епископу Александру (Головину)²⁷ на монастырское начальство, запретившее ей посещение богослужений, в чем она видела происки проживавшего вблизи монастыря С.А. Нилуса. Финяева решилась пожаловаться на писателя, обвинив его в том, что он якобы живет в монастыре на соблазн всем с двумя женами. Настоятель архимандрит Ксенофонт объяснил, что прошение крестьянки Финяевой «есть не что иное, как пасквиль на семейство известного православного писателя господина Нилуса, живущего со своим семейством не в Пустыни, а на даче Оптиной пустыни, отстоящей от Пустыни в полуверсте. Сам господин Нилус, — пишет настоятель, — человек преклонных лет, известный строгонравственный писатель по духу и по жизни, состоит сотрудником преосвященного Никона по редакции Троицких изданий; супруга господина Нилуса, бывшая фрейлина высочайшего двора и начальница женского института, Елена Александровна (урожденная Озерова)... Жизнь этого семейства вблизи Пустыни заключается в делах благотворительности бедным. По роду сочинений своих господин Нилус получил благословение оптинских старцев, покойного отца Иоанна [Кронштадтского] и игумена Варсонофия... Просительница Финяева обладает необузданным характе-

²⁵ Там же. Ед. хр. 1933. Л. 35.

²⁶ Там же. Ед. хр. 1889. Л. 619–621.

²⁷ Был епископом Калужским и Боровским с декабря 1910 по 25 июня 1912 г.

ром, приносящим ей немало неприятностей. Состоявшимся 1 сентября 1910 года приговором члена окружного суда по Козельскому уезду Финяева была подвергнута аресту на 10 дней за [грубое и нецензурное. — *Авт.*] оскорбление на словах богомолицы Полевой в соборном храме Пустыни, а в текущем [1911] году был составлен урядником протокол по заявлению приехавшей в Пустынь госпожи, которую Финяева в приемной комнате скитона начальника, игумена Варсонофия, объявила женщиной разврата»²⁸. По мнению настоятеля, жалоба Финяевой была продолжением возникших в 1910 году доносов на администрацию монастыря. Жалоба Финяевой как необоснованная была оставлена епархиальным начальством без последствий²⁹.

9 мая 1911 года скончался старец Иосиф, но брожение продолжалось. Скит до тех пор оставался в стороне от конфликта. Когда настоятель отец Ксенофонт обратился за помощью к скитона начальнику и духовнику братства игумену Варсонофию, тот, как пишет Концевич, сразу усмирил бунт, умиротворил братию и настоял на удалении из обители зачинщиков бунта.

Взрыв произвела некая Мария Михайловна Булгак, урожденная Бартенева, крайне правая политическая деятельница. Поначалу эта особа обожала старца Варсонофия и даже обещала завещать скиту свой капитал в сто тысяч рублей, но на этом основании она решила, что ей дозволено там распоряжаться. «Произошел конфликт, и Мария Михайловна возненавидела отца Варсонофия. <...> Желая отомстить отцу Варсонофию, Булгак явилась в политический петербургский салон графини Игнатъевой, где можно было встретить епископов — членов Синода, и выложила там весь багаж привезенных из Оптиной клевет и сплетен. Проверять слухи поехала в Оптину сама графиня Игнатъева»³⁰. Впоследствии Булгак оставила свой капитал не скиту, а на содержание и пропитание двух своих собак, о чем как о курьезе было написано в газете «Новое время».

²⁸ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1889. Л. 39.

²⁹ Там же. Л. 39 об.

³⁰ Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. С. 388.

Старец вспоминал: «Были у меня... две дамы из интеллигентного круга и произнесли *имя* мое *яко зло* (ср.: Лк. 6, 22), за что, спросите? Нашли у меня в моленной слишком роскошно для Оптиной, а главное, не понравилась им большая картина Ангела, утешающего скорбную душу»³¹. Игнатьева потом рассказывала, что у старца на картине изображена женщина, хотя ей возражали, что это святая, но она считала, что все равно — не годится. Также ей не понравилось, что во время проповеди иеромонах произнес два раза слово «женщина». «Затем и сам старец одет вполне прилично, я представляла его совсем другим». Оказывается, она хотела видеть старца во вретисце, с всклокоченными волосами и разочаровалась. «Но все наши старцы, — говорил преподобный Варсонофий, — одевались вполне прилично и не ходили в изорванных рясах. Например, батюшка отец Амвросий был великий старец, совершал предивные чудеса, мог даже мертвых воскрешать, но одевался вполне прилично. <...> Ведь не одежда спасает, а чистота души»³².

Во время визита Игнатьевой по просьбе отца Варсонофия присутствовала старушка М.Н. Максимович, жена варшавского генерал-губернатора. Вернувшись в Петербург, графиня доложила членам Синода, посещавшим ее салон, что в келье скитонаачальника стояли цветы и чай разливала дама³³.

Кроме этого, недовольство некоторых могло вызывать негативное отношение отца Варсонофия к так называемому Мите Козельскому³⁴, которого одно время в Петербурге почитали как настоящего юродивого, он был известен и при дворе. Косноязычный Митя тоже пожаловался на порядки в Оптиной в письме к императору. Стиль письма поразительно напоминает жалобы под редакцией Боборыкина. Впоследствии Митя потерял свои позиции при дворе, вступив в единоборство с Распутиным³⁵.

³¹ Преподобный Варсонофий Оптинский. Венок на могилу Батюшки... С. 239.

³² Там же. С. 194.

³³ Концевич И.М. Указ. соч. С. 389.

³⁴ Митя Косноязычный (Дмитрий Дмитриевич Попов; 1865–1929).

³⁵ Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. 1863–1936. Братство во имя святого князя Александра Невского, 2004. Кн. 3. С 22–24.

В результате всех этих жалоб и слухов Святейший Синод поручил провести ревизию в Оптиной епископу Кишиневскому Серафиму (Чичагову). Епископ был одним из завсегдатаев салона графини С.С. Игнатьевой³⁶. Концевич пишет: «Он прибыл в Оптину под первое января 1911 года и после всенощного бдения выступил для произнесения проповеди. Он начал с того, что монахи бывают послушными и непослушными. Все ожидали, что речь коснется удаленных за бунтарство монахов, их своеволия и непокорности. Но каково было общее изумление, когда он начал громить и поносить отцов настоятеля и скитоначальника, двух старцев, склонивших перед ним свои убеленные головы и поддерживающих его под руки. «Какой ты старец?» — крикнул епископ на отца Варсонофия. Смиренный игумен ответил кротко: «Я не самовольно старчествую, владыко, меня Синод назначил». Народ, свидетель этого, покидал собор возмущенный и взволнованный»³⁷. В течение года Святейший Синод не принимал никакого решения.

В «Биржевых ведомостях» (№ 12766) 2 февраля 1912 года было опубликовано заседание Святейшего Синода по результатам поездки епископа Серафима. Газета пишет, что ранее уже поступали в Синод жалобы нескольких монахов на якобы злоупотребления в Оптиной пустыни, но Синод оставил их без последствий. Теперь же епископ Серафим доложил, что, по его мнению, хозяйство в монастыре ведется безалаберно, особенно операции с лесом. Рубка, по заключению преосвященного, ведется крайне беспорядочно.

Это кажется немного странным, учитывая, что в монастыре специалистами не раз с начала века проводились ревизии, не нашедшие никаких нарушений. Вообще изучение документов Святейшего Синода в Российском государственном историческом архиве доказывает, что ошибки при ведении лесного хозяйства были очень распространены,

³⁶ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда в системе власти самодержавной России конца XIX — начала XX века: диссертация... канд. ист. наук. СПб., 2005.

³⁷ *Концевич И.М.* Оптина пустынь и ее время. С. 389.

учитывая то, что в то время практически все монастыри и приходы использовали дровяное отопление. Об этом свидетельствуют сотни дел в фондах архива. В той же дореволюционной Оптиной в год расходовалось на отопление и другие хозяйственные нужды не менее тысячи кубометров дров.

Епископ Серафим назвал настоятеля обители «слабовольным человеком», который «не в состоянии уследить за всем громадным монастырским хозяйством». На основании доклада епископа Кишиневского Серафима 6 февраля 1912 года Синод издал указ, в котором предписывалось: «Объявить игумену Варсонофию, управляющему скитом Оптиной пустыни, что он назначен Святейшим Синодом настоятелем Коломенского Свято-Голутвинского монастыря Московской епархии с возведением в сан архимандрита»³⁸. Также было приказано избрать нового казначея, уволить заведующих монастырской канцелярией и двумя лесными дачами обители, прекратить вырубку леса до составления новых планов, а иеродиакона Георгия, ранее переведенного в Мещовский монастырь, переместить обратно в Оптину пустынь. Последним пунктом указа был запрет на проживание в монастырских гостиницах богомольцам более десяти дней. Этот пункт в первую очередь бил по писателю С.А. Нилусу, который был вынужден 14 мая 1912 года, после нескольких лет жизни в оптинском раю вместе с замечательными старцами, покинуть навсегда милую его сердцу обитель³⁹. Исключение не сделали и для тихой старушки М.Н. Максимович, несмотря на ходатайство настоятеля. Концевич пишет, что поднимался вопрос даже «о закрытии скита и прекращении в Оптиной пустыни старчества»⁴⁰.

Игумен Варсонофий написал прошение в духовную консисторию об увольнении его от должности настоятеля Коломенского монастыря, желая остаться в скиту хотя бы в качестве простого монаха, но это уже было не в компетенции

³⁸ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1927. Л. 365 об.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-367. Л. 212 об.

⁴⁰ Концевич И.М. Указ. соч. С. 390.

епархиальных властей. Настоятель и вся старшая братия подали прошение епископу Калужскому Александру как-то посодействовать, оставить старца Варсонофия в обители. Братия писали: «Игумен Варсонофий в настоящее время самый нужный инок для скита и Пустыни. С кончиной приснопамятного отца протоиерея Иоанна Кронштадтского⁴¹ и старца отца Варнавы⁴² в последние годы заметно стал увеличиваться прилив в Оптину богомольцев, и преимущественно интеллигентных, образованных, с разных концов России: дам высшего общества, студентов высших учебных заведений, учительниц — образованных людей обоого пола, жаждущих духовных разъяснений на волнующие их чувства и сомнения и врачевания их. И отец игумен Варсонофий удовлетворял эту потребность... По благословению иеромонаха Амвросия он поступил в скит Оптиной пустыни... В 1906 году, по возвращении с войны⁴³, его вызывал Его Высокопреосвященство митрополит Антоний [Вадковский] для высшего назначения, но ввиду желания братства Оптиной пустыни и скита, чтобы он не оставлял обитель по надобности в нем... он остался в пустыни и назначен начальником скита. Отсюда начинается более обширная духовная деятельность отца Варсонофия; он не только ежедневно постоянно устно ведет старческое окормление стекающихся как простых, так и образованных лиц, но продолжает затем общение с ними и руководство посредством переписки, достигающей нескольких тысяч (не менее 4000) писем в год. Оптина находится в самом

⁴¹ Отец Иоанн Кронштадтский (Сергиев; 1829–1908) — протоиерей кронштадтского Андреевского собора, великий молитвенник, обладавший даром прозорливости и чудотворения, духовный писатель. В 1990 г. причислен Церковью к лику святых. Дни памяти праведного отца Иоанна — 20 декабря/2 января и 1/14 июня.

⁴² Речь идет о старце Варнаве (Меркулове; 1831–1906), подвизавшемся с двадцати лет в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой лавры. Иеромонах Варнава был известнейшим на всю Россию народным духовником, затем — братским и скитским. Церковь чтит память преподобного Варнавы 17 февраля/2 марта и 6/19 июля.

⁴³ Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. был направлен священником в полевой лазарет. Награжден наперсным крестом.

центре России, для старчества в ней нужны такие иноки, как отец Варсонофий, заменить которого в настоящее время некем.

Приняв все вышеизложенное во внимание, старшая братия Пустыни и скита постановила: выразить отцу Варсонофию братскую любовь и ходатайствовать пред высшим начальством об оставлении его в скиту для духовного окормления и руководства притекающих богомольцев и братским духовником»⁴⁴. Следуют подписи двадцати восьми старших братий. Но прошение было тщетным. Посоветовавшись с преосвященным Финляндским Сергием (Страгородским)⁴⁵ и епископом Трифоном (Туркестановым)⁴⁶, игумен Варсонофий покорился и принял назначение. 26 марта 1912 года в скиту была отслужена Божественная литургия, возглавляемая архимандритом Ксенофонтом, сослужили ему старцы Варсонофий и Нектарий⁴⁷. В день отъезда батюшка попрощался с братией. «Прощание было трогательное, — пишет Концевич, — почти всем он кланялся в ноги... Много было слез»⁴⁸. Духовник старца игумен Феодосий (Поморцев) был поражен его смирением. На вокзал отец Варсонофий отправился с одним маленьким ручным саквояжем.

Журналист Боборыкин не успокоился. В статье он защищал своих друзей иеромонаха Моисея и иеродиакона Георгия,

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 213. К. 61. Ед. хр. 25. Л. 79–79 об.

⁴⁵ Преосвященный Сергей (Страгородский; 1867–1944), будучи епископом Финляндским и Выборгским (1905–1917 гг.), являлся долгие годы бессменным членом Святейшего Синода. Вероятно, поэтому старец Варсонофий советовался с ним.

⁴⁶ Дмитровский епископ Трифон (Туркестанов; 1861–1934) был тогда викарием Московской епархии. По решению Святейшего Синода митрополит Московский Владимир (Богоявленский) поручил владыке Трифону совершить чин возведения игумена Варсонофия в сан архимандрита, что и было исполнено 5 апреля 1912 г. в Богоявленском монастыре в Москве. Монашеский путь владыки Трифона начинался с Оптиной пустыни, где он был послушником. Позднее они стали духовными друзьями. Владыка очень дорожил этой дружбой и советами старца.

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-367. Л. 211.

⁴⁸ Концевич И.М. Указ. соч. С. 391.

повторял обвинения против монастырского начальства, писал в Синод в конце 1912 года, уже после окончания ревизии⁴⁹. Официально дело о смуте была закрыто лишь в 1919 году, в канцелярии Патриарха Тихона⁵⁰.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: поскольку никто из монастырского начальства формально наказан не был, следовательно, серьезных ошибок в ведении хозяйства не оказалось, и что цель смуты — лишь честолобивые намерения жалобщиков, зависть к положению и дарованиям старца, неприязнь к сложившимся монастырским порядкам, самому институту старчества с его строгой покаянной дисциплиной и препятствием к своеволию. Кроме того, вероятно месть определенных столичных кругов писателю С.А. Нилусу, трудившемуся под покровительством оптинских старцев и опубликовавшему свои резонансные сочинения «Близ есть, при дверех» и «Протоколы сионских мудрецов». Другими мотивами объяснить совершенно нелогичный, не относящийся к ведению монастырского хозяйства запрет на проживание мирян при монастыре более десяти дней трудно. Эту версию подтверждают слова Елены Концевич, которая пишет, что именно за поддержку С.А. Нилуса пострадал старец Варсонофий⁵¹.

Преподобный Варсонофий прожил ровно год со времени назначения настоятелем Голутвина монастыря. Он скончался 14 апреля 1913 года и был погребен в Оптиной пустыни. Настоятель архимандрит Ксенофонт пережил своего сподвижника на год и умер после тяжелой болезни 30 августа 1914 года.

Иеромонах Моисей (Чеботарев), один из жалобщиков, ушел «по болезни» с настоятельства в Дионисиево-Глушицком монастыре. В 1913 году был определен духовником

⁴⁹ РГИА. Ф. 787. Оп. 96. 1911 г. Ед. хр. 242.

⁵⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 72-74. Святитель Тихон (Беллавин; 1865–1925) на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. был избран Патриархом Московским и всея России.

⁵¹ Andreevsky-Kontsevich correspondence. Ivan Andreevsky Papers. Box 1, 16. Holy Trinity Seminary Archives. Jordanville, NY.

ставленников и монастырской братии Симбирского архиерейского дома, но надолго там не задержался и в 1914 году был перемещен в Сызранский Вознесенский монастырь, в 1915 году — в Жадовскую пустынь и в конце 1915 года перешел в Екатерининскую пустынь в Подмосковье⁵². Он пережил революцию, перебрался в Воронежскую губернию и был расстрелян в Липецке 24 января 1938 года за свою сословную принадлежность⁵³.

Иеродиакон Георгий, другой жалобщик, в 1914 году вновь был переведен в Мещовский монастырь, где вскоре был назначен настоятелем. После 1917 года он сменил фамилию на Лавров, в 1920-х годах находился в Даниловом монастыре. Скончался 4 июля 1932 года в Нижнем Новгороде после ссылки.

Иеромонах Иезекииль (Степанов) скончался 13 марта 1920 года, схимонах Михей (Матвеев) — 26 октября 1922 года, схимонах Патрикий (Ревякин) — 13 января 1924 года, отец Савватий — 12 ноября 1919 года⁵⁴.

⁵² ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 55. Л. 4 об. — 6.

⁵³ ГАЛО. Ф. Р-2210. Д. 21977.

⁵⁴ АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Синодики.

II. Из дневника послушника Николая Беляева¹

14 декабря [1908 года]

Батюшка мне не раз говорил, что про него пускают различные клеветы и выдумки, иногда очень смешные и глупые, не имеющие ни малейшего основания. Например, в Шамордино про батюшку говорят, что он «всякую картошку описывает», то есть что он очень скуп и жаден. А это вовсе не так, даже совсем наоборот. Теперь я имею некоторую возможность видеть батюшкину жизнь полнее благодаря тому, что все утро провожу с батюшкой. Иногда приходится слышать и хозяйственные распоряжения. Причина такой выдумки — батюшкина аккуратность и точность в хозяйственном и в особенности денежном деле. Причина же такой аккуратности и точности есть та, что батюшка смотрит на себя как на приказчика, доверенного святого Иоанна Крестителя², на деньги не как

¹ Печатается по рукописи из архива издательства «Отчий дом». См. также: Дневник послушника Никона Беляева. Введенский монастырь Оптиная пустынь, 2013. Под послушником Николаем разумеется будущий преподобноисповедник Никон (Беляев; 1888–1931). Он поступил в Оптинский скит в декабре 1907 г., исполнял послушание письмоводителя при скитоначальнике отце Варсонофии. В 1915 г. пострижен в монашество, в 1917 г. рукоположен во иеромонаха. В 1920-е годы несколько раз был арестован. После закрытия монастыря по благословению архимандрита Исаакия (Бобракова) оставался служить в обители и принимать народ, потом переселился в Козельск. В 1927 г. вновь арестован и приговорен к трем годам заключения в концлагере, в 1930 г. выслан в Северный край, где и скончался от туберкулеза. Церковь чтит его память 27 ноября / 10 декабря.

² Оптинский скит был назван в честь святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Он основан в 1821 г. по благословению епископа Калужского (позднее митрополита Киевского) Филарета (Амфитеатрова) трудами схииеромандрита Моисея и схи-

на свою собственность, а как на собственность скита и святого Иоанна Крестителя.

Хотя батюшке часто жертвуют со словами: «Это лично вам», а батюшка говорит: «Я связан обещанием нестяжания и не имею права копить капиталы, а все идет на братство». Недавно при мне прислали батюшке рыбы севрюги около $1\frac{1}{2}$ пуда и опять: «Это лично вам». А батюшка спрашивает меня: «Скоро у нас рыбный день?» — Я говорю: «В субботу». — «Ну вот и пойдет на трапезу в суп». Батюшка порядочно пожертвовал в скит в свое время. Теперь у батюшки своих денег нет, за исключением небольшой суммы, оставшейся от жалованья, получавшегося им в Манчжурии. Батюшке необходимы маслины, иначе его желудок совершенно не работает. Приходится покупать маслины и на скитские деньги. Конечно, в общем на это идет пустяк, но батюшка все-таки беспокоится: «Как же это я трачу на себя скитские деньги?» — Батюшку успокоили относительно этого, кто, не знаю, но полагаю, что из монашествующих и имеющих священный сан. <...>

Однако я начал с того, что про батюшку распускают клеветы. Так вот, однажды батюшка, только что услышав о себе новую клевету, сказал мне: «Все может быть; может быть, вы будете впоследствии духовником. Так вот я и говорю вам: опасайтесь женского пола; с ними надо быть чрезвычайно осторожным... Так сплетут, так сплетут... и смысла-то никакого нет... Хорошо, что он (отец Пиор)³ не поверил, а сказал мне, что ему на меня наклеветали. А другой и поверит... Недаром святой пророк Давид поет: *Избави мя от клеветы человеческия, и сохранию заповеди Твоя...* (Пс. 118, 134) Значит, клевета препятствует даже совершению заповедей...»

Также говорил и в другой раз: «С ними (то есть послушницами-монахинями) надо быть очень осторожным. Мне они

игумена Антония (Путиловых).

³ Иеросхимонах Пиор (Шестаков; 1828–1921) поступил в Оптину пустынь в 1885 г. Пострижен в монашество в 1892 г., рукоположен во иеромонаха в 1900 г. С 30 марта 1906 по 10 сентября 1916 г. был духовником Казанской Амвросиевской женской пустыни.

жалуются на отца Иосифа, а отцу Иосифу на меня. Однажды мне келейник отца Иосифа говорит: “Вы, батюшка, пожалуйста, им ничего не верьте. Все врут. Так же они и у себя в монастыре шатаются по кельям да занимаются сплетнями. Скажи неосторожное слово, они перетолкуют по-своему, передадут в измененном уже виде другой, та третьей и так дальше, а в конце концов получится такая сплетня, что подобного и предполагать нельзя ничего было. И это постоянно...” Но я при этом должен сделать оговорку, что такое шатание продолжается до той поры, пока она еще не встала на монашеский путь. Как только она встала на монашеский путь, получила монашеское устройство, все это кончается, и она прямо пойдет, как по рельсам». <...>

НЕКОТОРЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ОПТИНСКОГО

I. Из воспоминаний иеромонаха Иосифа (Полевого)¹

Переписка моя с приснопамятным старцем Оптиной пустыни иеросхимонахом Иосифом началась лет за семь до моего поступления в число братии скита означенной пустыни. У меня хранится довольно писем старца, из коих и извлекаю то, что может иметь значение общеназидательное.

Ободряя христианское настроение в детстве и отрочестве, старец советовал вспоминать о таком настроении, а худое забывать и молитвою Иисусовою прогонять.

Старец писал: «Напрасно думать, что внутренняя брань со страстями уменьшается или даже совсем прекращается в монастыре, напротив, по свидетельству людей опытно изведавших, бывает гораздо тяжелее. Внутренний мир души и покой плоти большею частию водворяются при конце многотрудной жизни, а у некоторых лишь при самой смерти».

«Пока человек не чувствует настоящего призвания и думает о монастыре как о пристанище против борьбы

¹ Выборочно публикуется по рукописи из НИОР РГБ. Ф. 213. К. 65. Ед. хр. 33.

Об иеромонахе Иосифе (Полевом) см. примеч. на с. 170.

со страстями, а не как о месте неустанных подвигов до самой смерти, лучше не решаться оставить мир».

«Подвиг христианина со страстями не избавляет от них, а привлекает в помощь милость Божию, чем и удерживается человек в смирении».

«Величайшая разница — согрешать намеренно, по расположению ко греху, и согрешать по увлечению и немощи, при расположении благоугождать Богу. Не удаляющиеся от поводов ко греху невольно согрешают, а потому святые отцы, зная удобоползновенность ко греху, избирали уединенную жизнь вдали от соблазнов мира».

«Самая хорошая христианская жизнь в мире не может дать того верного, правильного понятия об истине, которая опытно приобретается во внемирской жизни, — это скажет каждый внимающий своему спасению по переходе в монашество».

«Не дайте телу пищи и пития, и оно выразит это голодом и жаждою, точно так же и душа выражает свою потребность, но только иначе, и притом потребность ее понимают те, которые думают о своем спасении, а большинство заглушают чувства души, уподобляясь бессмысленным».

«При содействии благодатной помощи нужно каждый день и час класть начало ко исправлению. Если же по немощи и навыку согрешаешь в том, чего бы и не хотел, то имей смирение, как мытарь, и достаточно будет тебе для спасения».

«Покаяние есть дверь милости, отверстая усиленно ищущим его; сею дверью входим в Божию милость... Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения».

«Судить есть свойство нашего рассудка, и он не может не судить. Но тут дело в том: каждый человек должен бы как можно строже судить самого себя, замечая все свои худые

поступки, слова и помышления. Тогда бы ему даже некогда было судить и осуждать ближних. Но у нас, к сожалению, выходит наоборот. Наше все внимание рассеивается по внешним предметам; мы замечаем все, что нужно и что совсем не нужно, и бываем строгими судьями. К себе же бываем весьма снисходительны, все извиняем. Вот тут-то наше и горе. Ибо святой апостол говорит: *Аще бы быхом себе осуждали, не быхом осуждѣни были* (ср.: 1 Кор. 11, 31). И о себе мы могли бы иметь правильное понятие и судить верно, потому что от себя мы укрыть свои недостатки и погрешности не можем. И это было бы полезно нам главным образом в том отношении, что привело бы нас к смирению, которого и одного достаточно для спасения души».

II. Из книги «Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иосифа»¹

Однажды спросили батюшку про одно духовное лицо, почему он человек необразованный, а письма его дышат таким духовным разумом, что так и проникают в душу? Батюшка отвечал: «Как луч солнечный не может проникнуть сквозь туман, так и речи человека только образованного, но не победившего страсти, не могут действовать на душу. А кто сам победил страсти и стяжал разум духовный, тот и без образования внешнего имеет доступ к сердцу каждого».

Одна [особа] сказала батюшке: «Вы дадите мне правило, а я боюсь, что мне трудно будет». Старец ответил: «Наложённое всегда трудно», — и при этом рассказал про архимандрита Исаакия², который, ещё живя в миру, готовился к монашеству и подвижничал. Так, он ежедневно клал по тысяче поклонов. По поступлении в монастырь он сказал об этом старцу Льву³, и тот вместо тысячи назначил ему пятьдесят поклонов.

¹ Издание Казанской Амвросиевской женской пустыни. Собственная типография, 1911.

² Преподобный Исаакий (Антимонов; 1810—1894) поступил в Оптинский скит в 1847 г. В 1854 г. пострижен в монашество, в 1858 г. рукоположен во иеромонаха. В 1862 г. после кончины настоятеля прп. Моисея (Путилова) о. Исаакий стал его преемником. Он управлял обителью тридцать два года. Будучи строгим подвижником, в обращении с братией был милостив и прост; они ласково называли его «дедушка». Отец настоятель также служил для братии примером послушания и отсечения своей воли, он не предпринимал без благословения старца Амвросия никаких важных дел.

³ Автором допущена неточность: скорее всего, речь идет о старце Макарии (Иванове), под чье духовное руководство поступил в 1847 г. в скит послушник Антимонов. А старец Лев (Наголкин) почил в 1841 г.

Через несколько времени он приходит к старцу и говорит: «Простите, батюшка, мне стыдно сознаться, но я почему-то не могу положить пятьдесят поклонов». Старец велел ему класть двадцать пять. Прошло еще немного времени, как он снова является к старцу и говорит, что он никак понять не может, почему в миру он делал тысячу поклонов, а здесь и двадцать пять не может. Тогда старец Лев пояснил ему: «В миру тебе враг помогал — ты клал и гордился этим, а тут ты кладешь не по своей воле, а из послушания, видишь свою немощь и смиряешься, оттого и трудно».

Некто сказал: «Лучше бы я в миру в пост ел полфунта мяса, чем я здесь наедаюсь хлебом». Старец сказал: «Если ты съешь и два фунта хлеба, то все же не погрешаешь против устава Святой Церкви».

Однажды на общем [благословении] спросили его: «Батюшка, будем ли мы на том свете с вами, поможете ли вы нам и вообще будете ли отвечать за нас?» — «Да, — ответил старец, — но только те будут со мной и за тех только я буду отвечать, которые беспрекословно меня слушали во всем».

Еще сказал: «Сильнее всего в человеке действует противоречие. По своему желанию человек иногда и труднее что сделает, а скажи ему легкое что сделать, то сейчас же расстроится. А надо слушаться, хотя и не так кажется. К одному старцу пришли пять учеников в монастырь проситься. Он их послал сажать капусту корнями кверху, а листьями в землю. Двое стали сажать, как он велел, а трое говорят: “Разве так нужно сажать?” — и стали сажать по-своему. Старец пришел посмотреть, как они делают, и которые по его сажали — взял в монастырь, а тех не принял».

Однажды, гуляя со старцем по лесу, сказали ему: «Хоть бы вы пожили, батюшка». Старец на это сказал: «Поживем; пока новое орудие не приготовлено, Господь не отнимает старого. — Но затем лицо его вдруг сделалось серьезно, и он,

помолчав несколько, добавил: — Только надо самим стараться жить хорошенько, а то за наше непослушание Господь берет старцев и никого не оставляет».

Сказали старцу: вот опять неурожай. «Да, — сказал он, — всего мало, только грехов много. Неурожай Господь посылает за то, что теперь совсем перестали посты соблюдать, даже и в простонародье; так вот и приходится поневоле поститься».

Кто-то пожаловался, что все болеет. Старец сказал: «Делать нечего; видно, Господь хочет нам спастись и очищает от скверны греховныя. Хотя и нелегко терпеть прижигания, но ради здоровья душевного надо терпеть все. Если неисправно живем, то будем иметь о сем сердце сокрушенное и покаянное, и на это призрит Господь и не оставит Своею милостию».

«Скорби — наш путь; будем идти, пока дойдем до назначенного нам отечества — вечности. В миру больше скорбей, а у нас хоть и есть, но не такие, и те ради Бога: только то горе, что мало заботимся о вечности и не терпим и малого упрека словом. Мы сами увеличиваем свои скорби, когда начнем роптать. Во всем нужно терпение и великодушие, как кораблю якорь, чтобы во время бури не разбился о камень».

«Как приобретается полное бесстрастие?» — спросили старца. «Полным смирением», — ответил он.

Спросили старца, что означают слова апостола: *Мудрствуяй день Господеви мудрствует; и не мудрствуяй — Господеви не мудрствует* (Рим. 14, 6), — выходит, что и исполнять, и не исполнять — все равно. «Нет, — ответил старец, — святой апостол это сказал, чтобы мы никого не осуждали, потому что никто не знает, что кроется внутри у человека. Апостол дальше и прибавляет: *Ядый не ядущаго да не укоряет; и не ядый ядущаго не осуждает* (Рим. 14, 3)⁴. Один как будто

⁴ В синод. рус. пер.: *Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его.*

видимо все исполняет, но, может быть, делает это холодно или превозносится, а другой ничего не исполняет, но укоряет себя, кается, смиряется и за все благодарит Бога».

Один священник писал старцу, что умершая в его приходе девица является своей подруге, прибавляя, что последняя еще совсем юная, чистая и невинная. Старец на это ему ответил, что блаженный Диадок советует не доверяться даже истинным благодатным явлениям⁵. Господь не взыщет за то, видя, что люди делают это не из презрения к Богу, а чтобы не поддаться вражескому обману.

«Один киево-печерский подвижник увидел в своей келье молящегося ангела и рассудил: если бы он был от лукавого, то не молился бы. Тогда этот мнимый ангел стал уже давать ему такой совет: ты теперь сам-то уж не молись, потому что отныне я за тебя буду молиться. Подвижник послушался и впал в прелесть, от которой едва только был избавлен молитвами преподобных отцов.

На этом основании и девица А-ия может говорить являющейся: хоть ты и молишься, а я все-таки не могу верить тебе и прошу тебя: не являйся ко мне, ибо я великая грешница и недостойна благодатных явлений. — И пусть она усерднее молится Богу, чтобы Господь избавил ее от этих явлений, ибо в них кроется большая опасность. Еще прибавлю: не имеет ли А-ия о себе хотя тонкого мнения, что она исправно живет. Если имеет, то вот и причина, почему враг приступает к ней с искушением. Все великие святые считали себя грешнейшими и окаянейшими паче всех людей и только через такое смирение они и сделались угодными Богу. А что умершая является в небесной одежде и светлою — это пустяк».

Тому же иерею старец писал: «Вы пишете, что у вас некоторые занимаются врачеванием от укушения змей, употребляя для сего молитвы. — Нужно бы вам эти молитвы

⁵ *Диадок, блж.* Подвижническое слово, разделенное на сто глав действительных, исполненных ведения и рассуждения духовного. Гл. 37 // Добротолюбие (на рус. яз.): в 5 т. Т. 3.

просмотреть. А то бывают молитвы или бессмысленные, или даже с примесью хулы. Такие молитвы только радуют бесов, от которых, может быть, и помощь некая бывает. Должно молиться молитвами, принятыми в употребление Святой Церковью, и притом прочитывать их приличнее иереям Божиим, а не простому народу».

«Просите дать вам наставление об избавлении от рассеянности во время молитвы. — Чтобы совсем не рассеиваться на молитве, для нас, грешных людей, невозможно. Но все-таки должно стараться по возможности собирать свой ум, заключая его в слова молитвы, то есть вникать в каждое слово молитвы. Холодностью и окаменением смущаться не следует, а продолжать понуждать себя к молитве, сознавая себя недостойным утешения и умиления. Если молитва холодна, то из этого не следует заключать, что она и неугодна Богу, а иногда даже такая молитва вменяется человеку в подвиг, если только человек смиряется и всячески укоряет себя перед Богом».

Случалось, что ему с возмущением указывали на некоторые поступки других, явно вредные или производящие смущение. Старец и в таких случаях кротко говорил: «Что же делать? Надо потерпеть; нам от этого вреда не будет, а польза большая, если со смирением перенесем». Нередко говорил: «Бывает и ревность не по разуму; или: *не знаете, коего духа есте* (ср.: Лк 9, 55)». На оскорбляющих он никогда не гневался и даже как будто вовсе не замечал дурного.

Когда приходилось на исповеди каяться в осуждении лиц, недоброжелательно к нему относившихся, то старец обыкновенно говорил: «Осуждать не нужно; ведь это не они, а враг их возмущает, а за них молиться надо».

Однажды у него спросили, как и давно ли получил он дар молитвы. Батюшка со свойственным ему простосердечием ответил: «Молитва сама учит. Сказано: *дай молитву молящемуся* (1 Цар. 2, 9), и кто расположен к ней, тот услышит

о ней одно слово и уже держится ее, а я читал Добротолюбие⁶ и...» — дальше старец не закончил, так как остальное было ясно.

Батюшка как сам был непрестанный молитвенник, так и других располагал к занятию Иисусовой молитвой, и в своих наставлениях особенно хорошо говорил о молитве как о самом необходимом для каждого человека деле. Если же в ком видел особенное расположение к ней, то старался развивать и поддерживать в нем искру этого стремления своими опытными мудрыми советами согласно святоотеческим писаниям об этом предмете, изложенным в «Добротолюбии».

Нетерпеливых же и неопытных старец решительно и строго предохранял, не допуская касаться высоких степеней молитвы, уча их проходить этот путь постепенно, начиная с молитвы Иисусовой, произносимой устно и непременно по четкам в определенном количестве. «Это предохраняет от высокоумия, — говорил старец, — иной раз, не соблюдая счета, можно подумать, что по количеству очень много молитв проговорил, а если считать по четкам, то окажется, что и одной сотни не прошел».

«Если и не достигнешь вполне плодов и совершенства молитвы, то хорошо и то, если скончаешься на пути к ней. Высокого (то есть утешения и духовных озарений) не ищи; оно приходит, когда Богу угодно». Сам закалившийся в терпении, старец и других вел этим же путем. *В терпении вашем стяжите души ваша; и: претерпivый до конца, той спасен*

⁶ «Добротолюбие» (от греч. «филокалия» — любовь к возвышенному, добруму) представляет собой собрание творений святых отцов Церкви, преимущественно аскетического содержания. В 1782 г. вышло первое греческое издание этого сборника. В 1783 г. в Москве был издан славянский перевод прп. Паисия (Величковского). Этот сборник содержит извлечения из писаний двадцати пяти христианских подвижников (от IV до XV в.), чтимых Восточной Церковью. В 1876–1889 гг. был издан русский перевод, составленный свт. Феофаном Затворником.

будет (Лк. 21, 19; Мф. 10, 22) — были и его, так же как и старца Амвросия, любимыми словами. «От утешений, даже и духовных, для неопытных бывает больше вреда, чем пользы, — говорил он, — от них душа незаметно возносится и, привыкши к ним, слабеет и потому в случающихся скорбях малодушествует и падает. Терпение есть мати утешения — вот что говорят святые отцы».

На вопрос, какое *истинное* намерение должно быть при молитве, старец ответил: «*Спасение*; чтобы просить помилования, а не утешения; и не по тщеславию молиться, а чтобы терпеть со благодарением все скорбное находящее. И если какое утешение получаем в молитве, то еще больше должно считать себя виновным и должником, что задаром получил».

«Некоторые говорят, что в церкви при молитве со счетом нельзя внимательно слушать, что читается и поется, — говорил старец, — нет, значит, можно, когда достает времени и на разные помыслы. Конечно, и в древние времена преподобные отцы творили молитву по счету; для этого они же и избрали четки». Как на пример полезности такого упражнения старец указывал на скитского послушника Л.⁷ «Он жаловался мне, — рассказывал батюшка отец Иосиф, — что ему скучно долго стоять в церкви, и потому все хочется тихо подпевать клиросным. Тогда я ему сказал, чтобы вместо этого он творил по четкам молитву Иисусову. Он начал это исполнять и говорил, что ему стало легко стоять в церкви и не скучно, и время богослужения казалось непродолжительным. И так он и во время болезни своей творил молитву Иисусову и все желал быть один; так и умер с молитвой».

Приведем как образчик духовного отношения истинного ученика к старцу нижеследующий отрывок из дневника одного внимающего себе инокa.

⁷ Богатый, образованный молодой человек, поступивший в скит и через два года скончавшийся блаженной кончиной. — *Примеч. изд. 1911 г.*

...Господи, благослови на пользу душе моей записывать слова старца моего батюшки отца Иосифа за его святые молитвы.

Однажды батюшка мне сказал: «Внимай себе, и будет с тебя». Еще говорил, чтобы чаще себя укорять, во всем быть терпеливу и за все находящее благодарить Бога. При этом старец в наизидание рассказывал мне следующее.

Однажды один святой отец слышал, как нищий укорял себя. Время было зимнее, а он полунагой лежал на куче навоза, едва прикрытый рогожей, и трясся от холода. Между тем он говорил себе: сего ли не хочешь потерпеть, окаянный! Святые мученики не то терпели — зиму нагие, в темницах проводили, ноги забиты были в колодах, а ты ноги-то вот как протянул, да еще и рогожей покрыт.

Рассказ этот принес большую пользу душе моей.

«Батюшка, — сказал я, — вот я очень побеждаюсь ленин- стию и знаю, что нехорошо, но снова побеждаюсь».

Старец сказал: «В Евангелии говорится, что *нуждники восхищают Царствие Божие* (ср.: Мф. 11, 12), а поэтому и нужно понуждать себя во всем, и страсти следует отсека-ть вначале, пока они молоды, ибо тогда они подобны малень-ким лающим щенкам — пугнешь их, и они отбегут от тебя. А если дать им укрепиться и запустить в себе, то они уже будут, как львы, восставать на тебя, и ты не в силах будешь бороться с ними».

Я спросил: «В чем же больше, батюшка, следует пону-ждать себя или воздерживаться?» Старец: «Во сне, в пище, в питии, в разговоре, а наипаче в церкви не надобно говорить».

«Батюшка, вот иногда бывает такая ревность ко всему доброму, а то бывает такое нерадение и разлечение, ни на что нет охоты, спишь и ешь без меры, молиться не хочется, правило свое келейное оставляешь — что в таких случаях делать?» — «Вот тут-то и нужно себя нудить на все доб-

рое и на молитву; это вот уж будет зависеть *от тебя*, когда во время нерадения и разленения понудишь себя к молитве, а когда бывает ревность ко всему доброму, то *это от Бога*».

✠ ✠ ✠

«Батюшка! С чего бы мне начать, чтобы хотя немного сосредоточиться в себе, — или уж никуда не ходить, кроме самых необходимых случаев?» Старец: «Вот с этого и начни; сиди в келье, и келья всему тебя научит — только терпи, будут смущать помыслы выйти — не поддавайся. Ведь все святые этим путем шли. Прочти у Феодора Студита, как он не велит останавливаться и разговаривать, когда выходишь из церкви⁸, да и в уставе об этом сказано. А то мы уж извратили порядок монашеской жизни, у нас все навыворот пошло».

✠ ✠ ✠

Говорил также батюшка, что старец Лев⁹ писал одной духовной дочери: «Вот тебе три орудия в брани духовной: смирение, терпение, самоукорение — сими побеждай».

✠ ✠ ✠

Еще на мой вопрос, можно ли кому что дать, старец сказал: «Можно, если имеешь что лишнее, но не монастырское, на которое тебе не дано благословения». — «А можно ли что брать у кого, если дают?» Старец: «Можно и принимать — это тоже знак смирения, как авва Дорофей говорит, но если не имеешь нужды, то, конечно, лучше не брать».

✠ ✠ ✠

«Батюшка! Мне помысл говорит давно: не имей ничего, как святые отцы учат». Старец на это сказал: «Имей, что нужно и необходимо, а лишнего не собирай, а если не будешь иметь, да будешь скорбеть, то что толку? Лучше держись середины. Можно иметь, только не привязываться ни к чему и быть как нищему, такое устройство и было у святых».

⁸ *Феодор Студит, прп.* Подвижнические наставления // Добротолюбие (на рус. яз.): в 5 т. Т. 4.

⁹ См. письмо старца Льва к Анне Ивановне Петровской от 2 января 1834 г. // Письма преподобного оптинского старца Льва. Письмо 149.

«Молитва Иисусова, батюшка, плохо идет у меня. Кажется, и простая вещь, везде и всегда можно бы творить ее, так нет — забывается». Старец: «Да, она как бы и простая вещь, а неудержима; сказал несколько раз и забыл, — вспомнил, еще проговорил десяток раз — и опять рассеяние. В день-то сотню одну скажешь, а воображаешь, что молитву проходишь. Поэтому вначале надобно непременно количеством на счет проходить, пока не получишь навыка».

После исповеди я сказал дорогому отцу моему духовному и старцу: «Батюшка! Как бы я желал всегда быть исправным в моем звании, в исполнении монашеских обетов и вообще пред Господом во всех моих делах и поступках! Иногда сердце как будто и горит любовью к Богу, и готов исполнить Его волю, но лишь только решишься взяться за внимательную жизнь, как враг тотчас окрадывает меня; душа моя скорбит о таком нерадении: когда же я начну исправно жить, а время-то идет».

Старец: «Да, что делать? Всегда мы неисправны пред Богом; надобно молиться об этом. Ты знаешь, как написано у преподобного Макария Великого: “Бесстыдно”¹⁰ должно вопиять к Богу, чтобы Он смиловался и Сам помог нам, потому что мы своими силами и сами собой ничего не можем сделать хорошего. А если будем часто молиться, докучать Богу, вопиять бесстыдно в великом смирении, то Господь и поможет”».

Слава Богу! Батюшка еще принял меня, и снова получил аз грешный утешение и подкрепление моей унылой и пригнослабой душе. Благодатный старец еще подтвердил мне касательно молитвы. Пятисотницу¹¹ тоже не велел оставлять никогда. «Если не пришлось исполнить с поклонами, то можно без поклонов, — сказал старец. — Если нездоровится

¹⁰ Бессты́дно (цсл.) — здесь: настойчиво, постоянно надоедая.

¹¹ Пятисотница — молитвенное правило, включающее пятьсот молитв: триста — Спасителю, сто — Божией Матери, пятьдесят — Ангелу Хранителю, пятьдесят — всем святым. Входит в ежедневное монашеское правило.

или устанешь, то можно сидя пройти ее; но, конечно, если здоров, то надо исполнять ее стоя и с поклонами».

«Батюшка! Вашими святыми молитвами, слава Богу, я как бы немного привыкаю к молитве, конечно, внешней». Старец сказал: «Это хорошо. Ничего, что внешне; при неопустительном исполнении келейного правила явится охота и помимо правил заниматься Иисусовой молитвой». Тут мне батюшка сказал что-то очень важное и полезное из писаний одного святого отца, но враг выкрал у меня из памяти, и я забыл, что было сказано. Удивительно, как батюшка может нужное сразу найти, что сказать. Из этого видно, что он есть истинный наставник и сам есть делатель монашества. Счастлив я, убогий, что имею такого опытного в духовной жизни отца, незаблудного, истинного руководителя, которого люблю истинною, сыновнею любовью.

Еще батюшка говорил мне, что молитву Иисусову надобно произносить раздельно, редко, а что помыслы приходят — это обычно диаволу навевать, дабы отвлечь внимание от молитвы. Но тут-то и нужно усерднее и более углубляться в молитву, и помыслы, то есть сам диавол, жегомый страшным именем Иисусовым, бежит. Затем старец удивил меня крайне: только что я хотел еще высказать ему, а он, отвечая на мою мысль, говорит: «А иногда враг держит за сердце, раздражает ненавистью к кому-либо и осуждением». А я именно *это-то* и хотел сказать, ибо имел скорбь на одного человека, а батюшка предварил меня.

Однажды батюшка говорил мне: «Много есть плачущих, но не о том, о чем нужно; много скорбящих, но не о грехах; много есть как бы смиренных, но не истинно. Чтобы преуспевать в молитве Иисусовой, надобно смиренно себя вести во всем: во взгляде, в походке, в одежде».

Говорил старец, что молитва Иисусова великую пользу доставляет тому, кто ее творит, и непременно надо привыкать творить ее. «Она будет утешать, особенно во время

болезни. Если кто привык творить ее всегда, то и в болезни будет творить, и ему не будет так скучно, молитва будет служить ему утешением. А если человек, будучи здоровым, не занимается молитвой, то и когда заболит, не в состоянии будет молиться как не имеющий навыка, и ему тяжело бывает. А посему, пока здоров, и надо учиться и привыкать к молитве, и творить ее часто; хотя и нечасто, но все же будешь со смирением выговаривать: Господи, помилуй мя грешнаго! *А сердца сокрушенна и смиренна*, сказано, *Бог не уничижит* (ср.: Пс. 50, 19)».

О переходе в другую обитель старец говорил, что переходить без особенной нужды не следует, покоя в душе не обрешь. «Сколько искушений, ненависти и злобы будет! Иной покажется тебе другом, а у него в сердце нож против тебя. По своей воле не должно переходить: не будешь покоен, и никакие удобства жизни не будут утешать. Другое дело, если за послушание куда переведут».

Так всегда я уходил от старца успокоенным и утешенным, ибо слова его принимал как из уст Божиих. Господи! Помоги мне блюсти все советы возлюбленного старца моего и управи стези моя...

ПИСЬМА ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ОПТИНСКОГО, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ

И. Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский,
Ф.М. Достоевский и К. Леонтьев
пред старцами Оптиной пустыни

*(Из письма в редакцию журнала «Душеполезное чтение»
начальника скита Оптиной пустыни отца Иосифа)¹*

В библиотеке нашего скита хранится книга «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (СПб., 1847). К книге приложена на особом листе копия с письма, в котором высказан отзыв о ее содержании. Кто именно был автор письма и кому оно было адресовано, в настоящее время [1898 г.], по прошествии почти пятидесяти лет, по неимению данных трудно определить². Копия с письма переписана собственноручно старцем отцом Макарием [Ивановым]. Поэтому можно заключить, что старец вполне разделял выраженный в письме отзыв о книге знаменитого писателя.

При продолжающейся неустойчивости и колебании русской мысли упомянутый отзыв не утратил значения и для настоящего времени.

Если согласитесь с высказанным мною мнением, то покорнейше прошу не отказать ввиду духовно-нравственной пользы

¹ Публикуется по: Душеполезное чтение. 1898. Ч. I. С. 157–162.

читателей «Душеполезного чтения»² дать место в сем журнале упомянутому отзыву.

Вот этот отзыв.

«С благодарностью возвращаю вам книгу, которую вы мне доставили. Услышите мое мнение о ней. Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно и чтоб издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего, лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *истина свободит вас* (Ин. 8, 32). В другом месте Писания сказано: *слово Твое истина есть* (Ин. 17, 17). Посему желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие и по учению Господа выправляет свои мысли и чувства. Тогда он возможет отделить в себе правильные и добрые мысли и чувства от поддельных и мнимо добрых и правильных. Тогда человек вступает в *чистоту*, как и Господь после Тайной Вечери сказал ученикам Своим, яко образованным уже учением истины: *вы чисти есте за слово, еже рех вам* (Ин. 15, 3). Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, чтоб светил фонарь, недостаточно одного чистого вымывания стекол; нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча. Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истиною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До принятия Духа Святого они не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты.

Сей ход должен совершиться с каждым христианином — христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение истиною, а потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение как смешанное,

² «Душеполезное чтение» — ежемесячный журнал, издававшийся в Москве с 1860 по 1917 г.

умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии.

Если же человек будет руководствоваться прежде очищения его истинною своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни в себя и поверь сердечным опытом слова мои: увидишь, как они точны и справедливы, скопированы с самой природы.

Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из себя и свет, и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного.

Так как Гоголь — писатель, а в писателе непременно *от избытка сердца уста глаголют* (Мф. 12, 34), или: сочинение есть непременная исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая, и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств и в ней различил свет от тьмы, то книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение.

Желательно, чтобы этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ. По сей причине советую всем друзьям моим по отношению к религии заниматься единственно чтением святых отцов, стяжавших очищение и просвещение, как и апостолы, и потом уже написавших свои книги, из коих светит чистая истина и которые сообщают читателям вдохновение Святого Духа. Вне сего пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнины и пропасти! Аминь».

Покойный старец иеросхимонах отец Макарий, предшественник и наставник старца отца Амвросия, лично знал Н.В. Гоголя, который два раза приезжал в Оптину пустынь для посещения отца Макария. Об этих посещениях отец Макарий

упоминает в одном из своих писем³ от 2 октября 1851 года. Покойный старец обладал высокою духовною мудростью и мог при помощи благодати Божией благотворно повлиять на образ мыслей Н.В. Гоголя в смысле утверждения и просвещения его ума и сердца истинами православной веры Христовой.

Здесь, может быть, уместно будет сказать и о том, что под влиянием бесед с отцом Макарием совершился в том же направлении, как и у Н.В. Гоголя, коренной поворот в воззрениях И.В. Киреевского. Известно, что это был ум могучий и многосторонне образованный, стоявший на высоте современной ему западноевропейской философствующей мысли. И.В. Киреевский имел письменные⁴ и личные сношения с главнейшими представителями этой мысли — например, с Гегелем и Шеллингом. Но, однако, он не удовлетворился своими знаниями: душа его искала высшей правды. Беседы с отцом Макарием осветили и раздвинули его умственный кругозор и вместе с тем увенчали его философские знания покровом сердечной веры. «Растворенное солию неземной мудрости, слово отеческое, слово глубокое и вместе простое слово, носящее печать помазания Святого Духа, вносящее мир и успокоение во всякую душу, жаждущую и алчущую правды и истины, это слово удовлетворило вполне его пылкий ум, и с той поры он посвятил себя всецело на то, чтобы отвлечь внимание своих ученых друзей от философских умствований Гегеля, Шеллинга и К°, этих “сокрушенных кладенцев” германской мысли, и обратить их внимание на забытые одними и неведомые другим источники “воды живой” — слово Божие и творения святых отцов. Памятником этого периода его умственной деятельности остались две замечательные статьи: “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России” и “О необходимости и возможности новых начал для философии”»⁵.

³ Собрание писем блаженных памяти оптинского старца отца Макария. Изд. Оптиной пустыни. М., 1862. С. 220. — *Здесь и далее в письмах примечания приводятся по изданию «Душеполезное чтение».*

⁴ Сочинение И.В. Киреевского. М., 1862. Т. 1. С. 46, 56.

⁵ Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. 4-е изд. 1885. С. 184. Сочинение И.В. Киреевского. М., 1861. Т. 2.

...Об этом говорится и в материалах⁶ для биографии И.В. Киреевского. «Долбино⁷ в сорока верстах от Козельской Оптиной пустыни. Сюда нередко уезжал Киреевский и проводил здесь целые недели, душевно уважая многих старцев святой обители, и особенно отца Макария, своего духовного отца, которого он высоко ценил. Оптинский монастырь известен в России изданием многих переводов святых отцов и других назидательных книг. В изданиях сих Киреевский принимал живейшее участие; почти все корректуры исправлялись в его доме; самые рукописи и переводы также просматривались Киреевским.

В тишине своего деревенского уединения, — говорится далее в той же книге, — Киреевский продолжал работать для своего будущего философского сочинения, изучая писания святых отцов. Вот его собственные слова: “Учение о Святой Троице не потому только привлекает мой ум, что является ему как высшее средоточие всех святых истин, нам откровением сообщенных, но и потому еще, что, занимаясь сочинением о философии, я дошел до того убеждения, что направление философии зависит в первом начале своем от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице”».

К этому же периоду времени, то есть к концу 1852 года, относится письмо И.В. Киреевского к Кошелеву. В письме этом он, между прочим, говорит: «Не теряю намерения написать, когда будет можно писать, курс философии, в котором будет много новых истин, то есть новых от человеческого забывчивости. Жаль, очень жаль, что западное безумие стеснило теперь и нашу мысль, именно теперь, когда, кажется, настоящая пора для России сказать свое слово в философии, показать им, еретикам, что истина науки только в истине Православия. Впрочем, и то правда, что эти заботы о судьбе человеческого разума можно предоставить Хозяину, Который знает, когда и кого послать на Свое дело».

⁶ Сочинение И.В. Киреевского. Т. 1. С. 100.

⁷ Село Долбино — родовое поместье Киреевских, в семи верстах от г. Белева Тульской губернии.

И.В. Киреевский скончался 12 июня 1856 года и погребен в Оптиной пустыни. На могильном памятнике надпись: «Премудрость возлюбих и поисках от юности моя. Познав же, яко не и́нако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу. Узрят ко́и вину праведника и не разумеют, что усоветова о нем Господь⁸. Господи, приими дух мой!»

Среди старожилов нашей обители сохраняется воспоминание о посещении оной в 1877 году⁹ другим знаменитым нашим писателем — Ф.М. Достоевским. Подолгу длились его беседы со старцем отцом Амвросием о многих насущных вопросах духовной жизни и спасения души. Вскоре затем появились в печати «Братья Карамазовы», написанные отчасти под впечатлением посещения его Оптиной пустыни и бесед с отцом Амвросием.

К. Леонтьев, автор многих статей по восточному вопросу, также подолгу жил иногда в Оптиной пустыни и беседовал с отцом Амвросием. Скончался К. Леонтьев при Троице-Сергиевой лавре в 1891 году, сподобившись принять пред кончиною¹⁰ иноческий постриг...

⁸ Ср.: Прем. 8,2,21; 4, 17.

⁹ Допущена неточность: Ф.М. Достоевский (1821–1881) был в Оптиной два дня в июле 1878 г. после смерти младшего сына Алеши.

¹⁰ Писатель, философ, дипломат К.Н. Леонтьев (1831–1891) по благословению старца Амвросия принял монашеский постриг в Оптиной пустыни с именем Климент.

II. Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан неправославных?¹

(Ответ на письмо, полученное из-за границы от русской православной, состоящей в замужестве за протестантом, и по поводу отлучения графа Льва Толстого)

Всем нам, чадам Единой Святой Соборной Апостольской Вселенской Церкви, в недоуменных случаях касательно вероучения не должно водиться собственными разумениями, которые могут быть погрешительны, а должно иметь для сего руководственные правила. И эти правила заключаются прежде всего в книге, именуемой «Кормчая». Это — сборник правил святых апостолов, Святых Вселенских и Поместных Соборов и некоторых святых отцов.

В конце этой книги, в главе «О Римском отпадении, како отступиша от православныя веры и от Святыя Восточныя Церкви», папа Римский с своими последователями, неправо именующими себя католиками, названы еретиками. О других же христианских вероисповеданиях протестантских и говорить нечего, так как они еще далее уклонились от Православия.

В той же «Кормчей книге», в 10-й главе, в 6-м правиле Поместного Лаодикийского Собора о еретиках вообще произнесен такой суд Святой Церкви: «Несть достойно еретиком в Церковь Божию входить». А в 33-м правиле того же Лаодикийского Собора сказано: «С еретики и со отвергшимися от Соборныя Церкви да не помолится никто».

Но вот вопрос: каков взгляд святых отцов нашей Православной Церкви на ересь? — В «Отечнике» епископа Игнатия

¹ Публикуется по: «Душеполезное чтение». 1901. Ч. III. С. 320–333.

(Брянчанинова)² говорится о преподобном Агафоне. Однажды посетили его некоторые братья и захотели испытать его смирение и терпение. Они упрекали его в гордости, злоречии и развратной жизни. Все эти пороки старец признавал в себе и слезно просил посетителей помолиться о нем. Когда же они назвали его еретиком, старец сказал, что он отнюдь не еретик. На вопрос братии, почему обвинение в ереси встревожило его, он отвечал: «Потому что ересь есть отчуждение от Бога. Еретик отлучается от Бога живого и истинного и приобщается диаволу и аггелам его. Отлученный от Христа (конечно, чрез исповедуемое им ложное учение о Христе) уже не имеет Бога, Которого он мог бы умолиť о грехах своих, и во всех отношениях есть погибший».

И если бы это было не так, если бы то есть ереси, или ложные учения как следствия свободомыслия не имели такого пагубного значения в Святой Христовой Церкви, то святой апостол Павел не писал бы первенствующим христианам таких предостережений: *Братие, блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философіею и тщетною лестью, по преданию человеческому, по стихіям мира, а не по Христе* (Кол. 2, 8). И еще: *нѣцыи суть смущающіи вы и хотящіи превратити благовѣствованіе Христово. Но и аще мы или Ангелъ с небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстити вамъ, анаѣма да будетъ* (Гал. 1, 7–8).

Впрочем, Православная наша Церковь по присущему ей человеколюбию позволяет молиться об отсецающихся³ от нее, то есть о еретиках, как можно видеть в той же «Кормчей книге», в главе 15-й, в 66-м правиле Карфагенского Поместного Собора. Но о чем молиться? — Молитися, да оставят прелесть и да познают истину.

И в другой книге — «Православном исповедании Кафолической и Апостольской Церкви Восточной»⁴, в первой

² См.: Отечник: Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их / Сост. свт. Игнатий (Брянчанинов). М., 1992. (Репринт: СПб., 1891). С. 42–43.

³ Отсецающихся (*устар.*) — отступающих.

⁴ Эта книга является православным катехизисом. Первая ее часть содержит изложение православной веры на основе Никео-Цареград-

ее части, в конце ответа на 92-й вопрос также допускается молиться за еретиков и раскольников, чтобы они обратились к вере православной прежде конца своей жизни.

Так Православная Церковь и поступает. Например, в помяннике (в конце Следованной Псалтири) молимся: «Отступившия от православныя веры и погибельными ересьми ослепленныя светом Твоего познания просвети и Святей Твоей Апостольстей Соборней Церкви причти».

Теперь представим некоторые свои соображения. Из вышеприведенных мест видно, что наша Православная Церковь позволяет молиться за еретиков только за живых, а не за умерших, и притом только об их обращении к вере православной. Когда же, прибавим к сему, еретик по молитвам Святой Церкви обратится к православной вере, тогда и молитва церковная о нем будет уже совсем иная, то есть о спасении его души.

А как достигается человеком спасение? Одно из главных условий к достижению спасения есть покаяние. Примеры сему видим в Святом Евангелии. Мытарь получил оправдание чрез покаяние (Лк. 18, 10–14). Блудный сын возвратился к Отцу чрез покаяние (Лк. 15, 11–32). Разбойник благоразумный, распятый с Господом Иисусом Христом, вошел в рай также чрез покаяние (Лк. 23, 40–43). Да и Господь сказал о Себе, что Он пришел на землю, дабы *грешников призвать к покаянию* (Мф. 9, 13). — В покаянии же имеют нужду все люди. *Вси бо согрешиша*, как говорит апостол, *и лишени суть славы Божия* (Рим. 3, 23). Но неправославный, или еретик, если бы вздумал принести пред православным иереем раскаяние во грехах своих, покаяние его будет

ского Символа веры. Вторая — учит о молитве на основе молитвы «Отче наш» и заповедей блаженств. Третья часть повествует о добродетелях и грехах на основании десяти заповедей. Первоначально книга была написана киевским митрополитом Петром Могилой и его помощниками на латинском языке. Затем был сделан перевод на греческий язык и в 1643 г. этот катехизис одобрил Константинопольский патриарх. В 1837 г. по благословению Священного Синода «Православное исповедание...» было переведено на русский язык и издано тиражом 30 000 экземпляров для распространения по всем церквям империи.

недействительно. Читаем в «Православном исповедании» в первой части вопрос 113-й: что мы должны наблюдать при таинстве Покаяния? — Ответ. Во-первых, должны смотреть, чтобы кающийся был христианин православной и кафолической веры, ибо покаяние без истинной веры не есть покаяние и не приемлется от Бога.

Но все это говорилось о живых неправо верующих христианах, или еретиках. Что же сказать об их отшедших из сей жизни душах?

Хотя в «Пространном христианском катехизисе Православной Кафолической Восточной Церкви»⁵ в 11-м члене сказано, что душам умерших к достижению блаженного воскресения вспомоществовать могут приносимые за них молитвы, особенно соединенные с приношением Бескровной Жертвы Тела и Крови Христовой, но это говорится о душах православных христиан, и притом умерших с верою. — Душе же неправо верующего, умершего при своих заблуждениях и не принесшего в них искреннего покаяния пред Господом, какая может быть надежда на спасение? И как, и о чем молиться за такую душу? — Молиться о ее спасении («Со святыми упокой...») — нельзя, потому что при жизни неправово не отрекся от своих заблуждений и не принес искреннего раскаяния в них пред Господом. Молиться об обращении души к покаянию — поздно, потому что душа по отрешении от тела каяться не может, так как будущая жизнь — время не покаянию, а воздаянию.

Да и то должно принять во внимание: к чему бы в Православной Церкви составлять особые чины на присоединение римских католиков и протестантов к православной вере, если бы и без того можно было молиться о спасении их душ? Однако Святая наша Церковь от каждого неправовера, желающего быть с нею в общении, непременно требует, чтобы он всенародно — пред всею Церковию — отрекся от своих

⁵ Данный катехизис является официальным катехизисом Русской Православной Церкви. Он составлен митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) в 1822-1823 гг., впервые был издан в 1823 г. и позднее многократно переиздавался.

заблуждений и принял чистое христианское учение. И еще: если бы можно было молиться церковною молитвою о спасении душ умерших неправовверов или хотя бы об облегчении их загробной участи, то непременно при богослужениях Православной Церкви употреблялись бы особые за них ектении, или прошения. Однако во всех наших церковных службах и подобного ничего нет. А напротив, в первую неделю Великого поста, совершая Торжество Православия, Святая наша Церковь изрекает анафему, то есть отлучение от единения с собою всех еретиков и отступников от Православия; следовательно, и латинян, или римских католиков, и протестантов. Как же, спросим, Церковь в одно и то же время будет и анафематствовать, и молиться за них?

В подтверждение сказанного приведем здесь слова принопамятного святителя нашего, покойного московского митрополита Филарета. Он говорит: «Иное дело молиться о соединении с Православною Церковию неправославных церквей в обширном составе молитв, объемлющих весь мир, а иное поминать неправославных в диптихах (синодиках или помянниках) при таинстве Евхаристии. Неправославные самим неправославием отлучили себя от общения таинств Православной Церкви. Сему соответствует непоминание их при таинстве Евхаристии и исключение из диптихов⁶»⁷.

Заметим при сем, что слова «исключение из диптихов» приводят к той мысли, что имена неправославных христиан и вообще при всяком церковном православном богослужении поминать не следует. Ибо как же, в самом деле, их поминать, когда они из диптихов исключены?

Скажут: рассуждать так очень строго. — Что делать? Но ведь у Господа нельзя вымолить милости насильно. Ибо Бог наш — *Бог ревнитель* (Исх. 20, 5); *праведен Господь и правды возлюбил* (Пс. 10, 7). Бывали же случаи, когда Сам Он запрещал о людях молиться. Так, пророку Иеремии говорил о народе Своем: *Ты же не моли́ся о лю́дех сих, и не проси ё́же помилованым быти им, и не моли́, ни́жé приступай ко Мне*

⁶ Диптих — списки имен, поминаемых во время Литургии.

⁷ См.: *Сушков Н.В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 162.

о них, яко не услышу тя (Иер. 7, 16). И это повеление Господне относится к людям еще живым, следовательно, еще имевшим возможность покаяться. И пророк не дерзал преслушать слово Господне, оправдывая свою молитву за них человеколюбием.

Впрочем, говоря о сем, мы имеем здесь в виду молитву за неправославных христиан только церковно-общественную, которую если в самом деле допустить в Православной Церкви, то для Православия неминуемо последует величайший вред, неисчерпаемое зло. Подумаем, например: много ли православных христиан, твердых в исповедуемой ими вере? Не у большей ли из них части вера слабенькая, как искорка, готовая ежеминутно погаснуть? И если таковые люди будут слышать в православных храмах поминовение о здравии или упокоении римских католиков или протестантов, не придут ли они вскорости к такому заключению: стало быть, как ни веруй — все равно? А чрез это и отпадения от Православной Церкви чаще и чаще должны будут повторяться, если и не формально, то в душе. А тут-то и самое великое горе. Незаметно для самого соvrащенного он бывает православный только по имени, а в самой вещи неправовер или вовсе невер.

Также и христиане других исповеданий, видя, что Православная Церковь молится за них, должны приходить к такому же заключению о равенстве всех вероисповеданий. А это и желающих неправоверов может отвлекать от присоединения к Православной Церкви. «Ведь православные и без того молятся за нас», — будут они говорить.

Впрочем, об этом-то и хлопочут некоторые, говоря, что все люди, какую бы они веру ни исповедовали, спасутся, и еще: Господь не указал нам, какую содержать веру. Это — ложные мечты человеческие. Что не все спасутся, видно из Святого Евангелия. Изображая Свой Страшный Суд, Господь прямо разделяет всех людей на два разряда, и одних поставляет одесную Себя и вводит в Царство Небесное, а других — ошуюю и отсылает *в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (см.: Мф. 25, 31–46). И наследующих Царство Небесное будет меньшая часть — даже и из православных только те, которые будут жить по-православному. Это также

видно из слов Самого Господа: *мнози бо суть звѣни, мало же избранных* (Мф. 20, 16). О втором же возражении, то есть что Господь не указал нам, какую содержать веру, должно сказать, что это — клевета на Бога. Ибо не для того ли Сын Божий и на землю сходил, чтобы преподавать людям ясное и подробное учение о том, как они должны веровать и располагать жизнь свою по вере? Поэтому и говорил Он: *не приидѣх разорити закон Моисеев, но исполнити* (Мф. 5, 17). И еще говорил о Себе: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14, 6). И учение его названо *глаголами живота вечнаго* (Ин. 6, 68). И потому — всех Он призывал к Себе, говоря: *Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет* (Ин. 7, 37). И еще: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии* и проч. (Мф. 11, 28, 29). А по воскресении Своем, посылая учеников Своих на проповедь, Господь повелел им учить все народы, чтобы соблюдали все заповеданное Им (см.: Мф. 28, 20). Апостолы же все заповеданное Господом истинное вероучение и нравоучение изложили письменно в Святом Евангелии и своих Посланиях. Последующие же за ними святые отцы и учителя Церкви Христовой в подробности изъяснили все это истинное вероучение и нравоучение, содержащееся в Священном Писании, во всей полноте и чистоте, без всякой примеси человеческих неправых мнений и разумений. И вначале эта Христова Церковь была одна и единственная во всем мире. И только с IX века римские папы самовольно стали примешивать к истинному Христову учению свое лживое умствование, чрез что и отделилась Римская Церковь от Православной Восточной. И чем далее время шло, тем более прибавлялось в Римской Церкви заблуждений, и дошло, наконец, до того, что некоторые недовольные ею римские католики отпали от нее и образовали свои церкви, протестантские, еще далее отступавшие от Православия.

О важности же послушания Святой Христовой Церкви Сам Господь в Святом Евангелии сказал: *аще кто Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (ср.: ф. 8, 17).

Но возвратимся к своему главному предмету. Что это значит: православные христиане не просят молиться за себя

и за своих покойников римских католиков и протестантов, а эти последние, наоборот, нередко просят православных служить панихиды по своим родным и проч.? Что тут за причина? Явно, что причина эта есть бедность внутреннего духовного содержания западных неправоверных христианских церквей. Душа римского католика или протестанта, жаждущая спасения, не может в своей церкви обрести удовлетворение своим высшим духовным потребностям, а потому и обращается к Православной Церкви, которой одной присущи *вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию* (2 Пет. 1, 3). И это подтверждается самым делом. Нередко неправоверы, искренно присоединившиеся к Православной Церкви, вскоре по присоединении и по причащении Божественных Таин Тела и Крови Христовых ощущали в душах своих неизъяснимые духовные утешения, о которых они прежде, до присоединения к Православной Церкви, и понятия не имели. — И то еще может служить доказательством несостоятельности западных церквей, что защитники их всегда отстаивают свои неправые умствования с азартом и озлоблением против нашей Святой Православной Церкви. А сказано в Священном Писании о Боге: *в мире место Его* (Пс. 75, 3). Значит, где мир и любовь, там только и Бог, а где немирствие и озлобление, там не может быть благодати Божией, и не благоволит Господь к озлобленным сердцам.

Впрочем, говоря о строгости нашей Православной Церкви в отношении поминовения неправо верующих христиан, мы не к тому ведем речь, что будто Святая наша Церковь заповедует нам, чадам ее, вовсе никоим образом не молиться о них. Она только запрещает нам своечинную молитву, то есть молиться как нам хочется и как вздумается. Мать наша Православная Церковь внушает нам, чтобы все у нас, как и самая молитва, совершалось *по чину и благообразно* (ср.: 1 Кор. 14, 40). Мы и молимся при всех наших церковных богослужениях о всех разноплеменных народах и о всем мире, чаще всего и сами не зная и не понимая того. Именно, мы молимся так, как Господь наш Иисус Христос научил своих апостолов молиться в преданной Им молитве:

Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли (Мф. 6, 10)! Это всеобъемлющее прошение объемлет собою все нужды, и наши, и единокровных нам, хотя и неправоверных братий наших. Мы тут просим Всеблагого Господа и о душах умерших неправославных христиан, чтобы Он сотворил с ними то, что благоугодно Его святой воле. Ибо Господь безмерно лучше нас знает, кому и какую оказать милость. — Итак, православный христианин! Кто бы ты ни был, мирянин или иерей Божий, если во время какого-либо церковного богослужения придет тебе усердие помолиться о каком-либо близком к тебе Карле или Эдуарде, то при чтении или пении молитвы Господней воздохни о нем ко Господу и скажи: «Да будет о нем святая Твоя воля, Господи!» — и ограничи этой молитвой. Ибо так научен ты молиться Самим Господом. И поверь, что такая твоя молитва будет тысячекратно и Господу угодней, и для души твоей полезней всех твоих самочинных церковных поминовений.

Все высказанные нами мысли, основанные, как всякий может видеть, на Божественном Писании и предании святых отцов, естественно приводят нас к такому заключению: «Молиться за неправославных христиан церковно-общественною молитвою наравне с православными христианами, то есть помянуть имена их в храмах так же, как поминаются имена православных христиан, противно учению и постановлениям нашей Единой Святой Соборной Апостольской Вселенской Церкви». Так мы говорим, так и поступаем. И это вовсе не по ненависти к неправо верующим христианам и не потому, что мы не желаем им добра, а потому, что самочинная или самовольная наша за них молитва и Богу будет неужгодна, и для душ их бесполезна, а молящимся за них обратится в грех. Наглядный сему пример можем видеть в царе израильском Сауле⁸. По видимому он сделал доброе

⁸ Саул (XI в. до Рождества Христова) — первый царь объединенного Израильского царства. Саул вел непрерывные войны с врагами Израиля. Он был верующим человеком, но злой дух овладел им — и Саул отпал от Господа. В битве с филистимлянами он был тяжело ранен и бросился на свой меч. См. о нем: 1-я и 2-я книга Царств Ветхого Завета.

дело, когда пред начатием войны с филистимлянами обратился с молитвою к Богу и жертвоприношением. Но так как он поступил в этом случае самочинно, не дождавшись, как ему было сказано, пророка Божия Самуила, то не только не привлек к себе благоволения и благословения Божия, но и заслужил Божий гнев и наказание. Прибавим к сему, что самоволие и во всем есть грех и даже между людьми нетерпимый порок. Сложилась пословица: своя воля и царя бóле. Однако, заметим, царь наказывает не покоряющихся царским законам. Почему? Потому что самовольник причиняет вред и себе, и своей семье, и обществу, в котором живет, и государству, и Церкви; словом, самовольник — неприятный человек. Да и сами самовольники не повинующихся им не любят и, если имеют возможность, наказывают. А мы все хотим и жить, и молиться каждый по-своему.

Теперь скажем несколько о частной молитве. Известен в нашей Православной Церкви едва ли не единственный пример, что частная молитва одного угодника Божия помогала душам умерших иноверцев, даже язычников. Так рассказывал о себе преподобный Макарий Египетский. «Однажды, проходя пустынею, нашел я череп какого-то мертвеца, валявшийся на земле. Когда ударил я череп пальмовою палкою, он что-то проговорил мне. Я спросил его: “Кто ты?” Череп отвечал мне: “Я был главным жрецом идолов и язычников, которые жили на этом месте, — а ты Макарий-духоносец. Когда ты, сжалившись о страждущих в мучении, начнешь молиться за них, они чувствуют некоторую отраду”. Старец спросил его: “Какая же эта отрада? И какое мучение?” Череп говорит ему: “На сколько небо отстоит от земли, на столько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Нельзя никому из нас видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. Но когда ты помолишься о нас, то каждый несколько видит лицо другого. Вот в чем наша отрада!” Старец заплакал и сказал: “Несчастный день, в который родился человек!” Старец спросил далее: “Нет ли еще более тяжкого мучения?” Череп отвечал ему: “Под нами мучение еще ужаснее”. Старец спросил: “А кто там находится?” Череп отвечал: “Мы как не знавшие Бога еще

несколько помилованы, но познавшие Бога и отвергшиеся Его (конечно, суемудрием в вере и порочною жизнью) — те под нами”. После сего старец взял череп и зарыл его в землю»⁹.

Из сего рассказа блаженного отца прежде всего мы видим, что молитва его за страждущих в пламени язычников была не церковно-общественная, а частная. Это молитва уединенного пустынноика, молившегося в тайной клети сердца своего. Ибо если бы он сам не рассказал другим об этой молитве, то она и осталась бы ни для кого неведомою. Затем молитва эта может отчасти послужить и нам, православным христианам, поводом к тому, чтобы молиться за живых и умерших неправовверов частною, домашнею молитвою, но только поводом, а отнюдь не примером, ибо преподобный не сообщил нам, как он молился за язычников, не научил нас тому; уже потому эта молитва не может служить для нас примером, что молившийся ею преподобный Макарий был великий угодник Божий, следовательно, стяжавший великое дерзновение ко Господу. Нам ли же, в бездне греховней валяющимся, брать пример с такого молитвенника? В одном только она может служить для нас примером, именно в том, что преподобный Макарий молился за язычников не самочинною молитвою, а так, как наставлял его Дух Божий, обитавший в его чистом сердце, который не только его наставлял, но и заставлял молиться о всем мире — о всех людях, живых и умерших, как это обычно и свойственно любящим сердцам всех угодников Божиих; как и святой апостол Павел писал к коринфянам: *сердце наше распространися: не тесно вмещаетея в нас* (2 Кор. 6, 11–12).

Итак, мы теперь можем согласиться, что православным христианам молиться за неправославных христиан — живых и умерших — можно частною домашнею молитвою, но при том еще и еще напомним: не самочинно молиться — не так, как нам вздумается и пожелается (дабы вместо благоволения не навлечь на себя гнева Божия), а по наставлению опытных в жизни духовной людей.

⁹ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. Гл. 69: Об авве Макарии Египетском. П. 37. М., 1845.

Был случай при жизни оптинского старца Леонида (в схиме Льва), скончавшегося в 1841 году. У одного его ученика, Павла Тамбовцева, скончался родитель несчастною насильственной смертью — самоубийством. Глубоко опечален был любящий сын известием о сем и потому так изливал пред старцем свою скорбь: «Несчастливая кончина моего родителя есть для меня тяжкий крест. Да, я нахожусь теперь на кресте, которого болезни пойдут со мною в гроб. Воображая ужасную для грешников вечность, в которой нет уже покаяния, я мучусь представлением вечных мучений, которые ожидают моего родителя, без покаяния умершего. Скажи, отче, чем я могу утешить себя в настоящей горести?» Ответ старца: «Вручай как себя, так и участь родителя воле Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышнего чудес. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись Преплагому Создателю, исполняя тем долг любви и обязанности сыновней». Вопрос: «Но каким образом молиться о таковых?» Ответ: «По духу добродетельных и мудрых так: “Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего; аще возможно есть, помилуй! Неизследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя!” Молись же просто, без испытания, предавая сердце твое в десницу Вышнего. Конечно, не было воли Божией на столь горестную кончину родителя твоего, но ныне он совершенно в воле Могущего и душу, и тело ввергнуть в печь огненную, Который и смиряет, и высит, мертвит и живит, низводит в ад и возводит. При этом Он столь милосерд, всемогущ и любвеобилен, что благие качества всех земнородных пред Его высочайшею благодатью — ничто. Для сего ты не должен чрезмерно печалиться. Ты скажешь: “Я люблю моего родителя, почему и скорблю неутешно”. — Справедливо. Но Бог без сравнения более, чем ты, любил и любит его. Значит, тебе остается предоставить вечную участь родителя твоего благодати и милосердию Бога, “Который если соблаговолит помиловать, то кто может противиться Ему?”¹⁰».

¹⁰ См. Приложение к Жизнеописанию оптинского старца иеромонаха Леонида. Изд. Оптиной пустыни, 1890.

Вот эта приведенная здесь частная, келейная, или домашняя молитва, преподанная опытным в жизни духовной старцем Леонидом своему ученику, и может служить для православного христианина примером или образцом молитвы за какого-нибудь близкого к нему неправославного христианина. Может он, например, молиться в таком смысле: «Помилуй, Господи, аще возможно есть, душу раба Твоего (имя), отшедшего в жизнь вечную в отступлении от Святой Твоей Православной Церкви! Неизследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя!»

Нам неизвестно и никому не открыто, насколько может приносить пользы душе умершего неправоверного христианина подобная молитва. Но опытом дознано, что она умеряет жгучую сердечную скорбь молитвенника за душу близкого к нему человека, хотя и не в Православии скончавшегося.

В заключение всего скажем: да не смущаются сердца наши и да не устрашает нас строгость уставов нашей Святой Православной Церкви! Наипаче же дерзайте убо, дерзайте, людие Божии! Все это не должно вести нас к безнадёжию нашего спасения, а, напротив, должно возбуждать души наши к сокрушенному, смиренному покаянию пред Господом во грехах наших, пока еще не затворены для нас двери милосердия Его. Ибо, по слову Псалмопевца, *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). И чем смиреннее и самоосужденнее будет молитва, тем она благонадежнее и благоуспешнее.

III. Идеально нравственный человек

(Ответ на письмо г-жи NN.)¹

Письмо ваше от 4 марта получил. Пишете о своем N., у которого живете, называя его идеально нравственным во всех отношениях; но, прибавляете, верует он «по-своему» — по выбору. Но такое своеобразное верование не есть признак идеально нравственного человека. Напротив, такие люди всегда назывались и называются еретиками (от греческого слова αἵρεσις — выбираю). — Пишете еще, что N. ваш обладает поразительною силою воли. — Но сила воли обнаруживается в делах добрых, при великих препятствиях или искушениях. Например, святые мученики, несмотря на жесточайшие мучения и лютую смерть, не отрекались от веры в Господа Иисуса Христа. Вот тут мы видим поразительную силу воли. А N. ваш, не испытывая никаких скорбей и лишений, если вступает с вами в прения религиозные и непременно хочет вас переспорить и поставить на своем, хотя бы и неправом, мнении, то это непохвальное качество души называется упорством или упрямством. Вы еще замечаете в нем величайшее самомнение. — Вот от этого-то и упорство или упрямство происходит. Уж кто много о себе думает, тот все свои, даже уродливые, мнения считает за непреложные истины и никого слушать и знать не хочет, а потому чрезвычайно бывает упрям. Даже случается так: иногда разъяснят такому человеку истину, как дважды два — четыре, он в негодовании отвернется и, так как ему сказать напротив нечего, будет только твердить:

¹ Душеполезное чтение. 1902. Ч. III. С. 151–158. По свидетельству Григория Никольского, это письмо в редакции журнала было ошибочно приписано старцу Амвросию.

«Да знаем вас, да знаем вас...» А уж уступить никогда не уступит. — Самомнение же величайшее происходит от величайшей гордости. Гордость же есть начало и корень всех зол в роде человеческом и поистине есть гибель, или смерть души. Судите после сего сами, можно ли назвать Н. вашего идеально нравственным человеком.

Написал я вам это, впрочем, нисколько не желая осуждать вашего Н., а только желая вам открыть глаза, чтобы вы имели о нем правильное понятие и не приписывали ему тех добрых качеств, которых, к сожалению, в нем вовсе незаметно.

Вы видите в Н. своем противоречие самому себе. — Это сущая правда. В самом деле, в евангельские чудеса Христовы не верит, а причащается Святых Христовых Таин. Между тем как Святая Евхаристия есть первейшее, важнейшее и величайшее чудо Христово, а прочие евангельские чудеса уже второстепенные. Ибо как не назвать величайшим чудом то, что простой хлеб и простое вино, раз непосредственно пресуществленное Господом в истинное Тело и в истинную Кровь Его, вот уже почти две тысячи лет по молитвам иереев — следовательно, уже людей обыкновенных — не престают пресуществляться точно таким же образом, производя *чудное изменение* в людях, причащающихся сих Божественных Таин с верою и смирением.

Н. ваш евангельские чудеса Христовы приписывает гипнотическим и телепатическим явлениям и называет их фокусами. — Но между чудесами евангельскими и фокусами неизмеримое различие. И, во-первых, они различаются между собою по своему значению. Чудеса Христовы, будучи делами необыкновенными, в то же время были величайшими благодеяниями страждущему человечеству. В самом деле — исцелить слепорожденного, сухорукого, воскресить мертвого — не суть ли все это величайшие благодеяния? Недаром и апостол выразился о Господе Иисусе Христе так: *и Он ходил, благотворя и исцеляя всех обладаемых диаволом* (Деян. 10, 38). И эти чудесные благодеяния Христовы производили благотворнейшее влияние на благодетельствуемых Господом людей. Например, по исцелении слепорожденного Господь,

нашедши его, сказал ему: *Ты веруешь ли в Сына Божия? — А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?* — возразил тот. Господь же сказал ему: *И видел ты Его, и Он говорит с тобою.* Исцеленный же сказал: *Верую, Господи! И поклонился Ему* (ср.: Ин. 9, 35-38).

А при представлении фокусов что мы видим? Фокусник занят корыстной целью — заботится только о своей наживе, как бы побольше собрать денег со зрителей. А зрители посмотрят, позевают, скажут: “Да, это удивительно!” — и затем пойдут прочь с пустыми карманами. А сколько при сем бывает соблазнительных речей и взглядов! А уж о мыслях скверных и толковать нечего.

Во-вторых, чудеса Христовы были истинными чудесами. Например, воскресить четверодневного мертвеца (Лазаря), у которого тело уже стало разлагаться (см.: Ин., гл. 11), — разве это фокус? И какой гипнотист или телепатист может сделать что-либо подобное сему? А что фокусы — обман, это уже давно всем известно.

Н. ваш единственною истинною школою нравственности признает театр. — А зачем же сам он ходит в храм Божий причащаться Святых Христовых Таин? Стало быть, театр — не единственная школа нравственности. Тут опять видно в нем противоречие самому себе: говорит одно, а делает другое. Да и нельзя отдавать театру особенное преимущество в нравственном воспитании людей. Возьмите для примера две картины, одну духовного содержания, например, распятие Господа нашего Иисуса Христа, претерпевшего ужаснейшие страдания и самую поносную смерть для спасения погибшего рода человеческого; а другую картину светскую из народной жизни, например, как рассорились и разошлись муж с женой. — Пусть Н. ваш скажет по совести, — какая картина будет иметь более благотворное влияние на нравственность человека? Если у него вкус в отношении к предметам нравственности еще не совсем испорчен, то, без сомнения, он должен отдать преимущество картине, изображающей распятие Господа нашего за наши грехи. — А что представляют зрителям в театрах, как не сцены из народной жизни? Прибавить к сему нужно, что сцены эти по временам бывают

очень грязные. Кроме того, какая обстановка в театре? Светская музыка, не дающая возникнуть в душе человека ни одной духовной мысли, ни одному духовному чувству. А эти рассеянные лица зрителей, переглядывающихся, смеющихся, иногда пересмеивающих друг друга, а при некоторых сценических представлениях приходящих в негодование, выражающееся в бурных криках, или увлекающихся сладострастными чувствами, сопровождающимися неумолкаемым смехом и азартными рукоплесканиями и проч. Это ли школа нравственности? Наоборот, это — школа безнравственности, способная заморить в душе человека последние остатки доброй нравственности, если только она в нем есть. Оттого теперь и появляются люди, подобные вашему N. — спорливые, упорные, раздражительные, — что они учатся нравственности в театрах. — Приходилось слышать, что некоторые называют театр порогом Церкви. Пожалуй, с этим можно согласиться, что театр есть порог Церкви, — только с заднего крыльца. Спросим еще: все деющееся в театрах какое должно иметь влияние на неиспорченную натуру молодого человека? Без сомнения, оно должно породить и укрепить в нем звериные чувства с низменными скотскими потребностями. — О преимуществе же храмов Божиих пред театрами я считаю и говорить излишним.

Написали вы еще, что N. ваш, увидев, что вы читаете книгу преосвященного Феофана, с раздражением, указывая на книгу, сказал: «Пусть он мне докажет, что Церковь права, разрешая убийство на войне, когда Иисус Христос сказал: *Не убий*». Но, во-первых, снаряжением войска и отправкою на место военных действий, чтобы убивать врагов, занимается вовсе не Церковь, а государственная власть, которая в подобных случаях может и не послушаться Церкви, в особенности если власть эта находится в руках иноверного правительства, как, например, в Турции. Там, отправляя на войну солдат, султан не только не спрашивается с христианскою Церковью, но и не обращает на нее никакого внимания. Следовательно, Церковь тут вовсе ни при чем. У нас, впрочем, Церковь и в военных действиях принимает участие, но какое? Тогда как государственная власть отправляет воинов карать

врагов дерзких и непокорных, Святая Церковь, наоборот, внушает воинам не щадить своей собственной жизни, свою собственную кровь проливать за святую православную веру, державного царя и дорогое отечество. Так она и молится в святых храмах за убиенных воинов: «О упокоении душ всех православных воинов, за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших». N. ваш все-таки может возразить: «По крайней мере, Церковь не запрещает убивать на войне врагов». — Но если ей запрещать это, тогда она должна столкнуться с государственной властью, и в таком случае одни из воинов перейдут на сторону Церкви, а другие останутся на стороне правительства, и произойдет взаимная резня, а враги, узнав об этом, свободно заполнят наше отечество. Ужели это лучше будет? И если бы, прибавим к сему, в руки свободно пленивших наше отечество врагов, например китайцев, первым попался бы ваш N. и они стали бы его живого распиливать, как бы он тогда стал философствовать о войне? — интересно было бы послушать.

Во-вторых, на вышеприведенные слова вашего N., приписывающего Господу Иисусу Христу слово: *не убий*, ответим, что Господь вовсе этой заповеди не давал. Он только привел эту заповедь из Ветхого Завета: *Вы слышали, что сказано древним* (то есть в Ветхом Завете): *не убий*. Подлинная же заповедь Господа следующая: *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 21–22). Вот видите, что Господь запрещает не убийство, запрещенное еще в Ветхом Завете (см.: Исход 20, 13), а как Совершитель закона старается искоренить из сердца человеческого самую страсть гнева, от чего люди доходят иногда и до убийства.

Из сего, в-третьих, можно видеть, что Господь, преподавая людям заповедь не гневаться, вел здесь речь вовсе не о войне, так как Он и пришел на землю не для того, чтобы основать видимое государство, и не писать государственные законы, а для того, чтобы спасти людей, и потому был учителем нравственности и преподавал людям нравственные уроки, которые относились, как и теперь относятся, к каждому лицу в частности. По-нашему, попросту можно

выразиться так: при исполнении заповедей евангельских каждый смотри сам за собою; тогда и дело будет хорошо. Поэтому и Господь предостерегал людей, даже с угрозою говоря: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1), направляя последователей своих к тому, чтобы более внимали себе и своему спасению.

Еще Н. ваш говорит, что развод между супругами запрещен Господом Иисусом Христом. — Читаем собственные слова Господа: *А Я говорю вам: кто разведется с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 32). Из сего каждый может видеть, что развод запрещен Господом не безусловно. Если супруги соблюдают верность друг другу, то не должно им разводиться, а в противном случае связывать супругов неудобно. Сему правилу следует и Святая Церковь.

Пишете еще, что Н. ваш находит учение Христово далеко не совершенным. — Оно кажется таким для людей неверующих и потому небрежущих об исполнении животворных заповедей Господних. А кто в простоте сердца верует и по силе и возможности старается направлять жизнь свою по закону Христову, тот собственным опытом убеждается, что совершеннее сего учения никогда не было и быть не может.

Причиною несовершенства Христова Н. ваш считает обещание Господом награды за исполнение Его заповедей. — Но награда эта не есть какая-либо плата, например, вырыл мужик яму и получил рубль. Нет. У Господа самое исполнение заповедей служит для человека наградою, потому что оно согласно с его совестью, отчего водворяется в душе человека мир с Богом, с ближними и с самим собою. Потому такой человек всегда бывает покоен. Вот ему и здешняя награда, которая перейдет с ним и в вечность.

Н. ваш обещание награды Господом за исполнение заповедей Его считает доказательством величайшей мудрости Спасителя, так как находит, что только таким будто бы способом учение Его и могло так быстро распространиться. — Одно обещание награды не сильно было сделать это. Ибо и в магометанстве, и в других религиях, в которых люди веруют в загробную жизнь, также обещаются награды

по исходе души из сей жизни. А распространению истинно христианской религии способствовала главным образом благотворность учения Христова на Его последователей. Эту благотворность может и теперь испытать каждый истинно верующий в Господа Иисуса Христа и направляющий жизнь свою по Его животворным заповедям. Как выше упомянуто, такой человек еще на земле наслаждается миром небесным.

Забыл еще об одном. Написали вы, что N. ваш, кроме Евангелия, других книг богословского содержания не признает и считает их, как и современные проповеди священников в церкви, излишним повторением и искажением евангельского учения. — Почему же? Не потому ли, что вовсе не читает духовной литературы и не слушает проповедей? Но в таком случае можно ли правильно судить о достоинстве духовно-нравственных сочинений? Ведь наизусть (то есть не заглядывая в книгу) одни только нищие лазаря поют². А N. вашему, много думающему о себе, стыдно так укоризненно отзываться о духовной литературе без всяких фактических доказательств.

Написал я все это вам, не надеясь, впрочем, чтобы N. ваш оставил свой ложный взгляд на все святое, дорогое православному христианину. Но этим хотелось мне показать вам лживость его взгляда, — хоть бы вы-то не сбились с правого пути.

Оберегайте своего малютку, чтобы он не был слушателем ваших прений с N., ибо яд N. вашего незаметно может вливаться в его юную впечатлительную душу.

Мир вам с вашим малюткою и Божие благословение, а вашему N. искреннее благожелание оставить свои заблуждения!

² См. примеч. на с. 113.

IV. Письма оптинского старца иеросхимонаха Иосифа к послушнику¹

1.

Августа 12 дня 1903 года

N. N.

Милость Божия да будет с тобою, и да покроет тебя Господь от искушений вражеских! — Ты спрашиваешь, где те дни, когда все были ангелы, или, лучше сказать, когда все тебе казались ангелами? Те дни были временем, когда Господь утешал тебя, как мать утешает младенца; давал тебе даром вкусить той сладости, которая уготована Им за труды и подвиги, давал затем, чтобы ты, вкусив ее, стал усердно искать ее. Дал вкусить и паки взял от тебя, оставил тебя как бы одного, чтобы ты потрудился над собою, над своим сердцем, своими страстями. И если будешь трудиться, будешь искать ее и просить у Господа, тогда по милости Господней получишь и вечное наслаждение сей благодати. Но до этого далек путь... Старайся считать себя грешнее и последнейша всех в обители, всегда помни, что ты хуже всех; никогда и никого не осуждай и ни за что; имей смирение пред всеми; будь послушен к настоятелю и братии; избегай вольности и празднословия; свободное время проводи за чтением книг, — читай аввы Дорофея книгу и Лествицу. Если будешь вести себя так, то и Господь не оставит тебя Своею милостию. Неопустительно посещай храм Божий, избегай знакомства с мирскими, а наипаче с женщинами, в свободное время сиди больше в келлии и сохранен будешь. Призывая на тебя мир и благословение Божие, остаюсь с желанием спасения иеромонах Иосиф.

¹ Публикуется по: Русский инок. 1910. Вып. I. С. 15. Вып. III. С. 11–12. Вып. IV. С. 16–17. Вып. VIII. С. 18. Вып. XI. С. 26.

2.

Июня 22 дня 1904 года

N. N.

Милость Божия буди с тобой, возлюбленное чадо Христово. Радуйся о Господе, отец К.!

Скорбное твое писмецо получил; ты скорбишь о том, что тебя перевели на другое послушание, на котором побольше суеты. Но что делать, надо же отцу настоятелю иметь под рукою человека более надежного, и притом же жизнь монастырская требует главное условие, то есть *отсечение своей воли*. Монах, аще не искушен во многих послушаниях, не может быть искушен и в духовном делании². — Послушаниями приобретаются добродетели: терпение, кротость, самоукорение, познание своих немощей и проч. — Итак, брате, предайся в волю Божию и волю настоятеля, а свою отринь прочь и тогда узришь успокоение своей душе. — Недалеко от вас живет великий муж, истинный делатель монашеских заветов, епископ Макарий³. Можно сходить к нему, если примет, для духовной беседы, умоли его, чтобы принял тебя, я вполне уверен, что ты велие утешение получишь от его сказаний; можешь сказать на меня, что я просил, если милостиво соизволит Его Преосвященство.

Ты скорбишь, что за тобой подглядывают, подслушивают; если у тебя совесть чиста, то ничего тебя не будет беспокоить; у тебя есть главная опора и щит против напрасной клеветы — это отец игумен, он благоволит к тебе... будь осторожен, меньше говори. Старайся правила не упускать.

Нуди себя на добро. Мир тебе.

Многогрешный иеромонах Иосиф.

3.

Июля 4 дня 1904 года

N. N.

Душевного спасения тебе желаю. Господь да подаст тебе вся, яже ко спасению: терпение, послушание, воли своей

² Ср. Сир. 34, 10: *Иже не искусѣся, мало вестъ* (мало знает); ср. Евр. 2, 18: *Сам искушенъ быв, может и искушаемымъ помощѣ*.

³ См. о нем примеч. на с. 130.

отречение и паче всего — смирение! Не надо отягощаться послушанием, хотя бы оно и действительно суетно было, потому что все-таки послушание. Паче всего берегись своей воли и своего хотения. Будешь терпелив в твоём служении, получишь и Марфину⁴ часть, а преждевременно взять ее, может быть, и бесполезно. Я и сам целый день на народе. Если уж нет возможности когда исполнить пятисотницу или занездоровится, тоже не надо унывать, но укорять себя надо за упущение, каяться в сем и смиряться, считая себя неключимым и ленивым. Господь призывает на наше смирение. Старайся и при беготне помнить о Боге, повторяя про себя молитву Иисусову, сколько это возможно. Льстить и лебезить пред тобою для чего же? Или, может быть, это имеет какое-нибудь значение для них, то это очень неприятно. Считай себя последним у отца игумена и голоса своего старайся не иметь пред ним. Это дороже всего. Потерпи, и потерпи, и молись Богу: Господь видит и знает, что полезно тебе.

Призывая на тебя мир и благословение Божие, остаюсь с желанием спасения.

Иеромонах Иосиф.

4.

Августа 18 дня 1904 года

N. N.

Милости Божией и душевного спасения желаю тебе. Раньше писать тебе не пришлось. Если намерение отца игумена исполнилось и ты пострижен в рясофор, то от души поздравляю с обручением ангельского образа! Да поможет тебе Господь потрудиться ради спасения души твоея. Молись Богу, во всем проси у Него помощи, на себя, на силы и способности никак не полагайся, но единственно во всем на помощь Божию надейся и познавай всегда свою немощь.

⁴ Марфа и Мария, сестры Лазаря, в доме которых в Вифании останавливался Иисус Христос (см.: Лк. 10, 38–42). По объяснению святых отцов Церкви, под именем Марфа таинственно подразумевается благочестивый телесный подвиг, а именем Мария именуется духовный подвиг.

Имей крайнее смирение, считай себя грешнее всех, к отцу игумену имей всесовершенное послушание и отвергай во всем волю свою. В послушании твоём да поможет тебе Господь. Также да поможет и исполнить тебе желание отца игумена быть всем для всех! Действительно, это трудная задача, но Господь да поможет тебе. Только старайся не превозноситься, имей любовь и почтение к братии, признавай себя последним и слугой всех. А что в день памяти святителя Тихона⁵ назначено твое пострижение, то, видно, угодник Божий молится за тебя. Не забывай и сам обращаться к нему с молитвою в нуждах жизни своей, и его наставления старайся проводить в жизнь свою. Господь да поможет тебе. На себя не надейся, а лучше в недоумениях каких обращай за советом к отцу игумену. Отцу игумену нижайшее почтение.

Призывая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

Многогрешный иеромонах Иосиф.

5.

Января 15 дня 1905 года

N. N.

Милость Божия буди с тобою, и да управит Господь путь твой ко спасению. Что поболеть привел Господь, это хорошо. Болезнию грехи очищаются, только не надо роптать. А что без настоящего послушания живешь, то не печалься, но на Господа возверзи печаль твою и надежду. Только положи за правило ни от чего не отказываться, то и покоен будешь. Да предай себя во всем воле Божией и настоятельской. Что исполняешь сейчас, в том да поможет тебе Господь. Старайся со смирением все делать и с самоукорением, и не превозносись, и не осуждай других, не трудящихся. В свободное время почитывай книги святых отцов. Прочти со вниманием поучения аввы Дорофея, с руководством к духовной жизни преподобных Варсануфия и Иоанна, и другие книги.

⁵ Церковь чтит память святителя и чудотворца Тихона, епископа Воронежского и Задонского († 1783), 13/26 августа.

От этого чтения укрепитя душа твоя на благое делание. А смехословить и празднословить очень нехорошо — этим совсем можешь охладить свою душу и будешь сам себе в тягость. Оттого и хаос в душе, и недовольство самим собою, что нет пищи души — слова Божия. С *** да подаст вам Господь мир. Что примирился, это хорошо. Теперь старайся не делать ничего, чем бы мог нарушить этот мир. И за него Богу молись. А осторожным надо со всеми быть, а то излишняя развязность много вредит. Скрамность — украшение монаху.

Призывая на тебя мир и благословение Божие, остаюсь с желанием спасения. Иеромонах Иосиф.

Сообщил рясофорный послушник К. Шарапов⁶

⁶ Константин Шарапов — послушник Жабынской Макарьевской пустыни Тульской епархии, находящейся близ города Белева.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ¹

1. *Пекись о душе своей, она дороже всего мира. Смиряться больше, когда не успеваешь в делах спасения*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.²

Мать Евграфа!

Пишешь, что о телесном заботишься, а о душе своей нет. Ведь душа-то дороже всего мира: «А ну-ка, — скажет Праведный Судия, смотря на тебя, — свяжите ей, ленивой и лукавой монахине, руки и ноги и вверзите *во тьму кромешную, там будет плач и скрежет зубов* (ср.: Мф. 8, 12)». И будешь вечно мучиться-томиться в одном месте с бесами. Смиряться больше, когда не успеваешь в делах спасения. Считай себя хуже всех на свете, прощай всех всегда и за все и прибегай всегда с покаянием и за помощью ко Господу. И милосердый Спаситель даст тебе местечко, идеже вси святии упокоеваются.

Послушницу Анатолию Бог благословит. Мать Флорентию Бог благословит. Купон от Сергии по приказу вашему возьму. Спаси Господи.

Испрашивая на всех вас мир и Божие благословение, пребываю к вам с истинным благожеланием.

2. *«Друг друга тяготы носите»³. Об употреблении в пищу яблок до Преображения*

Многоуважаемая о Господе матушка игуменья Людмила!

Получил Ваши письма, но отвечать не мог: то недосуг, то забудешь, а то еще и по природной немощи — лениости. Прошу прощения за неисправность мою.

¹ Печатаются по изданию: Собрание писем оптинского старца Иосифа. Свято-Введенская Оптиная пустынь, 2005.

² «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас».

³ Гал. 6, 2.

Здоровье мое, слава Богу, обычное. Занимаюсь каждый день с утра до позднего вечера.

Спрашиваете, поехать ли в Петербург по делам монастырским, — поезжайте, Бог благословит и да поможет получить просимое для обители. Берите для помощи и Вячеславу, Бог благословит.

Помоги Господи жить с м. Леонидой помирней и, по слову святого апостола, *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2).

Вячеславе, видно, нужно духовное исправление, когда Господь воздвиг ее от одра болезни, а может, и от смерти.

Батюшка отец Амвросий и все предшествовавшие ему старцы Оптиной пустыни благословляли употреблять в пищу до Преображения⁴ яблоки в печеном виде, что мы и делаем, а сырых не благословляли употреблять до Спаса.

Призывая мир и благословение Божие на Вас со всеми сестрами, остаюсь с искренним благожеланием.

3. *«Куда ведут — иди, что дают — бери»*

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Два письма от Вас получил. Получил и два пуда снетков, за которые приношу Вам благодарность.

Смущаетесь касательно предстоящей Вам награды. — Не смущайтесь. Наш покойный старец батюшка отец Амвросий всем и каждому давал такой совет: «Куда ведут — иди, что дают — бери». А потому если дадут — примите, ничтоже сумняся, успокаивая себя той мыслью, что Вы не искали и не домогались сей награды. Значит, такова воля Божия.

Об Анне Смирновской теперь не знаю, что Вам сказать. Подумаю.

Испрашивая на Вас, на м. Пафнутию, и всех келейниц Ваших, и на всех сестер обители Вашей мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

⁴ Празднование Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Церковь совершает 6/19 августа.

Еще получил письмо, то посылаю книжечку, как можно поминать неправославных, а более ничего не знаю сказать.

4. *Допускать ли умалишенных до причастия Святых Таин*

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Письмо Ваше от 31 октября получил. Пишете, что владыка ваш при посещении Вашей обители отнесся к Вам и сестрам обители Вашей весьма милостиво. — Утешительно слышать о сем. Это великая к вам милость Божия. Приносите Господу благодарение за сие. Слава Господу за то, что помог Вам пособрать несколько на нужды Вашей обители.

Пишете, что беспокойное настроение м. Амвросии разрастается все шире и шире, что в храме Божиим она, как нарочно, сказывается беспокойною, а в храм ходит почти неопустительно и любит причащаться Святых Христовых Таин. — Но, кажется, по правилам Святой Церкви допускать умалишенных до причастия Святых Таин не допускается. Вам должно пообстоятельнее разузнать о сем от кого-либо, хоть бы спросить своего владыку. А что мать Амвросия в храм ходит и там балагурит, то явно, что она ходит не для молитвы — сама не молится и другим мешает. Какой же из этого толк? Потому, хотя Вам и жаль ее, но, кажется, лучше бы отправить ее в дом душевнобольных, ибо там умеют их вылечивать.

Испрашивая на Вас и на вверенную Вам обитель мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

P.S. Для причащения Святых Таин должно исповедоваться. А лишенный ума как исповедоваться будет?

5. *Под характер человека иногда нужно подлаживаться*

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Письмо Ваше от 28 июля получил. Получил также и четыре рубля переводом, за книги и за доставление денег приношу Вам благодарность.

Пришлось вам поготовиться к принятию Святых Таин всего два дня. Ну что же делать? Ведь это по нужде. В другой раз подольше поговорите.

Молитвенно желаю, да подаст Вам Господь разум и умение обходиться с м. Вячеславой. Что делать? У каждого свой характер, под который необходимо иногда подлаживаться. Пишете, что хотелось бы духовно настроить ее нрав. — В таком случае первое средство с Вашей стороны — усерднее о сем молиться Богу. Ибо Господь сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Господу всемогущему все возможно, а немощный человек что может сделать?⁵

В Саров, если удосужитесь, съездить хорошо. Тогда и нас навестите. Да благословит и поможет всеблагий Господь!

Содеянные от немощи грехи словом, делом и помышлением Бог да простит.

Испрашивая на Вас и на всех сестер вверенной Вам обители мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

6. *Когда не надо просить прощения и какую молитвою молиться за обижающих нас*

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Два письма Ваши от 23 и 31 июля получил. — В Оптину, если будет возможно, заехать Бог да благословит.

Что были Вы на юбилее отца архимандрита Мефодия, это хорошо.

Готовились Вы к 5-му августа к принятию Святых Таин и, без сомнения, приобщились. — Поздравляю и милости Божией желаю.

Пишете, что у Смирновской просите прощения, а она говорит: «Вот сама же виновата, потому и просит у меня прощения». — В таком случае советую Вам не кланяться ей и не просить у нее прощения, ибо это служит к ее душевному вреду. А вместо сего, когда идти на исповедь, помолитесь

⁵ Ср. Мк. 10, 27: *Человекам это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу.*

за нее такую молитвою: «Спаси, Господи, и помилуй рабу Твою монахиню Анну и ея ради святых молитв помилуй и меня, грешную». Затем мысленно простите ей, чем она Вас обидела, и со смирением и самоукорением приступайте к Святым Тайнам.

Здоровье мое в настоящее время порядочное. Временем изнемогаю от множества посетителей и исповедников, а затем опять оправляюсь. За все же слава Господу!

Испрашивая на Вас и на всех сестер вверенной Вам Господом обители мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

7. Не ходить в баню после соборования до сорока дней есть простой обычай. Сила таинства заключается не во внешнем образе, а в благодати Святого Духа

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Ваше Высокопреподобие достопочтенная о Господе игуменья Людмила!

Милости Божией и душевного спасения Вам усердно желаю.

С благополучным возвращением в святую обитель Вашу усердно поздравляю.

Что в обители нашли благополучно, то слава Богу, а что сестры радуются возвращению своей матери, то еще большее благодарение надо воссылать Богу.

Да поможет вам Господь в любви взаимной и мире душевном всем вкупе трудиться ради спасения душ своих. Да усугубится и Ваша радость, видяще стадо свое благоподвизающимся ради Царства Небесного. В трудах Ваших да споспешит Господь Своею благодатию.

Что не следует ходить в баню до сорока дней после Соборования, то правды тут нет, а простой обычай. Если сходили, то не погрешили. А в другой раз можно и подождать. Сила таинства заключается не во внешнем образе, а в благодати Святого Духа.

С принятием Святых Таин усердно поздравляю Вас и молю Господа, да сподобит Вам истее причащаться Ему в невечернем дни Царствия Своего.

Требуемые книги посылаю. Да послужат они на духовную пользу читающим и на Вашу радость.

Призывая на Вас мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

8. С пользою общественной неразрывно связана польза духовная. О важности доброго воспитания детей

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Письмо Ваше от 4 октября получил, в котором, между прочим, пишете, что Вам надоело хлопотать и думать о пользе общественной, светской. — Но зачем же этим скучать? Ибо с пользою общественною, светскою, как Вы выражаетесь, о школах и богадельнях неразрывно связана наша духовная польза. Заботиться о добром воспитании детей и о призрении⁶ старых и немощных — все это дела милости, заповеданные нам, христианам, Господом. За это Он и награду обещает исполнителям Его заповеди, говоря: *Блажѣни милостивии, ꙗко тѣи помиловани будут* (Мф. 5, 7). Поэтому желаю Вам не скучать сими делами милости, а молить Господа о вразумлении, где, как и что сказать или как поступить, и о помощи привести в исполнение доброе дело. И затем по силе и возможности действовать. Наше время очень нуждается в добром воспитании детей. И ничего не бывает без воли Божией. Господь, конечно, чрез людей поручает Вам позаботиться о воспитании юных и о призрении старых и слабых — и позаботьтесь. А награда у Него готова. Если же Вам эти дела оставить, то выйдет так: и эти дела опустите, и в уединении в духовной жизни ничего не приобретете.

Испрашивая на Вас, и на всю обитель Вашу, и на дела ваши мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

⁶ Призирати (цсл.) — заботиться, быть милостивым, проявлять любовь.

**9. О чтении Псалтири по младенцам и самоубийцам.
Разрешать на грех нельзя. Как молиться за тех,
кто не благоприятствует монастырям**

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Два письма Ваши получил и посылаю Вам означенные в Вашем письме книги: 2 экз. жизнеописания иеросхимонаха Леонида, 2 экз. иеросхимонаха Илариона, 2 экз. архимандрита Исаакия, 1 экз. св. Иоанна Лествичника и 5 экз. иеросхимонаха Амвросия.

По младенцам хотя и не читают Псалтирь, но если и читать, противного тут ничего нет. По самоубийцам же правила Святой Церкви запрещают читать. Впрочем, тут должно смотреть на причины, почему совершилось самоубийство: может быть, человек был не в здравом уме или по младости не мог разуместь тяжести греха и подобное. Тогда можно бы сделать и снисхождение. — А как Вы поступили, то эту Вашу осторожность, кажется, порицать нельзя.

Просите своей учительнице разрешение в Великий пост на рыбное. — Разрешать на грех нельзя. Но если она чувствует слабость сил, то может для подкрепления употреблять что-либо и сверх положенного с самоукорением, а после должна покаяться Господу пред духовным отцом и получить от него разрешение по чину Святой Церкви. Предостерегайте ее, чтобы она умеряла свою ревность, чтобы занималась с детьми с частыми передышками и в преподавании уроков тише говорила бы. А то ведь можно и заболеть.

О духовенстве, не благоприятствующем монастырям, что сказать? Молитесь за таких людей такою молитвою: «Спаси, Господи, и помилуй рабов Твоих (имена) и их ради святых молитв помилуй и меня, грешную». Эта молитва требуется и для умиротворения Вашей души.

Испрашивая на Вас, на м. Вячеславу, и на келейных Ваших, и на всю Вашу обитель мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

10. *Господь временными скорбями хочет избавить от вечных ужаснейших мучений*

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Скорбное Ваше писание от 21 мая получил и очень сочувствую вашей общемонастырской скорби. Но что делать? Есть народная пословица: «С горя не убиться, хлеба не лишиться». Хоть и пришлось Вам потерпеть ущерб по обители, опять при помощи Божией начинайте строиться в надежде на милость Божию, веруя словам уважаемого пастыря Христова стада отца Иоанна Кронштадтского, что, Бог даст, постройтесь еще лучше, чем прежде было. Господь да благословит и да поможет Вам трудиться.

Вы думаете, что за грехи Господь наказал Вас. — Может быть, и так, а может быть, к испытанию Вашей веры, а скорее всего, по той и другой причине. Впрочем, как бы то ни было, Ваше дело — в постигшем Вас временном наказании усматривать должно благодать Божию к Вам и любовь. Ибо Господь премилосердый временными скорбями хочет избавить Вас от вечных ужаснейших мучений, о которых и подумать страшно. А потому зывайте ко Господу с праведным Иовом: *Буди имя Господне благословенно отныне и до века* (ср.: Иов 1, 21)!

Здоровье мое поправляется.

Испрашивая на Вас, и на всех сестер обители вашей, и на дела и труды ваши мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

11. *Как поступать при рвоте после Святого Причастия*

Ваше Высокопреподобие пречестнейшая о Господе матушка игуменья Людмила!

Письмо Ваше от 30 июля получил. Но простите, что, занявшись другими делами, забыл о нем.

Писали Вы, что больной монахине Исидоре предстоит операция. — Ну что ж? Бог да благословит и да поможет совершить операцию благополучно.

Еще писали Вы, что 6 августа кушали Вы сливы. И мы также поступали по-вашему. Что делать? Будем больше укорять себя пред Господом. Теперь Вы, без сомнения, давно поговели и сообщились Святых Христовых Таин. Поздравляю и милости Божией желаю.

Еще писали Вы, что недавно похоронили Вы юную монахиню Александрию, у которой в день кончины вышла изо рта обильная мокрота, между тем как она в тот же день утром сообщилась Святых Христовых Таин. Подобным образом в день ее пострижения в шесть часов вечера ее причастили, а после полуночи ее стало рвать. — В том и другом случае времени от причащения прошло много, и тут укорного ничего нет. А впрочем, нелишне было бы сорванное отнести в проточную воду или, там, к стороне, где не было нечистоты.

Получил аз грешный и первые два Ваши письма. Но простите, что по немощи и недосугу не отвечал на оные. Слава Богу, что постройки у вас на хуторе воздвигаются. О доме же не очень кручиньтесь. Милостив Господь! Поможет. Расплатитесь.

Испрашивая на Вас и на всю обитель вашу мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

12. *«Не постихся, но смирихся, и спасе мя Господь»*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Всечестнейшая матушка игуменья Людмила!

Милость Божия буди с Вами. Письмо Ваше получил. За поздравление с праздником Рождества Христова спаси Господи. И Вас поздравляю с наступившим Новым годом, который провести с пользою душевною да поможет Вам Господь. Здоровье Ваше да укрепит Господь и поможет в трудах Ваших.

Пишете, что плохо постились, ну, благодарите Господа и за то, как Он помог повоздержаться, да помните слово пр[еподобного] Иоанна Лествичника: «Не постихся, но смирихся, и спасе мя Господь (ср.: Пс. 114, 5)!»⁷. Память о конце иметь да даст Вам Господь, это очень необходимо.

⁷ Иоанн Лествичник, прп. Лествица. Слово 25, гл. 15.

Мое здоровье слабое, но не болею и пост благополучно прошел с помощью Божиею.

Мон[ахию] Евдокию да помянет Господь во Царствии Своем. 12 р. получил и 5 р. отцу Анастасию передал. Да примет Господь усердие Ваше.

Келейным Вашим: мм. Пафнутии, Иларионе, Зосиме, Онисифоре и Тане посылаю благословение и желаю им помощи Божией во спасении души. За поздравление спаси Господи.

Призывая на Вас мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

13. *Старайся жить, внимая себе и понуждая себя на все доброе. Научайся терпению и покорности во всем*

Сестра о Господе Устиния!

Письмо твое получил. Пишешь, что ты относилась к отцу архимандриту Моисею сколько лет. И он умер и говорил, чтобы относилась к отцу Израилю. Но так как к нему не имеешь расположения, [то] и обращаешься ко мне и просишь совета и наставления. Старайся с помощью Божией жить, хорошенько внимать себе и понуждать на все доброе и богоугодное, от всего худого и греховного уклоняться, хранить и беречь себя, собою не гордиться, не роптать, не завидовать, не заирать и никого не осуждать, а себя за неисправности окаявать, и укорять, и осуждать, и считать худшею и последнею всех. Но не унывай и духом не упадай, но мужайся и крепись, то и обрящешь мир и покой душевный. И почаще проси себе: «Господи, даждь мне терпение, великодушие, и кротость, и смирение, и послушание, и покорность воле Божией». И почаще молитву Иисусову твори и «Богородице Дево, радуйся». И книги отеческие для руководства, и утешения, и вразумления читай. И меньше празднословь. И не смущаться, но быть терпеливой. Сказано в Евангелии: *В терпении вашем стяжите души ваша, и претерпевый до конца, той спасется* (Лк. 21, 19; ср.: Мф. 10, 22).

Призывая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

14. *Молись молитвой мытаря. Бог будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. Каждый день и час клади начало к исправлению*

Достопочтенная сестра о Господе Иустиния!

Мир тебе, милосердие Божие буди с вами!

Ты пишешь, что ты такая нерадивая, непрестанно ропшущая, на всех раздраженная и всех осуждающая... и прочая, проч., проч., притом еще и Богу молиться ленивая. И просишь, чтобы помолиться о тебе. Даруй же тебе Господь такое чувство, чтобы ты искренно сознавала себя хуже всех и молилась бы не иначе как молитвой мытаря⁸, а не подражала бы фарисею, молящемуся в храме: *Боже, благодарю Тебя, что я не смею якоже прочие человецы... или якоже сей мытарь* (Лк. 18, 13). Прости, сестра, [но] если за нас будут молиться все святые, а мы не будем принуждать себя своим свободным произволением исправлять свои недостатки и не перестанем продолжать свои грехопадения, то и молитвы святых будут для нас бесполезны. Ведь ты признаешь же: все то, что ты делаешь, все это делаешь противу учения евангельского, учения Иисуса Христа (прочти Еванг. от Матф. от 5-й главы до 28-го стиха 7-й главы). И, призвав в помощь Господа, положи начало ко исправлению. А то, признавая все, что ты живешь нерадиво, сама и палец о палец в труде ко спасению не хочешь принудить себя. В таком случае остается мне сообщить тебе, что однажды пришли братья к авве Антонию и говорят ему: «Дай нам наставление, как спастись». Старец отвечал им: «Вы слышали Писание? И сего очень довольно для вас». Они сказали ему: «Мы и от тебя что-нибудь хотим услышать». — «Тогда в Евангелии сказано: *Аще ты кто ударит в десную твою ланиту*⁹, *обрати ему и другую*» (Мф. 5, 39). Они говорят ему: «Мы не можем сего сделать». — «Если вы не можете подставить другой, по крайней мере, переносите удар в одну». — «И этого не можем». — «Если этого не можете, по крайней мере, не платите ударом за удар». Братия сказала: «И сего не можем». Тогда старец сказал ученику своему:

⁸ *Боже, милостив буди мне грешнику.*

⁹ Десная ланита (цсл.) — правая щека.

«Приготовь им немного кашицы: они больны. Если вы одного не можете, другого не можете, то что я вам сделаю?»¹⁰

Нужно молиться усерднее, как молилась жена-хананеянка (см.: Мф. 15, 22–28). Некоторые говорят: да молимся, но молитвы-то наши не исполняются... Но вы, невзирая ни на что, продолжайте молиться, вопить, как святые апостолы молились: *Господи, спаси нас, погибаем* (Мф. 8, 25) или как слепец (см.: Лк. 18, 35–43). Молится надменный фараон, и услышан. Молятся бесы, и получают прощение. Кольмй паче¹¹ услышан будет молящийся христианин. Не унывайте, а продолжайте молиться. Восчувствовать нам грехи своя — это дарование, которое подается нам от Бога. «Если не предаешься унынию и нерадению, — говорит святой Варсануфий, — то имашаи понудитися и прославити Бога, как Он пременяет тя от еже не быти во еже быти [Он приведет тебя из небытия в бытие]¹². Омочи ланиты твоя плачем очей твоих, да почит на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе».

Чаще спрашивай себя: зачем я пришла в монастырь? И старайся каждый день проводить жизнь так, как ты проводила первый день, пришедши в обитель, и каждый день утром говори себе: «Быть может, этот день — день последний моей жизни. Потерплю же я из любви ко Господу Иисусу Христу, хотя ныне какая бы ни была скорбь, и прощу каждому оскорбившему меня обиду. Да негли¹³ воспомянет и меня, многогрешную, Господь, и помилует, и спасет по неложному Своему обещанию» (см.: Лк. 7, 47).

Бог будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. В оный день Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы (то есть когда-либо правила),

¹⁰ См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. 1. Об авве Антонии, п. 19.

¹¹ Тем более (*цсл.*).

¹² Ср.: *Варсонофий Великий и Иоанн Пророк, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. Ответы на вопросы 114 и 77. Далее допущена неточность: цитируемые слова принадлежат *прп. Исааку Сирину* (Слова подвижнические. Слово 68, об отречении от мира...).

¹³ Нёгли (*цсл.*) — может быть, возможно.

но за то, что не покаяться! Велия бывает радость Ангелам на небеси о едином грешнике кающемся. Будем же молиться: «Господи, помилуй, Господи, даруй ми смирение и кротость и имиже веси судьбами¹⁴ спаси меня, Господи». И Господь по милости Своей помилует и спасет нас всех Своею благодатию (см.: Рим. 3, 23–24). Каждый день и час клади начало к исправлению, и Бог милости, человеколюбия и щедрот подаст и нам руку Своей помощи, как Петру святому апостолу, утопающему в волнах морских (см.: Мф. 14, 24–33).

Молитесь и за меня, немощного.

Остаюсь желатель вашего здравия и спасения.

15. *Покаяние выше всех добродетелей. Многие взяли на себя труды и подвиги, чтобы получить прощение, но человек, не помнящий зла, опередил их*

Иустиния! Мир тебе. Милость Божия буди со всеми вами.

Письмо с приложенным рублем мной получено. Не унывай, а на милость Божию присно уповай. Покаяние выше всех добродетелей. Пиши ко мне, и по силе досуга буду отвечать тебе. Многие или некоторые взяли на себя труды и подвиги, чтобы получить прощение, но человек, не помнящий зла, опередил их, ибо вечно слово: *отпустите мало, отпустится вам много* (ср.: Лк. 6, 37; 7, 47). Старайся более молчать и отвечать: «Простите, помолитесь за меня, грешную». Желая исправиться и не осуждать никого, познай себя — и будет с тебя.

Святой Ефрем Сирин и тот молился: «Господи, даруй мне зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего»¹⁵. Будем и мы подражать ему. И безмолвно, а иногда устами непрестанно будем вопить в сердце грешном, подражая иерихонскому слепцу: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя* (ср.: Мф. 20, 30). А случится по немощи как-либо и прегрешить, то, не откладая времени, класть начало к исправлению, призывая милость Божию в помощь себе.

¹⁴ Имиже вѣси судьба́ми (цсл.) — какими знаешь путями, способами.

¹⁵ См. покаянную молитву прп. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...».

«Господи, помилуй и помози мне исправиться». И не предавайся унынию по слову: «Колико¹⁶ падеши, толико¹⁷ восстави — и спасешься».

Искренно желающий вам всем здравия и спасения.

16. Кто никакого креста не несет терпеливо, тот не войдет в Царствие Небесное. Ухаживай за больными как за Самим Христом и получишь спасение

Устиния!

Письмо твое получил. Ты пишешь, что очень трудно, но ведь это и есть тот узкий и прискорбный путь, ведущий в живот вечный. Укрепляй себя тою мыслию, что если не это, то еще что-нибудь другое, а надо терпеть. Кто никакого креста не несет терпеливо, без ропота, тот и не войдет туда, куда вошел наш Крестоносец Господь Иисус Христос. Два было распято злодея около Иисуса Христа: один за самоосуждение первым вошел в рай (см.: Лк. 23, 39–43), а второй за ропот, хулу, нетерпение пошел в ад — вот и мы, грешники, как разбойники, можем или спастись, или погибнуть. Жизнь земная пройдет, как сон, а потому ради вечного блаженства потерпи, ибо страсти нынешнего века недостойны той славы, которая откроется в будущем веке. Все терпели, и Сам Господь что за нас претерпел, то неужели мы за себя не потерпим. Надобно стараться быть кроткой и смиренной, и тогда взятое *иго* Христово будет *благо и бремя легко* (ср.: Мф. 11, 30).

Ухаживай за больными как за Самим Христом и за это ты получишь спасение и на земле будешь избавлена от тяжелых страстей. Не бросай больную, а то Господь пошлет другую, добрую, а ты лишишься уготованной тебе награды. Враг потому больше и нападает, что твое послушание ему очень не по вкусу, а может быть, он, пронырливый, и приметил близкий конец и хочет лишиться награды. Кто за мзду делает что, то за что же еще ему будет награда? Кто охотно ради Христа делает туне¹⁸, тот и получит от Него во сто крат

¹⁶ Коли́ко (цсл.) — сколько.

¹⁷ Толи́ко (цсл.) — столько.

¹⁸ Ту́не (цсл.) — даром.

больше и наследует жизнь вечную. За твой доброхотный труд тебе должен будет не человек, а Сам Бог.

Приучись больше молчать, тогда грешить и осуждать не будешь. Когда перестанешь роптать, усерднее будешь ради Господа служить больным, то избавишься от своей болезни не только тела, но и души. Если же при твоём исправлении болезнь и не оставит тебя, то, значит, это для того, чтобы за твоё терпение дать тебе венец в будущей жизни на бесконечное время. Потерпи. Пройдет жизнь, как сон.

С верою, без сомнения больные места мажь маслом, как я и прежде благословлял, и Господь даст облегчение по вере твоей. Молюсь за тебя и за Евдокию. После твоего письма у тебя на душе стало легче, а потому не верь помыслу от врага, возбраняющему писать ко мне.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

17. Господь за искреннее откровение не попустит впасть в большие грехи

Иустиния!

Письмо твое получил и молюсь за тебя. Никому не говори, когда мне пишешь и что получаешь в ответ, а то по нерассудительности могут смутить тебя.

Чтобы вечной избежать муки, надо всю земную жизнь бороться со грехом. Если ты приятельниц своих будешь постоянно выдавать, то они волей-неволей отстанут от тебя — то же и с грехами: объявляй их усердно своему духовному отцу, выдавай их с ненавистию к ним, борись с ними, и они отойдут от тебя. От одних грехов нам бывает тяжело, а когда от них будем избавляться, то не только получим облегчение в текущей жизни, но и еще надежда на милость Божию возвеселит наши души. Никого не слушай, а пиши откровенно каждый раз, когда это понадобится, и я верую, что Господь за твоё искреннее откровение не попустит впасть в большие грехи.

Все монашествующие страшно ненавистны диаволу, а потому он в одних и тех же грехах свирепее нападает на монахов, чем на мирян. Помни это и никогда не только

наедине, но и при других смело и много не говори с монахами. Берегись смотреть в лицо.

Печку не закрывайте, пока дрова совершенно не перегорят, тогда и угара не будет, хотя запах как бы угарный и будете слышать.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

18. *Нельзя сразу измениться к лучшему. Понуждайся молиться за тех, против которых немирна*

Христос воскрес!

Сестра о Господе Иустиния!

Письмо твое от 26 апреля сего года получил. Брату не советую еще жениться — рано.

Нельзя сразу измениться к лучшему, а потому и смущаться на свое духовное совершенство не следует. По пословице: «В мутной воде рыбу ловят» и враг нападает на неразумных смущением, чтобы легче уловлять потом их в свою волю. Если и не исправляешься, то все-таки открывай мне свои немощи, облегчай их исповеданием мне как получившему власть от Господа вязать и решить. Понуждайся молиться за тех, против которых немирна.

Бог простит во всех описанных тобою грехах, и аз прощаю и разрешаю. Если отпустят тебя в Оптину, то можно приехать.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

19. *Если боишься смерти, то готовься к ней покаянием и исповедью. Не вспоминай исповеданные грехи. Злопамятность большой вред приносит душе*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Послушница Иустиния!

Душевного спасения тебе желаю. Письма твои получил. От болезни твоей Господь да исцелит тебя. Молись и проси у Него помощи.

Теперь лечись, а постом можно оставить — посмотреть, что будет. А уж смерть свое возьмет, хоть ты всех докторов объезди. Поэтому если боишься смерти, то надо стараться при-

готовавливаться к ней и покаянием и исповедию очищать свои грехи. Если что неисповеданное есть на душе, то непременно надо исповедовать. Прежние грехи не вспоминай, но молись Богу, чтобы изъял их Господь из памяти твоей, и добрыми делами старайся угождать Ему. С сестрой той непременно надо в душе примириться и никакой обиды не иметь на нее. А то злопамятность большой вред приносит душе.

Приехать к нам Бог благословит, когда удобнее для вас. Мир тебе и Божие благословение.

20. *Осуждение происходит от гордости, а гордым нет места на небе. За осуждение, укорение, гордость и ропот можно лишиться награды в жизни загробной*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Сестра о Господе Иустиния!

Проситесь у игумении жить вместе с сестрой в одной кельи. Ты пишешь, что осуждаешь, но ведь это от гордости осуждаешь. А за гордость, помни: все труды и подвиги — все пропадает. Гордым нет места на небе — но во аде с бесами. Подумай об этом хорошенько. За осуждение, укорение, злопамятность и за гордость никто не будет наследником Царствия Божия. Если не исправится таковой, то не миновать ему геенны огненной.

Рубль получил, спаси Господи. Пишешь, что трудно работать, и келья сыра, и голова болит — вот за это-то ты и была бы причтена к лику мучениц, а за осуждение, и укорение, и ропот лишишься награды в жизни загробной. Положи начало — не осуждай, не укоряй, не злись, не гордись, не ропщи, за все Бога благодари.

Испрашивая на всех вас мир и Божие благословение, пребываю к вам с благожеланием.

21. *Грехи исповедуй не священнику, а Самому Господу. Покая на земле не будет, он для всех святых — на небе*

Иустиния!

Батюшка отец Амвросий при скуке говаривал так:

Скука — унынию внука, а лени — дочь,
Чтоб отогнать ее прочь,
В деле потрудись, в молитве не ленись:
Скука пройдет, и усердие придет.
А если к сему терпения и смирения прибавишь,
Тогда от всех бед и зол себя избавишь.

Попробуй применить к себе этот совет, и увидишь пользу. Ты грехи-то свои исповедуй не священнику, а Самому Господу, только без утайки, от всего сердца. Священник представляет посредника между тобою и Богом, а потому польза исповеди зависит от твоей чистосердечности. Если будешь исповедовать лукаво у чудотворца, то пользы не будет душе, и наоборот. Так грешно думать о священниках в таинстве Покаяния. Не каждый священник может давать нужные советы монашествующим, и только, а исповедь твоя тут ни при чем. Ты описала свои грехи, значит, и знаешь, что их не надо делать, а для этого проси у Господа помощи, смирайся, никого не суди, а только себя одну: храни от соблазна зрение и другие чувства, чрез которые в душу лезет всякий мусор. Понудишь себя, то с помощью Божией и исправишься, но покоя на земле не будет, он для всех святых — на небе.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

22. *Скорби ведут на небо*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Сестра о Господе Иустиния!

Пишешь, что скорби и скорби и о том только и думаешь, что скорби. А скорби ведут на небо! Так устроено Богом для очищения грехов и недопущения до больших проступков и для получения вечно радостной блаженной жизни на небе. А ты обижаешься на Бога, что Он в рай тебя как бы насильно тащит, а ты эти маловременные скорбишки часто-часто сравнивай с адскими огненными мучениями бесконечными, которые ты заслужила грехами. Одумайся и скажи: «Господи, благодарю тебя за скорби. Мало мне, грешной, этих скорбей, пошли их больше мне, только избавь от вечных мучений и томлений бесконечных».

Испрашивая на тебя и сестру твою мир и Божие благословение, пребываю к вам с благожеланием.

23. ***Старцы в дни бдений отменяли келейное правило. Внимательно молиться свойственно только Ангелам. Если плачешь в церкви, то старайся, чтобы это было незаметно для других. Если в душе на всех кипит зло, это признак самолюбия и тщеславия***

Достопочтенная о Господе мать казначея Магдалина! Письмо твое от 13 мая получил. Пишешь, что случилось кряду три бдения, и ты совершала в это время келейное правило и очень уставала. — Дело естественное. Но наши покойные старцы в бденные дни ради трудности службы отменяли келейное правило. Можешь и ты так же поступать.

Жалуешься на рассеянность, что не можешь всегда внимательно молиться. — Да всегда внимательно молиться и никто из живущих на земле не может. Это, по замечанию святого Иоанна Лествичника, свойственно только Ангелам¹⁹.

Плачешь иногда в церкви. — Ну что же делать, когда слезы сами льются? Старайся как-нибудь, чтобы это не очень заметно было для других. А иногда, при случае, можешь кому-нибудь сказать, что у тебя нервы слабы.

Тяготишься казначейскою должностю, находя себя неспособною. — Да ведь м. игумения с тебя не взыскивает. Стало быть, и смущаться не следует, и не должно задумываться о том, что ты неспособная. Бог вразумит и поможет в делах, если будешь прибегать к Нему в молитве. Из монастыря выходить не следует с тем, чтобы по избрании казначеи опять вернуться в него. Это вражьи помыслы.

Смущаешься, и в душе кипит на всех зло. — Это от самолюбия и тщеславия. Старайся всегда считать себя пред Господом хуже и грешнее всех на свете и молись в это время: «Господи, помилуй нас грешных», разумея и себя, и тех, на кого гневаешься.

Мир тебе и Божие благословение.

¹⁹ *Иоанн Лествичник, прп. Лествица. Слово 4, гл. 92.*

24. *Молитва с самопонуждением — в нашей воле,
а молитва с умилением — от Бога.
Нельзя прекращать даже рассеянную молитву.
Скрывай слезы от людей. За одно осуждение
ближних душа может погибнуть*

Достопочтеннейшая о Господе матушка казначея Магдалина!

Письмо твое от 11 июля получил. Пишешь, что от лени и от усталости не исполняешь иногда молитвенного правила, так и засыпаешь, и просыпаешь. — Должно лень от усталости отличать. Если устала и заснула от бессилия, то укоряй себя больше пред Богом, и кайся, и смиряйся. Если же ты не устала, а просто не хочется молиться, то это уже лень, тут должно понуждать себя к молитве, хотя бы она была и рассеянная. Молиться с самопонуждением состоит в нашей воле, а молиться с умилением зависит от Бога. Мы же должны молиться молитвою, какою можем, а за самопонуждение Бог даст и умиление в свое время, когда Ему благоугодно будет.

Еще пишешь, что во время молитвы некоторые слова особенно трогают и ты повторяешь эти слова по несколько раз, а затем молишься своими молитвами или словами. — Такой способ моления не отрицается, а напротив, затворник епископ Феофан поощряет к такой молитве. Или так только плачешь, ничего не читая. Все-таки должно плакать хоть с мыслию, что безмерно прогневала грехами Господа и боишься страшного наказания.

Рассеиваешься иногда при молитве Иисусовой. — Трудно, чтобы никогда не рассеиваться. Это свойственно только совершенным, а мы с тобой люди грешные. На языке, говоришь, молитва, а на уме бог весть что, и потому думаешь, не оставить ли в таком случае молитву. — Нет, не оставляй. Лучше сухим хлебом питаться, нежели оставаться совсем без хлеба.

Слезы скрывай от людей, сколько можешь. По замечанию покойного батюшки Амвросия одной монахине, можешь иногда кому-нибудь сказать, что у тебя появляются слезы от слабости нервов.

Чтобы помыслы тщеславные, как и другие худые, не приходили, это невозможно. А только следует с ними бороться и при помощи Божией отгонять их. Так ты и делай, и впредь так поступай.

Чтобы чувства были, а слез не было, этому научить тебя не умею.

Келейную твою жаль. Молись о ней усерднее, чтобы Сам Господь наставил ее на путь добра и истины. А когда будет передавать тебе сплетни, каждый раз замечай: «А помнишь, ты обещалась мне сплетни не передавать? Ведь за одно осуждение ближних могут погибнуть души наши». Пусть она от твоих замечаний и похворает несколько. Это не беда, для души ее полезно.

К Лидии отдельно буду писать.

Испрашивая на тебя и на ближних твоих мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

P.S. Прежнее письмо твое июньское получил. К тебе пишу в Ярославль.

Против помыслов осуждения хорошо и молиться молитвою святого Ефрема Сирина: «Ей, Господи Царю, даруй мне зрети моя согрешения и не осуждати брата моего» или сестру мою и прочих.

25. *Господь ждет от нас не безгрешия, а покаяния.*

Тишина и мир помыслов во время слезной молитвы есть дар Божий. Наличие денег не мешает спасению человека, равнодушного к ним.

Подавать милостыню следует по силе и возможности. О наружном и внутреннем послушании. Как бороться с гневом и осуждением

Достопочтеннейшая о Господе матушка казначея Магдалина!

Письма твои от 5 и 17 сентября получил. Пишешь, что уже не хотела писать ко мне, грешному, до тех пор, пока не научишься делом выполнять мои советы. — Но как же это с делом-то согласить? Жизнь духовная требует от проходящих оную откровения, как замечает преподобный авва

Дорофей²⁰ и другие святые отцы, а ты не хочешь писать о себе, значит, не хочешь иметь откровения. Не в том дело-то, чтобы быть исправной. Ибо пред Господом кто может быть исправен? И Господь не ищет от нас безгрешия, а ищет от нас покаяния с сознанием своей греховности и с самоукорением. Итак, не пренебрегай откровением как весьма важным врачевством от заразы греховной.

Во втором своем письме ты описала свою слезную молитву. — По замечанию опытных в жизни духовной людей, если во время такой молитвы человек ощущает тишину и мир помыслов, то это состояние есть дар благодати Божией, и если в это время поклоны мешают, то можно их оставлять. Но должно при этом помнить, что это — дар Божий, а не плод твоих трудов и усилий. Уже потому можешь о сем заключить, что когда прошло это состояние, тогда ты уже никакими усилиями не могла возратить его. А потому при подобных случаях более и более нисходи во глубину смирения, считая себя недостойною такого дара небесного из-за бесчисленных грехов своих, содержа в уме сие: «Всех превосхождѹ грехом, кого научу покаянию? Аще воздохну, яко мыгѣрь, нещѹю²¹ отягчѣти небеса. Аще слезѹ, якоже блудница, оскверняю слезами землю. Но даждь ми оставление грехов, Боже, и помилуй мя»²². При этом еще помни, что кому дано много, с того и много взыщется. А потому взывай ко Господу от сердца, да не послужит тебе дар сей во осуждение на Страшном Суде Его.

Написала ты, что благодатное состояние перешло и опять молитва стала с рассеянностью. Этим не смущайся. Так бывает со всеми желающими жить благочестно. Господь порадует человека Своею благодатию, а потом оставляет человека при его немощных силах, чтобы, во-первых, он видел свое ничтожество, а во-вторых, чтобы не обленивался, а трудился с самопонуждением, ища и прося благодати.

²⁰ См.: *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения и послания. Вопросы прп. Дорофея и ответы, данные на них святыми старцами Варсонофием Великим и Ионном Пророком. Ответ на вопрос 69.

²¹ Нещѹю (цсл.) — думаю.

²² Стихира на стиховне, глас 2-й, во вторник на утрени // Октоих, глас 2-й.

Написала еще ты, что прервала свою ночную молитву, чтобы не проспать утреню. Да уж и Господь сказал: *Сие творите и онаго не оставляйте* (ср.: Мф. 23, 23). Мне думается, что дать себе хоть краткий отдых — проще будет. Держись более самоукорения.

Описала ты еще свой сон. — Снам вообще доверять не следует. Но молиться преподобному Серафиму можно, и если угодник этот Божий увидит, в какой ты нуждаешься помощи, то и поможет.

Послушница Евстолия, молитвенница, боится впасть в прелесть. — Пусть она держится боголюбезного смирения, считая себя в чувстве сердца грешнейшею всех людей, и тогда в прелесть не впадет. Ибо, по замечанию святых отцов, «смирение непадательно». Правило ночное с поклонами пусть определит себе сама, по своим силам, и держится его. Если пятьсот поклонов класть необременительно, пусть кладет. А то можно и уменьшить. Только чтобы держала умную молитву с сердечным смиренным расположением евангельского мытаря: *Боже, милостив буди мне, грешной* (ср.: Лк. 18, 13)! Послушания своего, успокаивать странных и сестер, пусть не оставляет. Они — молитвенницы ее. Разве если бы почувствовался перерыв молитвы, тогда можно бы несколько уединиться, дабы возгреть молитву. За делами ей приходится опускать службы и келейное правило и нарушать пост. Пусть за это укоряет себя пред Господом и кается, но отнюдь не смущается. Послушание паче поста и молитвы. Во время ночной молитвы враг наводит на нее разные страхования. Это обычная демонская уловка. Но, по замечанию преподобного Иоанна Лествичника, при молитве и крестном знамении не следует сего бояться, а должно все это презирать²³.

Писать же ко мне о более нужном можно, но только скорых ответов не обещаю, а как Бог укажет и поможет.

Матушка Магдалина! Забыл написать тебе еще о деньгах. — Не деньги виноваты, а пристрастие к деньгам. Мало ли было царей и князей, которые жили в богатстве. Но так как

²³ См. его Слово 21: О малодушной боязливости или страховании, гл. 7.

они не имели пристрастия к богатству, то и оказались в лике святых, о чем свидетельствуют их нетленные мощи. Можно жить и в крайней бедности и в то же время иметь пристрастие или сердечную привязанность к богатству, и чрез это одно душа может погибнуть, если человек при жизни не раскается в этом грехе. Можно и, наоборот, иметь деньги и не иметь к ним пристрастия, т. е. есть ли они, нет ли их, человек бывает равнодушен, — тогда и деньги не помешают его спасению. Подавать же милостыню нуждающимся следует по силе и возможности. Преподобный Варсануфий Великий говорит: «Если кто не даст нуждающемуся самому ему нужной вещи, тот не погрешит»²⁴.

Мир тебе и послушнице Евстолии и Божие благословение.

Р. С. Приходящих к тебе за советом и утешением сестер не презирай. А сначала молитвенно воздохни ко Господу и скажи мысленно: «Господи! За молитвы пришедшей ко мне сестры вразуми безумие мое сказать ей слово на пользу». И говори, что Бог пошлет тебе на сердце. Потом укоряй себя в том, что людей учишь, а сама не исполняешь того, чему учишь, и молись в уме, чтобы не послужило это к твоему осуждению, как и мною написанное к осуждению моему.

Написала ты, матушка Магдалина, что послушница обители вашей Варвара говорит, что смирения у нее нет, а послушание есть. Так говорит она от непонимания дела. Слово «послушание» имеет двоякое значение: в первом — послушание как добродетель, а во втором — самое дело, которое исполняет послушник, у нас обычно тоже называется послушанием. Бывает же иногда так, что послушник в точности исполняет порученное ему дело и в то же время не имеет добродетели послушания. А бывает это тогда, когда он, аккуратно исполняя дело, ропщет, гневается и осуждает тех, которые поручили ему дело. В таком случае бывает только одно наружное послушание без внутреннего. Это все то же, что тело без души — гниющий зловонный

²⁴ *Варсонофий Великий и Иоанн Пророк, прпт.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. Ответ на вопрос 627.

труп. Должно соединять наружное послушание с внутренним, то есть принимать повеления от начальствующих как от Самого Господа и исполнять оные в простоте сердца, без гнева и ропота, хотя бы оно и противно было желанию и сердечному расположению послушника. Тогда и добродетель послушания появится. И так как, по замечанию святых отцов, от истинного послушания рождается смирение, то при послушании не замедлит сказаться и смирение. Все же это приобретается не вдруг и не в скором времени, а чрез многие годы при постоянном внимании к себе и всегдашнем самопонуждении к добру и при усердной молитве к Господу о помощи. Ибо Господь сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

Старец сказал Варваре, что не должно обращать внимания на мелочи. По описанию твоему Варвара гневлива, а гнев — в числе смертных грехов. Разве это мелочь? Она осуждает людей. А Господь сказал: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1). Значит, кто судит, тот и сам будет судим и осужден на вечные муки. Разве это мелочь? Осуждение происходит от гордости, матери всех пороков. И это мелочь? Посоветуй-ка Варваре вступить при помощи Божией в борьбу с сими страстями. Бороться же должно, во-первых, молитвой усердной. Как только почувствует в себе гневливость, тотчас должна уединиться, пасть на колени пред святыми иконами и произносить такие молитвенные слова: «Спаси, Господи, и помилуй любезнейшую мать мою или сестру (имя) и ее ради святых молитв спаси и меня, окаянную грешницу». Так молиться до тех пор, пока утишится гнев. Во-вторых, должно открываться о сем старице какой-либо, хоть тебе, м. Магдалина, или Евлалии, и притом с самоукорением и самоуничижением.

О розданных же ею деньгах скажи, чтобы она не жалела о них, да прочитай ей, что тебе о них написал.

Против осуждения должно молиться молитвою пр[еподобного] Ефрема Сирина: «Ей, Господи Царю, даруй мне зрети моя прегрешения и не осуждати» мать или сестру мою и прочее.

Господь да благословит Варвару на благое.

Молиться же должно особенно во время сильного движения гнева и других страстей. Молитва: «Дух гордости и тщеславия, гнева и хулы отжени от меня, Господи, дух же смирения и терпения даруй мне, окаянной рабе Твоей»²⁵. Хорошо так молиться с поклонами, а помыслы гордости, тщеславия, гнева, и хулы, и осуждения открывать старице.

26. Всегда между страхом и надеждой проводи свою жизнь, призывая на помощь Господа и смиряя себя. Пятисотницу можно справлять по частям. Послушание есть великая добродетель

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Сестра о Господе м. Магдалина!

Милости Божией и душевного спасения тебе желаю. В трудах и подвигах твоих душевных и телесных помощи Божией желаю.

Письмо твое получил. Пишешь о согрешении. Господь да простит тебя. Случай сей да научит тебя *не высокая мудрствовать, но смиренными водитися* (ср.: Рим. 12, 16). Ибо не усилия наши, не труды, не время избавляют нас от страстей, а благодать Божия, которая ниспосылается только смиренным²⁶. Сие всегда помни и никогда не полагайся на себя, хотя бы и много лет не тревожила тебя страсть, ибо и чудотворцы, и великие постники внезапно были побеждаемы и низвергаемы страстию. Но всегда между страхом и надеждою провождай свое житительство, призывая на помощь Господа и смиряя себя всячески. Исповедуй сей грех духовному отцу, и по милости Божией следа не будет от него на душе твоей.

Кто ходит, того не отвергай, учи и Богу молись. За каждую можно и не класть поклонов, а всех вместе поминай, а при этом больше и больше себя укоряй, вспоминая падения свои.

²⁵ Ср. из молитвы прп. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...»: «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему».

²⁶ Ср. Притч. 3, 34: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать*.

Пятисотницу старайся не оставлять. Можно и по частям справлять ее.

Паше и Евстолии благословение посылаю. Господь да поможет им в трудах. Зачем же Паша собирается уходить? Надо и помысел сей прогонять от себя. Послушание есть великая добродетель. И если вред какой думает она получить от послушания, то благодать Божия покроет ее, только чтобы сама не предавалась нерадению и беспечности.

Испрашивая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием.

27. Кто свои подвиги замечает и труды считает, тот в гордость впадает. От считающего себя безгрешным Господь молитвы не принимает. Кроткое обращение с ближним скорее достигает цели

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Сестра о Господе м. Магдалина!

Милости Божией, и душевного спасения тебе желаю, и помощи Божией в трудах твоих.

Письмо твое получил. Слава Богу, что познаешь свои недостатки. Это есть начало здравия души. То же и Евстолии пишу, чтобы больше грехи свои и неисправления замечала, а не подвиги. Кто свои подвиги замечает и труды считает, тот в гордость впадает. А кто видит свои только грехи и кается в них, тот получает милость Божию, как и Господь указал в притче о мытаре и фарисее (см.: Лк. 18, 9–14). Скажи ей это, и пусть она не унывает, что у нее не стало ни молитвы, ни подвигов. Те подвиги, о которых она много думала, не подвиги были, а искушения от врага на ее пагубу. Пусть она считает себя ничего не стоящей, самой последней и грешной, пусть всегда кается о своих недостатках и неисправлениях и смиряется пред всеми, и это будет Господу приятнее всех ее самочинных подвигов. Не трудам, а смирению дает Господь награду. Правило же молитвенное назначь ей по своему усмотрению и по силам ее, и чтобы она сама ничего себе не прибавляла без твоего благословения. Принимай со снисхождением и, выслушивая немощи, укоряй

себя, ставя себя хуже ее, и не вознось мыслию. Скажи ей еще, что кто не считает себя грешным, от того Господь и молитвы не приемлет. Господь да помилует ее и исцелит от душевной болезни. Посылаю ей благословение и желаю спасения и мира души.

Пишешь, что твое усердие пропало. — То и ты укоряй себя, и покаяние Богу приноси, и нерадивой себя считай, и по силе своей себя на труды понуждай.

Варваре говори, что находишь нужным, только одной, а не при всех, и с кротким духом. Кроткое обращение скорее достигает цели.

Племянника твоего Сергия да помилует Господь и укрепит здоровье его.

Паше благословение посылаю. На горение духа и на усердие в молитве пусть со смирением смотрит. Это дает Господь по милости Своей, а если гордиться этим будет, то отнимется у ней это. Говорить молитвенные чувства духовной матери следует, а рассказывать каждому не должно.

Просить у родных, в чем имеешь нужду, можно.

С келейной своей обращайся мирно, носи немощи ее и считай себя грешнее ее. Необходимое же надо говорить.

Паша пусть понуждает себя ко всему: и к молитве, и к чтению, и к послушанию. Нүждницы наслѣдят Царство Небесное²⁷.

Призывая на всех вас мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

28. *Как молиться о тех, кто просит молитв*

Христос воскрес!

Сестра о Господе м. Магдалина!

Милости Божией и душевного спасения тебе желаю.

В трудах твоих да поможет Господь и вразумит полезное сказать вопрошающим. В описываемых недостатках да простит Господь и помощь благодатную к исправлению подаст.

²⁷ Ср. Мф. 11, 12: *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (в синод. рус. пер.: *Царство Небесное силою берется, и упо- требляющие усилие восхищают его*).

Что заказала обедню по родным, это неплохо. Сестрам надо бы исполнить волю отца относительно долга. А ты уплачивай его долг, молясь за него.

Если кто просит тебя помолиться, то довольно сказать ему в ответ: «Спаси тебя Господи». Или на молитве помянуть раз. Конечно, если усердие имеешь, можно и в помянник записать, но если всех просящих так поминать, это невозможно будет. В церкви молятся о всех, заповедавших нам, недостойным, молиться о них, — вот и клади поклон. Конечно, благодетелей надо и поименно поминать.

Что за священника помолилась ради послушания, это хорошо, но радоваться не надо с мыслию, что по молитвам твоим избавил его Господь. Надо более смиряться и считать себя непотребною.

Евстолии посылаю благословение. Господь да подаст ей мир ненарушимый, который чрез смирение приходит.

Призывая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

Книг еще не нашлось. У нас нет, а писал в Москву, не отвечают. Думаю, что ответят, тогда напишу.

29. *В самохвалении и самооправдании кроется непокорность и гордость. Согрешив, немедленно приноси сердечное покаяние. Веруй, что и твои грехи потонут в бездне Божественного человеколюбия*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Душе моя, вскую²⁸ смущаеши мя, уповай на Бога,
Той спасение твое есть.

И сама подвигнися к исправлению себя
п-о-н-у-ж-д-е-н-и-е-м.

Честнейшая м. казначея Магдалина!

Грешное письмо твое, то есть с погрешностями, получил. Бог, *вземляй грехи* всего мира (ср.: Ин. 1, 29), веруй, что и твои погрешности потонут в бездне Божественного человеколюбия. Только при этом старайся хранить ум и сердце от пищи ветхого человека. Но если и придется когда вкусить

²⁸ Вскую (*цсл.*) — зачем, почему, ради чего.

от запрещенного плода, как то: гнев, ярость, осуждение — после не оправдывай себя, как Ева говорила Богу: «Змий меня соблазнил, значит, он и виноват, а мне-де какое дело»²⁹. В словах самохваления и самооправдания всегда кроется непокорность и гордость, чего отвращается Бог.

По согрешении немедленно надо «бежать». Скажешь: куда же? — К тихому пристанищу сердечного покаяния. Каждый вечер перед сном выскажи Богу Сердцеведцу все свои погрешности, соделанные в деле, слове, в помыслах. И верь, что Бог принимает твое сердечное покаяние, при этом старайся сокрушать свое сердце памятию внезапной смерти. Вот как случилось у нас. Один иеромонах умер на праздник Рождества Христова. Все служащие, то есть иеродиаконы и иеромонахи, в два часа дня ходили поздравлять отца архимандрита, пили чай и прочее утешение праздничное, затем были все у нас в скиту, тоже угощение. Ушли из скита часа в три с половиной, а в четыре часа уже не стало одного иеромонаха. Никак нельзя было подумать, что он чрез час умрет. Паралич пал на сердце, и омертвело. Он, конечно, милости Божией не лишился, ибо ездил за послушание в село служить, то есть, значит, приобщался Святых Таин в день трехдневной Пасхи, но живущим-то назидательный и даже выше урок. Так и ты говори себе: «Бедная Магдалина, а ну-ка твою душу поймуй в ночь сию. Куда пойдешь?»

Не смущайся тем, что писано то и это рукою другого письмоводителя, ведь я знаю, кому поручаю. Тот письмоводитель заболел. Одной монашенке, вроде тебя, духов[ному чаду], говорят другие при получении ею моего письма: «Да ведь это письмо писал не батюшка». А она по своему благоразумию отвечает им: «Для меня безразлично, кем бы оно ни написано. Я пишу батюшке, и получаю от батюшки, и верую в молитвы батюшки, и получаю желаемое по мере моей веры».

Говоришь: сестры обижаются, что долго приходится им ждать заниматься с тобою. Да ты не растягивай разъяснения и покороче говори. Варвару Владимировну не очень ласкай, а то нехорошо. Бог да простит тебя.

Мир тебе и Божие благословение призываю.

²⁹ См.: Быт., гл.3.

**30. Покаяние оmyвает все согрешения.
Делай все спокойно и без раздражительности.
Душа без молитвы чувствует голод**

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Сестра о Господе м. Магдалина!

Милости Божией и душевного спасения тебе желаю. Получил от тебя четыре письма. В трудах твоих да поможет Господь, и укрепит силы душевные, и ревность с усердием ко спасению подаст. В описанных погрешностях да простит Господь и покаяние искреннее даст тебе. А покаяние оmyвает все согрешения.

С келейной мир да будет у тебя. Неприличные поступки надо исправлять, требовать надо, а не слушается, то можно и м. игумении сказать. Если одной тебе неприятно, то можно и потерпеть, а если другим приходится терпеть из-за нее, то надо останавливать. Что за сестер заступаешься и заботишься о них — это хорошо, тут и прощения нечего просить. Только лучше делать все спокойно, без раздражительности.

Пишешь, что плохо исправляешь свои правила. Бог простит, но понуждаться надо. Если не исправляешься, то больше смиряться и укорять себя.

Чувство благоговения всегда надо скрывать, напоказ это не следует делать. И в споры относительно религии лучше не вступать — это дело не твое.

Если видишь, что иную сестру лучше не принимать на беседу, то можешь отказать, это на твоей воле, тебе виднее.

3 р. получил, и монахиню Марию поминаем о упокоевании. Память смертную да подаст тебе Господь³⁰. мрачное настроение очень может быть от небрежения о молитве, ибо без молитвы душа чувствует голод.

Здоровье мое теперь ничего, в церковь хожу, прогуливаться выхожу.

Отец Зосима благодарит за память и за поклон, и тебе кланяется, и просит молитв о себе. Евстолии, Варваре Вла-

³⁰ Ср. Молитва 7-я св. Иоанна Златоуста: «Господи, даждь ми слезы, и память смертную...», из молитв на сон грядущим.

димировне, Паше и Варе и посылаю благословение, и помощи Божией им желаю.

Призывая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

С праздником обители вашей поздравляю тебя.

**31. *Сокрушение сердца есть половина исправления.
Не сразу все делается, а с трудом и терпением***

Христос воскрес!

Сестра о Господе м. Магдалина!

Милости Божией и душевного спасения тебе желаю. Получил твои три письма. В трудах твоих духовных и телесных да поможет Господь, и укрепит твои силы, и усердие подаст тебе. В прегрешениях, вольных и невольных, да простит Господь. Это хорошо, что зазираешь³¹ себя в них и каешься. Сокрушение есть половина исправления, которое и полностью да подаст тебе Господь.

С духовными твоими да поможет тебе Господь умудряться. Больше к смирению склоняй и к сознанию. Можно и понести немощи их и неисправности, потому что не сразу все делается, а с трудом и терпением. Но от сплетен старайся отучать, чтобы говорили о себе, о своих немощах, а не других осуждали. Обижаться на тебя за то, что с другими лучше обращаешься, никто не должен. Это не ихнее дело. А то можно таких обидливых и не принимать некоторое время, да исправятся в мыслях. И очень потрафлять³² им нет надобности. Делай как делаешь.

Упущенную пятисотницу на другой день можно не исправлять, а просто приносить покаяние в упущении и быть исправнее по возможности.

Требовать, чтобы со слезами исповедовались, — это чудно.

Для усмирения певчих можно с ними иногда стоять. И себе проси терпения и кротости, чтобы не раздражаться.

³¹ Зазира́ти (цсл.) — упрекать, осуждать.

³² Потрафля́ть (устар.) — угождать.

Получил в письме 3 р., и записали на поминавание новопреставленного архимандрита Порфирия, также и новопреставленного Иакова да помянет Господь во Царствии Своем.

Призывая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

32. *Помыслам высокоумия противопоставляй помыслы смиренномудрия. Вся наша земная жизнь должна проходить в борьбе со злом*

Матушка Магдалина!

Спрашиваешь, как сделать, чтобы считать себя за ничто. Помыслы высокоумия приходят, и нельзя, чтобы они не приходили. Но должно им противоборствовать помыслами смиренномудрия, как ты и делаешь, припоминая свои грехи и разные недостатки. Так и впредь поступай. И помни всегда, что и вся наша земная жизнь должна проходить в борьбе со злом. Кроме рассматривания своих недостатков можешь еще и так смиренномудрствовать: «Ничего доброго моего у меня нет, и никаких своих преимуществ я не имею. Тело у меня не мое, оно сотворено Богом во чреве матернем. Душа дана мне от Господа. Потому и все способности душевные и телесные суть дары Божии. А моя собственность — только одни мои бесчисленные грехи, которыми я ежедневно прогневляла и прогневляю милосердие Господа. Чем же мне после этого тщеславиться и гордиться? — Нечем». И при таких размышлениях молитвенно проси помилования от Господа. Во всех же греховных поползновениях одно врачевство — искреннее покаяние и смирение.

33. *Вступающие в брак по влечению страсти чаще всего бывают несчастливы в жизни. Окружающие нас обстоятельства устраиваются не случайно, но по Божиему Промыслу*

Сестра о Господе Лидия!

Получил твое письмо от 13 июня. В каждом письме ты все пишешь: жду ответа с нетерпением. А я тебе скажу: если хочешь ко мне относиться, то должна обучаться терпению.

Ибо у меня кроме твоих писем лежат сотни писем от других лиц, с терпением ожидающих ответа.

Просишь ты от меня, грешного, благословения относиться к моей худости. Но ведь тебе не запрещается писать ко мне письма, и я при удобном случае, хотя нескоро, не отрицаюсь отвечать тебе на оные. Это и есть духовное отношение, на которое уже поздно просить разрешение, так оно и без того продолжается.

Пишешь, что вследствие сильного искушения чуть не вышла из монастыря. Но я хорошо не понимаю этого искушения. Может быть, ты разумеешь то, что настаивала в свое время, чтобы младшая сестра твоя вышла за мужа, который ей теперь не нравится. Но чем же он ей не нравится? Что в нем плохого? Ведь он священник, часто молится Господу за себя и за жену. Если при этом он живет аккуратно, по-христиански, то какого же еще ей желать мужа? А если ей не пришлось выбрать себе мужа по страсти или по плотской любви, то за это должна благодарить Бога, потому что вступающие в брак по влечению страсти чаще всего бывают несчастливы в жизни. И пусть она не думает оставлять своего мужа, ибо чрез это примет на душу свою великий грех. А если сестра твоя благоразумна, то всегда должна помнить мудрую пословицу: «Живи не как хочется, а как Бог велит». Как устроились обстоятельства, так и должно жить, потому что окружающие нас обстоятельства устраиваются не просто, случайно, как думают многие современные нам новомодные умники, а все делается с нами Промыслом Божиим, непрестанно пекущимся о нашем душевном спасении. И если сестра твоя желает проводить по возможности тихую и безмятежную жизнь (так как совершенный мир в сей временной жизни и невозможен), то должна прежде всего и во всем укорять и обвинять себя саму, а никак не мужа своего, и приносить покаяние пред Богом и пред духовным отцом в своих неприязненных отношениях к мужу, и молиться за него такою молитвой: «Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего, любезнейшего супруга моего, иерея (имя), и его ради святых молитв помилуй и меня, окаяннейшую грешницу». Вот

я написал, что должно делать для умиротворения сестре твоей, а ты ей напиши. Сама же ты к ней не ездь, потому что ты своим присутствием несколько ей не поможешь, а себя расстроишь.

Писала ты прежде, что имеешь привязанность к м. казначее. Если эта привязанность чистая, вследствие того, что получаешь от нее душевную пользу, то это ничего. Если же тут примешивается плотская страсть, то плохо — остерегаться должно.

Если м. казначея обойдется с учительницею хорошо, тебе делается неприятно. — Это ревность. Укоряй себя за это.

Читать мои письма не следует давать другим, а так можешь сказать, что найдешь нужным.

Мир тебе и Божие благословение!

34. *Если не можешь стоять в церкви по слабости, то сиди. Самоукорением и смирением восполняй свои недостатки*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Послушница Лидия!

Милость Божия буди с тобой! За поздравление твое с днем ангела спаси Господи. Поздравляю и тебя с прошедшим днем твоего ангела. Пишешь, что утешение от Господа было. Благодарю Господа и себя укоряй, считая недостойной сего. Да укрепит Господь здоровье твое и силы твои.

Спрашиваешь, читать ли тебе свои письма м. казначее. Если ты от нее не скрываешь ничего, то можно читать и письма.

Если стоять в церкви не можешь по слабости, то сиди, ничтоже сумняся и без смущения. Хоть сидя, да в храме Божиим. Укоряй себя больше да смирайся пред всеми, то это покроет и восполнит недостатки твои.

Терпения всегда проси у Господа и уповай на Него.

Испрашивая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

1 р. от тебя получил чрез Ел. Ал. Носкову из Ярославля, и панихиду по отцу Амвросию отслужили.

**35. *При болезни твори молитву сидя или лежа —
вот и церковь тебе***

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Послушница Евстолия!

Здоровье твое да укрепит Господь. Скучать и скорбеть не надо, что по болезни не бываешь в церкви, это уж по воле Божией бывает, а не [по] твоему хотению. Сидя или лежа твори молитву — вот и церковь тебе. Да благодари Господа за болезнь и переноси с терпением. На сны не обращай внимания, старайся скорее забывать про них. Пред сном читай «Верую».

Паше лучше бы не открываться тебе, а пусть все говорит м. казначее. Завидовать не надо, а укоряй себя, и старайся делать лучше, и проси у Бога помощи. К молитве приучиться помощи Господи. Понуждай себя чаще творить молитву, вот и приучишься.

Мир тебе и Божие благословение.

**36. *Никто до самой смерти не должен отчаиваться
в своем спасении. Надо прилагать попечение
о своем исправлении***

Пелагия!

Письмо твое получил. В чем застанет смерть, в том и судить будет Господь³³. А пока еще есть время, понуждайся каяться и исправляться. Никто до самой смерти не должен отчаиваться своего спасения, а потому необходимо себя всегда понуждать на исправление, и сколько бы раз ни пришлось пасть в грех, столько же раз надо спешить и встать покаянием. Если грешник не похищается еще смертию, то это значит, что к нему долготерпит милосердие Божие, но надо помнить, что смерть приходит более тогда, когда ее не ожидаем, а *смерть грешников люта* (Пс. 33, 22), то есть кончина ужаса исполнена, и потом мука бесконечна. Твои грехи немалы, а потому и попечение об исправлении прилагай побольше. На рабов Божиих больше наводит враг подозрение.

³³ Это изречение Господа Иисуса Христа не вошло в Евангелие, а дошло до нас через древних христианских авторов. — См.: *Иустин Философ, мч.* († ок. 166). Разговор с Трифоном иудеем. Гл. 47.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

37. *Старайся жить, как Бог велит, а не как все живут. В близкую дружбу не сходишь ни с кем*

Сестра Татиана!

Письмо твое и 2 р. я получил и молюсь за тебя, за Анну, Павла, за Домну и Параскеву. Напрасно так долго не писала, потому что враг не любит утверждающего гласа, а поэтому всевозможным способом отклоняет от сего. Есть два пути: *путь узкий* и скорбный, *тесный, ведущий в Царствие Небесное*; и есть *путь широкий, вводящий в погибель*, которым очень *многие идут* (ср.: Мф. 7, 14, 13). Старайся жить, как Бог велит, а не как «все живут», потому что *весь мир во зле лежит* (1 Ин. 5, 19), и еще: *много званых, да мало избранных* (ср.: Мф. 22, 14). Враг нападает на тебя тоскою и другими страстями за то, что ты не хочешь покориться ему, а когда покоришься, то еще хуже будет — быть рабой у него. Не сходишь в близкую дружбу ни с кем, а когда от кого терпеть придется, то молись за обижающих. При всяком искушении повнимательней молись Иисусовой молитвой по четкам и утешись. Когда тебя обижают, то не скорби, а когда согрешишь, тогда жалеи и поскорби пред Богом за грехи, но с надеждой на милость Божию.

Раба Анна пусть молится за мужа. Если он оставил ее и живет с другой, то ей можно и отделиться с сыном, но мужа о сем надо предупредить — авось и покается, и исправится. Если сын ее утонул не нарочно, то он теперь в числе мучеников, а поминать на молитвах, на проскомидиях и на панихидах надо, чтобы самой за это иметь милость от Господа. За судьбу свою пусть не ропщет, а благодушно все терпит, тогда ей это вменится в оправдание на Страшном Суде.

Раба Божия Домна пусть считает себя самою грешною и кается Господу, Который пришел на землю и мучился не за праведных, а за грешных, а поэтому грешник тогда противен Богу, когда отчаивается в своем спасении. Пусть надеется на Господа и спасется по Его великой милости. Надо ей получше каяться на исповедах и приобщаться Святых

Таин во все четыре поста в году. Пусть учится молиться во время работы.

Раба Божия Параскева пусть просит терпения и не ропщет, чтобы не лишиться вечного покоя. Можно ей пособоваться маслом³⁴.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

38. *Смирение заменяет недостаток дел*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Послушница Татиана!

Милости Божией и душевного спасения тебе желаю. В трудах твоих да поможет Господь. Пишешь, что утешение получила от письма. Старайся больше смиряться да людей не осуждать, то и утешать Господь будет. Начало исправляться каждый день надо полагать и просить у Господа помощи. А в чем неисправна бываешь, то надо покаяние приносить и укорять себя. Сверх силы не делай, это нехорошо. Если можешь, старайся все исполнять положенное, а если немощ одолеет или почему-нибудь времени не будет, то можно и оставить, и приносить надо Богу покаяние в этом. Смирение заменяет недостаток дел, а паче меры понуждение к расстройству ведет. Лучше старайся поменьше брать чужой работы, а то нехорошо ради работы оставлять правила.

Поготовиться и Святых Таин приобщиться Господь да благословит. Если имеешь расположение, то можно и к новому идти священнику на исповедь.

За двух новопреставленных Иулианий получил 5 р. и 1 р., и поминаем.

Рабе Божией Феодосии благословение посылаю. Сына ее Кондрата да помилует Господь и от распутной жизни да избавит. Пусть о нем Богу молится. Не надо матери давать ему денег, пусть лучше добывает сам, идет в люди жить. Может быть, там и одумается.

³⁴ Во время таинства Соборования, или Елеосвящения, семикратно помазуются отдельные части тела елеем (освященным растительным маслом) и в молитвах призывается на больного Божия благодать, исцеляющая душевные и телесные недуги.

1 р. получил, спаси Господи. Родным можно повторить, если что нужно.

Призывая на тебя мир и благословение Божие, остаюсь с желанием спасения.

39. *Никогда не надо скрывать грехи или говорить о них неясно. Как избавиться от греха пьянства*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

Послушница Татиана!

Мира и душевного спасения тебе желаю. Господь да успокоит твое смущенное сердце и тишину подаст ему. Старайся больше смиряться, и за неисправности укоряй себя, и покаяние приноси, а не смущайся. Также и этим не смущайся, что пишешь часто. И тем не смущайся, что не все сказала. Да ведь и все-то выслушивать некогда мне. Что есть, можешь написать. Господь да простит тебя во всем и поможет тебе исправляться, а главное всего — смиряться. Но все-таки грехи никогда не надо скрывать или говорить неясно, но старайся объяснять так, как они были. В чем позабыла покаяться и теперь написала, Господь да простит.

За поздравление со Святой Четыредесятницей³⁵ спаси Господи.

Константина Господь да избавит от пьянства. Пусть погостит и Святых Таин приобщится. Пусть молебен отслужит Божией Матери и усердно просит у Нее помощи. В аптеке есть трава черногорка. Этой травы пусть мелко изрежет две столовые ложки полные с верхом. Пусть заварит кипятком на пять чашек, дай полчаса настояться, а потом пусть все пять чашек сразу выпьет. Можно с сахаром. 1 р. получил, спаси Господи.

И Петр пусть так же сделает, и пусть молебен отслужит Божией Матери, и сам старается удерживаться от вина. 1 р. получил, спаси Господи.

³⁵ Святая Четыредесятница — это первые сорок дней Великого поста, время строгого воздержания, покаяния и подготовки к встрече праздника Пасхи. Великий пост установлен в воспоминание сорокадневного поста Господа нашего Иисуса Христа в пустыне. Неделя перед Пасхой именуется Страстной. На богослужениях Церковь вспоминает последние дни земной жизни Спасителя.

Болящего Иакова да исцелит Господь от болезни. Надо полечиться у доктора.

Молись Богу, приноси покаяние в грехах и предавайся воле Божией. Непременно поговеть надо в этот пост. 1 р. получил, спаси Господи.

Агафии благословение посылаю. <...>

40. *Господь будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. Воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние всякой иной добродетели*

<...> Мне в письме и в ноги кланяешься, и руки целуешь. Кто я? Земля и пепел. А Господу Иисусу Христу и трех поклонов отказалась класть. Ай, ай, ай, да какое же твое неразумие и гордость!.. Желаю тебе исправиться. Помози Господи.

А сестре Татиане скажи, чтобы она прекратила окончательно гостеприимства и всякое общение с теми личностями, которые ей известны и расстраивают спокойствие ее совести. Совсем оставить, но не должно ненавидеть их, а молиться: «Господи, исправи наши сердца и ум и направи нас творить святую волю Твою». И Господь по милости Своей простит нам наши немощи и спасет Своею благодатию кающихся.

Господь будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. И нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного, если бывает *радость* Ангелам *на небеси о едином грешнике кающемся* (ср.: Лк. 15, 7).

Воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние всякой иной добродетели. Сказано: «Простите, и простится вам. Не осуждайте, и не осуждены будете» (ср.: Мф. 6, 14; Мф. 7, 1). Принуждайте себя исполнять хоть одну заповедь, данную нам Господом Иисусом Христом в лице святых апостолов: *Да любите друг друга и ближняго своего, как самого себя* (Ин. 13, 34; Лк. 10, 27). А кто мой ближний? Прочти в Евангелии от Луки главу 10-ю, стих 29–37. И будьте милосерды, и непрестанно молитесь безмолвно, мысленно в сердце, и Бог услышит и скажет и тебе, как пророку Моисею (который безмолвно молился): «Что вопиеш ко Мне?»

А вы говорите, что не слышит. «Если мать забудет отроча́ свое, то Я не забуду тебя», — говорит Господь Вседержитель (ср.: Ис. 49, 15).

Мир тебе и благословение Божие.

41. *Лучше получить наказание на земле, чем на небе*

Христос воскрес!

Мать Агриппина!

Пишешь: наскучила жизнь земная тебе. А ты забыла, что в загробной жизни ждет грешных людей? Ведь там в миллион раз трудней и скорбней, чем на земле. А в рай Божий кое-как живущих тут не впустят. Поэтому нужно заслужить прежде покаянием и слезами оставление грехов и просить Бога, чтобы дал помилование на Страшном Судилище Своем. Лучше, чтобы тут наказал, да там бы не отослал в муку вечную, заслуженную ежечасными грехами. Смиряться и исправляйся, считай себя хуже всех на свете.

Испрашивая на тебя и на всех вас мир и Божие благословение, пребываю с благожеланием.

Получил рубль, спаси Господи за усердие твое.

42. *О событиях 1905 года. Старайся удерживаться от греха и будь усердна к молитве и ко всякой добродетели*

М. св. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н.

М. Агриппина!

Милости Божией и душевного спасения тебе желаю.

Письмо получил твое. Что пишешь о царской скорби, то правда, и все истинные русские люди скорбят теперь, и одни лишь враги наши торжествуют. Что делать? Видно, много прогневали мы грехами своими Господа, вот Он и послал на нас праведный гнев Свой и наказание. Надо молиться и каяться в грехах своих и просить помощи и терпения у Господа. И кругом нас слышны нестроения, но у нас пока еще тихо. Надо стараться и себя побуждать к покаянию хоть этим страхом. Что готовились, это очень хорошо. Старайся удерживаться от греха, и усердна будь к молитве и ко всякой добродетели, и предавайся во всем воле Божией.

Скорби терпи и себя укоряй, считая за свои грехи достойной всякой скорби. Старайся других не осуждать и всегда себя виноватой считать.

Призывая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

43. ***О подготовке к исповеди***

Послушница Надежда!

В послушании Господь да поможет тебе. Об исповеди пишешь. Непременно надо сказывать духовнику все на исповеди.

Если забываешь, то проси Господа, чтобы память дал, можно раньше на бумаге записывать, а потом и прочитать.

Что исповедуешь, то и прощение получишь и с помощью Божиею в другой раз не будешь делать. А скрывать — большой грех и вред.

Кроткой и смиренной быть помоги Бог. Молись и проси терпения, кротости и смирения.

Мир тебе и Божие благословение.

Оглавление

<i>В.В. Каширина. Вступление</i>	3
Даты жизни преподобного Иосифа Оптинского ...	22
<i>Григорий Никольский. Оптинский старец Иосиф</i>	
От автора	24
I. Духовный облик старца Иосифа	28
II. Детство, отрочество и юность	32
III. На верном пути	46
IV. Оптинское подвижничество	52
V. Поступление в монастырь и духовное возрастание под руководством старца Амвросия	73
VI. Старчествование отца Иосифа при батюшке Амвросии и после его кончины	93
VII. Пастырское попечение о людях и благодатные дарования старца	103
VIII. Старец Иосиф — учитель веры и нравственности	132
IX. Старец Иосиф — скитоначальник. Келейная жизнь батюшки	154
X. Последние дни старца Иосифа. Смерть и погребение	162
Заключение	172
Источники, использованные Г. Никольским	174
Воспоминания о преподобном Иосифе Оптинском	
I. Молодые годы оптинского старца иеросхимонаха Иосифа	177
II. Воспоминания скитской братии	196
III. Воспоминания разных лиц	208
IV. Воспоминания духовного сына	237
V. Воспоминания монахинь	246
VI. Старец Иосиф и В.А. Вейденгаммер.....	252

VII. Из книги Сергея Нилуса «На берегу Божьей реки»	262
VIII. Из книги В.П. Быкова «Тихие приюты»	271

Об Оптинской смуте

I. <i>Иеродиакон Платон (Рожков).</i> Преподобный Варсонофий и оптинская смута	276
II. Из дневника послушника Николая Беляева	291

Некоторые наставления преподобного Иосифа Оптинского

I. Из воспоминаний иеромонаха Иосифа (Полевого)	294
II. Из книги «Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иосифа»	297

Письма преподобного Иосифа Оптинского, опубликованные при жизни

I. Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский и К. Леонтьев пред старцами Оптиной пустыни	309
II. Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан неправославных?	315
III. Идеально нравственный человек	328
IV. Письма оптинского старца иеросхимонаха Иосифа к послушнику	335

Избранные письма к разным лицам	340
--	-----

Оптинское наследие

Преподобный
ИОСИФ
ОПТИНСКИЙ
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ.
НАСТАВЛЕНИЯ. ПИСЬМА

/1837–1911/

В книге использованы фотографии из архива
??????

РО «Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»
249722, Калужская область, г. Козельск, ул. Западная, владение № 2

ООО «Книжная торговля «Отчий дом».
109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 16,
стр. 3, пом. 1, этаж 5, комн. 4.
Е-mail: otodom@yandex.ru.
Тел.: 8 (800) 775–39–10

Подписано в печать 00.00.2023. Бумага офсетная.
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Физ. п. л. 24.
Тираж 5000 экз. Заказ №